

74572
48405

А. Г. МИТРОШКИНА

БУРЯТСКАЯ
АНТРОПОНИМИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

40 Б-11.
М 871

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ
БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

А.Г. МИТРОШКИНА

БУРЯТСКАЯ АНТРОПОНИМИЯ

Ответственный редактор
д-р филол. наук А. В. Суперанская

але

БИБЛИОТЕКА
Калмыцкого научно-исслед.
института истории, филологии
и экономики

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1987

Митрошкина А.Г. Бурятская антропонимия. —
Новосибирск: Наука, 1987.

В монографии на обширном полевом и архивном материале исследованы бурятские личные имена в лингвистическом и этнографическом аспектах; впервые в монгольской антропонимике разработана методика накопления фактического материала. Показаны мотивы выбора и сферы функционирования бурятских антропонимов, пути пополнения именника за счет собственных ресурсов и заимствований и т.д.

Книга рассчитана на специалистов в области ономастики и монголоведения.

Рецензенты Э.Р. Раднаев, В.И. Рассадин,
В.В. Свиинин

ВВЕДЕНИЕ

Антропонимия – совокупность индивидуальных и групповых именованных людей (личные имена, имена по отцу или матери, по названию рода, фамилии, прозвища, псевдонимы) – представляет собой самый важный сектор ономастического пространства. К такому выводу приводит своеобразие образования личных имен, их функций и форм, отличающихся от языка к языку, но имеющих и общие, инвариантные моменты в ономастике всех наций и народностей. Наиболее важными сторонами систем личных имен, на наш взгляд, являются следующие. Личные имена – это слова, обозначающие и идентифицирующие самого человека. В стремлении к сохранению, продолжению и умножению рода человеческое общество немало надежд возлагало на “магическую силу” личных имен. Естественно поэтому, что выбор имени для новорожденного был теснейшим образом связан с миропониманием человека и обусловлен всей религиозно-философской системой взглядов той или иной общности людей. Имя рождалось как словесное отражение обычаев, нравов, религиозных ритуалов и их предметных атрибутов. Имя не только имеет функцию обозначения индивидов для удовлетворения практической необходимости общения в пределах определенных социумов, но и сложным образом отражает, фиксирует состояние их культуры. В свете сказанного личные имена необходимо рассматривать в системном плане.

Исследование систем личных имен определенного народа в диахронно-историческом аспекте с учетом их апеллятивных основ может дать неоценимые сведения о древнейших состояниях системы языка, о контактах народов между собою или о генетической общности их, об этнографии того или иного региона. Кстати, само изучение личных имен не может проводиться без опоры на исторические, этнографические и социальные сведения.

Научная ценность личных имен заключается в том, что нередко они оказываются единственными свидетельствами, дошедшими до нас из глубин веков, как, например, имена и титулы хуннских шаньюев. Иногда же редкие, сохранившиеся в древних памятниках нарицательные имена при сравнении с собственными именами могут привести к немаловажным выводам о генетической связи тех или иных языков.

Изучение личных имен может способствовать в известной мере разрешению некоторых проблем изменения лексической системы родственных языков. Так, табуирование личных имен по тем или иным этнографическим мотивам может стать причиной появления новых слов

взамен функционировавших ранее. Так, по свидетельству Рашид-ад-Дина, когда имя усопшего монгольского хана Толой и созвучное ему слово толи "зуркало" были табуированы, то монголы называли зеркало тюркским словом күзгү (Рашид-ад-Дин, т. I, кн. 2, 69).

В современном монгольском языке зеркало обозначается словом толь (толин), в восточно-бурятских и западно-бурятском аларском говорах – словом гэрэл (прямое, исходное значение – "луч, свет, освещение"), в качугском же говоре – словом харуур. Тюркское köz и качугское харуур образованы по одной и той же модели: köz "глаз" + gü "суффикс со значением орудия действия"; хара "смотреть" + уур "суффикс со значением орудия действия". Интересно заметить, что основа qara "смотреть" зафиксирована в древнетюркских памятниках (ДТС). При этом köz "глаз" и хара "смотреть", как видим, относятся к одному и тому же семантическому полю. В приведенных формах использованы и аффиксальный способ, и метафорический перенос, которые могут быть использованы в разных языках. Подобные материалы представляют большой интерес для алтаистики.

Личные имена в прошлом бесписьменных народов, зафиксированные в исторических документах на языках других народов, представляют собой ценные источники для исторической фонетики. Так, например, документы на русском языке, касающиеся истории бурят, могут пролить определенный свет на хронологию звуковых процессов в бурятском языке.

Предварительное знакомство с документами XVII в. свидетельствует о том, что к указанному времени перелом гласного "и" еще не начался, если находим в документах формы Нетук (СДБ, 379) вм. Нютаг, Чекодей (СДБ, 49, 50) вм. Шехөөдэй; далее, формы имеи Чино (СДБ, 379) вм. Шоно, Чипкай (СДБ, 379) вм. Шабхай свидетельствуют о том, что, во-первых, переход аффрикаты "ч" в "ш" еще не начался, а во-вторых, гласный "и" не претерпел изменения под влиянием последующих слогов. Примечательны также примеры типа Конко (1658 г., Дахаева улус – СДБ, 213) вм. Хонхо, Омокей (1690 г., Верхоленье – СДБ, 379, ср. Умхэй), Камнагадаев (1648 г. – СДБ, 268) и Хамнагадаев (1684 г., Верхоянье – СДБ, 285-286), Конгородский (1646 г., Верхоленье – СДБ, 63) и Хонгодырский (1688 г., Селенгинск – СДБ, 304). Видимо, переход заднеязычного взрывного глухого в фрикативный "х" начался в 80-х гг. XVII в., но не повсеместно (ср. Омокей). Примеры типа Цаган (СДБ, 303), Цонгодон (СДБ, 103), а также Сукичи (СДБ, 653; ср. Һүхэшэ) свидетельствуют о том, что переход "ц" в "с", "с" в "ш", "ч" в "ш" не начался. Возможно, однако, что этот процесс в антропонимической лексике проходил позже, чем в апеллятивной.

Значительная часть топонимии, равно как и микротопонимии, с посессивной, владельческой мотивацией может быть доказательно этимологизирована на базе соответствующей антропонимической номенклатуры. Так, например, значение топонимии названия русской деревни Атарай (верховья р. Лены) удалось выяснить только после того, как было обнаружено личное имя Атарай в родословной таблице бурят с. Загустай Кижингинского района (Восточное Прибайкалье), которые считают себя переселенцами из Западного Прибайкалья (Верхоленья).

В свете сказанного интересны материалы М.Н. Мельхеева, которые показывают закономерность дериваций по модели: "антропоним—этноним—топоним" (1976, 26-45). Так, ойконимы бурятского языка Бурлай, Боосогол, Ходой, Обхой, Вадагуй, Баяндай, Тэшэн, Хулууша ураг ("воровской род"), Нохой ураг ("род Нохой") и многие другие образованы от личных имен или названий родов (Митрошкина, 1974, 29-32).

В Западном Прибайкалье бурятские отантропонимические топонимы представлены более обширно, чем в Восточном Прибайкалье, где отантропонимичны главным образом микротопонимы, обозначающие места сезонных стоянок, жилья: Ильягай бууса "стоянка Илья", Буйдэры хашаа "изгородь Буйдара", Гомбын хүнды "падь Гомбы" и т.п. Кроме того, в топонимии сохраняются имена тех, кто пал в борьбе за свободу и независимость бурятского народа, например Юрьевы хотогор "лощина Юрьева" (место, где во время гражданской войны карателями барона Унгерна был расстрелян вместе со своей семьей русский революционер И. Юрьев) (Нимаев, 1974, 35).

Весьма многочисленны и многообразны модели отантропонимических топонимов в других языках.

подавляющее большинство названий населенных пунктов (ойкопимов), основанных в результате переселений людей, образуется от имен глав семей. Так, в Восточной Сибири нередки ойконимы типа Жданово, Щапово, Савватеевка, где сохраняются фамилии Щапов, Савватеев и т.п. Изучение подобных ойконимов с привлечением диалектных данных может пролить определенный свет на вопросы истории освоения Сибири выходцами из различных районов европейской части России, на проблемы топо- и антропонимической диалектологии, а также предоставить ценный материал для краеведения.

Особенно важно знание антропонимической системы соответствующего региона при изучении топонимии языков сопредельных народов. Например, в верховьях р. Лены есть русская д. Бужаево, соседствующая с д. Исеть. Название Бужаево, как выяснилось, образовано от имени бурята Бужаа подрода Нохой, который женился на русской девушке из д. Исеть, обвенчавшись с ней в русской церкви. Став таким образом ясашным (или карымом), Бужаа поселился отдельно от сородичей, как того требовало обычное право бурят.

Изучение антропонимии бесписьменных в прошлом народов, как-вым является и бурятский*, имеет большое практическое значение. В современном бурятском антропонимиконе не всегда ясны принципы выделения отдельных единиц. Так, неясно, сколько имен реализуют экспоненты типа Хатии, Хатииха, Хатиншха, Хаатъха, Хатриина, являющиеся разными формами заимствования русского имени Екатерина. С введением официальной, паспортной формы именования людей в условиях русско-бурятского двуязычия подобные имена расцениваются юридически как одно имя — Екатерина. А в прошлом, в устной традиции (да иной раз и в наши дни) они функционировали как разные имена. Это приво-

*Значительная часть западных (иркутских) бурят вообще не имела письменности; восточные буряты пользовались старомонгольской письменностью, которой владел далеко не всякий.

дит нередко к образованию одноименности в пределах одной и той же семьи, например две Екатерины в семье Шорхоевых и т.п.

Нередко ласкательная форма заимствованного имени попадает в документы, что создает путаницу. Так, в семье А. девочке дали официальное имя Эля, которое в разных документах пишут то как Энгельсина, то как Эльвира.

Все расширяющиеся культурные, политические и другие формы общения народов разных регионов земного шара, подчас с диаметрально противоположными традициями именования новорожденных и обычаями обращения индивидов друг к другу, также требуют научного и практического знания антропонимических систем. Первостепенной, как нам представляется, является задача изучения отдельных категорий имен с целью выявления сферы их функционирования в наши дни.

Тщательное описание этнографических основ антропонимических систем многонациональных государств может способствовать скорейшему складыванию единых прогрессивных традиций наречения имен новорожденным. При этом крайне необходима разработка корпуса национальных именников с учетом следующих требований к имени. Оно должно быть определенной фонемно-морфемной глубины, чтобы выполнять свою дифференцирующую функцию, и в то же время не быть чрезмерно длинным, чтобы не обременять память общающихся и не отнимать много времени на произношение. Имя должно быть благозвучным с точки зрения современных ему вкусов и не вызывать отрицательных ассоциаций не только в исконной, но и в инонациональной среде. И еще одно требование к имени: следует, как нам думается, учитывать, что личное имя является основным компонентом всех моделей именования человека. Для гармоничности многокомпонентных именований при наречении имени новорожденному нужно учитывать и сочетаемость с фамилией и отчеством, и возможности дальнейшего изменения имени (например, образования отчества от мужского имени и т.д.). Так, очень громоздки отчества от двухкомпонентных имен, особенно если и имя имеет сложную структуру: ср. Цырен-Доржо Батоочирович (от Бато-Очир), Зорикто Цыденешинмаевич (от Цыден-Еши-Нима) и т.д. Встречаются причудливые сочетания заимствований, например: Доржиева Зельда Филипповна, Холуева Азия Гавриловна или Луиза Данчиновна. Не всегда вписываются в антропонимические системы и образования от апеллятивов — названий каких-либо новых, социально значимых событий и реалий: Кино (Шоноев Чингиз Кинович), Трактор, Хубисхал (бур. "революция"), ср. также имена близнецов Рево (мальчик) и Люция (девочка).

Как видим, эпоха бурного развития и взаимопроникновения культур в многонациональном Советском государстве, активизация международных связей самых разных народов и народностей земного шара ставят перед молодой отраслью языкознания антропонимикой неотложные задачи теоретического и практического аспектов. Прав Н.А. Бельяк, который призывает: "Необходимо, чтобы наши ученые более глубоко разобрались в процессе возникновения и отмирания личных имен и выявили те силы, которые регулируют этот процесс" (1969, 8-9).

Ни один сектор ономастического пространства не таит в себе столько информации и не ставит перед наукой такое количество теоретических

и практических задач, сколько антропонимический. Это и обусловило бурное развитие антропонимических исследований за последние два десятилетия.

Рассмотрим теперь становление монгольской антропонимики. Имеются исследования на материалах как старописьменного монгольского, так и современных монгольских языков. Так, в 1956 г. в Праге П. Поуха опубликовал монографию "Секретная история монголов..." (на немецком языке), во второй главе которой подробно рассмотрены личные имена монголов, встречающиеся в "Сокровенном сказании", их структура, названия старомонгольских родов и т.д. (Poucha, 1956, 56-84).

Ц. Тафраджийска личные имена, встречающиеся в "Сокровенном сказании", подвергла анализу с точки зрения мотивации (1976).

К системе халха-монгольских личных имен обращаются такие исследователи, как И. Шуберт (Schubert, 1960), Дж. Крюгер (Krueger, 1962), Н. Жамбалсүрэн (1970), Ч. Содном (1964), которые выделили в ней древнемонгольский, ламаистский и современный пласты. Ламаистским именам, этнографическим основам их наречения у монголов-буддистов посвящены многие страницы одного из трудов А. Позднева (1887, 412-420).

Н.Л. Жуковская обращает внимание на то, что собственно антропонимическая модель монгольского языка отличается структурной простотой, почти не претерпела изменений на протяжении нескольких сотен лет и четко противопоставлена пышным титулам (1980).

Ж. Сэржээ подверг монгольские личные имена морфолого-структурному анализу в сравнительно-историческом аспекте (1980), им выделены пять способов образования имен и их комбинаций, в частности именная основа; именная основа плюс дериваты; именная основа плюс именная основа. Автор утверждает, что в монгольском именнике обнаруживаются четырехосновные имена, например Лувсан-Цэрэн-Санж-Мягав (разбивка наша).

Изучению системы личных имен у калмыков посвящены работы Г.Ц. Пюрбеева (1971), М.У. Монраева (1971, 1983), Р.Л. Сельвиной (1983), Г.С. Биткеевой (1983).

Бурятский антропонимикон стал объектом исследования с 60-х гг.; первый общий обзор его особенностей сделали И.Д. Бураев и Л.Д. Шагдаров (Бураев, Шагдаров, 1969). Позднее исследуются и отдельные стороны бурятской антропонимики. Так, А.А. Дарбеева описывает некоторые социальные моменты в именниках монголоязычных народов, а также соотношение официальных (паспортных) и неофициальных (бытовых) имен у бурят (1969, 1970). Работы Н.Б. Алдаровой (1973, 1976а-в, 1978, 1979) построены на материале, собранном методом опроса в отдельных населенных пунктах десяти районов Иркутской области и Бурятской АССР, а также на архивных материалах ряда районов Бурятской АССР, материалах Окинского и Боханско-Эхиритского отрядов диалектологической экспедиции БИОН СО АН СССР (1977 г.) и др. Ею рассматриваются: а) тематическая группировка исконных имен; б) дифференциация мужских и женских исконных личных имен бурят. Так, автор выделяет суффиксы -хан, -маа как средства образова-

ния исконных женских имен; суффиксы мужских имен -дай, -та, -ай и др.; приводит апеллятивные основы, дифференцирующие мужские и женские имена (1979, 11-18).

Исследование Л.В. Шулуновой впервые в монгольском языкознании посвящено прозвищам: статусу прозвищ, причинам появления и бытования их в онимической системе языка, их лексико-семантической, грамматической структуре, функциям, мотивации и способам образования, а также лексическим и морфологическим вариантам бурятских прозвищ (1981).

Различные аспекты бурятской антропонимии рассматривают также Ц.Б. Цыдендамбаев (1972, 1976, 1981), Л.Д. Шагдаров (1976), К.Д. Басаева (1976), Б.В. Башкуев (1981), Ж.А. Зинин (1981) и др.

Задача настоящей работы - лингвистическое описание имен, функционирующих у бурят в устной традиции за последние 400 лет (XVII-XХ вв.), на основе комплексного подхода к материалу, при котором исторические, этнографические, социальные и культурные факторы оцениваются как определяющие становление и эволюцию всей системы именования индивидов.

Впервые была разработана методика сбора антропонимического материала на местах для исследования именника народов, бесписьменных в прошлом, - путем составления антропонимических родословных таблиц (см. главу первую). Применительно к Бурятскому региону решается ряд проблем антропонимической хронологии: определены количество лет в антропонимическом колене (около 20), точка отсчета антропонимических колен (начало XVII в.). Введено антропонимическое понятие бурятского рода, и дано ему рабочее определение.

По разработанной методике начиная с 1967 г. нами проводился сбор личных имен посредством устного опроса информантов. Составлялись антропонимические родословные таблицы - по улусам в соответствии с расселением бурят, хотя при необходимости они могут быть сведены в одну, охватывающую все подроковые ответвления. Сбор материала проведен среди потомков родов Шоно, Басай, Хэнгэлдэр, Абазай, Баяндай, Ользон, Хэрмэн, Буура племени эхэрэд, рассеянных в Иркутской области, а также в Баргузинском, Кабанском районах Бурятской АССР. Из родов булагад охвачены роды Алагуй, Эрхэдээ, Олзой, Хулмээнгэ, Ноёд, Ашабагад и др. Кроме того, нами охвачены роды Шаряад, Сонгол. В Ольхонском районе Иркутской области, помисо рода Алагуй, собраи материал у потомков родов Балтай, Монгол, хагдаевцев (хагдайшуул). Имена потомков рода Хуацай представлены материалами из личного фонда Ц.Б. Цыдендамбаева. Кроме того, нами проведены извлечения из таких архивных документов, как ревизские сказки, подворные списки бурят, ведомости по крещению бурят, хранящиеся в Центральном государственном архиве Бурятской АССР и в Иркутском областном государственном историческом архиве. В общей сложности в нашей антропонимической картотеке имеется свыше 10 000 имен.

В процессе описания бурятских имен, особенно в случаях выяснения "возраста" определенного имени, мы обращались к данным "Сборника летописей" Рашид-ад-Дина, "Сокровенного сказания монголов",

"Altan Tobči". Мы с благодарностью пользовались списком имен, приведенным в названной уже работе Ч. Соднома "Монгол хүний нэрын тухай" (1964а).

Методика сбора личных имен бурят в виде антропонимических родословных таблиц потребовала больших усилий участников нескольких ономастических экспедиций, организованных из числа студентов и выпускников Бурятского отделения Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова: это Л.В. Шулунова, В.Б. Ширибазарова, Б. Бальжинимаев, М.П. Забинова, Ц.Б. Динганорбоева, Д.Д. Нимаев, Е.К. Шаракшинова, А. Андреев, Л. Габагуева, Ц. Бабуева, А. Шаглаева и др. Мы приносим большую благодарность им и всем тем, кто помогал нам в работе на местах: это зоотехник Е.Х. Богомолова (Ольхонский р-н Иркутской обл.), секретарь Качугского РК КПСС В.Ф. Антипин, директор Малокольской восьмилетней школы М.С. Липаткин, директор Тонтинской школы Е.А. Алагуева, директор Еланцинского совхоза А.А. Жербаков (Иркутская обл.); семьи С.К. и Г.Г. Баенгуевых, Б.А. Асалханова, Ж.Д. и Ц.П. Доржиевых, Р.Ф. Хушеевой, И.Б. и П.И. Хамхаевых, Н.Д. Мутеевой, Н.А. и Г.М. Богдановых, А.А. Данилова.

Исключительно трудоемкую работу проделали вместе с нами информанты – эти мудрые хранители прошлого бурятского народа, в том числе "верхних" поколений людей. Имена основных информантов приведены в Приложении.

В начале 60-х гг. автор собирал исконные личные имена казахов, хакасов и тувинцев, использованные нами в качестве материала для сравнения. Некоторые хакаские имена записаны со слов сказителя М.К. Доброва, тувинские имена – от К.Т. Нурсат (Каа-Хемский р-н), а также в семье К.-К. Сырат и других.

В выявлении апеллятивных основ многих тувинских и хакаских личных имен нам оказали неоценимую помощь заведующий Отделом языка и письменности Тувинского НИИ языка, литературы и истории канд. филол. наук Д.А. Монгуш и доцент Хакасского госпединститута В.Г. Карпов.

Отдельные разделы монографии апробированы на всесоюзных конференциях и международных ономастических конгрессах. В обсуждении первого варианта работы в группе ономастических исследований Института языкознания АН СССР приняли участие доктор филол. наук Н.А. Баскаков, А.В. Суперанская, Г.Ц. Пюрбеев, кандидаты филол. наук А.А. Дарбеева, Н.В. Подольская. Они высказали ценные советы и пожелания, которые автор учел в окончательном варианте.

Автор приносит также свою искреннюю благодарность всем коллегам по работе в Иркутском госуниверситете, которые оказывали систематическую помощь и поддержку: профессору Г.В. Тропину, доценту Ю.П. Мельнику, всем сотрудникам кафедры русского языка и общего языкознания, особенно старшему преподавателю В.Ф. Мейерову; сотрудникам отдела языкознания БИОН БФ СО АН СССР, обсуждавшим работу, и прежде всего заведующему отделом доктору филол. наук И.Д. Бураеву.

Автор благодарит доктора филол. наук А.В. Суперанскую, взявшую на себя труд ответственного редактора.

Глава первая

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА,

ПОНЯТИЙНАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Первым этапом изучения выделенного объекта, как известно, является составление программ, определение принципов накопления фактического материала.

Поставленная в нашей работе цель – комплексное исследование системы личных имен – требует подчеркнутого внимания к миропониманию бурятского народа в прошлые эпохи. На основе этого миропонимания и в связи с ним в определенных социумах создавались личные имена, которые, по определенным принципам переходя из поколения в поколение, дошли до наших дней из глубины веков. Следовательно, методика сбора материала для нашего исследования должна строиться с учетом основных особенностей образования и функционирования личных имен у бурятского народа.

Для решения поставленной задачи чрезвычайно важно охарактеризовать особенности функционирования системы имен бурятского языка в разное историческое время и на разных территориях его распространения. Соответственно ниже мы рассмотрим антропонимические диалекты бурятского языка и хронологические аспекты антропонимического исследования.

В этой же главе будут введены основные понятия антропонимики, необходимые в нашей работе, а также описаны источники и методика сбора материала, получающего в результате первичной обработки представление в виде антропонимических таблиц.

§ 1. О ПОНЯТИИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО И ПУТЯХ ИХ ОБРАЗОВАНИЯ

Изучению природы имени собственного посвящено большое количество научных трудов философов, логиков, лингвистов начиная с древних эпох. У истоков современного понимания основных особенностей имени собственного лежат мысли Г.В. Лейбница о том, что имена собственные представляют собой вторичные образования, что нарицательные (общие) слова выражают идеи, собственные же называют индивидов и отдельные объекты (Лейбниц, 1936, 240, 251). А.В. Суперанская после обстоятельного и критического рассмотрения развития теории имени собственного пришла к следующим выводам: а) имя собственное – категория лексическая, а не грамматическая; б) быть собст-

венным именем – это свойство определенной лексической категории, а не функция; в) имена собственные – это особые языковые знаки, образующие иную знаковую систему для тех же предметов из реального мира вещей, для которых создаются и обычные языковые знаки – имена нарицательные; г) связь этих особых знаков с понятиями, передаваемыми их апеллятивными основами, стремится к нулю, а с самими предметами – значительно сильнее, чем у знаков обычных; д) их основное назначение – именовать, выделять и различать однотипные объекты, в то время как основная функция нарицательных слов – называть, чтобы сообщить значение, коннотацию (1973, 107, 135–136).

Б.А. Старостин обращает внимание ономастов на следующие основные признаки имени собственного: а) инвариантность онима относительно перевода; б) повышенная способность к синтаксическому словообразованию; в) устойчивость имени собственного при экстралингвистических преобразованиях денотата, а также некоторые прикладные аспекты (1978, 34–42).

Как нам представляется, названные Б.А. Старостиным признаки являются скорее вторичными. Для нас гораздо более важен тот факт, что имена собственные имеют единичную соотнесенность в результате утраты соответствующими нарицательными словами понятийного значения и соотнесенности с классом предметов. Далее, следствием этого являются различия в грамматических свойствах, этим же обусловлена непереводаемость с языка на язык и т.д.

Учитывая вторичность образования собственных имен, необходимо кратко изложить принятое в настоящей работе понимание природы значения нарицательных слов.

В научной литературе, посвященной проблеме значения, давние споры ведутся относительно его природы. В центре внимания лингвистов, философов, логиков и психологов остается вопрос о соотношении логической категории (понятия) с лингвистической (значением слова). Можно говорить о трех основных позициях по этому вопросу. Одни авторы не видят разницы между значением слова и понятием. Так, например, А. Шафф считает, что "встречающаяся в литературе аргументация положения о различии понятий и значений слов целиком ошибочна" (1963, 278). Б.А. Серебренников полагает, что "всякие споры о различии между значением и понятием являются беспредметными. Значение слова очень тесно связано с минимумом дифференциальных признаков. Если этот минимум выражает понятие, хотя и узкое по своему объему, то почему же значение должно представлять категорию, отличную от понятия?" (1970, 53). На этих же позициях находятся Л.С. Ковтун (1955, 77), Е.М. Галкина-Федорук (1956, 21).

Другие авторы, в частности Б.П. Ардентов, высказывают мысль о том, что "при выражении мысли в речи совсем не обязательно, чтобы ее компоненты (образы, понятия и связи) были одеты словом". Далее автор на примерах функционирования слова "собака" показывает, что слова в языке обозначают все "этажи мышления" – понятия, представления, восприятия (1965, 25–26, 29). Иными словами, идеальное содержание словесного знака в речи носит переменный характер. Аналогичное мнение высказал А.И. Федоров: "... можно считать, что

даже в языке не все содержательные знаки (слова, словосочетания) указывают на понятия, многие из них закреплены за конкретными представлениями" (1974, 10).

Интересным, не лишенным основания представляется мнение В.М. Богуславского о том, что в значении слова находит фиксацию не все содержание понятия, а только часть его (1957, 244). Аналогичное положение о соотношении понятия и значения слова развивает В.И. Безруков: он считает, что "можно вести речь не о том, что слово выражает понятие о предмете, им обозначенном и представляемом, а о том, что с помощью слов мы организуем и выражаем понятие. А это не одно и то же... Понятие формируется и реализуется на синтаксическом уровне с помощью слова как строительного материала предложения" (1976, 19, 20). Близкое мнение находим у Э.Б. Маркаряна, который заметил, что название несводимо к понятию или предмету: название охватывает только броские признаки, а сознание – весь предмет (1976, 15). Л.А. Абрамян, подходя к этой проблеме с философской точки зрения, полагает, что философский смысл проблемы значения заключается в своеобразии "символических отношений" (1976, 98).

Ряд других толкований природы плана содержания слова проанализировал Н.Г. Комлев. Если их подвергнуть дальнейшему обобщению, то можно говорить о четырех подходах к значению слова: а) отражательная концепция (А.И. Смирницкий, Ю.С. Степанов, Ф.М. Вережин); б) функциональный подход, против которого не без основания возражает Н.Г. Комлев, считая, что количество функций и количество значений слова могут не совпадать; в) понимание значения как отношения между знаком и предметом или представлением о нем, между знаком и понятием или между самими знаками; г) наконец, понимание значения как инварианта информации (1969, 5–24). Что касается соотношения значения и понятия, то о нем говорилось выше.

Многообразие принципов подхода к проблеме значения слова, видимо, отражает объективную сложность этой проблемы. В связи с задачами нашей работы мы разделяем точку зрения тех авторов, которые не ставят знака равенства между содержанием понятия (совокупностью отличительных признаков, ядром которой являются существенные признаки) (Колшанский, 1977, 108) и значением слова. В самом деле, содержание понятия "стол", видимо, включает родовой признак ("мебель"), физические признаки (наличие тех или иных частей), а также функции, тогда как в первичном значении слова стол "схвачен" один признак, связанный с действием (стлать). Как видно, содержание понятия выступает как общее по отношению к значению слова. В силу этого слово в процессе функционирования способно обретать множество значений.

По вопросу о процессе образования и о значении имени собственного с учетом сказанного о значении нарицательных слов можно отметить следующее. Существует несколько путей образования собственных имен от нарицательных. Во-первых, слово, именуемое класс, к которому принадлежит данный объект, может стать собственным именем этого объекта, если почему-либо в данных условиях это единственный объект данного класса, например: бур. маадии "ребенок" – Маадии (личное

имя); тув. чаш "младенец" — Чаш (личное имя); ср. рус. Дитя, Дитяев (Веселовский, 1974, 96) — и аппеллятив дитя. Аналогичные образования характерны для некоторых топонимов, особенно микротопонимов, например: бур. Хабсагай "утес", Нуга "луг, луговая низина, улус" (Митрошкина, 1974, 31).

Как видно, аппеллятивы (маади, чаш, дитя) соотносятся с соответствующими понятиями, тогда как онимы (Маади, Чаш, Дитя) — с единичными реалиями. На этих примерах видно, как утрачивается связь с понятиями, передаваемыми породившими их аппеллятивами. Утрата онимом соотносённости с понятием делает его "ущербным" в функционировании, что устраняется сигнальными словами типа гора, река, сын, дочь, товарищ и т.п.

Во-вторых, собственные имена могут быть образованы путем использования нарицательных слов определенной семантики для именования единичного предмета, обладающего признаком, названным данным словом. Например, нарицательное слово красный, обозначающее определенный оттенок цвета, может использоваться в составе собственных имен — Улаан (хада) "Красная (гора)", Улаан (личное имя), функционируя как субстантивированное прилагательное, вследствие чего способно сочетаться с именами прилагательными и склоняться: Улаанай "Красного" ("принадлежит Красному"), Улаантай "с Красным", Улаан-һаа "от Красного", Урда Улаанһаа захалаад "начиная от Южной Улаан" (горы) и т.п.

Как видим, образование онима от имени нарицательного определенной семантики ведет к утрате этим именем общей предметной, а также понятийной отнесенности. Вследствие этого: а) оним не переводится с языка на язык; б) функционирование его возможно преимущественно через отнесение онима к классу предметов и понятию посредством нарицательных слов-сигналов (гора, река, товарищ и т.п.). Стало быть, оним не имеет понятийного содержания с самого момента своего образования. Естественно, оним и соответствующее нарицательное слово представляют два омонима, каждый из которых может стать основой образования самостоятельных словообразовательных гнезд.

Таким образом, внепонятийные признаки реалий представляют собой мощный источник для пополнения арсенала собственных имен. Однако признаки представления в процессе образования ономастических единиц разного типа далеко не одинаковы. Если в принципе могут быть использованы любые общие слова в качестве мотивирующих при образовании собственного имени, то не каждое из них практически может появиться в любой онимической подсистеме. Так, например, прилагательные типа диал. дальжагар "кривой, неправильной формы (о лице, голове)", уяхан "нежный, гибкий", существительные баяр "радость", пэтэр (ср. личное имя пэтэрхээ), "нашейный амулет (у козла)" и др. вряд ли могут стать топоосновами, но в антропонимии широко употребительны. И наоборот, от аппеллятивов с пространственными значениями, например, не образуются антропонимы. Кроме того, один и тот же аппеллятив в разных ономастических подсистемах реализует далеко не один и тот же смысл. Например, от аппеллятива галуун "гусь" могут быть образованы антропоним Галуун со смыслом "похожая на гуся"

и топоним Галуута (нуур) "озеро, где обитают гуси" и т.д.

Существуют и другие пути формирования онимов. Прежде всего это прием, который условно можно назвать описательным; сравним: Великий и Тихий океан, Северный Ледовитый океан, Большая речка и т.п. — онимы, которые могут переводиться с языка на язык и обладают одновременно качествами как апеллятивов, так и онимов. Онимичность их заключается в единичной соотнесенности, невозможности функционирования без нарицательных слов, апеллятивные же качества сказываются в сохранении исходных значений — "великий", "тихий", "большая", отсюда переводимость с языка на язык. По способу образования эти онимы ничем не отличаются от словосочетаний типа высотный дом, скорая помощь и т.д. Но функция идентификации единичного предмета из ряда однородных способствует их субстантивации и "втягиванию" в ономастическую лексику, при сохранении семантики нетерминологической части названий. Наличие таких образований затрудняет четкое разграничение собственных и нарицательных имен.

Особо нужно остановиться на религиозно окрашенной антропонимии. Отбор нарицательного слова для образования таких имен обусловлен культурными традициями и религиозными воззрениями людей; оно не отражает объективного признака конкретного человека, но призвано приписывать ребенку желаемый признак, например храбрость, силу, ловкость, долголетие, хорошее здоровье, "отпугивать нечистую силу" и т.п. В ономастической литературе такие имена обозначаются термином "апотропеическое имя" (апотропайя, защитное, охранное или харизматическое имя; Подольская, 1978, 70); они давались человеку, чтобы предохранить его от смерти, болезней, воздействия злых духов и злых людей, обмануть их (отсюда "обманное имя"). Например: бур. Шулуун (от шулуун "камень"), Шоно (от шоно "волк") и др. (подробнее о них будет говориться в главе второй).

Несоотнесенность собственных имен с понятиями и классами предметов, обозначаемыми производящими апеллятивами, делает онимическую систему максимально открытой, следствием чего являются: а) возможность образования от любых частей речи, вплоть до предлогов и союзов; б) неограниченное количество заимствований, вплоть до полной или почти полной смены именника. В основе всех этих черт онимов лежит семантическая "ущербность" их, сведенная до функции указывать только на "этот предмет".

Образование онимов или заимствование их из других языков выдвигается необходимостью выделения и обозначения единичного элемента из класса ему подобных. Образование онимов, как и всякой другой единицы языка, происходит по определенным собственным законам, но имеется общая закономерность, сформулированная Т.П. Ломтевым: "Основным внутренним противоречием, преодоление которого является источником развития языка, источником образования и накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества, является противоречие, возникающее между наличными средствами данного языка и растущими потребностями обмена мыслями" (1953, 79). Соответственно для выполнения новых функций либо используются старые элементы, либо заимствуются новые из других языков в соответствии

с историческими условиями развития общества и особенностями самой языковой системы. Следовательно, собственные имена, как единицы определенного уровня языка, не могут не находиться в определенных отношениях к системе языка и к реальной действительности. Имена собственные имеют план содержания, который сводится только к указанию на конкретного индивида, и находятся в отношениях обозначения к внелингвистическим данностям. Внутрисистемные отношения определяют значимость онимов, их различительные, идентифицирующие способности.

§ 2. АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТЫ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

В бурятском антропонимиконе выделяются два больших массива, западный и восточный, которые делятся дальше на несколько подгрупп (антропонимические диалекты и говоры соответственно). Такое его членение, несомненно, связано с бурятской диалектологией, с историей и этнографией бурятского народа, в частности с зонами влияния христианской религии и ламаизма, а также с бывшей родоплеменной организацией общества. Приведем вначале сведения исторического и этнографического характера, а затем попытаемся соотнести их с антропонимическим материалом.

Бурятский народ состоит из четырех племен: булагат, эхирит, хорин, хонгодор (по именам легендарных предков – Булагата, Эхирита, Хоредая, Хонгодора). Кроме того, совместно с бурятами живут роды, вышедшие из Монголии и Джунгарии. Родов в составе всех этих племен насчитывается 189 (Балдаев, 1970, 17), по другим данным – 223 (Мельхеев, 1974, 4). Районы их расселения – Бурятская АССР, Агинский нац. округ, Нерчинский, Ононский и Акшанский р-ны Читинской области, Усть-Ордынский нац. округ, Ольхонский, Качугский, Нижнеудинский, Усть-Удинский, Зиминский, Слюдянский, Тулунский, Усольский р-ны Иркутской области.

По языковедским данным три племени – эхириты, булагаты и хонгодоры – противопоставляются хоринцам (соответственно западный и восточный диалекты бурятского языка). Лингвистические и антропонимические диалекты в основе своей совпадают, хотя между ними и имеются некоторые различия.

В социальной структуре бурятского народа к приходу русских в начале XVII в. удерживались основные черты родовой общины:

а) собственная территория и собственное имя рода (Маркс, Энгельс, т. 21, 92), например род Шоно, Басай, Пэнгэлдэр, Абазай и многие другие в составе эхиритского племени, Алагуй, Готол, Шаралдай и др. в составе булагатского племени (Балдаев, 1970, 45–284), Галзууд, Хуасай, Хубдууд и др. хоринского племени (Шьендамбаев, 1972, 176–293);

б) запрет бракосочетания внутри рода. "Брак, заключенный между двумя родами, ставит их не только в родственные отношения, но и членов обоих родов заставляет подчиняться строго выработанным ус-

ловиям и руководствоваться при заключении новых браков счетом колен (колено - ye). Потомки брачующихся не вступают в брак до 5-го колена"; "... свадьба - дело не одной семьи, а всего рода" (Petri, 1924, 17, 20);

в) родовая земля. Каждый род живет в особом улусе. Пустоши (покосы) принадлежат всему роду, ежегодно распределяются между всеми членами общины сообразно силе семьи и ее потребностям (Petri, 1924, 102). Родовая ирригация: "... в вершине канала живет его "хозяин", т.е. тот дух - эжин, который дает воду в канал... Когда весною выпускают воду, то ему всем родом устраивается жертвоприношение..." (Petri, 1924, 103);

г) родовые боги, родовые жертвы наряду с общебурятскими богами. Родовой шаман (Petri, 1924, 104). О родовых жертвоприношениях (тайлаганах) см.: Балдаев, 1970, 63, 123, 198, 232, 301;

д) родовой огонь. Обычай делить огонь. Родовая курунга (Petri, 1924, 108) - квашеное молоко, из которого курили вино. Видимо, такая родовая замкнутость обусловила отделение от бурятских улусов ясаших, т.е. крещеных бурят, женившихся на русских женщинах (Шапов, 1937, 113);

е) родовые имена и родовые права. Ф. Энгельс указывает, что имя отдельного человека также свидетельствует, к какому роду он принадлежит. С родовым именем неразрывно связаны и родовые права (Маркс, Энгельс, т. 21, 89).

Перейдем теперь к характеристике бурятского именника с учетом приведенных выше сведений.

С точки зрения образования и функционирования бурятские личные имена можно разделить на две группы: а) личные имена, распространенные во всех районах расселения бурят или имеющие такую потенцию; б) личные имена локального распространения.

К первым относятся имена, образованные от названий птиц, диких и домашних животных или их масти, а также имена от апеллятивов с ярко выраженной негативной семантикой. Например: Хуса или Хоца - от хуса "баран-производитель", Эшэгэн - "козленок (домашний)", Бу-ха - "бык-пороз, бугай", Нохой - "собака", Эмэ нохой - "собака-сука", Булган - "соболь", Галуун - "гусь", Галуужа - галуу(н) "гусь" + суф. -уужа, Харагшан - "черная (корова)", Шарагшан - "желтая, соловая (о масти животных)", Үнхээшхэ - "вонокчая", Бухуур - "женский детородный орган". Пространственно неограниченными являются и имена, образованные от апеллятивов с цветовыми значениями, например: Сагаан - "белый", Хара - "черный", Улаан - "красный". К ним примыкают имена типа Малаан "лысый" и т.п.

Имена первого типа представляют собой инвариантную, постоянную, т.е. интегрирующую, часть всего корпуса бурятского именника; но, как известно, общее предполагает единичное, инвариантное - вариантное. Выявление локальных черт именника - вопрос сложный, который можно решить только при общих усилиях многочисленного коллектива. В настоящей главе ставится весьма скромная задача - проследить локальность бытования отдельных имен или их форм, что поможет нам определить ареалы подсистем личных имен у бурят. При этом

следует иметь в виду, что повторение одного и того же имени в разных родах может быть случайным – в связи с обычаем именования новорожденного по имени гостя, оказавшегося при родах в доме родителей. Так, в 1893 г. богач Далбахи из улуса Шабартуй (ныне Аларский р-н Иркутской обл.) дал свое имя новорожденному сыну окинского бурята Булата (Окинский р-н Бурятской АССР) и подарил родителям воз муки, чтобы родители не сменили имя Далбахи на другое. В последующее время он также не раз одаривал своего тезку*.

Бурятский именник в наши дни, как уже говорилось, делится на восточно-бурятский (в прошлом зона господства буддизма) и западно-бурятский (западные буряты оставались в основной массе шаманистами; кроме того, это зона влияния христианства). В восточно-бурятском ареале многие исконно бурятские зóофорные, "цветовые" и пожелательные имена, а также имена с негативной семантикой апеллятивных основ начиная с XVII в. стали вытесняться тибетскими и санскритскими канонизированными в буддизме образованиями. Таким образом, реально о пространственной неограниченности таких имен можно говорить только до рубежа XVII в. Однако, с другой стороны, некоторые "охранительные" и пожелательные имена выдержали конкуренцию с буддийскими, тогда как у некоторых родов западных бурят они фактически утрачены. Так, например, в родословных таблицах сартулов – выходцев из Монголии (с. Ичетуй Джидинского р-на Бурятской АССР) – нередки имена Баяр "радость, веселье", Бата "твердый, крепкий", Бата-Жаргал "крепкое счастье", Баясхалан "радость, веселье", Бүргэд "беркут, орел". Эти же имена довольно часто встречаются и в других районах Восточного Прибайкалья.

Именник молодежи восточных бурят представляет собой сложную мозаику перестраивающихся исконных, тибетско-санскритских и русских имен, заимствующихся в условиях активного бурятско-русского двуязычия. Так, в Еравнинском р-не Бурятской АССР (пос. Сосново-Озерск) среди 77 зарегистрированных младенцев 1978 года рождения получили русские имена 11 девочек, 7 мальчиков. Все бурятские женские имена оканчиваются на -а, среди них 11 имен морфологически оформлены суффиксом -ма, который восходит к тибетскому слову маа "женщина". Вот примеры: Сысыгма – от сэсэг "цветок", Соёлма – соёл "культура", Жаргалма – жаргал "счастье", Эржена – от эржэн "перламутр, перламутровый", Саяна – от Саяан "Саяны", Туяана – ту-яа(н) "луч, лучи света, сияние", Арюна – арюун "чистый; перен. милый, красивый". Обычные мужские имена тибетского языка в функции женских также оформляются морфемой -ма; Очирма – от санскр. vajra "пучок молний". Из 26 мужских имен 10 являются исконно бурятскими, например: Зорикто – от зориг "смелость, сила воли", Эрдэм "наука, знание, ученость", Алдар "известность, популярность, слава", Баир – от баяр "радость, веселье", Бато – от бата "твердый, крепкий, прочный", Батор – баатар "богатырь, герой", Арслан "лев", Түмэн "десять тысяч". Дважды встречается имя Чингис. Встретилось тюрк-

* Записано со слов носителя этого имени Далбахи Булутовича Дамбаева в 1982 г.

БИБЛИОТЕКА

Калмыцкого научно-исслед.
института истории, филологии

ское заимствование Аюу (aju "медведь"; Радлов, 1893, 1, 1, ст. 223-224). Зафиксировано одно сложное образование - Насан-Баир (от насан, наһан "жизнь, век человека" и баяр "родить"). Здесь же находим семь имен буддийского канона (Пурбо, Бадма, Даржа - ср. Доржо, Ринчин и др.). Из русских мужских имен малышам даны имена Иван, Эдуард, Виталий, Игорь и др.

Разнообразие источников имен бурят Восточного Прибайкалья создали условия, которые способствуют увеличению количества имен и сокращению случаев повторяемости их. Так, в описываемом документе только дважды повторены имена Сысыгма, Арюна, Зорикто, Эрдэм, Чингис, трижды - Түмэн; из русских дважды употреблено имя Татьяна.

Повторяемость имен не была характерна для Еравнинского района и в другие годы. Так, в 1975 г. здесь находим не повторяющиеся более имена Вера, Инна, Наталья, Татьяна, Светлана; в 1977 г. - тибетские женские имена Долгор, Цынжидма, Бальжит, Ханда; мужские имена Андрей, тибетские - Цыден, Сультим, Биликто, Содном, Даизан, Арья, Цыренжап, Балдоржи.

Материал показывает, что русские личные имена из года в год все более и более "распространяются" среди восточных бурят, именник которых теперь очень смешан. Не повторяется имя Ханда, бывшее типичным в свое время, а также женские имена с конечным закрытым слогом (Долгор, Бальжит). Видимо, в именнике восточных бурят имеется ярко выраженная тенденция к морфологическому оформлению женских имен аффиксами -ма или -а по аналогии с русскими именами.

Для аналогичного анализа состава имен западных бурят мы воспользовались материалами поэзийственных книг с. Ново-Ленино Обусинского сельского Совета Осинского р-на Иркутской обл. за период с 1952 по 1976 г.

Всего за этот период зарегистрировано 274 мальчика, 249 девочек, набор мужских имен составляет 99 единиц, женских - 100. Среди мужских имен абсолютно преобладают русские; имеются три специфических имени - Рудель (1969), Рустам (1964), и Сиван (1964). Последнее, видимо, представляет собой результат двукратной модификации в бурятском русского имени Степан > Сииваан. В последней форме звук "б", являвшийся субститутутом русского "п" в условиях активного бурятско-русского двуязычия, заменен на "в". Это позволяет допустить, что Сиван 1964 г. рождения представляет собой мемориальное имя, т.е. имя, данное в честь какого-нибудь предка.

Частотность имен в указанном промежутке времени выглядит следующим образом. В 1977 г. в с. Ново-Ленино жило 17 человек с именем Николай, из числа которых двое 1963 г. рождения, двое - 1967 г.; 15 человек - с именем Александр, из которых двое - 1959 г. рождения, двое - 1961 г., двое - 1968 г., двое - 1969 г.; 15 человек с именем Сергей, из которых двое - 1965 г. рождения; имя Владимир носят 14 человек, из которых двое - 1963 г., двое - 1973 г. рождения; Андрей - 13 человек, из них двое - 1969 г., двое - 1976 г. рождения; Алексей - 12; Геннадий - 8, двое - с 1956 г.; Петр - 8; Игорь - 7, двое - с 1968 г.; Валерий - 6, двое - с 1967 г.; Борис - 6, двое - с 1965 г.; Михаил - 6; Иван - 5,

двое - с 1960 г.; Анатолий - 4; Константин - 4; Василий - 3; Виталий - 3; Иннокентий - 3; Илья - 3; Леонид - 3; Виктор - 3; Степан - 3; Федор - 3. Остальные имена встречаются только по одному-два раза: Роман - 1953, 1956 гг., Исаак - 1961, Георгий - 1960, Яков - 1961, 1965, Тимофей - 1957, Григорий - 1974, Виктор - 1956, Семен - 1961, Руслаң - 1955, Никон - 1950, Егор - 1969, Игнат - 1972, Антон - 1966, Игорь - 1959, Евграф - 1958, Вениамин - 1976, Валерий - 1954, 1957, Станислав - 1961, 1967, Гаврил - 1969 г. и др.

Повторяемость имен частично может быть обусловлена традицией называть детей именами людей старших поколений. Есть случаи именования ребенка по названию месяца: так, Октябрь родился 1 октября 1955 г., а Октябрина - 9 октября 1955 г.; однако названия других месяцев в подобной роли не встречены.

До 70-х гг. наблюдаются факты неразличения официальных (паспортных) и диминутивных (уменьшительно-ласкательных) бытовых форм. Так, в указанных похозяйственных книгах обнаруживаются имена Слава (1956, 1960 гг.), Славик (1957 г. - дважды), Алик (1967, 1972, 1973), Владик (1971 г. - дважды).

Если мужские имена представлены исключительно русскими заимствованиями, то в корпусе женского именика встречаются бурятские или тибетские имена, например: Дарима - 1953, 1972 гг., Эржена - 1966, 1974, 1975, Чимита - 1971, Туяна - 1977 г.

Из числа русских женских имен предпочитают следующие: Татьяна - 13 (из них 1958 г. - 2, 1969 г. - 2); Елена - 11 (1963 г. - 2, 1966 г. - 3); Ирина - 11 (1958 г. - 2, 1963 г. - 2); Людмила - 11 (1961 г. - 3, 1975 г. - 3); Наталья - 11 (1957 г. - 2); Светлана - 10; Любовь - 9 (1965 г. - 2); Галина - 8; Марина - 8; Мария - 7 (1976 г. - 2); Софья - 7 (1966 г. - 2); Лариса - 6 (1959 г. - 2); Ольга - 6 (1973 г. - 2); Алла - 5; Анна - 5; Вера - 5 (1965 г. - 2); Виктория - 4; Инна - 3; Ольга - 3 (1970 г. - 2); Екатерина - 2; Валентина - 2; Тамара - 2; Евдокия - 2 и др.; по одному разу встретились имена Лира, Линда и т.д.

Для женских имен также наблюдается неразличение паспортных и бытовых форм, например: Света (1959 г.), Вета (1974) наряду с формой Светлана; Геля (1960), Рита (1954, 1957, 1959); Лида (1957 г.) наряду с формой Лидия.

Сравнение подсистем личных имен бурят Восточного Прибайкалья (Еравнинский р-н) и Западного Прибайкалья (пос. Ново-Ленино) показывает следующее. Во-первых, основную массу корпуса в этих регионах составляют диаметрально противоположные единицы: тибетизмы и исконные имена в первом, русские заимствования во втором. Отметим, что с XIII в. (свидетельства "Сокровенного сказания", 1240 г.) до XVII в. именик бурят был в известной мере монолитен в основных чертах. Во-вторых, процессы обновления именика в интересующих нас регионах также демонстрируют противоположные тенденции: у восточных бурят наблюдается интерес к русским именам, а у западных - к литературным формам исконно бурятских имен.

К сказанному следует добавить, что внутри этих двух крупных антропонимических диалектов наблюдаются значительные расхождения между именниками отдельных населенных пунктов. Так, в качугском говоре набор личных имен различается от села к селу. Например, личные имена с. Басай, носители которых являются потомками одной из ветвей рода Шоно, не встречаются у других групп рода. Таковы мужские имена Маа, Буряя, Хапьян, Хутаан, Хундраан, Божоо, Оодой, Баярхоо, Хадаан, Хужаг, Хима и др., а также женские имена Будаахан, Сэихээ, Нооной и др.; их не удалось пока обнаружить в селах даже с близкородственным населением, например в Бурлае, Босоголе (ныне Наран). Имена кулингских бурят Бодонсой, Истархан, Оршиидой в этих селах обнаружить не удалось.

В усвоении русских заимствований также наблюдаются расхождения, причем не только от рода к роду или от улуса к улусу, но и в пределах одного населенного пункта. Так, в названном с. Басай Качугского р-на Иркутской обл. (род Шоно) русское личное имя Андрей в подроде Божоо ураг звучит Ондро, в подроде Хима ураг — Ондри, в подроде Хахлай ураг — Андрээ. В языке бурят с. Бурлай (тоже род Шоно) это имя имеет форму Ондри. В разных семьях подрода Божоо ураг имя Василий звучит как Васиила, Башиила, Бааська. В с. Бурлай оно усвоено в виде Баасха и Башиила. Личное имя Мария в Бурлае имеет распространенные формы Маарья или Марээ, в с. Молька (род Ноёг) Усть-Удинского р-на — Марии, в Босоголе (Наране) — диминутивную форму Марээха. Имя Иван в подроде Божоо ураг — Ябаан, в Босоголе — Ибаанха, а в Бурлае вообще не встречается и т.д.

Беглый обзор имеющихся у нас материалов показывает, что расхождения в наборе имен у потомков тех или иных родов и подродов, а также отдельных семей довольно значительны. Эти различия, безусловно, отражают локальный характер становления и функционирования имен в пределах известных социумов. Иными словами, бывшая родоплеменная организация общественной жизни бурят не только отразилась в территориальной дифференциации бурятского языка, но и определила многовариантность корпуса именника — антропонимические диалекты. Границы диалектов бурятского языка и антропонимических диалектов не совпадают, хотя диалектные черты сказываются в своеобразии последних. Необходимо также иметь в виду, что к бурятам неприложим такой существенный признак племени, как единство диалекта. Например, булагаты считались одним племенем, состоявшим из ряда родов, но потомки их образуют две территориально обособленные группы, говорящие на разных диалектах (Долгих, 1956, 10).

Следует заметить, что ареально ограниченные имена осознаются бурятами как свои, бурятские; с другой же стороны, локальная ограниченность имен способствует атрибуции по определенным родам. Иными словами, по личному имени нередко можно определить принадлежность индивида к тому или иному роду, району Бурятии.

Сбор и исследование антропонимии бурят, равно как и других народов, у которых до недавнего времени сохранялась родоплеменная организация общественной жизни и современные его представители помнят свои родословные, подчас на протяжении 400 лет, должны строить-

ся с учетом этого историко-социального фактора. Такой методологический подход к объекту исследования означает описание системы антропонимии с учетом общественных явлений, особенностей жизни, миропонимания людей, их отношений между собой в семье и роде, населенном пункте. Это позволит собрать материал, на котором можно будет решать самые различные лингвистические, социально-исторические и этнографические проблемы, связанные с жизнью народа – носителя определенной антропонимической системы, что очень важно в тех случаях, когда социальная среда на той или иной ступени своей истории бесписьменна. Такие принципы сбора антропонимического материала могут обеспечить, как нам кажется, возможность последовательно проникнуть в миропонимание того, кто создает или заимствует имя, понять, какими принципами руководствуется коллектив при наречении имен на протяжении многих столетий. Для того чтобы проследить эволюцию системы личных имен бурят, ранее не имевших письменности, необходим массивный материал разных синхронных срезов, записанный по возможности без пробелов между ними. Такого рода материалы можно извлечь только из устных преданий и антропонимических родословных таблиц.

§ 3. ИСТОРИЧЕСКИЕ РОДОСЛОВНЫЕ ТАБЛИЦЫ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛА

В исторических генеалогических таблицах последовательно фиксируются по поколениям имена лиц преимущественно мужского пола, связанных кровным родством. "Генеалогия в эпоху средневековья имела определенное практическое значение, ибо феодальный порядок прямо требовал соответствия между происхождением данного лица и тем местом, которое оно занимало в обществе. В странах Западной Европы посвящение в рыцари осуществлялось преимущественно после того, как доказывалось благородное происхождение" (Аксенов, 1972, 207).

В начале нашего столетия на Руси стала складываться генеалогия как специальная историческая дисциплина, имеющая одновременно важное воспитательное значение. Так, в начале нашего столетия Л.М. Савелов в лекциях по русской генеалогии напоминал молодежи слова И.С. Аксакова о том, что память о своих предках, чувство рода – доброе чувство, чувство историческое, вполне почетное. Далее он продолжает: "...чувство светлое, потому что без этого чувства невозможен патриотизм, в лучшем значении этого слова; доброе чувство к предкам означает присутствие чувства и к родине, и к своему народу, а именно эти-то чувства и заставляют человека жертвовать всем для блага своего народа и для величия своей Родины". Здесь же развивается мысль о необходимости скорейшего изучения генеалогических сведений, пока они еще живут в памяти людей: "Наши более отдаленные и, несомненно, более культурные потомки не поблагодарят нас за наше преступное пренебрежение к старине своего народа, ведь надо же надеяться, что наступит же наконец и у нас в России такое время,

когда у ее сынов возродится то доброе историческое чувство, о котором говорит Аксаков... где нет прошлого, там не может быть настоящего — одно органически вытекает из другого; интерес к настоящему невольно влечет за собой интерес к прошлому" (Савелов, 1908, 10-12). И в 20-е гг. профессор Иркутского университета Б. Петри напоминал, что хранители изустных преданий один за другим уходят из жизни; это же беспокоит и современных лингвистов. Так, С.И. Зинни и А.В. Суперанская пишут: "Огромный лексический материал уходит вместе со старшим поколением. Если его сейчас не собрать, не записать и не подвергнуть предварительной обработке (в виде статей, монографий, диссертаций или хотя бы хорошо организованных картотек), бесценный материал навсегда погибнет" (1971, 83-84). С горечью приходится отмечать, что множество ценного материала уже погибло.

Однако бурятоведение располагает и такими значительными источниками, как исторические хроники и родословные таблицы определенной части забайкальских бурят, в частности хоринских, селенгинских, баргузинских. Процесс возникновения и развития хроник и родословных, а также степень их научной ценности исследованы Ц.Б. Цыдендамбаевым (1972, 9-175; 1981, 4-7).

Следует заметить, что изданные хроники или летописи ценны еще и тем, что в них зафиксированы отдельные термины, важные для этимологических описаний антропонимов. Так, в "Хронике Тугулдур Тобоева" подробно описан обряд под названием "шанар" (Летописи, 1940, 20). В "Хронике Вандана Юмсунова" читаем: "Положение лампад великого шанара" (Летописи, 1940, 63). Не следует ли этимологию личных имен Шанар, Шанарша, от которых у бурят Западного Прибайкалья образованы фамилии Шанаров(а), Шенаршеев(а), возводить к этому слову?

У бурят Восточного Прибайкалья распространены родословные таблицы, в которых различными способами расположены по поколениям личные имена, записанные на старомонгольском или современном бурятском языках. Так, например, мы располагаем родословной таблицей части бурятского населения с. Доодо Оронгой (Нижнего Оронгоя), составленной в виде дерева на старомонгольском языке. В самом низу дерева, как бы в корне, записано имя предка нижнеоронгойцев — Хорда или Хорта, выше (следующее поколение) — Юэхэн, затем Модчин Можу "модчинова ветвь" (ср. монг. модоч "плотник, столяр"); запись, относящаяся к четвертому колену, стерлась от времени, так что ее невозможно прочитать. Далее следует личное имя Ухин "девушка, девица", на следующем, шестом колене дерево дает два больших ствола, которые пышно обрастают "листьями" потомков, образуя в седьмом колене уже четыре ветви. У основания этих двух стволов — имена предков Шарагшан "кобыла соловой масти" и Сэнхир "светло-голубой, светло-синий (о море, небе)". В последующих коленах имена представляют собой сложные образования, состоящие из тибетизмов и исконных элементов, например Цэдэб-Цогто (тиб. цэдэб "свершения жизни" + монг. цогт, бур. согтой и личное имя Согто "с огоньком, жизнерадостный"). Из 79 имен исконными являются 20, среди которых Бату "крепкий, сильный" встретилось дважды, Буянга "добродетельный, за-

служенный" – дважды, Эрдэни "драгоценность, сокровище, клад" – трижды, Мүнхэ "вечный, вековечный, извечный" – один раз и т.д. Как видим, имена первых пяти поколений образованы на исконной лексической основе, а в именник последующих колен "врываються" тибетские канонизированные имена. При этом наличие тибетско-бурятских образований и отдельных исконных имен (25% от общего количества) свидетельствует о сложности проникновения тибетизмов в бурятский антропонимикон.

Другая разновидность родословных таблиц – с концентрической формой записи: в центре располагается имя предка, а вокруг него последовательно – имена нижних колен. Такая таблица обнаружена в Джидинском р-не Бурятской АССР И.Н. Мадосоном и хранится в Рукописном отделе БИОН ВФ СО АН СССР*.

В наших материалах имеются таблицы, составленные в 1976 г. жителем с. Учетуй Джидинского р-на Бурятской АССР Цыбик-Бадмой Лайдаповым со слов старших представителей каждого подрода сартулов (урянхай). Формат бумаги – половина обычной тетрадной страницы. Общий объем таблиц – две тетради по 20 и 22 страницы. На оборотах листов имена записывались только в случаях, когда родословная семьи не входила на лицевой стороне. Таблицы оформлены машинописно. Запись сделана в следующем порядке: каждая тетрадь имеет предисловие, в котором кратко повествуется о вхождении в состав России восьми родов (Ашабагад, Цонгол, Атаган, Сартул, Подгородно, Хатиган, Үзэн, Табангуд). Родословные записаны посемейно с указанием имен ближайших семейных предков, например: Үшөөтэйн Нхото урээшэжэ байгаа Сартуул эсэгэйн угай бэшэг. Дамбаин хоёр: Аюши, Рабдан хубүүды тобчи домог – "Родословие сартулов Аюши и Рабдана, двух (сыновей) Дамбы, потомствующих в селе Учетуй". В таблице указаны номера поколений, имена отца и детей, которые, в свою очередь, снова записываются в форме родительного падежа под следующими номерами колен. Имена отцов записаны в форме родительного падежа старописьменного монгольского языка, например: Дамба-ин, Дарма-ин, Гомбо-ин, Даша-ын, Гомбо-н, Даши-н, Борбоо-н, Чой-н, Омондой-н, Чойдон-ы, Дорожиной (аффикс -ной не выделен графически). Личные имена в именительном падеже также оформлены по-старомонгольски, например: Бато (бур. Бата). В русской орфографии записана значительная часть имен: Батор наряду с Баатар "богатырь", Дылиг вместо Дэлэг. Долгота гласных отмечена не во всех случаях, сравним: Бургуу, Бумбуу, Хоон, Дымбээдэй, Бадибаа – но Балхон (сомнительна форма суффикса -хон), Нимбу, Гунга, Самбу (здесь долгие конечные гласные). Написание типа Дондио вместо Дондео, видимо, отражает правописание гласных после мягких согласных, характерное для современного монгольского языка. Губно-губной "б" бурятского передается знаком "в" (Гомбожав).

Из 848 именованных исконных – 191, русских – 32, остальные – тибетские. Последние в 20 случаях употреблены в составе сложных

*Копию этой таблицы любезно предложил нам Ц.Б. Цыдендамбаев.

имен типа Мункэ-Очир, Бато-Очир, Батожав и др. Наиболее частотные русские имена: Борис (встречается в колене X и по трижды - в коленах V, VIII, IX); Владимир или Володя (9 раз); Александр или Са-ша (7 раз); Сергей (5 раз в IX колене и один - в IV колене). Таблицы свидетельствуют о сосуществовании параллельных имен, например: Александра и Аламжа, Доржи-Ханда и Лида. Из исконных имен 9 раз встретилось имя Бато, 14 раз - Мункэ (повторяется по два раза и более в коленах IV-VI), 3 раза в колене IX - Бүргэд и др.

Примечательно и то, что в таблицах Ц.-Б. Лайдапова указаны случаи усыновления, например: Баатарын абань Цагатайда үргэмэл Жанчивын - "Отец Батора воспитывался у Жанчина в Цагатае"; Дондио Чойндо үргүүллэн - "Дондио у Чойна воспитывался"; Буянтуев Доржида үргүүллэн - "Буянтуев у Доржи воспитывался". Несмотря на то, что таблицы Ц.-Б. Лайдапова содержат большой фактический материал, пользование ими затруднено в связи с разнородностью орфографических принципов, положенных в основу отдельных записей.

В Западной Бурятии не удается пока обнаружить письменно оформленных родословных таблиц, хроник или летописей. Но в устной форме родословные предания с перечислением имен лиц мужского пола существовали на протяжении многих поколений и строго передавались по наследству. Этот обычай, обусловленный законом экзогамии, сохранил многие имена бурят отдаленных от нас верхних колен. Достоянием науки они стали благодаря кропотливому, систематическому труду собирателей живой старины бурят. Среди них С.П. Балдаев, благодаря неутомимому труду которого бурятоведение располагает антропонимическим материалом, в значительной части своей уже не воспроизводимым в наши дни бурятами на местах (1970). Это ценный источник для исследования системы бурятских имен: в нем приведены таблицы поколений родов булагатского и эхиритского племен, а также родов других племен, живущих рядом с булагатами и эхиритами. В таблицах упоминается, как правило, по одному мужскому имени от каждого колена; нередко указывается возраст подростков и детей, что дает возможность хронологической привязки имен.

В 20-х гг. опубликовано несколько нисходяще-мужских родословных таблиц западных бурят. Они собраны по единой программе, составленной Б.Э. Петри (1926). Одной из наиболее полно документированных является таблица, составленная Епшеем Елбоевым (1926). Таблица Е. Елбоева, как и других авторов, представляет собой фиксацию имен людей только мужского пола. Таблица имеет хронологические привязки; так, в нижнем, шестнадцатом колене указан возраст носителей имен: "Епшею 30 лет, Кузьме - 23 года, Борису - 18 лет, Франц умер 24 лет в 1920 г., Петр умер 23 лет в 1924 г." Зная время записи и возраст, нетрудно определить год наречения имени и, следовательно, фиксировать смену поколения. Примечательно, что таблица снабжена пояснениями, которые посвящены расселению потомков. Так, потомки Алагуя составляют род Алагуи, входивший до революции в Еландинский хошун; потомки Хурхута (Куркут) - это китойские буряты, живущие по р. Китою; потомки Готола составили четыре готольских рода, живущие в Боханском, отчасти в Аларском р-нах, и т.п.

К сожалению, запись не отражает многих особенностей фонологической системы бурятского языка, в частности не дифференцированы долгота и сингармонические ряды гласных. В таблице нет ни одного имени с мягкорядными гласными. Поэтому затруднительно толкование имен типа Хурхут – может быть, Хурхүт, Инхэрэ – может быть, Энхэрэй. Явно не отражают фактического произношения формы Бордэ, Бохолдэ; вероятно, здесь конечный "э" означает дифтонг "ой". Так же неестественны формы Убодой, Убогон.

Русские заимствования, к сожалению, написаны в исконных для них формах, например: Петр, Кузьма, Борис и др. Ценное исключение составляют формы имен Епшон и Епшей, в которых отражена модификация русских губно-зубного "в, ф" и свистящего "с" в имени Евсей. Однако сочетание "эй" во втором, ударном слоге должно было бы отразиться в бурятском в виде долгого гласного, что не показано в записи. Однако перед собирателем 20-х гг. стояли задачи историко-этнографического плана, а не филологического, а для их решения достаточно было принятых в то время принципов записи.

Родословные таблицы описанного типа при соответствующей реконструкции представляют собой бесценный источник для изучения системы бурятских имен.

Следует заметить, что для исторических, этнографических, а также и лингвистических исследований гораздо больше источников имеется на тюркских языках, носители которых прошли аналогичный монгольскому длительный этап родоплеменной организации. Назовем наиболее известные из них, важные для предмета нашего исследования. Это прежде всего памятники, опубликованные С.Е. Маловым (1952, 1959), В.В. Радловым (Алфавитный указатель..., 1888), которые донесли до нас множество личных имен людей давних эпох. Это и родословные, некогда специально составленные представителями тех или иных тюркских племен и родов на родном языке; среди них наиболее интересными для нас представляются башкирские шежере "родословные". Вряд ли будет преувеличением сказать, что "Башкирские шежере" (1960; составитель, автор введения и комментариев – Р.Г. Кузеев) представляют собой уникальное источниковедческое издание, не имеющее аналогов в отечественной науке. В книге убедительно показана неопределимая важность родословных для науки. Р.Г. Кузеев пишет: «...родословные определенной стадии общественного развития были характерны для многих тюркоязычных и монголоязычных народов... Исторические работы средневековья, начиная от "Сокровенного сказания" и кончая сочинениями Абу-л-Гази, широко использовали в качестве источников эти родословные. А это, в свою очередь, означает, что сбор, изучение и издание шежере... будет иметь неопределимое значение для изучения многих вопросов, связанных с этнической историей этих народов, с их общественным строем в период становления классового общества» (1960, 13).

Башкирские шежере, как указывает Р.Г. Кузеев, составлялись каждым родом. В шежере обычно записывались имена всех мужчин данного рода или семьи на протяжении нескольких поколений. Все шежере составлены на башкирском языке с последующим переводом на русский,

что обеспечивает надежность их как научного источника и дает возможность пользоваться ими специалистам, работающим на материале других языков; ценны и приложения – фотокопии текстов шежере. Интересны принципы составления шежере; в них отражено понимание кровного родства людей в виде дерева: имена записаны арабской графикой в фигурах, напоминающих листья на стволах, кружках и т.п.

Р.Г. Кузеев эти различные способы записи родословных преобразовал и передал в виде нисходяще-мужского родословия.

В этих таблицах имеются материалы, интересные и для монголо-бурятской антропонимики. Так, в табл. XIX приведено шежере башкирского племени табын, возглавлявшегося человеком по имени Томан би. Название племени созвучно монгольскому числительному таван (бурятское табан) "пять". Если учесть, что личные имена в монгольских языках нередко могли образовываться от числительных, то вполне возможно усмотреть в названии табын эпоним Табан (бурятское звучание). В самом деле, в материалах Ч. Соднома имена с основой тав "пять" довольно часты, например: Таван Цэрэг, Тавдай, Тавнай, Таврай, Тавтай (1964а, 97).

В комментарии к указанной таблице Р.Г. Кузеев относительно антропонима Темэн заметил, что мало вероятно, чтобы это было имя реальной исторической личности. Туменами называли в монгольскую эпоху военачальников, стоявших во главе крупной военной единицы. Однако и тут монгольские и бурятские материалы говорят в пользу того мнения, что башкирское Темэн вполне может представлять собой личное имя реальной личности: в монгольских языках зафиксировано большое количество имен с основой түмэн "10.000". Например, в современном бурятском языке есть фамилия Тумунов, восходящая к личному имени Түмэн, причем она распространена как в Восточной, так и в Западной Бурятии. Ч. Содномом извлечено из различных исторических источников множество имен с основой түмэн: Түмэн, Түмэнбаатар, Түмэн бадрах, Түмэнбат, Түмэнбаян, Түмэнбаяр, Түмэнбаяртай, Түмэнгэрэл (1964, 97) и др.

Объем, качество накопленного материала на тюркских языках, особенно на башкирском, позволили Р.Г. Кузееву выдвинуть перед наукой глобальные задачи: историко-стратиграфическое членение массового этнического материала в пределах отдельно взятых народов, например всех тюркских, монгольских и финно-угорских, а затем сопоставление полученных выводов с данными лингвистики, антропологии и других дисциплин с целью разработки схемы развития этнических процессов для обширного региона (1973, 13-14). Б.Х. Кармышева считает, что "реальность осуществления этого обширного плана в будущем очевидна" (1976, 21).

Определенную ценность для лингвистов имеют труды этнографов и историков, построенные на родословных. К ним относится, в частности, указанная монография Б.Х. Кармышевой. Монография выполнена на материалах специальной экспедиции в Среднюю Азию для определения численности и этнического состава населения (1924-1925 гг.) под общим руководством И.П. Магидовича, которые значительно дополнены и отчасти уточнены автором (Кармышева, 1976, 46-49). Лингвистам могут быть интересны некоторые родословные таблицы, приведен-

ные в работе. Так, таблица, где указаны национальный состав сельского населения исследуемой территории и абсолютное число людей каждой национальности, может способствовать правильному объяснению языковой ситуации. Именно сложная языковая ситуация обусловила функционирование в одном и том же регионе нескольких терминов с одними и теми же значениями. Например, понятия "род", "племя" обозначаются узбекскими словами уру или уруг; в значении отщепенца племени или рода информанты применяли термины уруг или ата, реже — шах (Кармышева, 1976, 46–49) и т.д. И в монгольских языках, в частности в бурятском, для обозначения понятий "племя" и "род" употребляются разные термины.

В XI–XIII вв. у монголов различались по сфере употребления термины ураг и обог, имевшие тогда и имеющие сейчас одно и то же значение — "союз кровных родственников". Но как известно, термин уруг был употребителен при обозначении знатного рода: Алтан уруг "Золотой род" — род потомков Есугея-батура, которые раньше назывались Кият-Борджигин; Чингисханом ему было дано название "монгол" (Владимирцов, 1934, 103). Член Золотого рода обладал исключительными правами; так, император не мог единовластно его наказывать — (там же, 100). Мнение, что термином уруг обозначались знатные роды, подтверждается еще следующим. В древнетюркском языке от корнеслова uruχ образовалось слово uruχluχ "родовитый, знатный, благородный" (ДТС), в котором -luχ / liχ имеет значение "обладания, наделенности по исходной основе". Обычное понятие "род" обозначалось словом обог, например в "Сокровенном сказании" — названия родов "багарин обогтан", "салджигуд обогтан", "борджигэн обогтан" и т.п. (МНТ, § 42, 46). Ныне термин обог или омог употребляется в значениях "фамилия" и "род", "племя" — только в Восточном Прибайкалье. Ураг функционирует активно повсеместно в языке бурят со значениями "родственник, родня, свойственник (по жене)", а также в сочетании ураг тариг (по существу, с теми же значениями, что и ураг). Сочетание ураг тариг находим в древнетюркском языке — uruχ tariχ "родня", "посевы" (ДТС), где tariχ обозначает "зерно, злаки, хлеб". Кроме того, у западных бурят ураг обозначает подразделение рода.

Сравнение тюркских uruχ, uruχtariχ и ова (ДТС) или омак (Радлов, 1893, т. 1, ч. II, ст. 1166) с соответствующими бурятскими терминами ураг, ураг тариг и обос (или омог), синонимичными между собой, в плане словообразовательном показывает: а) парные образования идентичны в семантическом плане — "родня, родственники"; б) модели образования прилагательных также одинаковы: в тюркском uruχluχ "родовитый, знатный, благородный" -luχ — суффикс со значением обладания; то же значение имеет в форме восточно-бурятского слова омогтой суффикс -той "род имеющий", "гордый, высокомерный"; в) в словах бурятского языка урга(ха) "расти", урэ "плод, семя, зерно" и ургэ(хэ) перен. "воспитывать, выращивать", "рождать" можно выделить элемент ур- / ур-, созвучный тюркскому ur-, что может привести к толкованию uruχ как производного слова; г) в составе бурятских таряан "хлеб, хлеба, зерно", редко "сев", тари(ха)

"сеять", "сажать", тариг (в сочетании с ураг) выделяется элемент тар' / тари-, что соответствует древнетюркской глагольной основе tari "сеять, засеивать", и, следовательно, tarıx "зерно, злаки, хлеб" — производное слово. Все это говорит, как нам думается, о том, что слова uruх и ураг, tarıx и тариг, а также омак и омог (обог) являются общетюркско-монгольскими словами-синонимами. Ограниченность ареала обог (омог), возможно, отражает локальность функционирования его в прошлом.

Кроме приведенных терминов, в бурятском языке имеются еще эльгэн, эсэгэ, утха. Эльгэи по своему значению является абсолютным синонимом к ураг и восходит, видимо, к древнетюркскому el "племенной союз, племенная организация; народ", ср. парное el törü "власть (букв.: племенная организация и законы)". Древнетюркское elci "посол, вестник" (ДТС), монгольское элч "народный, гонец, курьер" и бурятское элшэ "уст. посланец" образованы посредством суффикса со значением профессии: ср. тюрк. -çu / -çi, монг. -чүч (in) (Баскаков, 1981, 83-84), совр. бур. -шэ.

Заманчиво возвести к древнетюркскому el современное бурятское слово айл "улус, сельская община, местность, соседи, юрта, дом" в сочетании аймаг айл "семья с одной родословной". В XI-XIII вв. у монголов айл значило "небольшая группа юрт" (Владимирцов, 1934, 171). Если судить по старописьменной форме ajil, то можно предположить, что айл представляет собой результат опрошения: aj+el > ajil /айл'. В таком случае и слово аймак содержит элемент ай-. В бурятском языке слово ай имеет переносное значение "бесчисленный" — ср. сочетание ай түмэн, в котором түмэн означает "десять тысяч; множество", например: түмэн зон "множество народа", арад түмэн "народная масса". Иными словами, можно предположить, что первичное, этимологическое значение слова айл есть "много el(ов)".

Таким образом, термины uruх, tarıx, омак (ова), el, зарегистрированные в древнетюркских источниках, являются родственными соответствующим монгольским терминам урак, тариг, обог (омог) и айл.

Небезынтересны и названия родов. Так, в генеалогии племени локай упоминаются названия тюркских родов Нарын, Куса, Келекей, которые можно этимологизировать от апеллятивов монгольского и бурятского языков: бур. нарин и монг. нарийн "тонкий", бур. хуса и монг. хуц "баран-производитель", бур. хэлхээ или хэлхы "заика", монг. хэлгий "немой", "косноязычный". Название рода Тугарак соотносительно с бурятским названием рода Тугалак, если иметь в виду известное соответствие р ~ л, характерное для тюркских и монгольских языков. Монгольским по источнику кажется название Тугул "теленок". Подобные вкрапления монгольских элементов в систему названий тюркских родов, значительная часть которой может представлять собой эпонимические образования, можно объяснить либо заимствованиями при наречении имени новорожденному, либо бракосочетаниями.

Краткий обзор родословных таблиц монголо- и тюркоязычных народов и исследований по ним показывает, что совместные усилия представителей разных социальных наук могут обеспечить всесторон-

нее освещение проблем этногенеза и взаимодействия народов, а также их языков и культур в целом. Однако относительно ценности родословных таблиц как источника для лингвистических исследований заметим, что они ущербны одновременно по нескольким параметрам. Дело в том, что в родословных таблицах тюрков и монголов в соответствии с патриархально-родовыми обычаями не зафиксированы женские имена. Если женщины и упоминаются, то непременно по имени отца или мужа: "Бабсаа-бий когда взял в жены дочь Тура-хана..."; "дочь Каракулембета" (Башкирские шежере, 116); "...сначала родился от первой жены Субанмулла, второй Кубэн от другой жены Такагул и еще Абас, от третьей жены [родились] Резяй, Эджмит. У Нурсанда была жена калмычка" (Там же, 171) и т.д. Аналогично обстоит дело и в бурятских родословных – за редким исключением. Далее, во многих родословных бурятских племен перечисляются имена не всех представителей тех или иных поколений рода. Эти и некоторые другие особенности родословных не позволяют выяснить на их материале особенности мотивов выбора имени в пределах семьи или рода, повторяемость тех или иных имен по вертикали и горизонтали; разумеется, не приводятся там формы обращения к людям в отдельных социумах (в семье, на работе, в кругу друзей и т.д.). Все это приводит нас к выводу о том, что для успешного комплексного лингвистико-этнографического исследования антропонимии народов, в прошлом бесписьменных, необходимо разработать соответствующую методику сбора материала.

§ 4. МЕТОДИКА СБОРА

И ПЕРВИЧНОЙ ОБРАБОТКИ МАТЕРИАЛА.

АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ РОДОСЛОВНЫЕ ТАБЛИЦЫ

В исторических и этнографических трудах, построенных на изучении родословных, решаются проблемы установления родства по крови, свойству или браку, а также идентификации лиц, принадлежащих к определенному роду и поколению (Аксенов, 1972, 209, 212). Лингвисты интересуются родословными таблицами для выяснения принципов номинации индивидов в пределах определенных социумов (рода, семьи и др.), закономерностями образования мужских имен в отличие от женских, особенностями вторых, прозвищных имен у мужчин и женщин, проблемами соотношения общеязыковых и антропонимических диалектов и т.д. Следовательно, только данных исторических родословных для решения лингвистических задач далеко не достаточно. Необходима разработка методики записи личных имен в пределах семейно-родовых группировок людей, которую мы называем антропонимическими родословными таблицами, в отличие от исторических.

Опираясь на уже указанные в § 1 черты рода, попытаемся выделить наиболее важные из них в антропонимическом отношении. Род в антропонимическом понимании, в частности бурятский род, это общность кровно-родственных семей и отдельных людей, имеющих общее

родовое имя – геноним, определенный круг культов и культовых объектов (гор, рек, духов умерших) и своеобразный антропонимикон. В соответствии с количеством этнических бурятских родов в Бурятии, антропонимических родов в бурятской ономастике должно обнаружиться 189. Однако выявить и записать родословные всех антропонимических родов, очевидно, невозможно, так как многие роды уже не существуют ныне. Так, в Западном Прибайкалье (Верхоленье) уже нет родов Нохой, Сэгэнуд и некоторых других. Потомки отдельных родов помнят лишь немногие имена своих предков. Но то, что помнят старшие поколения бурят сегодня и что уже собрано, представляет собой уникальный лингвистический материал, ценность которого со временем будет только возрастать.

В связи с этим перед нами встает задача определения понятия антропонимической родословной таблицы, ее параметров и принципов ее составления. Антропонимическую родословную таблицу можно определить как запись в пределах рода по поколениям и по семьям всех мужских и женских имен людей с имеющимися у них прозвищами, параллельными и другими типами именовании, с указанием их года рождения, а также с последующей нумерацией колен от выбранной точки отсчета для соотнесения их с исторической хронологией.

Из приведенного определения вытекает ряд практических задач. Главные из них – определение вида таблицы, выбор точки отсчета колен, определение количества лет в коленах и некоторые другие. Остановимся на них подробнее.

В практике составления антропонимических родословных наиболее приемлемыми нам представляются нисходяще-смешанные таблицы, которые в исторической науке почти не используются. В этих таблицах, в отличие от нисходяще-мужских, записываются имена и женщин, и мужчин. Здесь также фиксируются названия подродов и фамилий, что помогает исследовать принципы именования людей не только в пределах рода, но и в подроде, и в отдельной семье. Последнее очень важно в связи с тем, что при социализме семья стала важнейшей ячейкой общества и государства в целом.

Определение количества лет в коленах – вопрос не простой. Как и во всяком исследовании, в антропонимических работах должен осуществляться принцип изучения избранного объекта в конкретных историко-хронологических рамках. Однако здесь мы наталкиваемся на объективные трудности в их определении, обусловленные непрерывностью процесса воспроизводства социума в целом. Здесь мы опираемся на представления, выработанные исторической и этнографической науками.

Как известно, в исторической науке принято считать, что в одно столетие сменяется три поколения людей. Иногда в исторических исследованиях естественным количеством лет в поколении считается тридцать. Так, Б.Х. Кармышева исходит из этого числа при определении времени рождения представителей верхних колен рода (1976, 129–130). Определение количества лет в коленах одновременно и решает вопрос о количестве пластов имен в определенную единицу времени, скажем столетие. Если принять, что в течение одного столетия сменилось три поколения, то всего существовавших в это вре-

мя поколений будет минимум на два больше, т.е. пять, поскольку каждое поколение какое-то время живет одновременно с предшествующим ему (родительским) и следующим за ним (поколением детей).

Число лет в поколении нужно отличать от возраста совершеннолетия, который к тому же у различных народов и у одного и того же народа на разных этапах исторического развития не совпадает. Так, по сообщению Б.Я. Владимирцова, у монголов совершеннолетними считались достигшие 13 лет (Владимирцов, 1934, 181, сн. 1). Русские документы XVII в. свидетельствуют о том, что брачный возраст для бурят начинался с 15 лет. Например, в отписках служилых людей читаем: "...в брацкой землице объявились многие подростки женатые и холостые не в ясаке по пятнадцати и по шестнадцати и семнадцати лет и больше" (СДБ, 378). До революции в Бурятии обычным брачным возрастом для девушек считался возраст от 16 до 20 лет, хотя могли выдать замуж и в 13 лет (Хараев, 1930, 35). "Впрочем, имели место женитьба 9-летнего мальчика на 20-летней девушке и выдача 14-летней девушки за мужчину 20-30 лет..." (Там же, 1929, 34). Кроме того, надо иметь в виду, что женитьба юношей и замужество девушек зависели также от состояния здоровья, семейных традиций, материальных возможностей родителей и других обстоятельств.

Архивные документы дают ценные сведения для решения вопроса о смене поколений у бурят, например, в XIX в., однако сведения косвенные. В них не указываются последовательно даты рождения детей, однако имеются сведения о возрасте родителей и детей. При этом в ряде семей обнаруживаются совершенно невероятные возрастные соотношения как между родителями, так и между ними и детьми. Обратимся к ревизской сказке 1850 г. Иркутской губернии, Верхнеудинского округа, Шарайтского рода, Хоринского ведомства (ЦГАБ, ф. 8, оп. 2, д. 9). В зафиксированных в ревизской сказке 110 семьях сведения о возрасте детей по отношению к возрасту их родителей дают следующую картину.

У 7-летнего мальчика 11-летняя дочь, новорожденная двойня Даша и Ирдыни), жене 34 года (семья № 17); у 3-летнего ребенка 6-летняя дочь и новорожденный, жене 24 года (№ 87); у 11-летнего - дети в возрасте от 11 до одного года и новорожденный, жене 30 лет (№ 89); у 12-летнего - 10- и 3-летний и новорожденный (№ 100); у 5-летнего - новорожденная двойня Гарма и Базар (№ 100); у 25-летнего - 23-летняя дочь, жене 45 лет (№ 46); у 14-летнего - 12- и 9-летние дочери, жене 30 лет (№ 35); у 13-летнего - 6-летняя дочь, жене 31 год (№ 33); у 6-летнего - дети пяти и двух лет и новорожденный (№ 25); у 10-летнего - новорожденный, жене 24 года (№ 44); у 15-летнего - дочь 13 лет, жене 37 лет (№ 106); у 16-летнего - 10-летняя дочь и новорожденный (№ 52) и т.д.

Разница в возрасте мужей и жен в семьях также удивительна. В два с лишним раза жны старше мужей в семьях № 10, 13, 24, 33, 44, 50, 53, 64, 92, 94, 103; в три с лишним раза - в семье № 89; почти в четыре раза - в семье № 61; более чем в пять раз - в семье № 1; почти в шесть раз - в семье № 100, более чем в семь раз - в семье № 56; в восемь раз - в семье № 87; почти в восемь раз -

в семье № 103. Рекордную разницу в возрасте находим в семье № 106, где юридически у новорожденного имеется жена в возрасте 22 лет. Естественно, в семьях, где "отцом" считается младенец, ребенок пяти или даже 15-16 лет; невозможно считать смену колен по мужской линии - только по женской.

Подобным фактам можно дать следующую интерпретацию. Рождение ребенка, видимо, означало смену поколения. Если предположить, что по количеству колен у монголов велось исчисление времени, то, естественно, это требовало сохранения одинакового количества лет в каждом колене. Очевидно, закон сохранения рода требовал, чтобы несовершеннолетние дети от родителей преклонного возраста женились на женщинах, имеющих детей, а в случае смерти брата на вдове должен был жениться один из его братьев (левират). Иначе чем же объяснить такие факты, когда жены у несовершеннолетних "мужей", как правило, имеют возраст 20-25 лет (семьи № 1, 6, 13, 20, 22, 36, 46, 52, 61, 106 и др.). Нам думается, что количество лет в коленах определялось с учетом возраста женщины, особенно в тех случаях, когда в предшествующем колене возраст родителей превысил предел 20-25 лет. Не случайно в монгольских языках существует понятие "поздний (о молодняке скота и о детях)", например: монг. хэнздэх, "хэтэрхий хэнз болох" (Монгол хэлний товч тайлбар толь, 1966) "слишком поздним быть", бур. хэнзэ "родившийся от пожилых родителей" (о детях): хэнзэ гараган хүүхэн "девочка, родившаяся от пожилых родителей". В бурятском встречаются имя Хэнзэхэн и фамилия Хэнзехенов(а), образованная от этого имени. Отметим попутно в этой связи, что значение "поздний" можно усмотреть в древнетюркских примерах kenč oɣlan "ребенок, младенец"; kenč oɣul "ребенок, младенец", kenč giz "девочка", kenč urī "мальчик", kenč urī oɣul "мальчик". Вторыми компонентами приведенных сочетаний - oɣlan, oɣul, giz, urī - сами имеют указанные значения. Следовательно, первый элемент kenč имел некогда определенное собственное значение; по форме же он близок к бур. хэнзэ "поздний", монг. хэнздэх "слишком поздним быть". Интересно также и то, что в древнетюркском от kenč образуется собственное имя с последующим словом, например Kenč estemi и др. Одно из тюркских племен называется kenčak (ДТС), где элемент -ак, возможно, представляет собой уменьшительный суффикс. Если такой морфемный анализ названия kenčäk возможен, то оно в словообразовательном плане идентично бурятскому антропониму Хэнзэ-хэн - от хэнзэ + хэн (уменьшительный суффикс). Оба имени, надо полагать, представляют собой результат субстантивации kenč (хэнзэ). Отметим, что у бурят "поздними" называются дети родителей, которым больше 30 лет.

Таким образом, детородный возраст у бурят начинался примерно с 20 лет; соответственно этим определяется продолжительность поколений. И если в том или ином колене положение дел нарушалось, то в следующем колене принимались меры по выравниванию количества лет посредством условной женитьбы несовершеннолетних детей на девицах с детьми. Это число лет в поколении мы и кладем в основу антропомимической таблицы.

Рассмотрим теперь вопрос об антропонимической хронологии и точке отсчета для нее.

Основным условием изучения любого источника информации, письменного или вещественного и т.д., является определение времени его возникновения. Специалистами-историками разработана прикладная наука – историческая хронология, задача которой – на базе изучения письменных или археологических источников дать точные сведения о времени исторических событий, датах исторических источников, а также приемах датировки (ср.: Каменцева, 1967, 4 и др.).

В лингвистических исследованиях также важна хронологическая характеристика материала; в частности, в исследованиях по ономастике применяется хронологический принцип классификации онимической лексики. Так, например, французский ученый Лебель отдает предпочтение хронологической классификации гидронимов перед типологической на том основании, что типологическая классификация вырывает гидронимы из соответствующего исторического пласта (цит по: Топоров, 1963, 230). Исторический аспект изучения имен особенно важен в тех случаях, когда языковые данные могут быть сопоставлены с историческими, этнографическими, антропологическими, когда они могут свидетельствовать о межнациональных контактах, о смене формаций и т.п.

Антропонимы же нередко представляют собой единственный достоверный источник для изучения языка, истории, социальных отношений, этнографии того или иного бесписьменного в прошлом народа. Именно такую роль играют, например, названия главных хуннских (сюннских) родов и имени их шаньюев для изучения истории и языка этих древних племен Центральной Азии.

Если при общелингвистических, топонимических, зоонимических исследованиях, особенно на материалах, зафиксированных в исторических памятниках, можно пользоваться исторической хронологией, то при изучении систем личных имен, обслуживавших и продолжающих обслуживать большое количество поколений людей на протяжении значительного периода времени, одной исторической хронологии недостаточно. Дело в том, что социально-исторические, экономические, этнографические и культурные состояния народа фиксируются в антропонимии лишь опосредованно и со значительным отставанием во времени. С другой стороны, "воспоминания" об этих явлениях могут удерживаться по традиции многие сотни лет после того, как явления, вызвавшие их к жизни, уже утрачены. Кроме того, само отражение экстралингвистических данных сводится в основном к отбору элементов апеллятивной лексики для включения в состав личных имен, нахождению моделей именования и т.п. В самом деле, модели личных имен с термином родства, образовавшиеся, видимо, в недрах родового строя, удерживаются, в частности, в бурятском языке и в наше время. Например: Борсой аха "старший брат Борсой", диал. Галуун беле "двоюродная сестра Галуун" и т.п. Нередко термины родства употребляются вместо личного имени, например: алтан худа "золотой сват" ("главный сват"), алтан худгуй "главная сватья" и т.п. А в неофициальной, бытовой подсистеме бурятских личных имен функционирует модель "название рода плюс личное имя": Мандай урагай Баанай "Мандаева рода Баанай".

Еще пример. Как известно, во 2-й половине XIX в. происходит интенсивный процесс распада большой патриархальной семьи в связи с развитием в Бурятии товарно-денежных отношений. В этот период наблюдается три типа семьи: а) большая патриархальная (пережиточно); б) малая семья; в) переходная форма — неразделенная семья.

Эта значительная для истории бурятского народа ломка патриархальных устоев на системе личных имен в плане качественных ее изменений существенно не отразилась. Естественно, увеличилось количество семейных имен с собирательным суффиксом -тан / -тон / -тэн; например, вместо одного семейного имени Солдоотон "Солдоевы" образовались имена Няатан "Няевы", Михуулхатан "Николаевы", но Солдоотон сохраняется как название группы родственных семей. Как видно, сфера применения указанного суффикса расширилась, т.е. он стал использоваться в именовании и малой семьи, и бывшей большой (неразделенной) семьи. Однако структура именовании не претерпела изменения. В настоящее время -тан / -тон / -тэн употребляется для обозначения семьи по имени главы ее и соответствует фамилии в форме множественного числа, например Ивановтон "Ивановы". Разумеется, образование новых семейных имен с этим суффиксом происходит значительно позже фактического выделения малых семей из большой патриархальной.

С другой стороны, у бурят обычай "соименовать" детей (нэртэ-элээд нэрлэхэ) в одной и той же семье, восходящей, вероятно, к периоду родовой организации жизни общества, перешел и в современную семью. Например, дети одного бурята рода Абзай носили имена, связанные между собой начальной аллитерацией: Шара, Шарлан, дочери — Шаралдай, Шаранай, Шабшар (ЦГАБ, ф. 4, ед. хр. 493, л. 346). В семье В. (Читинская обл.) имена всех семерых детей начинаются с согласного звука "д": Дарима, Дашима, Долгорма, Дондог, Доржи, Доржи-Ханда, Доржи-жаб, Димидма. Отца зовут Донид, мать — Долсон, оба 1934 г. рождения.

Как видим, имеется собственная, относительная антропонимическая хронология, не совпадающая с абсолютной исторической, и возникает проблема определения для нее точки отсчета.

"Никакая достоверная и единообразная хронология невозможна без эры, т.е. без счета лет от определенного дня, который признается исходным, отправным в счете. Эра необходима, чтобы определить место события во времени. Для определения места события во времени следует указать его соотношение с другими событиями. Для того чтобы обозначить событие во времени, т.е. указать год события, к которому оно произошло, надо иметь какой-то отправной момент, от которого производится счет... Всякая эра имеет условное значение. Исходным началом может быть и историческое, и мифическое событие. В счете лет от определенной эры важна не реальность события исходного момента, а важно знать, какой промежуток времени отделяет нас от этого дня, который мы принимаем за исходный момент эры" (Каменцева, 1967, 22).

"Точка отсчета" в антропонимике, в отличие от истории, — это некий временной интервал, в течение которого обнаруживается нача-

ло какого-либо нового явления в системе имен: разумеется, невозможно указать конкретно день или даже год забвения или появления нового типа имени. Поэтому единица измерения времени для антропонимики не год, а скорее десятилетие.

От этой точки должен начинаться отсчет последовательных "напластований" единиц в именнике от поколения к поколению, которые связывают в единое целое прошлое состояние с настоящим и будущим. Сбор материала, с соответствующей нумерацией поколений и фиксацией определенных пластов имен по поколениям, может быть легко продолжен в будущем, что даст возможность накапливать антропонимические сведения за неограниченно большие периоды жизни того или иного народа. Важно только, чтобы нумерация поколений соотносилась с абсолютной хронологией.

Точка отсчета в антропонимике должна также позволять производить обратный счет пластов имен, отличающихся какими-то существенными признаками от имен последующих времен; для них, разумеется, должны быть приняты другие приемы собирания и методы исследования. В качестве точки отсчета в антропонимической хронологии может быть принят какой-либо переломный момент в истории развития именника народа в связи с изменениями социально-экономического, исторического и этнографического порядка. От этой точки счет поколений должен вестись в двух противоположных направлениях: в глубь истории (как бы со знаком минус) и к нашему времени. Сказанное не означает, что именники до и после точки отсчета не имеют ничего общего между собой. Изменение именника любого народа — это постепенное накопление нового в недрах старой системы. Примером могут служить многовековое сосуществование канонических имен с исконно русскими в русском языке, русские заимствования в языках многих народов Советского Союза наряду с исконными именами и т.п. Задача исследователей в таких случаях — определить причины широкого распространения, длительного бытования одних и выпадения из системы других имен.

Принципы определения точки отсчета в антропонимике, естественно, будут отличаться от языка к языку. Применительно к системе личных имен западных бурят можно предварительно сделать следующие замечания.

Диахроническое рассмотрение данной системы имен показывает, что до XVII в. именник монгольских народов, от которого отпочковался бурятский, можно изучать только по данным исторических хроник — "Сокровенного сказания монголов", "Сборника летописей" Рашид-ад-Дина и т.п. В них приводятся в основном родословные ханов, причем указываются имена и титулы. Но из этих родословных трудно получить полное представление о функционировании системы имен. Они не отвечают на вопросы: как люди обращались друг к другу в семье; как обращались друг к другу близкие и дальние родственники; какие имена употреблялись на государственной службе; каково взаимодействие личных имен и прозвищ; как часто и в каких случаях употреблялось личное имя с отчеством или названием рода? Подобные вопросы могут быть решены с применением соответствующих приемов на базе

в значительной степени косвенных данных, сопоставлением именника тех времен с именниками последующих эпох.

Исконный именник западных бурят XVII в. еще сохраняется в памяти современных долгожителей как имена предков современных родовых групп. Эти имена упоминаются и в русских документах XVII в.: Бура, Доной, Куржум и др. Наряду с исконными именами у бурят в XVII в. встречаются русские заимствования типа Ивашка (Баашка, Паашка), а также русские уменьшительные суффиксы у бурятских личных имен (Казайко > Казай+к+о, Даркейко), патронимический суффикс -ов / -ев в составе семейных имен (Дучиев, Билихаев, Тураев) (СДБ, 480-481). Кроме того, за период с XVII в. по настоящее время бурятские имена можно собрать в виде родословных таблиц, некоторую часть которых можно хронологически уточнить по архивным данным.

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что XVII в. для системы личных имен западных бурят является началом нового этапа.

Новые русские заимствования постепенно увеличивались количественно, что к 30-40-м гг. XX в. привело к качественному изменению системы личных имен бурят, в которой образовались две подсистемы: одна трехкомпонентная, официальная (на русской основе фамилия, имя и отчество), другая - бытовые имена с бурятской языковой основой. Претерпела значительные изменения апеллятивная база образования прозвищ: ушли в историю основы с негативными значениями (так называемые охранные имена), появились новые прозвища, например школьные - от терминов, обозначающих химические реактивы или приборы (химоза, мензурка), оценки знаний (кол) и т.д.

XVII век - переломная эпоха для монголов вообще: в это время калмыки (ойроты), в основной массе исповедовавшие ламаизм, переселяются в пределы России; среди восточных бурят распространяется ламаизм, а западные буряты наряду с шаманизмом начинают исповедовать православие.

Использование понятия антропонимической хронологии возможно только при соответствующем, серьезно продуманном собирании материала. А для бесписьменных или младописьменных народов основным приемом собирания, как уже говорилось, должна служить запись личных имен по родоплеменным группировкам или поулусно (поскольку улус - это административная единица, поселение, исторически возникшее на базе родовых группировок).

Теперь нам остается соотнести антропонимические колена в таблицах с соответствующими годами исторической хронологии.

№ колена	Годы	№ колена	Годы
I	1600-1620	XI	1801-1820
II	1621-1640	XII	1821-1840
III	1641-1660	XIII	1841-1860
IV	1661-1680	XIV	1861-1880
V	1681-1700	XV	1881-1900
VI	1701-1720	XVI	1901-1920
VII	1721-1740	XVII	1921-1940

№ колена	годы	№ колена	Годы
VIII	1741-1760	XVIII	1941-1960
IX	1761-1780	XIX	1961-1980
X	1781-1800	XX	1981-2000 и т.д.

Примечания: а) начало антропонимического колена соответствует началу складывания традиций именованя детей в семье, что происходит в среднем каждые 20 лет при образовании новой семьи; б) дети, родившиеся в одной семье, должны записываться в одной строке таблицы, даже если интервал между датами их рождения превышает 20 лет, поскольку принципы именованя детей у одних и тех же родителей остаются прежними (за редким исключением).

Подведем итоги. Как нам представляется, сбор антропонимического материала полевым способом у народов, в прошлом бесписьменных, должен строиться с учетом их родоплеменной дифференциации и с разбивкой на антропонимические колена, число лет в которых определяется в зависимости от возраста деторождения; способ представления материала – антропонимические таблицы.

Антропонимические родословные таблицы являются максимально емким источником; в них зафиксирован набор имен в пределах семьи и рода прошлых эпох, а также заложены возможности продолжения записей в последующих поколениях. На этом материале можно проследить эволюцию принципов именованя в различные исторические эпохи; закономерности в принципах формально-семантической дифференциации мужских и женских имен; время, формы и интенсивность; взаимодействия носителей соответствующих антропонимикон; изменение мотивов наречения имен в истории народа; отражение типов дву- или многоязычия при заимствовании, изменения в степени модификации элементов языка-источника в заимствующем языке; процесс становления новых категорий именованя индивидов в связи с изменениями социально-экономических и культурных условий и влиянием на тот или иной народ со стороны народа более высокой культуры. Корпус "многослойного" антропонимикона может также явиться важным источником при этимологическом исследовании топонимии, генонимии, зоонимии определенного региона и т.д. Все это в конечном счете может пролить определенный свет на историю культуры народа.

При всей насыщенности информацией, однако, антропонимические родословные таблицы не могут отразить многие этнографические и социальные моменты наречения и функционирования имени. Так, вопросы о старинных и новых, складывающихся обычаях наречения имени новорожденному, о формах обращения в пределах определенных социумов, о рождении и функционировании различных прозвищ и многие другие должны стать предметом параллельной анкетной записи; подобные вопросы остаются пока за пределами нашего исследования.

§ 5. ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ МАТЕРИАЛА

И СТРУКТУРА РАБОТЫ

В настоящей работе принят принцип стратиграфической классификации имен по языкам-источникам. При разграничении монгольских и тюркских имен использованы фонологический, лексический и этимологический принципы. Например, отсутствие монофтонгизации сочетания "ай" в инициали в тюркских заимствованиях (Айхай – от тюрк. aj "луна", Байхан – от тюрк. baj "богатый"); отсутствие монгольской при наличии тюркской этимологии (Багай – от тув. багай "плохой, скверный", Бугдай – от др.-тюрк. bugdaj "пшеница") и т.п. Пределом этимологического возведения антропонима принят соответствующий апеллятив, поскольку имя представляет собой вторичное образование и этимологический апеллятив указывает на мотив выбора имени. В случаях, когда имя может быть возведено к апеллятивам разных языков, вначале дается описание с учетом данных бурятского и других монгольских языков, далее – данных тюркских и других языков. При этом учитывались антропонимические потенции соответствующих апеллятивов в связи с историческими и этнографическими основами имени в монгольских и тюркских языках.

В основу выделения исконных древних имен также положены лексический и фонетический принципы. Учитываются и лексические значения апеллятивных основ имен, например выделяются имена, образованные от названий диких и домашних животных, их масти и от названий птиц как имена, некогда бывшие тотемическими и охранными. Когда возможно, проводится сравнение с именами из исторических источников, например из "Сборника летописей" Рашид-ад-Дина, "Сокровенного сказания монголов" и др. К ним относятся имена типа Арслан "лев", Бука "бык", Буурал "чалый (о масти)". Сюда же относим имена на возвеличивающие, например: Баатар "богатырь, герой", Мэргэн "меткий стрелок; мудрый", а также охранные имена типа Үбөөдээ – ср. диал. (Ү) бээ, бөөэ "нет, не имеется".

При фонетическом анализе учитывается хронология фонетических законов. Так, из двух имен Тагар и Таар более ранним считается первое – Тагар, в котором еще присутствует интервокальный "г", впоследствии выпавший, в результате чего в форме апеллятива таар "холщовый мешок" образовался долгий гласный. Имена, в которых сохраняется свистящий "с" без изменения в "ш", также относятся к более ранним, например Бүсээ (совр. бүлэ или бэлэ "пояс") и др.

Имена, извлеченные из русских архивных документов, подвергнуты предварительной реконструкции на базе выявления субститутов фонем бурятского языка. Так, нами реконструированы личные имена бурят, зафиксированные в отписках служилых людей, жалобах аборигенов Бурятии, а также в ревизских сказках, подворных списках, ведомствах сбора ясака, рапортах и ведомостях о крещении. Кроме того, извлечены личные имена, фамилии и отчества из документов загсов Еравнинского р-на Бурятской АССР, Ононского р-на Читинской обл., Ольхонского и Осинского р-нов Иркутской обл. за 40–70-е гг. XX в. Таким образом, нами использованы исторические материалы XVII,

XIX и XX вв., в которых отражены различные изменения бурятской звуковой системы.

Вопрос о реконструкции бурятской онимической лексики вообще, а антропонимической в частности заслуживает особого внимания и представляет собой предмет специального исследования. Однако в рамках настоящей работы мы приводим некоторые типичные случаи субституции бурятских звуков в именах бурят с тем, чтобы более полно ввести в научный оборот фактический материал. Степень объективности реконструкций контролировались путем соотнесения полученных реконструктов с соответствующими апеллятивами или онимами. Например, Туя реконструировано в виде Туяа и соотнесено с личным именем Туяа и апеллятивом туяа(н) "луч, лучи света; сияние".

Основные типы русских субститутов бурятских звуков представлены в табл. 1 и 2.

Как видим, мягкорядные гласные "ө", "э", "ү" в русском языке отражаются с близкими по артикуляции твердыми "о", "у" или "ы".

Долгота гласных отражается в русских документах удвоением букв очень редко - Баатур (СДБ, 100), Баатырь (СДБ, 63), апеллятив саадак или сайдак "весь прибор для стрельбы: лук с токуем (налучник) и стрелы с колчаном" (СДБ, 100, 4461). В остальных случаях долгие гласные означены соответствующими русскими буквами, например: бур. буура - Бура (Бураев), Шараан - Шаран, Атуут - Атут. Твердые дифтонги "ай", "ой" служат одним из средств определения сингармонического ряда слов, ср.: Балдай и Обогой, Халтай и Ходой. Русские сочетания "ай", "ой" выступают также субститутами мягкорядных долгих гласных и дифтонгов бурятского языка - наряду с "эй", например: Эмээ - Имей или Имай, Галнай, Хориной, Табинай; Хүнхөө - Хунхой.

В тех случаях, когда наблюдается нарушение гармонии гласных в слове, мы прибегали к помощи антропонимических серий, в которых одно из имен сохраняет антропооснову в более отчетливом виде. Так, например, из двух форм одного и того же имени - Онхой и Анхой - предпочтительна форма Онхой по двум причинам: а) в Анхой второй слог имени лабиализованный "о", тогда как в других слогах "а"; б) отца зовут именем Онгорхой (Онгорхоев), восходящим, как нам кажется, к апеллятиву онгорхой "открытый" - также со звуком "о". Далее Онхой с учетом Анхой возводим к бурятскому имени Онхой, встречающемуся в наших родословных таблицах.

Наблюдаются субституты, которые можно дешифровать, соотнося с несколькими бурятскими фонемами. К примеру: форму имени по отцу Хахаев можно соотнести со следующими именами: Пахай, Хаахай, Паахай или Паха (если возможно такое имя), Хааха и Пааха.

Некоторые субституты звуков бурятского языка в русских документах неизменно замещают соответствующие звуки на всем протяжении от XVII до XX в., другие же ограничены какими-то временными рамками. Первые мы называем "сквозными", а вторые - "локальными". К "сквозным" относятся русские знаки, обозначающие согласные "б", "д", "з", "м", "н", "т", а также твердые долгие и крат-

Таблица 1

Субституты кратких гласных

№ п/п	Фонемы бурятского языка	Русские субституты	Примеры
1	2	3	4
1	Инициальные		
	а	а, о	Абзай – Абзай и Обызай; Арднай; Адай (русское написание совпало с бурятским)
	о	нуль звука, а, о, у	Очнрой – Чирой и Очирой; р. Огно – р. Анга; Омой – Умой
	у	у	Улаанай – Уланай; Урбаазай – Урбаазай – Урбаза(ев)
	ү	у	Үнхэй – Умекей; Үнэгэдэй – Уныгидей
	э	а, и, о, э	Эмэгэй – Амигей, Имегей, Омегей, Энхэй – Инкей
2	Краткие в начальном слоге		
	а	а, о, е	Бата – Бату и Бато; Далбага – Долбага, Шабхай – Шепхай
	о	а, о, у	Болод – Болот; смешение "о" и "а" (Намак и Номок); Нохойшко – Нохошка, Бороон – Буронев)
	ө	о, у	Мөнхөрхө – Монкурка; Хөржем – Куржум
	у	у, о	Дулма – Дулма и Долма; Буянта – Боинта
	ү	у, е	Мүнхэ – Мунко, Хүбүүнэй – Хебуней
	э	а, и, ы, е	Дэрхэй – Дархейко; Жэгмэд – Жигмыд; Тэхшэн – Тыкшин(ов), Мэргэн – Мергенъ
3	Краткие в ненервных слогах		
	а, я	а, и, о, у, ы, я (и, й)	Мангадай – Мангадай; Мангад – Мангут; Архинша – Архичи; Харагшан – Харакшин; Даха – Даху; Бата – Бато или Бату; Сооса – Сосы; Баяр – Баяр, Баир или Байр
	о, ө	о, у, й	Бономол – Богомол; Зорёгто – Зарикту или Зорикто; Ноёхон – Нойхон

1	2	3	4
	ө	о, у	Төмөр - Тумур(ов), Төмөрхөн - Томорхонов
	э	а, и, ы	Эрхэнэй - Ирканий, Эхэнэр - Ихиныр(ов)
	и	е, и	Хуриган - Хуреган(ов); Архинша - Архинчи
4	Краткие гласные в финали		
	а	у, о, и	Бата - Бато, Бату (Батоев, Батуев); Абида - Абидо; Даша - Даши (Дашинов, Дашиев)
	и	и	Эрдэни - Ирдени (Эрдениев, Эрдынеев, Ирдениев), Астаанхи - Астанхи
	о	и, о	Доржо - Доржи, Зодбо (Доржиев, Доржеев, Зодбоев)
	ө	о, уй	Пөртө - Хорто или Хортуй; топоним Дөртө - Дурутуй
	э	у, о, ы	Мүнхэ - Мунко, Мунку (Мункоев, Мункуев), Энхэ - Инкы (Инхьев)

кие гласные - "а", "о", "у", "ай", "ой", "уй", например: Барлук (XVII в.), Вадлуй (XIX в.), Булгита; Доробай (XVII в.), Дарбахан (XIX в.), Даба-Нима (XX в.); Зориктойко (XVII в.), Зутуршан (XIX в.), Забанов (XX в.); Моголчик (XVII в.), Матхай (XIX в.), Малахан(ов) (XX в.), Наптагар (XVII в.), Нарман(ов), Намдак(ов) (XX в.), Табангуты (XVII в.), Тар (XIX в.), Тышкен(ов) (XX в.).

Субституты "к", "ц", "ч", "ж" или "дж", "з" или "дз" в разные исторические периоды отражают разные фонемы бурятского языка. Так, субститут "к" в XVII в. обозначались фонемы "к" (Конко) и фрикативный заднеязычный звонкий "г" (Баракай). В документах XIX и XX вв. "к" в бурятских именах практически не встречается, например Камкай (XVII в.) - Хамнаев (XIX-XX вв.). Субституты "ц", "ч", "дж", "дз" в XIX-XX вв. встречаются в именовании, распространённых в южно-бурятских говорах, например Ошоров (Иркутская обл.) - Очиров (юж.-бур и вост.-бур.). Некоторые имена реконструированы от географических названий, например: Муульхай - от названия мельницы Муульхайн тээрэм "мельница Мулихая" (Качугский р-н), Оноо - от Оноо ялга "падь Оноя". Подобная реконструкция поддерживается данными исторических памятников и родословными таблицами бурят: так, имя Муулихай встречается в "Алтан тобчи" Мэргэн гэгэна (Балданжапов, 1970, 105).

Таблица 2

Субституция согласных фонем

Бурятские фонемы	Субституты	Примеры
с, н	ц, с	Сагаан – Цаган; Намцарай и Намсарай – Намцарай; Погтуу или Соктуу – Сокту
ш	ч	Шоно – Чино; Шонойн – Ченоин (род); Шэхэнээ – Чикиней; Хулууша (ураг) – Хулучский (улус)
х, г фрикативный	к	Хүбүүн – Кубун; Хонхо – Конко, Хүхэй – Кужей; Бааргай – Баракай
х, н	х	Нохой; Памаган – Хамаган(ов)

Имена из русского антропонимикона описаны с точки зрения адаптации их в бурятской языковой среде по хронологическим срезам с учетом распространения двуязычия среди бурят.

При описании тибетизмов в бурятском антропонимиконе сделана попытка уяснить закономерности сочетаемости первичных имен в пределах сложных имен.

Структура работы, деление ее на главы определяются необходимостью описания бурятского именника под разными углами зрения. Вначале, в главе второй, мы рассматриваем общие вопросы функционирования имен и мотивы их выбора. Далее рассматриваются собственно бурятские имена с точки зрения их образования (глава третья). Именам иноязычного происхождения – тюркским, тунгусо-маньчжурским, тибетским, русским – посвящена четвертая глава. Наконец, отдельная (пятая) глава посвящена современным официальным моделям именования, появившимися в бурятском антропонимиконе под влиянием русского. В Приложении даны словарь адаптации русских имен в бурятском языке и список бурятских имен, встречающихся в работе.

Глава вторая

МОТИВЫ ВЫБОРА И ТИПЫ БУРЯТСКИХ ИМЕН

Итак, назначение личных имен – идентификация конкретной личности и выделение ее из массы людей, например: Я дал книгу Петру (не Ивану; Суперанская, 1973, 139). Образование и функционирование антропонимов происходит в определенных социумах при конкретных исторических и этнографических условиях; не последнюю роль играют и психологические факторы. В условиях родоплеменной организации общества антропонимикон рода или подрода ограничен определенным набором единиц, о чем свидетельствуют приведенные нами материалы (см. главу первую). Модель имени человека, количество входящих в нее компонентов определяются и сферой функционирования имени – так, внутри семьи нет необходимости называть индивида по отцу или матери, тем более по роду, тогда как в более широком социуме эта модель необходима наряду с другими: ср. о человеке из другой местности – Доонхирагай Үалтар “Халтыр из рода Доонхи”. Иными словами, категории систем личных имен и типология наполнения их теми или иными единицами именования так или иначе обусловлены социальными, этнографическими факторами.

Более правильному пониманию особенностей системы современного именика бурят могут помочь свидетельства некоторых исторических памятников, среди которых главным является “Сокровенное сказание монголов” (Козин, 1941), архивные документы, а также материалы, собранные нами на местах.

Сравнение имеющихся у нас материалов со свидетельствами “Сокровенного сказания” показывает, что система имен бурят сохранила многие обшемонгольские черты.

В “Сокровенном сказании” наблюдаются следующие антропонимические модели.

1. Собственно личное имя. Оно может быть образовано от одного апеллятива или словосочетания: Харчу, Бүгүнүтэй, Бэлгүнүтэй, Дайр-усан.

2. Имя + прозвище: Дува сохор “Дува слепой”, Добу мэргэн “Добу меткий стрелок” или “Добу мудрый, прозорливый”, Торголжин баян “Торголжин богач”, Есүхэй баатар “Есүхэй богатырь”.

3. Имя отца в форме род. п. + термин хөвүүн “сын” + личное имя: Ихнүдэний хөвүүн Шинсочи “Ихнүдэна сын Шинсочи”.

4. Личное имя + термины родства или свойства: Есүхэй худ “Есүхэй сват”.

5. Личное имя + прозвище + термин родства: Добу мэргэн дүү "Добу меткий стрелок младший брат".

6. Название рода в род. п. + имя отца в род. п. с прозвищем + термин хөвүүн "сын" + личное имя: Хонхотаны Чирха өвгөний хөвүүн Минлиг "Хонхоевых рода Чирха старика сын Минлиг".

7. Представители бедных слоев населения именуются по названию рода богача, у которого они служат: Би Малиг баяудын хүн "Я Малиг богачей человек" или Малиг баяуд овгийн зарц хүн "Малиг богачей рода слуга (человек)".

8. Термины родства ах "старший брат", дүү "младший брат", хүү "сын", худ "сват" употребляются при личном обращении даже при отсутствии кровного родства (МНТ, § 1-68). Например, Есухэй называет Минлига, сына Чирха, хүү минь "мой сын". Подобные случаи, вероятно, могут интерпретироваться как отголоски группового брака.

Все приведенные модели, за исключением седьмой, сохраняются в современной системе бурятских личных имен. Правда, некоторые затруднительные размышления вызывает порядок компонентов в прозвищах. В "Сокровенном сказании" в прозвищных именах аппеллятивный компонент может стоять в постпозиции по отношению к оному: Торголжин баян, Дува сохор. В современном бурятском языке имеет место двоякое следование компонентов в именовании указанного типа. Если прозвище выражено именем существительным, обозначающим профессию, род занятий человека, то порядок компонентов не играет существенной роли в выполнении оным функции прозвища; например, совершенно идентичны сочетания Борбоосхо Дархан и Дархан Борбоосхо "Борбоосхо-кузнец". Если прозвище выражено именем прилагательным, то оно должно стоять перед именем. В постпозиции к имени оно становится сказуемым; ср.: похор Үлэхсээ "слепой Алексей" и Үлэхсээ похор "Алексей слеп", Дохолон Шоно "хромой Шоно" и Шоно дохолон "Шоно хром".

Таким образом, модели именования людей имеют и лингвистическую, и экстралингвистическую обусловленность.

Перейдем теперь к рассмотрению основных категорий бурятского именника, моделей именования и сфер их применения.

§ 1. ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ БУРЯТСКОГО АНТРОПОНИМИКОНА И СФЕРЫ ИХ УПОТРЕБЛЕНИЯ

В современной системе неофициального именования у бурят имеются следующие категории: личное имя, имя по отцу, матери, мужу или жене, имя по детям, имя по названию рода, имя по названию улуса (села), прозвища (индивидуальное, групповое, внутрисемейное). В системе официального именования, помимо имени личного, имеются фамилия и отчество. Таким образом, сосуществуют традиционные (неофициальные) и новые (официальные) антропонимические категории. В этом параграфе мы рассмотрим только традиционные имена как наиболее интересные с исторической и этнографической точек зрения. Новым категориям будет посвящена отдельная глава.

1. Личное имя – это имя, даваемое при рождении или взрослому человеку; функция его – выделение и идентификация личности в пределах небольших социумов (семья, род, село, группа людей, объединенных по тем или иным мотивам); оно входит как обязательный компонент в состав всех других категорий имен индивида и служит основным источником образования последних. Например, мужское имя Нохой служит средством именования человека в микросоциумах, а также основой отчества, фамилии, входит в состав имени по отцу, имени по мужу и прозвища: Нохой – личное имя, Андрей Нохоевич, Нохойн Ондри “Нохоя Андрей”, Нохойн Бугаалай “Бугалай Нохоя (жена)”, Ехэ Нохой “Большой (старший) Нохой”.

2. Имя по отцу (мужу, жене, названию рода или улуса) – это имя, которое образуется от имени отца или других родственников в форме родительного падежа в сочетании с личным именем индивида: Палуушхин Палтар “Халтыр Халушкея” (от имени отца Палуушха), Уhini Нугдай “Нугдай Ухина” (от имени мужа (Ухин), Шаргайрагай Палтар “Халтыр из рода Шаргай” (от названия рода Шаргай).

3. Именование по детям (внукам) образуется от имен детей или внуков в форме родительного падежа и терминов родства баабай, аба “отец”, эжы “мать”, тоо (или отоо) баабай “дед по отцу” и т.п., например: диал. Педоройн отоо баабай “дед Федора”, Майтагсаанай эжы “мать Майтагсана”, Обогойн баабай “отец Обогоя” и т.д.

4. Прозвище – это вторичное именование индивида, обусловленное теми или иными особенностями внешности, чертами характера, привычками, общественным положением и т.д. Как правило, они бывают двухкомпонентными – апеллятив с соответствующим значением плюс личное имя, например: Пиисхүүр Бааля “Легкомысленная Валя”, Халхараан Нугдай “Вихляющаяся Нугдай” (ср. диал. халхара – “идти разболтанной походкой”), Бригадир Халхаас и т.д. Если апеллятивная часть прозвища представляет собой словосочетание, то личное имя может и опускаться: Улаан Хамар “Красный Нос”.

Групповые прозвища характеризуют семью или род в целом, например: Бахалууртан “Бахалуровы” – от диал. бахалуур “зоб”; Хулууша ураг “род Хулуша” – от хулууша “вор”.

Перечисленные основные категории в разной мере используются в разных сферах общения – микросоциум (семья), макросоциум (улус, род) и т.д. Соответственно мы выделяем следующие основные типы именовании по сфере употребления: внутрисемейные, внутриулусные (или внутривидовые) и междуулусные. В каждый из этих типов входит по несколько моделей именования с участием названных антропонимических категорий. Рассмотрим их подробнее.

1. Внутрисемейные именовании

Внутрисемейные именовании встречаются нескольких подтипов. Первый, основной из них – это однокомпонентные имена, данные при рождении ребенка, например: мужские имена Обогой, Баяр, Доржо, Нима, Болоодя (или Володя), Аальбэрт(а); женские – Галуун, Ногоо–

лой, Сэсэг или Цэцэг, Амгалан, Наадя, Натааша или Настааша, Люудэ, Октябриина и т.д. Этот подтип внутрисемейных имен носит универсальный характер – он присущ всем известным антропонимическим системам. Это основа всех категорий именовании индивидов.

Второй подтип внутрисемейного именовании представляют термины родства, функционирующие вместо личных имен на основе единичной соотносительности. Повсеместно функционируют в роли личных имен термины со значениями "отец" – аба или баабай, "мать" – маамай или эжы, "старший брат" – аха или аханай, "старшая сестра" – хаадии, шааштай, шааштайха, ахадай ("жена старшего брата") и др. Возможно, личные имена типа Нагаслай – ср. нагаса "родственник по материнской линии" – произошли от терминов родства.

В случаях, когда в семье старших детей больше одного, к терминам родства прибавляются маркирующие элементы в виде прилагательных ехэ "большой (старший)", бага "маленький (младший)"*, дунда "средний" или же в виде собственного имени, например: Ехэ аха "Большой старший брат" или Борсой аха "Старший брат Борсой", Ехэ хаадии "Большая старшая сестра" или Ноогоолой хаадии "Старшая сестра Ноголой". Имена этого усложненного типа не только идентифицируют личность, но и служат формой обращения к индивиду с той только разницей, что не всегда в речи реализуются в полной форме. Так, вместо Ехэ аха или Бага аха возможна и однокомпонентная форма (Аха), Ехэ Шааштай – Шааштай. В недавнем прошлом в семьях, глава которых имел две жены, дети называли их обеих "мама", но различали либо в соответствии с возрастом – Ехэ маамай (или эжы) "Большая (старшая) мама", Вага маамай "Малая (младшая) мама", либо по модели "личное имя + маамай (эжы)" – Галууша маамай или Маатуу маамай. Муж своих жен при обращении (по крайней мере при посторонних) называл по именам, а соседи и муж при общении с соседями называли первую жену абаали от абаха "взять" или урда изии (или хамган) "первая (предшествующая) жена", а вторую – хойто изии (хамган) "последующая (вторая) жена".

Имена-термины родства в семье имеют одинаковую употребимость с собственно личными именами, функционирующими в более обширных социумах. Видимо, это и обуславливает переход имен-терминов из сферы внутрисемейного именовании в ранг единиц ономастикона; таковы имена Отхон – от одхон "самый младший", Нагаслай – от нагаса "родственник по материнской линии". Аналогичное явление встречается и в антропонимиконах других народов; так, в русском находим фамилии Братухин – от брат(уха), Дядин – от дядя (Веселовский, 1974, 49, 106). Замещение личного имени термином родства наблюдается и сейчас. Так, рабочего М. племянница называла Дядя; через некоторое время все, близко знавшие его, стали к нему обращаться по имени Дядя, даже лица, намного старше его и не имеющие с ним никаких родственных отношений.

*Здесь имеется в виду "младший из старших по отношению к говорящему". Для младших имеются маркирующие элементы тээли "предпоследний", одхон "самый младший".

Следует заметить, что такой подтип внутрисемейных имен распространен в наши дни не повсеместно. Так, например, потомки бурят шоноевского рода, расселенные в верховьях р. Лены, как правило, к терминам родства вместо личных имен прибегают все реже и реже. Дети друг друга называют по именам независимо от возраста, тогда как в других районах Иркутской области, Бурятской АССР и Агинском национальном автономном округе сохраняется обычай употребления терминов родства вместо личного имени. Это свидетельствует, как нам представляется, о том, что оттерминологические внутрисемейные личные имена представляют тип, уходящий в историю. Можно предположить, что когда-то термины родства были единственным средством идентификации личности в семье, роде, подходе. Подтверждением этому может служить явно вторичная модель именования "личное имя + термин родства", где личное имя является определением: Доржо аха "брат Доржа". Следовательно, в истории был период, когда антропонимов в современном понимании, т.е. специальных десемантизированных именованных людей как вторичных образований от нарицательных слов, не было. Такое положение скорее всего соответствует первобытнообщинному строю, где первостепенную значимость имел институт кровного родства и, соответственно, идентификация людей по месту в семье, роде. В свете сказанного чрезвычайно интересно сообщение Геродота об отсутствии личных имен у атарантов.

Особый подтип представляют собой внутрисемейные прозвища. От обычных индивидуальных прозвищ они отличаются следующим: а) они однокомпонентны - в их состав не входит личное имя; б) набор нарицательных слов, используемых в этом качестве, обозначает, в общем-то, негативные признаки ребенка, подростка или юноши, девушки, но с положительной переоценкой. Поэтому внутрисемейные прозвища сближаются и с уменьшительно-ласкательными формами имен, однако отличаются большей семантической - они называют тот или иной признак человека или семейные обстоятельства, связанные с именуемым, тогда как ласкательные формы представляют собой только варианты личного имени. Таким образом, внутрисемейные прозвища, функционирующие в пределах семьи вместо личных имен, - это категория имен, образование которых обусловлено позитивным отношением к недостаткам именуемого как отражение семейного психологического климата. Среди внутрисемейных прозвищ не обнаруживаются такие, которые характеризовали бы человека по какому-либо серьезному недостатку, особенно физическому. Так, среди них не обнаруживаются прозвища типа Дохолон "хромой", Хазагай "кривой", Харлаган "слепой", весьма распространенные среди обычных, не семейных прозвищ.

Примеры внутрисемейных прозвищ: Сэлгэгэнүүр - от сэлсэгэнэ хэ "иметь привычку делать что-либо в спешке, неаккуратно", Урбагануур - от урбаганаха "проявлять чрезмерную вспыльчивость", Онөөсхо - "узкоглазенькая" и т.п.

Однако внутрисемейные прозвища могут выйти за пределы семьи и обрести ранг антропонима. Так, мальчик, гостивший у родственников, по возвращении домой рассказал, что тетя его угощала домашним печеньем, назвав его придуманным им же словом пүсхэл - от пүсхэгэр

"пухлый". Этот случай послужил мотивом семейного прозвища Пүсхэл, которое затем стало функционировать как личное имя, вытеснив имя, данное при рождении*.

Характерной особенностью внутрисемейных именовании является и обычай, называемый нэртхээлээд нэрлэхэ – "соименование". Соименование может наблюдаться и по горизонтали, и по вертикали – как в одной семье, так и в разных семьях, происшедших от одного предка. Типология связанных имен описана в § 4 этой главы.

Во внутрисемейном употреблении довольно часто встречаются вторые (параллельные) имена. Вторыми мы называем имена, которыми по тем или иным мотивам заменяется имя, полученное при рождении. Например, девушка по имени Дынсыма после продолжительной болезни и пребывания в больнице стала носить имя Ульяана. Другой мотив выбора второго имени связан с замужеством: например, девушка Оолног после замужества стала носить имя Бааля (Валя). Второе имя может появиться в результате вытеснения первого имени официальным, паспортным: например, девочку при рождении назвали мужским именем Моотор в качестве "охранного": теперь она носит имя Моника. Все имена типа Нохой "Собака", Үнхээшхэ "Вонючая", Насраанха "Засранка" заменены вторыми именами, взятыми из русского антропонимикона.

Типологию внутрисемейных имен можно представить в виде схемы 1.

Схема 1. Типология внутрисемейных имен.

ЛИ – личное имя, данное при рождении; ТР – термин родства; СПР – семейное прозвище; ЛФ – ласкательная форма имени; ВИ – второе имя; ПИ – параллельное имя.

2. Внутриулусные именовании

Внутриулусные или межсемейные имена – это тип именовании, главным компонентом которого является внутрисемейное имя, дополняющееся теми или иными маркирующими терминами или именем отца (матери) в форме родительного надежа, а также "заглазным" прозвищем.

*Это свидетельствует также о том, что личное имя не обязательно должно быть традиционным, унаследованным от предков; оно может быть создано в одном поколении.

В детские годы, когда носитель имени еще не может непосредственно общаться с односельчанами, его называют по модели "сын (или дочь) такого-то", употребляя имя отца или матери в форме родительного падежа с прибавлением термина хүбүүн "сын" или басаган "дочь": Сэрэнжабай хүбүүн "Сьренжаба сын", Михлайн хүбүүн (или басаган) "Николая сын(или дочь)".

Позже в общении с соседями при обращении его называют внутри-
семейным именем, у которого в связи с этим расширяется сфера функционирования; за глаза же к имени добавляют имя отца (или матери) в форме родительного падежа: Яхшийн Буганайшха "Буганашка Яшки", Сэрэнжабай Бадар "Бадар Сьренжаба", Шараани Галуун "Галина Шараны" (имя по матери). Если в селе имя родителя повторяется, то имя отца усложняется либо прозвищем его, либо именем деда по отцу: Борсойн Олѳошхиин Галуун в отличие от Даниилайн Олѳошхиин Галуун - "Галина Алексея Борсоя" и "Галина Алексея Данилы", т.е. Алексея Борсоевича и Алексея Даниловича; Улхан Бидууе Билсхаан "Билсхан Улхан Бидуя" (Улхан - прозвище с апеллятивным значением "нарыв на шее, золотуха" в качугском говоре, ср. общепурятское улхан "напльв на дереве; чашка").

При обращении к старшим по возрасту используют формулу "ЛИ+ТР": Байнга абага "дядя Байнга", Галнай тѳѳдэй "бабушка Галнай". Широко распространено и обращение посредством терминов сродства, например: Алтан худа (или худагы) букв. "Золотой сват (сватья)", Доржо худа "сват Доржи" и т.п.

Согласно традиции, принято обращаться к лицам, имеющим детей, по имени старших детей в форме родительного падежа: Буглаахайн, баабай или Буглаахайн баабай Байнга (абага) "отец Буглахая (дядя) Байнга".

Вместо имени может употребляться прозвище (по-бурятски ара нэрэ букв.: "заспинное имя"): Хорьѳон (или Дорьѳон) Пидуус или Барматаа Петрууха "Бормотун Петруха". Иногда прозвище может вытеснить имя человека. Рассказывают, что в Ольхонском районе человека прозвали Завгар (заведующий гаражом), хотя он не исполнял эту должность, и в одну из предвыборных кампаний с трудом удалось вспомнить его имя, фамилию и отчество.

При заглазном упоминании отдельных семей или родов, а также их представителей употребляются модели "имя главы семьи + собирательный суффикс -тан (-тон, -тэн)", "название рода + суффиксы -тан, -шуул, или -раг" (последний представляет собой редуцированную форму слова ураг "род"): Шѳбхэнээ - Шѳбхэнээтэн "Чепкиной - Чепкиневы", Божоо ураг - Божоотон - божоорагтан "урак Божоо - Божоевы - божоевородовцы"; Пагдай ураг - пагдайтэн - пагдайшуул "род Хагдай - Хагдаевы - хагдаевцы". Имя же отдельного человека по названию рода образуется аналогично имени по отцу, например: Божоорагай Хамнай "Хамнай подрода Божоо ураг".

В составе внутриулубного именования все названные компоненты могут сочетаться в различных комбинациях; ср.: Божоорагай Хамнай Монхой "Монхой (сын) Хамная (из) рода Божоо", Палабхарагай Паа-

шуур Башила "Василий Косолапый из рода Халабха" (Наашуур или нааш-нааш - диал. "косолапый"), Доонхирагай Нюхаас Борсой "Борис "Не указ" из рода Доонхи" (Нюхаас - от рус. не указ в предложении Никто мне не указ); Уршагануур Обогойн Дохолон Обоо "Хромой Обоо (сын) Гримасничающего Обогоя" и т.д.

Естественно, человека называют и обращаются к нему и по личному имени, и по имени и отчеству, а также и по фамилии, о чем будет идти речь в пятой главе. Реализация той или иной модели именования в значительной мере зависит от социальной роли, которую в данный момент исполняет индивид и тот, кто его называет. Так, в профессиональной среде более частотны модели ИО, ФИО, в дружеском общении предпочитают личные имена и прозвища и т.д. Интересен в этом отношении следующий факт. Изредка встречаются случаи многоименности у детей в семьях, в которых дети не выживали. Так, в семье Х-вых (Осинский р-н Иркутской обл.) подряд умерло десять детей. Одиннадцатой дали три имени с разными сферами функционирования: Сооня - официальное, паспортное, им пользовались очень редко, Сэмээшкэ - им пользовались односельчане, а имя Альмаан знали только близкие родственники.

Систему именования человека в улусе можно представить в виде схемы 2.

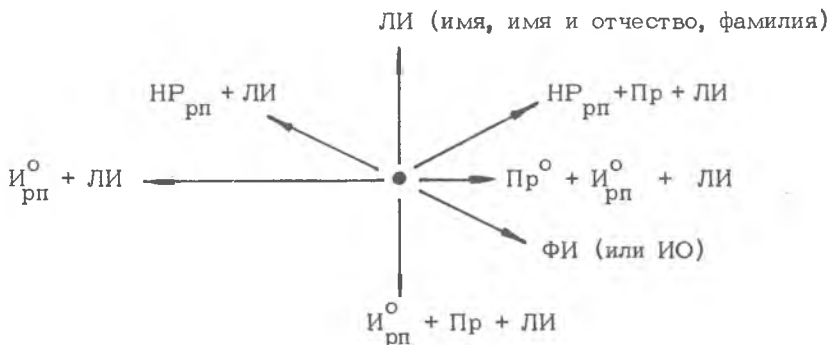

Схема 2. Система внутриулусного именования.

ИО - имя и отчество; $I_{рп}^o$ - имя отца в родительном падеже; $ИР_{рп}$ - название рода в родительном падеже; $Пр^o$ - прозвище отца; ФИ - фамилия и имя.

3. Межулусные именования

Межулусные имена - это категория имен, основным компонентом которых является внутрисемейное имя, дополненное названием улуса или рода в форме родительного падежа: Баруун Холбооо Оошии "Ооши (из) Западного Холбоа", Урда Молойн Энхэ "Энке (из) Южного Молоя". Эти имена могут осложняться терминами родства хүбүүн, басаган и

прозвищами: Шэбтэхэйн Хорьёон Пидуус – "Бормотун Пилус (из) Чептыхоя".

Модель междулусных имен: "название рода (или улуса в родительном падеже) + личное имя с термином родства" – зафиксирована в русских документах XVII в., где все нарицательные компоненты сложного имени переведены на русский язык: "...ты Булуй да Б[у]чок да Онгоев брат Данчин да Болгадайского роду мужик Торым..." (СДБ, 56); "...брацкий люди...Булгудайского роду и Саган князец Содок и сипугайской Готорой..." (СДБ, 93).

Такой тип именования является традиционным, неофициальным, хотя в прошлом подобные имена попадали в официальные документы на русском языке. Они широко распространены среди старшего поколения бурят, особенно при воспоминаниях о прошлом.

Имена междулусного или межродового функционирования можно представить схемой 3.

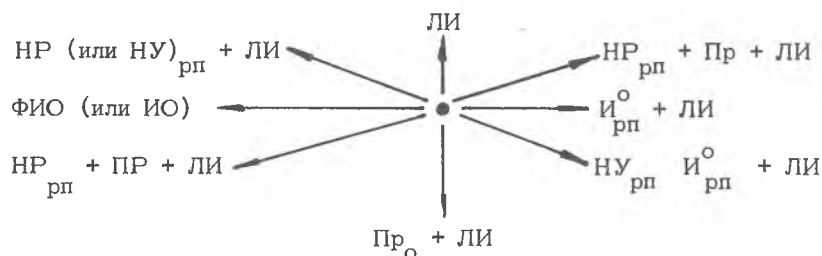

Схема 3. Система междулусного именования.

НУ – название улуса.

Таким образом, при междулусном именовании сохраняются все компоненты внутрисемейного и внутриулусного именования и добавляются некоторые новые.

Как показывает приведенный материал, организация антропонимической системы бурятского языка зависит от сферы применения имени, от социальных ролей именуемого и именующего. Чем уже социум, тем проще типы имен, и наоборот. Расширение социума или изменение характера его ведет к изменению и усложнению моделей имен. Естественно, усложнение модели имен не безгранично. Так, общение людей из разных районов обеспечивает модель "название района в форме родительного падежа + фамилия, имя и отчество". Такая модель характерна и для других народов, часто в еще более упрощенной форме. Так, на международных спортивных соревнованиях, научных симпозиумах и т.п. человека называют, указав имя, фамилию и название страны.

Фактическое наполнение антропонимических моделей единицами именования происходит на фоне этнографических особенностей, исторических условий, а также экономических и культурно-политических взаимосвязей с другими народами. Остановимся сейчас подробнее на этнографической обусловленности образования некоторой части бурятских исконных личных имен.

§ 2. ОХРАННЫЕ ИМЕНА

Слово в представлении древнего человека наделялось магическими свойствами, благодаря которым якобы можно было избежать несчастий или нанести вред врагу. В магическую силу слова верили и тогда, когда нужно было нарекать имя новорожденному.

Личные имена в мировоззрении религиозного человека выполняли те же функции, что и обряды, и шаманские гимны, связанные с рождением, пеленанием и воспитанием детей, — охрана, защита от могущественных и враждебных сил природы. Древний человек был уверен, что магические охранные обряды и охранительные, обманно-охранительные личные имена имеют силу и значение не меньшее, чем какие-либо практические действия. Аналогичные мнения высказываются в работах по мифологии и обрядам: "Миф — не что иное, как произнесенный обряд... миф и ритуал — лишь две стороны одной и той же медали" (Мифологии..., 1977, 5). Об этом же пишет и Г.А. Левинсон: "На каком-то уровне каждое речевое сообщение выступает как какое-то действие персонажа, безотносительно к тому, что сообщается. На этом уровне речевое поведение участников эквивалентно неречевому — и то, и другое является просто знаком контекста, неким абстрактным действием между персонажами обряда" (1974, 163).

Обряды поклонения духам предков или добрым и злым духам веющие буряты начинали отправлять задолго до рождения ребенка. Например, обряд Үндэгэн милага (Тугутов, 1965, 35); здесь үндэгэн "яйцо", милага, ср. бур. нялха "ребенок, дитя, младенец, новорожденный". Этот обряд, видимо, должен был предохранять будущего ребенка и мать от несчастных случаев. После рождения ребенка устраивали обряд омовения ("Угаалга"). В последующие же годы до наступления совершеннолетия периодически совершались такие обряды, как "Ирхинээ" (от эрхин "дверная колода"), "Шара тэхэ" ("Желтый козел"), "Улаан бугшаа" ("Красный ягненок") (Манжигеев, 1960, 181–184) и др.

Из этих обрядов непосредственное отношение к личным именам имеют обряды омовения, "Шара тэхэ" и "Улаан бугшаа", а также обряды захоронения послета и установления шаманом словесной защиты ребенка от злых духов. При обряде омовения на ребенка надевали через плечо красный кушак. Затем шаман проводил очищение ребенка от злых духов пихтовой корой (ёдоо арюулга "освящение пихтой") и бил ребенка веником, предварительно обмакнув его в горячую воду (Манжигеев, 1960, 181–182). После этого шаман устанавливал словесную защиту от злых духов (боогол табиха "преграду ставить"). Словесная защита от злых духов представляет собой шаманский гимн (воспроизводим текст перевода так, как он был сделан Г.Д. Санжевым):

Ой, великие рукава, великий широкий подол;
В очень великие рукава утопаю,
В очень широких подолах утопаю;
Огненная великая ограда — до конца света,
Великая пепельная ограда — до конца века.

Коричневый камень – изгородь моя,
Черный камень – западня моя,
Серый камень – ограда моя!
Тринадцать найжи – шаманов –
Проскакали без коней,
Двадцать пять найжи – шаманов –
Проскакали без шуток!
С пеленками спеленованное предство,
С колыбельной сколыбеленное предство,
Кустарниковую колыбель подле
И шиповниковую – в груди
Уставившее предство,
Страны прошагавшее –
Чисто-белое предство (духов)!

(Санжеев, 1928, 546–547).

Упомянутые в тексте “ограды”, “западни” и т.д. устраиваются против мелких духов, которые, по представлениям шаманистов, “поедают” детей. Огонь, пепел, шиповник и т.д. считаются опасными для духов. “Предство” (удха) есть комплекс духов-предков, которые “пользуются влиянием” в потустороннем мире и помогают шаманам в их борьбе против злых духов.

Своеобразны обряды захоронения последа (тоонго) и пеленания ребенка. Они также имели функцию очищения ребенка, последа и матери от злых духов. Вместе с последом в землю закапывали три камня (Басаева, 1974б, 33). В огонь изо рта брызгали масло и все в один голос просили: “Дай больше счастья! Дай сына!” (Потанин, 1883, 27). При пеленании и укладывании ребенка в колыбель туда же клали молоток, точило, нож, кинжал, стрелу, иногда и ножницы. Оберегом повсеместно у бурят почитался и специальный амулет (на-суюпан, хахуюпан – ср. нахиха “охранять, стеречь”), данный шаманом, который якобы брал ребенка под свое покровительство по просьбе родителей, совершив специальный обряд (Басаева, 1974а, 21).

Есть основание полагать, что личные имена типа Шулуун “камень”, Галнай – от гал “огонь” с уменьшительно-ласкательным суффиксом -най, Мадага “большой нож” и др. связаны с приведенным шаманским гимном, а также с обрядами захоронения последа, пеленания ребенка, где фигурируют черный камень – ограда, огонь, а также острые предметы и колючий кустарник. Подобные имена, видимо, понимались как охранительные средства, сопутствующие человеку на протяжении всей его жизни. Предки бурят верили, что особенно нуждались в охранительных именах дети, родившиеся в последний год двенадцатилетнего животного цикла, год свиньи, так как он таит опасность для новорожденных (Бураев, Шагдаров, 1969, 108).

Возможно также, что некоторые обряды и соответствующие имена детей у бурят, как и у индейцев, имитируют вторичное рождение ребенка. Так, новорожденного прятали под котлом (тогоон), а родители после предварительных поисков находили его; после этого ему давалось имя Тогоочи “Сын котла” (Потанин, 1883, 116).

Интересны некоторые обряды с участием животных. "Иные верующие протаскивали ребенка несколько раз под стоячей собакой" (Потанин, 1883, 117); возможно, что с таким обрядом связаны имена типа Нохой - от нохой "собака", Шара нохой "Желтая собака", Хара нохой "Черная собака", Эмэ нохой "Собака-сука", Шүүшхэ "Сучка", Гүлгэ(н) "Щенок".

У некоторых тюркских народов практиковался обряд, при котором ребенка клали на место, где лежала собака, после чего нарекали ему имя Ит-алмаз "даже собака не возьмет", или протаскивали ребенка через шкуру волка и соответственно давали личное имя с апеллятивным значением "волк" (Гафуров, 1968, 5).

Обряд "Шара тэхэ" ("Желтый козел") и "Улаан бугшаа" ("Красный ягненок") совершался богам "Уһан хат" ("водяным хатам"), когда возраст ребенка приближался к десяти годам. В жертву приносили ягненка и желтого (рыжего) козла. При этом рыжего козла ребенок выносил из дома на своей спине (Манжигеев, 1960, 182-183). В бурятском языке имеется соответствующее этому обряду имя: Тэхэ "Козел" (монг. Тэх "Дикий козел"). Имя Улаан могло произойти от названия обряда "Улаан бугшаа" посредством эллипсиса второго элемента сочетания.

Наличие в монгольских языках личных имен типа Шарагшан "Самка животных рыжей масти", Харагшан (монг. Харагчин) "Самка животных черной масти", Эмэгшэн и Эмэ - от эмэ "самка" может свидетельствовать о том, что в обряде "Шара тэхэ" ("Желтый козел") вместо козла приносилась в жертву самка домашних животных.

Как видим, в ряду обрядовых имен представлены апеллятивы со значением "черный", "красный", "желтый (рыжий)", "серый". Однако нам не удалось обнаружить личное имя с апеллятивным значением "Белая собака", "Белый козел" и т.п. Вероятно, отсутствие подобных имен можно объяснить тем, что верующие приносили жертвы злым духам. Противопоставлению же добрых (западных) духов-тэнгриев ("небожителей") и злых (восточных) духов-тэнгриев соответствует цветовое противопоставление "белый" и "черный". Шаманы также делятся на белых - "служителей добрым, западным тэнгриям" и черных - "служителей злым, восточным тэнгриям". Белый шаман носил белую шелковую одежду и имел белого коня (Хангалов, т. 1, 1958, 372-373). Восточных тэнгриев символизирует не только черный цвет, но и красный (рыжий) (Золотарев, 1964, 296). И если протаскивание ребенка под собакой или каким-нибудь другим животным является имитацией очищения от злого духа (в цветовой символике связан с черным и красным), то именование ребенка в связи с белой мастью животных, конечно, исключено.

Обряд "продажи" ребенка рождает такие имена, как Мангадай "принадлежащий русскому", Хамнагадай "принадлежащий эвенкам"; иногда используется прямая форма названия национальности: Мангад или Магадхан "Русский", Татаар "Татарин", Хятад "Китаец". В тюркских языках при имитации продажи ребенка образуются имена типа Сатыл-маш "Проданный" (Гордлевский, 1968, 132).

В письменных памятниках сохранилось значительное количество

исконно монгольских имен упомянутого типа: Чулуун "Камень", Чулуунбаатар "Каменный богатырь", Чулуунбагана "Каменный столб", Чулуунсүх "Каменный топор", Чулуунхүү "Каменный сын (мальчик, дитя)", Хүрэн "Коричневый" (возможно, от хүрэн чулуу), Цог "Горящий уголь", Цогбат — от цог "горящий уголь" и бат "крепкий", Борчулуу "Серый камень", Хэт "Огниво", Галтай "Имеющий огонь", Галай "Принадлежащий огню". (Примеры заимствованы из работы Ч. Соднома, 1964. Толкование образования и значений их сделано нами.)

Следует заметить, что обряды с одинаковой функцией не обязательно порождают в разных языках имена адекватными по семантике апелляциями. Например, обряду протаскивания ребенка под собакой в монгольских языках соответствуют имена от апеллиатива "собака" (Нохой), но невозможно имя с внутренней формой "даже собака не возьмет", как в тюркских языках. Дело в том, что в монгольских языках, в частности в бурятском, сочетанию "собака не возьмет" соответствует сочетание со значением "собака не съест", в котором "съест" может ассоциироваться с понятием "пережить кого-либо из близких".

Итак, покажем соответствия между обрядами и личными именами:

Обряды

Отпугивающие и охраняющие предметы в колыбели ребенка и при захоронении последа (камень, нож, колючий кустарник)

Охранительные обряды (с собакой, медвежьей шкурой и т.п.)

Обманно-охранительные обряды ("продажа", укладывание ребенка под котел)

Соответствующие имена

Отпугивающие имена: Согто, Цогто — от сог или цог "тлеющий уголь, летящий уголек, искорка"; Шулуун "Камень"; Буудагай — от буудаха "стрелять" (ср. тув. Адар-оол от адар "стрелять" и оол "мальчик"); Мадагуй — от мадага "большой охотничий нож" (ср. монг. сүх "топор")

Охранительные имена: Шоно "Волк", Нохой "Собака", Боохолдой или Баахалдай "Медведь"; Эшэгэн "Козленок", Тэхэ "Козел"; возможно и Пөртө, которое не этимологизируется в монгольских языках, но созвучно индийскому kurto "собака" (Семашко, 1970, 220)

Обманно-охранительные имена: Мангад "Русский", Мангадай "Русскому принадлежащий" (ср. османск. Сатылмыш "Проданный" (Гордлевский, 1968, 132), башк. Патыбал "Купленный" (Кусимова, 1971, 53), Тогооной "Принадлежащий котлу"

Обращение к огню, предкам
с просьбой дать сына

Хүбүүлхэ "Родит сына" (ср. монг.
Олдох "Найдется", казах. Улту-
ган "Родится сын" (Жанузаков,
1970, 195))

К огню обращались во многих случаях: при отправлении охранительных обрядов, при захоронении последа и т.д.; ср. личные имена Гал, Галнай и др. — от гал "огонь".

Помимо этого имелись и "безобрядные" охраняющие имена; прежде всего к ним относятся имена, образованные от апеллятивов с отрицательным значением. Например, это мужские имена Муу хүбүүн "Плохой мальчик", Муухай или Мухай "Некрасивый", женское имя Үнхээш-хэ "Вонючая" и т.п. Кроме того, с целью обмануть злого духа мальчикам могли даваться женские имена и наоборот; ср. мужское имя Муухан изии "Плохоньякая баба", женские имена типа Хара Хүбүүн "Черный мальчик", Паадаг "Колчан со стрелами", -Урмааха (ср. русское Роман).

Относительно имен, образованных от цветообозначений, заметим следующее. В приведенном шаманском гимне упоминаются камни коричневого, черного, серого цветов, способные якобы охранять ребенка от злых духов; в обрядах же приносился в жертву "Красный козел" (Улаан буншаа). Не следует ли из этого, что указанные цвета и обозначающие их слова монгольскими народами в прошлые эпохи рассматривались как магические? Если так, то во многих случаях "цветовые" имена можно рассматривать как охраняющие. В символике цветов особо противопоставлены два — белый и черный, и вот почему. Известно, что белый цвет у монголов считался приносящим счастье и благополучие. Так, по свидетельству Марко Поло, у монголов белая одежда считалась счастливой, в праздники дарили белых коней (Книга Марко Поло, 1956, 113). Черный же цвет символизировал злые силы; кроме того, словом хара "черный" монголы обычно называли простолюдиюв: хара күмүн "черный" в отличие от eng-ün xumün "обыкновенный человек", magu (mu) "плохой, худой человек", adag "последний" (Владимирцов, 1934, 168). Следовательно, имена с апеллятивной семантикой "черный" могли и нести охранительные функции, и давать социальную характеристику человека. Возможно, что и слово сагаан "белый" в составе имен имело два значения — "принадлежащий знатному роду" и "счастливый" (человек).

Среди безобрядных охраняющих имен следует выделить пожелательные. К ним относятся имена типа Мүнхэ "вечный, вечно, вечность", Мүнхэ болху "вечным быть".

Возможно, что выбор имени был определенным образом связан с небесными явлениями или светилами. Так, в монгольском языке встречается имя Солонго "Радуга". У монголов в период господства буддийской религии нередко давали ребенку имя по названию звезды, которая управляла днем его рождения (Позднеев, 1887, 418).

Материалы свидетельствуют о том, что в исконных охраняющих име-

нах значения соответствующих апеллятивов не утрачиваются полностью и могут "проявляться", выходя на передний план в конкретных речевых отрезках. Так, один пожилой человек из с. Хайзаран утверждал, что имя Нохой "Собака" предохраняет ребенка от злых духов следующим образом: «Когда плачет ребенок от козней шуткура (злого духа), я говорю этому шуткуру: "Уходи! У меня собака злая, как бы она тебя не укусила"». Как видим, здесь обыгрывается исходное значение имени, а при обращении к ребенку оно будет иметь антропонимическое значение. По-видимому, многозначность религиозно окрашенных антропонимов имела место в речи небольших социумов (семье, улусе, роде, подроде). В пределах больших социумов, а также на уровне языка эти имена функционируют на основе антропонимического значения "этот человек".

Примеры из некоторых других языков, наряду с монголо-бурятскими, свидетельствуют, как нам кажется, о том, что мотивы выбора нарицательных слов в качестве основ личных имен у многих народов с исконной языческой религией в основном одни и те же. Вероятно, имена с семантикой типа "собака", "волк", "лев", "камень", "железо", "вожючий", "гнилой" и т.п. являются универсальными; тому много примеров в антропонимической литературе. Сказанное лишней раз свидетельствует о системности исконных антропонимиков.

Нужно еще добавить, что выбор имени по религиозным мотивам явление не столь уж частое. Ориенталистика располагает данными о незначительной роли религии у предков монгольских народов. Так, "население империи Ляо, созданной киданями, отличалось религиозным эклектизмом. Оно исповедовало буддизм, даосизм, христианство, мусульманство" (Викторова, 1974, 261). Для монголов периода кочевого феодализма большой роли в общественной жизни не играли и шаманы (Владимирцов, 1934, 83). В настоящее же время имена, например, от названий животных в бурятских населенных пунктах насчитываются буквально единицами.

§ 3. ТАБУИРОВАННЫЕ ИМЕНА И ТИПЫ ИХ ЗАМЕН

Здесь речь пойдет о тех именах, которые образуются для использования замужними женщинами вместо табуированных имен мужа и его родственников. В ономастической литературе находим некоторые примеры такого типа. Так, например, Т.Ж. Жанузаков приводит примеры замены личных имен терминами родства (Кайнага "деверь") и "искажения" форм имен, например: вм. Мамбет → Самбет, Али → Сали, Турсын → Мурсын (1971, 102). М.У. Монраев показал, что замена табуированных имен происходит по определенной системе; так, в табуированных именах начальный согласный заменялся на [j] в тех случаях, когда невозможно было подобрать слова-синонимы. Интересны примеры замены "числовых имен": Хёрин "Двадцать" → Хойр арван "Два десятка", Зурган "Шесть" → Тавнас үлю "Больше пяти" (Монраев, 1971, 66) и др. Монгольский исследователь Ч. Содном обнаруживает несколько типов замены табуированных имен: замена на-

чального согласного любим другим, в том числе и [j] (Даш — Маш, Бат — Ят); опущение начальных, срединных или конечных согласных или слогов (Гомбо — Омбо, Долгор — Дол, Дашидондог — Даадондог); замена именем с одинаковым значением (Тэвш "Блюдо" — Их гаваг "Большая тарелка", Шар "Желтый" — Ангир "Желтого-красный"); перевод тибетских имен на монгольский, например: Осор — Гэрэл "Свет, луч" (Содном, 1964а, 62-64). Н.Б. Алдарова по этому вопросу утверждает: "Ныне нам не известны случаи подобной замены, однако у бурят встречаются факты превращения терминов родства во вторые имена" (19766, 77-78).

В этом параграфе мы хотели бы показать системные отношения замененных имен к соответствующим первичным табуированным, соотнести их с апеллятивной лексикой, обратить внимание на значимость такого антропонимического материала для этимологических исследований. Описание построено на полевом материале, собранном методом опроса в основном у женщин старшего поколения, проживающих в Читинской области. Объем собранного материала составляет около 200 пар (табуированных имен и их замен).

Замена табуированных личных имен проводится по трем основным типам.

Первый тип — это использование вместо табуированных имен определенных апеллятивов или терминов родства (встречается у бурят повсеместно).

Вместо имени мужа жена употребляет следующие словосочетания: с указательным местоимением — эне нэгэмнай "этот один наш" или тэ-рэ нэгэмнай "тот один наш"; манай бэлэтэн "наш имеющий пояс", манай хойморойхи "наш почетный" (от хоймор "почетное место в юрте"). В Тункинском районе Бурятской АССР жена называет мужа таабай "дедушка". При личном обращении к старшим родственникам мужа женщина пользуется либо личным местоимением та "вы", либо терминами родства, например: аба или баабай "отец", хадам аба "свекор", эжы "мать"; братьев и сестер мужа невестка называет терминами родства: ехэ ахай или ехэ аха "старший брат", баахан ахай или бага аха "младший брат", дунда ахай "средний брат", эгэшэ "старшая сестра" и т.п.

Муж жену может называть хүгшөө "бабушка, матушка" (в Тункинском районе — теэбии "бабка, бабушка"), а читинские буряты — манай уужата "наша, носящая короткую безрукавку", манай гэргэн "наша домохозяйка". В последнее время муж вместо имени жены употребляет русское заимствование маама "мама", а дети по-прежнему называют ее эжы "мама". У западных бурят маама употребляется в обоих случаях.

В связи с примерами типа манай бэлэтэн (букв.: "наш имеющий пояс") можно предположить, что слова һанштагтай(й) "женщина" (букв.: "имеющая волосы на висках") и һаадагтай "мужчина" (букв.: "имеющий колчан для стрел") представляют собой результат замены табуированных некогда слов со значением "женщина" и "мужчина".

Как видим, термины родства, местоимения и словосочетания в этом случае используются без дополнительной функции идентификации индивидов, т.е. не превращаются в собственные имена. Их можно на-

звать апеллятивными табуистическими заменами антропонимов. Однако термины родства при таком употреблении могут переходить и в собственные имена, например: Абагаев — от имени Абага "дядя", Нагаса или Нагаслай "дядя, дед (по матери)".

Второй тип — табуистические замены, основанные на различных фонетических видоизменениях антропонимов: это опущение, введение элементов и замена одних элементов другими. В этом случае мы говорим о табуистических вариантах антропонимов. Например, встречается замена начальных срединных или конечных согласных фонем (Жаб → Яб [җаб], Сэрэн → Нэрэн, Мүнхэ → Шүнхэ, Тагар → Ташар). При таком варьировании имен остается неизменной часть его, достаточная для соотнесения варианта с соответствующим табуированным именем (о фонологическом варьировании собственных имен см.: Суперанская, 1969, 179—189). Наиболее частотным субститутом в бурятских онимических вариантах выступает среднеязычный согласный "j". В наших материалах он дает 50% всех случаев замены, т.е. около 100 примеров. В позиции абсолютного начала он заменяет все согласные бурятского языка, например: Банзарагша → Янзарагша, Баяр → Яяр, Вампил → Ямпил, Гоншоҗ → Еншоҗ, Даржаа → Яржаа, Жаб → Яб, Жамбуухан → Ямбуухан, Лодон → Едон, Митэб → Етэб, Намжал → Ямжал, Лубсан → Юбсан, Намсарай → Ямсарай, Норбо → Ербо, Пунсуг → Юнсуг, Сампил → Ямпил, Содбо → Едбо, Сэбэг → Ебэг, Сэбээн → Ебээн, Сэдэнжаб → Едэнжаб, Сэрэмпэл → Ерэмпэл, Тагар → Ягар, Хилэб → Юлэб, Шаруу → Яруу. О замене аффрикаты "ц" среднеязычным можно судить по материалам монгольского языка, например Цэдэн → Едэн.

Изредка обнаруживается замена в табуированном имени орального "б" носовым "м" (Буха → Муха), зубного звонкого фрикативного "э" носовым "н" (Зандан → Нандан), свистящего глухого "с" фарингальным "һ" (Сэрэн → Нэрэн), а также устранение одного из слогов (Цэрэмпэл → Цымпил или Цэмпил), устранение сочетания согласных (Ахасаран → Асаран), а также перестановка (метатеза) звуков (Арсалан → Расалан).

У нас нет материалов, свидетельствующих о замене начального дрожащего спиранта "р". Косвенным доказательством возможной замены может служить наличие в бурятской антропониимии фамилий Рампилов и Ямпиллов наряду с Вампилов. О замене "э" на "j" свидетельствует восточнобурятское мужское имя Зандраа и западнобурятское женское имя Янтраа. Одновременная мена звонкого шумного "д" на глухой "т" обусловлена, видимо, необходимостью избежать образования соотнесенности варианта с глагольной формой Яндараа от яндарха "кипятиться, горячиться не в меру".

"j" также выступает как протетический: Арьяа → Ярьяа, Абида → Ябида, Арагшаа → Ярагшаа, Улзытэ → Юлзытэ, Олзобой → Елзобой, Эрдэни → Ердэни.

Высокая частотность "j" в роли субститута согласных, а также как протетического согласного может быть обусловлена, во-первых, тем, что фонема "j" в бурятском языке употребляется только в начале слова, следовательно, и в абсолютном начале слова; во-вторых, тем, что

слова с "j" в абсолютном начале в монгольских языках представлены в весьма незначительном количестве. Последнее практически исключает возможность образования имен, омонимичных апеллитивам. Иными словами, использование фонемы "j" при заменах обеспечивает однозначное соотношение табуированного имени и его варианта.

Стремление предотвратить образование омонимов реализуется по-разному в монгольских языках. Например, в языке читинских бурят вместо имени Гомбо встречается Ёмбо (хотя и существует апеллитив ёмбогор "выпуклый"). Однако в монгольском языке находим замену Гомбо на Омбо, т.е. с опущением начального согласного. Следы данного типа замены обнаруживаются и в восточнобурятской фамилии Омбоев. В языке читинских бурят "j" в начальной позиции не встречается, т.е. Сэрэн дает Нэрэн (Сэрэндашаа —> Нэрэндаша, Сэрэндулма (ж.) —> Нэрэндулма и т.д.), а в монгольском Цэрэн заменяется вариантом Эрэн, так как возможная замена Ерэн соотносилась бы с апеллитивом Ер(эн) "девьянство". Доржо заменяется вариантом Дори, а не Ержо, так как последнее переключается со словом еро "плохое знамение, дурное предзнаменование".

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что фонетическое варьирование используется главным образом при замене иноязычных имен, утративших этимологические связи с апеллитивной лексикой. При этом выбор соответствующей фонемы-субститута производится так, чтобы избежать омонимии с апеллитивами. Редкие исключения типа Ёмбо от Гомбо или Гаршан —> Яршан (ср. яра "язва, болячка") возможно толковать как прозвищные имена, в которых охвачены признаки человека.

Третий тип замены табуированных имен базируется на семантике апеллитивных основ — при условии, что табуируемые личные имена являются исконными и сохраняют внутреннюю форму, значение апеллитива. Например, Хониц "Овца" заменяется словом Маарагшан ("издающий бляение"); Хурьгадай —> Маараадай ("ягненок" —> "издающий бляение"), Эшэгээдэй —> Маараахай ("козленочек" —> "издающий бляение"), Буха —> Мөөрөгшөөн ("бык" —> "издающий мычание"), Хуса —> Мүргэдэг ("баран-производитель" —> "бодающийся"); Этигал —> Найдал ("доверие, вера" —> "надежда, упование"); Сагаан —> Ягаан ("белый" —> "розовый") или Ялаан (ср. ялагар "сверкающий, блестящий"), Борогшон —> Сайбар ("серая" —> "светлая"), Далай —> Нуур ("море, океан" —> "озеро"), Тэхэ —> Ямаан ("козел" —> "коза"), Аарсан —> Тараг ("род творога, получаемого посредством кипячения кислого молока" —> "тарах, простокваша"), Гал —> Сусал ("огонь" —> "головешка"), Тогоон — Шэрэм ("котел" —> "чугун"), Дархан —> Уран ("столяр" —> "мастер, умелец"). Аналогичные примеры встречаются и в калмыцком языке, например: Сюке "топор" —> Балт "молот" —> Чавчур "секач", Хара "черный" —> Баран "темный" (Моираев, 1971, 66). Как видно, выбор апеллитива в качестве имени-замены происходит строго в пределах одной и той же лексико-семантической группы (семантического поля). Единичны случаи, когда выбор замен происходит в пределах одного синонимического ряда, например: Гонзогор —> Үндэр ("длинный" —> "высокий"),

Үхин — Басаган ("девушка, девица" — "дочь, девочка, девушка, невеста"), Адууша — Моришо (ср. адуун "табун, косяк, стадо лошадей" и морин "лошадь, конь, мерин").

Нам не удалось обнаружить в бурятском языке примеры перевода иноязычных табуированных имен. В монгольском же языке наблюдается перевод тибетских личных имен на монгольский, например: Балдан ("превосходный") — Цогт ("великолепный, величественный"), Жигмид ("неразрушимый, не подверженный тлению") — Аюулгүй ("безопасный"), Пунцаг ("совершенный, полный") — Сайжрах ("улучшаться") и т.д. (значения тибетских имен см.: Цыдендамбаев, 1972, 504-508).

Можно предположить, что и фонетические, и лексические примеры замены табуированных имен в древние времена были гораздо разнообразнее, до нас же дошли только отдельные из них, значительно упрощенные. Однако думается, что и на этой базе можно в известной мере начать работу по внутренней реконструкции отдельных исконных бурятских имен. Например, фамилии Елаев и Еланов, вероятно, восходят к табуистическим заменам Ялай, Ялаан (ср. ялай-ха "блестеть, сверкать") имени Сагаан "белый". Связанными с явлением табу представляются имена типа Моло от Боро "серый", Тух(ан) от Духа "лоб", Хи- от Нима (тиб. "солнце, день"), Омбо — Ембо — Шомбо от Гомбо (тиб. "защитник, покровитель"), Вурлай от Дурлай (ср. дурлаха "любить" + суф. -лай), Шуса от Хуса ("баран-производитель"), Холзой от Олзой (ср. Олзо хубүүн "побочный сын"), Шабааг от Шубууг (тюрк. чубук "трубочный чубук, трубка") (Радлов, 1893, т. III, ч. 2, ст. 2185).

С табуированием имен, видимо, связана и двуименность некоторых лиц, отмеченная в архивных документах: например, "Елбай Ободоев, он Алсык" (ЦГАБ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2625), "Сымбыл, он же Сырымпыл; Сабан, он же Бобок" (ЦГАБ, ф. 8, оп. 2, ед. хр. 876). При оценке табуистических замен следует иметь в виду то обстоятельство, что к терминам родства вместо личного имени старших по возрасту людей прибегают не только замужние женщины. Так, термины баабай или аба "отец", эжы или маамай "мать", аха "старший брат" и др., как было видно, устремляются вместо личных имен всеми слоями населения.

Учет типологии замены табуированных личных имен способствует правильному разграничению исконных имен и табуистических. Разграничение исконных и иноязычных имен должно следовать за рассмотрением материала с учетом явления табу и замены табуированных имен. Образование фамилий от табуистических замен говорит о том, что описанные имена переходят в общенародный язык, выйдя за пределы "женского языка".

§ 4. СОИМЕНОВАНИЕ (СВЯЗАННЫЕ ИМЕНА)

В бурятском языке имеется словосочетание нэртэхээлээд нэрлэхэ "соименовывая именовать" (нэрэ "имя"). В отечественной антропологии это явление обозначено терминами "связанные имена" (Нико-

нов, 1974б, 131-134), "рифмованные имена" (Шакуров, 1980, 43-48) и "антропонимическая серия" (Ройзензон, Исаев, 1971, 37-40). Мы предпочли термин "соименование", поскольку стремимся рассматривать антропонимику в динамическом аспекте, в процессе образования (наречения) имени.

Для изучения этого сложного и важного явления мы располагаем фактическим материалом начиная с XIII в. по настоящее время; как уже указывалось, именник бурят удерживает основные исконные черты общемонгольского языка; следовательно, первоисточниками для нас могут служить исторические сочинения монгольских авторов, писавших на старописьменном монгольском.

Разумеется, полной картины такого явления, как соименование, источники XIII-XVIII вв. дать не могут; однако факт его существования обнаруживается с очевидностью. Отбор связанных имен мы проводим только в тех случаях, когда они одинаково зафиксированы в нескольких источниках; это обеспечивает объективность материала.

При соименовании детей, по свидетельству исторических источников, очень часто использовалась начальная аллитерация; например, дети Добун мэргэна - Бэлгүнүтэй, Бүгүнүтэй, Буха хатаги, Бухату салжи, Бодончар мунхаг (МНТ, § 10, 17, 19). Сведения Саган Сэцэна о пяти сыновьях Добун мэргэна от Алан гоа совпадают с данными МНТ, если не считать различий в написании имен (Балданжапов, 1970, 226, коммент. 416). Сведения Мэргэн гэгэна расходятся с данными других источников. У него находим только Буху, Бухучи (от первой жены Булган-Хатун) и Бодончар (Балданжапов, 1970, 137-138). В других источниках все имена сыновей Добун мэргэна также начинаются со звука "б" (см.: Балданжапов, 1970, 225-226, коммент. 416).

В "Монголын нууц товчоо" имена детей правнука Добун мэргэна, сына Хабичи - Мэдэн тудуна названы с начальным согласным "х": Хачи, Хүлүг, Хачин, Хачиу, Хачула, Хачиун, Харагдай, а седьмой сын - Начин баатар (МНТ, § 45). Об этих семерых детях упоминается в "Алтан тобчи" Лубсан Данзана, но назван только седьмой сын Начин (Балданжапов, 1970, 140). В "Сборнике летописей" читаем: "Их было девять, но почти все они были убиты, остался только один Кайду-хан" (Рашид-ад-Дин, т. 1, кн. 2, 19).

Интересно отметить, что дети Есугэя от жены по имени Сочигэл названы: Бэгтэр и Бэлгүтэй, тогда как дети от Өэлүн ужин именуется: Тэмүжин, Хасар, Хачиун, Тэмүгэ, дочь Тэмүлүн (МНТ, § 60, 61). В "Алтан тобчи" Бэгтэр и Бэлгүтэй названы детьми Есугея от жены по имени Мангал. Там же указано: "На тридцатом году Есугей-багура родилась дочь, которую называли Тэмүлүн" (Балданжапов, 1970, 142). Здесь примечательно то, что дети от разных жен названы на разные начальные согласные.

Наблюдается и явление рифмовки конечных звуков личных имен. Так, например, названы дети Начин баатэна: Уруудай, Мангудай, Шижуудай и Доголдай (МНТ, § 46). К сожалению, в других источниках эти имена не упоминаются. Конечная рифмовка присутствует и в именах трех сыновей Чингисхана: Цагадай, Өгэдэй, Тулуй (МНТ, § 269).

Многочисленны рифмованные имена и в "Алтан тобчи" Мэргэн гэгэна, например: Бадма и Чонма, Окин и Чабдан, Куму и Сааху, Удхан и Окин, Санджиб и Кэнджиб (Балданжапов, 1970, 166, 167).

Встречается также семантическая связанность имен детей; так, все одиннадцать сыновей последнего всемонгольского хана Бату Мунхэ Даян-хана имели имена с одинаковым компонентом (bolud "сталь"): Torü bolud, Ulus bolud, Bara bolud, Arsu bolud, Wašir bolud, Alcu bolud, Ara bolud, Gere bolud, Geretu bolud, Ubasanja, Geresenje tayiji (Serruys, 11, Table I).

О том, что обычай соименования продолжает бытовать, говорят архивные документы последней четверти XIX в. и собранные нами антропонимические родословные таблицы. Приведем некоторые наиболее характерные свидетельства.

Подворный список бурят Кудинской степной думы 1880 г. (ЦГАБ, ф. 1, оп. 1, д. 2625) - Западное Прибайкалье; в этой записи учтена только мужская часть населения. Первым указывается личное имя затем имя отца в родительном падеже: Алсан Ангаров, Бидай Барданов и т.д. Всего в списке 345 семей. В 90 семьях (около 26%) оказались структурно связанными имена детей и их отцов. Все эти соименования по вертикали основаны на сингармоничных рядах гласных; начинаются имена отца и сына с одного и того же звука (гласного или согласного).

Примеры твердорядных имен:

Алсан Ангаров, Алгана Абрамов, Алтай Аргюшкин, Алсык Алсанханов, Алсахан Ангарданов, Алсай Ангадаев, Алсай Аминов, Айдай Ахадаев и др.;

Бамай Байдаев, Бартанай Баренов, Бидай Барданов, Буршут Буринов, Барлаг Болтхонов, Батай Банаев, Бадагай Бартанов, Балдын Багалаев, Бужина Булгатов, Бахала Бармаев, Вулат Бидаев, Бугда Бултанов, Бардалай Банаев, Бартал Бардаханов, Буржыл Борхонов и др.;

Имехен Имеев и Имей Амекшинов (бур. Эмэй и Эмэгшэн);

Мадай Маньруев, Малтагуй Мяхаев и др.;

Хабан Хареев, Ханхалай Хабуев, Хангай Халанов, Хантан Хамаев, Ханта Хамиуев и др.;

Халбай Хамагаев (бур. Палбай и Памагай);

Шарлан Шарланов (бур. Шарлаан), Шодой Шеродоев;

Яртахай Янтаев, Яргал Яртахаев, Ятабай Янхаев, Ярдабай Янхаев, Ярбалай Янтраев и др.

Иноязычные имена также подбираются по принципу начальной аллитерации: Хузмаа (Козьма) Хубидуев, Сырын Семенов и т.п.

Самыми частотными начальными звуками в связанных именах оказались: "б" - 40 случаев употребления из 90 (т.е. 44%), "х" - 19 (21%), "я" - 10 (11%), "а" - 5 (4%). Имеется четыре случая употребления звука "ш", по одному случаю употребления звуков "д" и "т", а также "с". У бурят Восточного Прибайкалья также наблюдается принцип соименования в семье по вертикали, хотя с другим набором начальных звуков. Так, в ревизской сказке бурят шарайтского рода (Шарайд) Хоринского ведомства от 1850 г. находим следую-

щую картину. На 110 семей приходится 46 связанных имен, т.е. около 42% против 26% западнобурятских. Разброс начальных звуков: "б" - 28% (против 44%), "с" - 18% (против единичных случаев), "д" - 15% (против единичных случаев), "х" - 6,5% (против 21%), "н" - 11% (отсутствует), "г" и "э" - по два случая. Единичны употребления звуков "а", "м", "т", "ш", а также "я" (ЦГАБ, ф. 8, оп. 2, д. 9).

Соименование здесь также проводится по начальной аллитерации: Дадуй - дочери Долма и Долгор, Дахатуй - Далан и Дамба, Бадма - Бата, Бакши - Бадма, Бадлу и Баши, Намсарай - Найдан, мать Сондра - дочь Сымбыт и т.п. Встречается и конечная рифмовка (эпифора): мать Жигмыд - дочь Сыбжит (в бурятской орфографии Жэгмэд и Сэбжэд).

Как показывает материал, набор начальных звуков в связанных именах бурят различных регионов зависит главным образом от источников именника; тибетский пласт в восточнобурятском регионе резко увеличивает количество имен с начальными согласными "с", "д", "н", резко сократив имена на "б", "х". Сказываются, естественно, и диалектные различия в области фонетики, например соответствие начальных "j" и "ж". Поэтому среди имен бурят рода Шарайд обнаружена только одна пара со среднеязычным согласным - Янжима Якшиева.

Кроме того, распространенность соименования по вертикали от рода к роду не совпадает: 42% у восточных бурят, 26% у западных.

В родословных антропонимических таблицах, собранных нами на местах, связанность имен по вертикали - нередкое явление. Примеры: Нихуур (XI колено) - его сын Хообол (XII) - далее Хаптааса (XIII) - Хандрааша (XIV) (улус Зоны Аларского р-на Иркутской обл.); Пармаахан (XV) - Хазагар - Хазан - Хангалжан - Халдагшан - Хархан - далее русские несвязанные имена (улус Горхон Осинского р-на Иркутской обл.); Хурган (XVI) - Ханэй и Хубидай; Болдог (XVI) - Боронсогой и Борой; Боохолдой (XVI) - Болдор и Боргол - Баргал; Ороодьхо - Олоошхо; Тахуу (XIII) - Талгаан, Табан и Таряшан; Башхуу (XI колено) - Бааргай и Балтса (улус Онгурен Ольхонского р-на Иркутской обл.); Бардааля - Багдуй и Болоодя; Баадагар - Будаахан - Баадла и Ходой, Бадла - Баанай, Ходой - Бедин, Болоодя и Башин и т.д. (улус Халхазуур Ольхонского р-на).

Ходоон - Хабсаан и Хольтин; Баадгар - Бадла - Баафани Бурнаашха (улус Улаан Харгана Ольхонского р-на); Тайсха - Табьнай - Тадбай; Тадаан - Алагуй - Алгана и Аяхай; Памнуу - Пайнтай, Палтагшан, Пажан, Пандархай, Партуу, Пайхай, Пабаалиг (ж.), Пайнаг (ж.); Аяхан (ж.), Уяхан (ж.), Баяхан (ж.) (улус Мухаршугуй Ольхонского р-на).

Хохой (XV колено) - Хоньёо (XVI) - Хорёо (XVII) - Хубхан, Хонгор (ж.) и Хуаахан (ж.) (XVIII); Борхон (XVII) - Боронсогой - Балдиимар, Вашиила, Биитя и Борсой; Борой (XV) - Борбоо - Елтоон; Хааба (XIV) - Хара Нохой - Хузьмаа и Хатуунай; Баатай - Баапан - Бабуулай; Шоогой (XIII колено) - Шомой; Хуфаа - Хулхан - Хулууд - Хубьга - Хулхан; Сааньха - Сэмээн; Бёдой - Бопомой - Боронсогой; Буян - Буурай - Булган (с. Еланцы Ольхонского р-на).

Соова - Сувоор и Сопроон - Соотни - Суутаан и Суваан; Пахай - Халмахтаан - Пабжахан и Пандархай - Пайнтай и Пантии; сыновья Пайнтая - Пайнда и Пайхай; Даайдай - Далдак, Далии, Даниила, Доржо (с. Ранжурово Кабанского р-на Бурятской АССР).

Для более полного представления о сложной мозаике соименований помимо некоторых извлечений из родословных антропонимических таблиц приведем целиком две ветви шоноева рода из с. Еланцы (схема 4 и 5) и ветвь алагуевского рода из с. Ранжурово* (схема 6).

Реже встречаются имена, связанные посредством конечной рифмовки. Например, с. Онгурен Ольхонского р-на: Бээлэй (1868 г.), Заяхай (1888), Николай (1890); с. Алтай Кяхтинского р-на БурАССР: Хоогой, Онгой, Онхотой; с. Ярикто Баргузинского р-на: Хадаалай, Сагадай, Харуунай, Үлзэй, Зүүхэй.

Рифмовка иногда достигается посредством протезы в одном из имен. Например, с. Ярикто Баргузинского р-на: Эрэнжэд и Бүрэнжэд; с. Халха Узуур Ольхонского р-на: Аанай и Даанай. В восточнобурятском регионе встречаются связанные имена типа Санжит (ж.) и Емжит (ж.) с меной начального согласного на "j", а также сближение имен Сэндэма и Хандама, Янжима и Дулма, Бальжид (ж.) и Димид (ж.), Сэсэг и Сэбэг и т.п.

Соименование по вертикали в последние десятилетия находит все большее распространение, но совершенно на иной основе. Теперь появилась традиция давать имена в честь бабушек и дедушек.

Соименование по горизонтали (всех детей одной супружеской пары) также продолжает бытовать во многих семьях. В архивных документах находим такие примеры (сохранена орфография подлинника): Бурзавха Бидов, 30 лет, его жена Дудэй, 31 г., их дочери Шабшихан - 12 лет, Шабир - 11, Шарнахай - 9, Шадаха - 6, Шарохубун - 5, Шарад - 2 года; Батхан Бужнаев, 63 г., жена Хуагал, 50 л., их сыновья Батай - 33, Бадлан - 30, Бажих - 19, Бахан - 14; Иршон Тоскунов - 50, жена Хибусин - 45, их сыновья Шара - 25, Шарлан - 11, дочери Шаралдай - 13, Шарнохой - 9, Шабшир - 6, Шабхар - 5 (ИГИА, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 493, л. 343-346).

Вот некоторые выписки из наших родословных антропонимических таблиц.

Две семьи в с. Эрхидей Осинского р-на Иркутской обл., имена детей: Володя, Валера, Вениамин и Вадим (близнецы), Василий, Валентина и Виктор; Гертруда, Галя, Герман и Гриша. Дети в семье Найданова Базар-Гуро (Оноский р-н Читинской обл.): Даша-Няма, Еши-Няма, Даваа-Няма, Риичи-Няма, Бальжин-Няма, Шойжон-Няма, Бато-Няма. В семье бурята Санжаа (улус Уртуу Могойтунского р-на Читинской обл.) почти все имена детей представляют собой апозитивы, часто со вторым компонентом -жаб: Бата-мункэ, Сэрэн-Даша, Доржо-Ханда (ж.), Долгор-Жаб (ж.), Дулма-Жаб (ж.), Самбуу (1959 г.), Сэдэн-Жаб, Тааня (1961; новорожденному дано имя врача), Сэрэн-Жаб (1964 г.).

*Запись Ц.Б. Цыдендамбаева, 1960 г. Диакритические знаки нам не удалось сохранить; колена высчитаны нами.

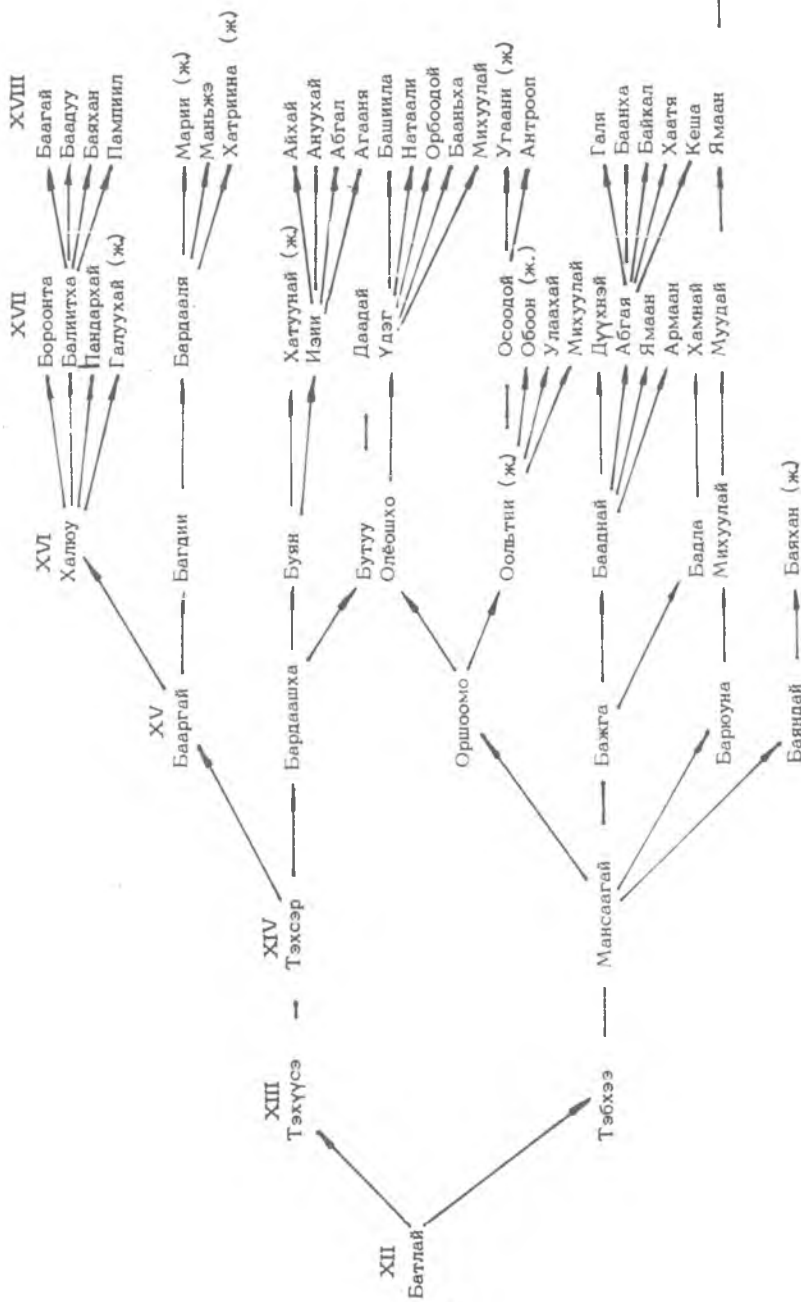

Схема 4.

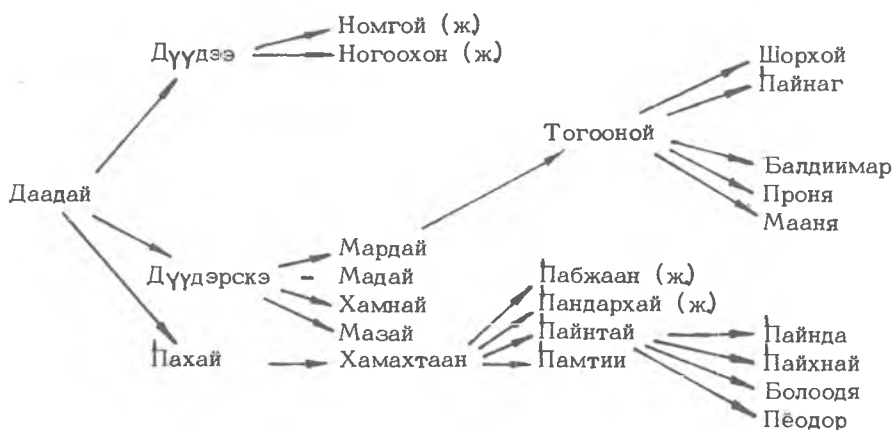

Схема 5.

Эти имена зафиксированы в родословных таблицах в графе XIX колена без систематического указания года рождения носителей имен. Приведем некоторые материалы, собранные на местах с указанием года рождения.

Село Борохал Осинского р-на Иркутской обл.: отец М.Д. Ильин (1922 г.), мать Г.К. Хинданова (1926), имена детей - Михей (1949), Люба (1951, умерла вскоре после рождения), Михаил (1953), Майя (1956), Максим (1958), Мария (1960), Магдалиина (1962), Мэлс (1965), Маркс (1967). Село Улей Осинского р-на: отец С.С. Шалтыков (1935), мать Г.М. Шалтыкова, их дети - Лида (1957), Людмила (1959), Лариса (1962), Люба (1963), Лера (1964), Лилия (1967), Сергей (1969). Нарушение аллитерации родителями объясняют тем, что сына назвали именем с начальным согласным "с", в отличие от имен дочерей. Село Обуса Осинского р-на: отец А.А. Иванов, мать Т.К. Хинданова, дети - Агния (1942), Аркадий (1945), Анатолий, Арсений, Александр, Алексей, Аполлон. Село Еланцы Ольхонского р-на Иркутской обл.: отец В.А. Михайлов (1923), мать А. Михайлова, дети - Вера (1946), Валентин (1948), Валерий (1954), Вячеслав (1953), Виталий (1954; умер), Виталина (1955), Виктория (1958), Владимир (1960). Село Анга Ольхонского р-на: отец А.А. Абидуев (1917), мать Н.М. Абидуева (1916), дети - Андрей (1947), Алексей (1949), Антонида (1952), Аркадий (1954), Энгельсина (1956); там же в семье Шорхоевых - сестры Хаатя и Хатриина. Село Ново-Ленино Осинского р-на: отец А.Х. Хамгушкеев, мать Н.И. Шаданова, дети - Василий (1957), Владимир (1959), Валентина (1962), Виталий (1964), Вера (1965), Валерий (1968), Виктория (1970), Владислав (1971), Ветта (1974), Вениамин (1976), Вячеслав (1977) и Василиса (1972). Село Цокто-Хангил Читинской обл.: отец Донид Болотов, дети - Дари-

XVIII русские имена

Схема 6.

ма (1960), Дашима (1962), Долгорма (1963), Дондог (1964), Доржи (1967), близнецы Доржи-Ханда и Доржи-Жаб, Димидма (1971); семья Б. Жамсарановой: Даба (1961), Дамба (1962), Дашима (1963), Даша (1964), Дари (1966). Село Байтог Иркутской обл.: дети В. Нядаева - Гертруда (Гета) (1960), Галина (1961), Герман (1965), Гена (1969), Гоша (1972) и др. Село Байтог Иркутской обл.: дети В.В. Бахутова - Леснид (1950), Лев (1961), Люба (1962), Лида (1964), Лариса (1970). Село Алужико Иркутской обл.: в семье Я.А. Андреева - Анатолий, Андрей, Алшоо, Света (девочку выделили несвязанным именем).

В 1917 г. в улусе Унета Балаганского уезда наблюдались следующие связанные имена: братья Сэргээ и Гэргээ (Ивановы), братья Педын и Пёодор (Гожиновы), братья Гэрынхэ и Гэргээ (Григорьевы), братья Тиихан и Тимооха (Хундановы). В улусе Хаймат того же уезда - сестры Илээнэ и Мылээнэ.

В с. Цаган-Ол Читинской обл. встречаются числовые имена: в семье В.Г. (82 года) и его жены Б.Н. (62 г.) дочь названа Зургаадай (зургаа(н) "шесть" + формант дай), седьмой ребенок в семье (1950 г.) - Долоодой (долоо(н) "семь"), сын Жарантай (жаран "шестьдесят") родился на 60-м году жизни отца.

Видимо, практика наречения имени новорожденным в буддистских церквах нарушала обычай соименования близнецов. Так, в упоминавшемся уже шаралдаевском роду в 1850 г. было 14 случаев рождения близнецов, в том числе 11 двоен и три тройни. Только в одной семье (№ 100) двойня мальчиков соименовалась Борбон и Борбой.

Обычай соименования детей в семье, как известно, сохраняется и среди тюркоязычных народов. Наши материалы подтверждают это; причем нарушение принципа соименования имеет соответствующее объяснение. Так, например, в семье М.К. Доброва (Хакасская АО) имена старших детей начинаются с гласного "а" - Анатолий (Алато), Антонида, Абрам, Андрей и Антон (близнецы), Аполлон, затем Анна, которая имеет второе имя, Галя (1937 г.) и Герасим (1938 г.). Имена с начальным "г" наречены младшим после неблагоприятия с детьми в семье.

В современном бурятском обществе соименование людей носит пережиточный характер: антропонимические серии наблюдаются только в отдельных семьях.

Особо нужно отметить обычай соименования близнецов. Как явление, выходящее за пределы обычного жизненного опыта, рождение близнецов нуждалось в том или ином толковании; зародился культ близнецов, в котором оно объясняется как "явление сверхъестественное... оно возможно только как результат оплодотворения матери двумя участниками, из которых один - настоящий отец близнецов, а другой - тот или иной дух, то или другое божество" (Штернберг, 1916, 177). К счастью, рождение детей-близнецов у монголов и тюрков толковалось как положительное явление, что нашло отражение в непрерывном соименовании их с охранительными целями.

В наши дни обычай соименования близнецов имеет тенденцию к утрате в некоторых регионах Бурятии, в частности, в смешанных семьях.

Приведем сведения о личных именах близнецов в 50-70-е гг.:

<u>Села</u>	<u>Имена двоен и троен</u>
Бурятская АССР	<u>Баяр</u> и <u>Жаргал</u>
Жемчуг Тункинского р-на	<u>Миша</u> и <u>Алеша</u> , <u>Борис</u> и <u>Коля</u> , <u>Борис</u> и
Хандала Кабанского р-на	<u>Егор</u> , <u>Эльвира</u> и <u>Баира</u> , <u>Витя</u> и <u>Валера</u>
Агинский нац. округ Читинской обл.	<u>Валя</u> и <u>Галя</u> , <u>Долгор</u> и <u>Сэржэн</u>
Нижний Дурулгуй	<u>Баяр</u> и <u>Баатар</u>
Будалан	<u>Ханда</u> и <u>Даша</u> , <u>Гомбо</u> и <u>Жамсаран</u> , <u>Света</u>
Судунтуй	и <u>Сима</u> , <u>Жаргалмаа</u> и <u>Соёлмаа</u> , <u>Сонихон</u> (ж.) и <u>Сонорхон</u> (ж.)
Удунтуй	<u>Цэбээн</u> и <u>Сэдэн</u> , <u>Баяр</u> и <u>Бата</u> , <u>Баяр</u> и
пос. Агинское	<u>Баярмаа</u> , <u>Баяр</u> и <u>Лариса</u> , <u>Майя</u> и <u>Марина</u> ,
Будалан	<u>Эля</u> и <u>Эмма</u> , <u>Соёлмаа</u> и <u>Сэсэгмаа</u> ,
Ушарбай	<u>Надя</u> и <u>Валя</u> , <u>Алла</u> и <u>Эля</u>
Хойто Ага	<u>Түмэр</u> и <u>Түмэн</u> , <u>Цээдаа</u> и <u>Цээ-Даша</u>
Аргалей	<u>Эрдэм</u> и <u>Элбэг</u>
Иркутская область	Семья Санданова Даши, первая двойня -
Ново-Ленино Нукутского р-на	<u>Балма</u> и <u>Бальжат</u> , вторая двойня - <u>Дулма-Жаб</u> (ж.) и <u>Долгор-Жаб</u> (ж.)
Ново-Ленино Осинского р-на	<u>Шүхүртэ</u> и <u>Эрдэи</u> , <u>Соёл</u> и <u>Саяан</u> , <u>Баирма</u>
Кырма Баяндаевского р-на	и <u>Долгорма</u> , <u>Сэсэг</u> и <u>Сэсэгма</u> , <u>Баатар</u>
Байтог Баяндаевского р-на	и <u>Бараади</u> , <u>Саяана</u> и <u>Туяана</u>
Тангуты Нукутского р-на	<u>Рита</u> и <u>Роза</u> , <u>Саяана</u> и <u>Туяана</u> , <u>Түдүб</u> и
Куйта Нукутского р-на	<u>Пильжид</u> , тройня в семье Дарижаповых:
Нукуты Эхирит-Булагатского р-на	<u>Вера</u> , <u>Надежда</u> и <u>Любовь</u>
Алужино Эхирит-Булагатского р-на	<u>Света</u> и <u>Тома</u> , <u>Лена</u> и <u>Алеша</u>
Бохан Боханского р-на	<u>Саша</u> и <u>Сереза</u>
пос. Кутулик Аларского р-на	<u>Лида</u> и <u>Лора</u>
Закулей Нукутского р-на	<u>Коля</u> и <u>Володя</u> , <u>Миша</u> и <u>Алеша</u> , <u>Веня</u> (Вениамин) и <u>Вадим</u> , <u>Герман</u> и <u>Юра</u>
	<u>Мила</u> и <u>Лариса</u> , <u>Саша</u> и <u>Сереза</u>
	<u>Саша</u> и <u>Сереза</u>
	Семья Вл. Башинхаева, первая двойня -
	<u>Мооной</u> и <u>Пяанай</u> (Валера; 1960), вторая двойня - <u>Саша</u> и <u>Марина</u> (1963)
	<u>Вера</u> и <u>Люба</u> , <u>Юра</u> и <u>Женя</u> , <u>Дууни</u> и <u>Лавренти</u>
	<u>Игорь</u> и <u>Инна</u>
	<u>Альбина</u> и <u>Эльвира</u>
	Семья А. Махусоева, первая двойня -
	<u>Каатя</u> и <u>Алёоша</u> , вторая двойня - <u>Люда</u> и

Хайзаран Баяндаевского
р-на

и Лора; Надя и Наташа, Алик (Альберт)
и Анжела, Зина и Настя
Люда и Света

Для сравнения приводим имена близнецов у монголов (записано в 1983 г. от студентов из МНР): тройня Одгэрэл (ж.), Очгэрэл (ж.), Онъгэрэл (ж.) - 1961 г., двойни Түгэсбилиг (м.) и Уранбилиг (м.) - 1959, Амартайван (ж.) и Амаржаргал (ж.) - 1961, Дэлгэрмаа и Хандамаа, Ариунболд (м.) и Ариунцэцэг (ж.), Энхзаяа (ж.) и Энхчимэг (ж.), Түмэрсүх (м.) и Түмэрбаатар (м.), Наранчимэг (ж.) и Саранчимэг (ж.), Алтаншагай (ж.) и Мүнгэншагай (ж.), Биндерьяа (ж.) и Сэндэрьяа (ж.), Оюунболд (ж.) и Энхболд (м.). В 1981 г. двух мальчиков-близнецов назвали Джанибеков и Гуррагчаа.

Как видим, в некоторых бурятских семьях близнецы не соименованы. Во многих таких случаях, однако, связь между их именами существует, хотя и не внутриязыковая (фонетическая и т.п.). Так, например, в семье Г.М. Хамаева второй двойне (1975 г.) дали имена дяди по матери - Саша и деда по отцу - Максим. Ц. Дамдинова своих близнецов назвала Тудуб (по деду) и Пильжит (по бабушке).

Имена Александр и Сергей сближаются фонетически в формах Са-ша и Сережа, т.е. в данном случае соименование проведено по устной форме как самой частотной в ряду вариантов имени.

Нарушения фонетического сближения (аллитерации) имен по тем или иным причинам обычно наблюдаются в пределах той или иной семьи по горизонтали. Например, в семье Даши Санданова первая и вторая двойни соименованы - Балма и Балжит (1956), Дулма-жаб (ж.) и Долгор-жаб (ж.) (1966). Остальные дети названы - Баатар, Баяр, Бальжима, Балдан, Болод. Как видно, в семье господствует "б"-начальная серия. Самую младшую для выделения назвали Ринчин-Ханда (1977) - по имени умершего приемного сына Ринчи с прибавлением компонента Ханда, который считается у бурят женским именем.

Соименование по вертикали также не всегда регулярно: оно может наблюдаться в пределах отдельных семей на протяжении в среднем двух-трех колен, затем прерываться, вновь возобновляться и т.д. Так, по приведенной выше родословной видно, что потомки Батлая (XII колено) именовались Тэбхээ и Тэхүүсэ (XIII), в XIV колене соименование продолжает только один из них (Тэхүүсэ → Тэсхэр). В XV колене во всех четырех ветвях потомков внезапно устанавливается "б"-начальная серия, с единственным исключением (Оршоомо): Бараргай, Бардаашха, Бажга, Барюуна и Баяндай. В XVI колене "б"-серия в основном удерживается, хотя потомки Оршоомо начинают "о"-серию (Олшоохо, Оольтии и т.д.). В XVII же и XVIII коленах "б"-серия продолжают как раз потомки Халюу, который сам в XVI колене из серии выпадал. В XIX колене все имена уже заимствованные русские и между собой не связаны.

На протяжении четырех колен удерживается "с"-начальная серия у потомков Шобора (с. 68): Соова (XV колено) → Сопроон (XVI) → Соотни (XVII) → Суутаан и Суваан (XVIII колено).

Непоследовательность соименования по вертикали может объяснять-

ся разными причинами — неблагополучием с детьми, обычаем называть детей в честь гостя или друзей семьи и т.д. Нужно учесть также, что русские имена, даваемые при крещении и иногда расценивавшиеся как охранные, выбирались по другим принципам, что сразу нарушало связанность имен.

Приведенный материал, как нам представляется, можно охарактеризовать как свидетельство существования некогда всеобъемлющего принципа соименования индивидов в пределах определенных социумов. В определенной мере этот обычай сохраняется и до сих пор.

Итак, по направлению соименование может быть вертикальным, которое связывает кровнородственных индивидов разных поколений, горизонтальным, которое связывает детей одного поколения в пределах одного и того же социума (семьи или рода), и вертикально-горизонтальным, объединяющим в единое целое всю родовую или подродовую группу общества на протяжении нескольких поколений.

Понятно, что в исторических документах и изустных родословиях до нас дошло весьма немногое; однако назначение и функции обычая соименования людей проясняются в свете наших теоретических представлений о первобытно-общинном строе и некоторых исторических свидетельствах отдельных авторов прошлых эпох. В труде Ф. Энгельса сказано: "Род имеет определенные имена или группы имен, пользоваться которыми во всем племени может только он один, так что имя отдельного человека также указывает, к какому роду он принадлежит. С родовым именем неразрывно связаны и родовые права" (Маркс, Энгельс, т. 21, 89). Здесь уместно привести свидетельства Уильяма Бакли о принципах именовании детей в семьях австралийских туземцев: "Имя ему (ребенку. — *A.M.*) дают в честь какого-нибудь события или по отличительным признакам местности, где он родился. При этом вся семья получает новые имена и носит их до рождения следующего ребенка" (1966, 43).

Все подобные свидетельства говорят о том, что соименование людей внутри родовых и племенных объединений обусловлено социальными факторами. Соименование порождает антропонимические серии, которые являлись лингвистическим средством разграничения людей по кровному родству и служили ориентиром при реализации левирата, экзогамии и т.п. Видимо, они играли немаловажную роль и в отправлении родовых жертвоприношений. Так, например, Жоурьдай был отстранен от участия в родовом жертвоприношении, так как он не был родным сыном Бодончара (МНТ, § 44).

В заключение можно сказать, что значительная часть именованослова в своей основе этнографична и социально обусловлена, непосредственный же выбор апеллатива или уже имеющегося имени для наречения ребенка, естественно, зависит и от психологического настроения родителей и их близких родственников, а также от взаимоотношений с представителями других семей.

ОБРАЗОВАНИЕ ИСКОННО ВУРЯТСКИХ АНТРОПОНИМОВ

§ 1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Под исконно бурятскими понимаем антропонимы, образованные от апеллятивов бурятского языка, а также из монголо-бурятских, тюрко-монгольских или общеалтайских элементов.

Не подлежит сомнению, что самые верхние пласты бурятского антропонимикона восходит к тем временам, когда начали формироваться протомонголы как этническая группа. В этом свете примечательно, что вопрос об этнической принадлежности гуннов (сюнну) все чаще решается учеными в плане признания их монголоязычности. Так, Г.Н. Румящев заметил: «Утверждение Л.Л. Викторовой, что в настоящее время подавляющее большинство исследователей считает доказанным, что хунну принадлежали к тюркоязычным народам и были предками тюркоязычных племен Центральной Азии, хорошо известных в более позднее время... не соответствует действительному положению вещей. Ссылка на известный труд К. Иностранцева "Хунну и гунны" (Л., 1926) устарела» (1962, 103).

Впервые в исторической науке мнение о монголоязычности гуннов высказал, как известно, Н.Я. Бичурин в своем труде, построенном на исследовании китайских источников: "Хунну есть древнее народное имя монголов... Монгольское слово Хунну есть собственное имя..." (1950, 39). Это мнение находит поддержку среди историков, этнографов, лингвистов. Так, А.П. Окладников в имени гуннов (хунну) видит сходство с монгольским словом хун "человек" и склонен к выводу о том, что гунны скорее были монголами, а не тюрками (1956, 91-92). Венгерский ученый Л. Лигети пришел к выводу о том, что "на основании письменных памятников можно доказать, что к югу от Байкала, к западу от Хингана и на востоке вплоть до Ляодуна в первые века нашей эры обитал ряд племен, говоривших на монгольском языке" (1955, 137-138). В.С. Таскин, основываясь на лингвистических и этнографических свидетельствах китайских источников, пришел к выводу о том, что ухуани и сяньбийцы относились к одному из древних монгольских племен (1980, 57-59, 64). Монгольский историк Г. Сүхбаатар в одном из своих трудов анализу языка племени хунну посвятил специальную главу, в которой критически рассмотрел имеющуюся литературу и китайские источники, подверг анализу личные имена хуннских шаньюев, этнонимы, топонимы древнего региона расселения хуннского племени и пришел к выводу, что язык основного населения хуннского государства был древнемонгольским (1980, 213, 286).

Если согласиться с выводом относительно монголоязычности племен хуннов и дунку (IV в. до н.э. – II в. н.э.), то небезынтересно попытаться сопоставить исконные бурятские антропонимы с именами хуннских шаньюев. В этом плане наибольший интерес представляют имена шаньюев Тоумань и Маодунь. Имя Маодунь ученые возводят к разным языкам-источникам. Так, А.Н. Бернштам (1951) вслед за Н.Я. Бичуриным (1950, 56-57) имя Маодунь связывает с именем эпического предка тюркского народа Огуз-Кагана. Основываясь на данных китайских источников, В.С. Таскин относит эту версию к области "умозрительных и надуманных" (Материалы по истории..., 1968, 129-130). Г. Сүхбаатар, основываясь на упомянутом выше исследовании Ч. Соднома, выделяет в имени Маодунь суффикс, аналогичный суффиксу дан / тан и -ан, встречающемуся в составе имен "Сокровенного сказания монголов" (Сүхбаатар, 1980, 201). Тогда элемент маод- возможно соотносить с монгольским мод(он), письм.-монг. modun, бур. модо(н) "дерево, палка"; ср. бурятское женское имя Модо(гор). Антропонимичность апеллиатива со значением "дерево" вряд ли может вызвать сомнения, хотя бы потому, что по названиям растений в монгольском языке легко образуются личные имена (см. главу третью).

Имя Тоумань японский ученый Сиратори относит к группе монголо-тунгусо-тюркских слов со значением "десять тысяч"; правда, эта интерпретация опровергается В.С. Таскиным (Материалы по истории..., 1968, 127-128). Однако если иметь в виду большую распространенность имени Түмэн "10 000" в монгольских языках, то указанная этимология Тоумань, как нам представляется, вполне приемлема.

Интересен и тот факт, что слово яньчжи "титул императриц у скину; титул главной жены шаньюя", соответствующее китайскому термину хуан-хоу "императрица", в монгольских языках бытует как женское имя с суффиксом -маа (Янжимаа).

Все это дает некоторое основание предположить, что древнейшая часть антропонимической системы бурят восходит к хуннской эпохе.

Для антропонимической важнейшей проблемой, как нам кажется, является уяснение процесса конструирования личных имен из определенных апеллиативов на фоне экстралингвистических правил наречения новорожденного или замены имени взрослого человека, определение главных источников антропооснов, изучение их словообразовательного значения.

Образование онимической лексики протекает аналогично образованию апеллиативов: оно также основано на двойной соотнесенности – к миру реалий и к миру слов. Разница сводится к следующему. Обозначаемым апеллиатива является любой класс однородных предметов, а смысловое наполнение новообразования основано на реально существующем признаке, например: лесник "тот, кто охраняет лес" (Кубрякова, 1978, 58). Из всех онимических единиц ближе всего в этом отношении к апеллиативам стоят топонимы и прозвища: в них, как правило, находят отражение действительно наличествующие у реалий признаки. Например, в бурятском топоним Хяагта – от хяаг "пырей ползучий" с суффиксом наличия признака -та; прозвище Данхар "рослый, верзила" (Шулунова, 1981б, 8). Словообразовательное значение антропонимов вытекает из бытовых и речевых контекстов, связанных с рожде-

нием и первыми днями жизни ребенка. Естественно, немало и личных имен, образованных на базе действительно наличествующего у новорожденного признака.

В.С. Кубрякова убедительно доказывает, что существует три типа словообразовательных процессов – аналогический, корреляционный и дефиниционный (1981, 25–26). Попробуем проследить, имеются ли подобные явления в бурятской антропонимии.

Дефиниционным мы называем такое образование антропонимов, когда в их основу кладутся апеллятивы, характеризующие какие-либо свойства именуемого, обстоятельства его рождения и т.п., без прибавления антропоформантов. Изучение дефиниционного процесса образования и словообразовательного значения антропонимов бурятского языка – трудная задача, хотя бы потому, что бытовые и речевые ситуации, предопределившие наречение данного имени, во многих случаях нам неизвестны или очень сложны. Например, этнографически обусловленные зоофорные антропонимы образуются подчас на базе очень обширных бытовых и лингвистических контекстов.

Корреляционный способ образования имен – это суффиксальное образование как имен от апеллятивов, так и имен от других имен.

Аналогический способ образования антропонимов в современном бурятском языке мы усматриваем в появлении новых моделей, формантами которых становятся элементы, выделившиеся из серии имен, образовавшихся по аналогии. Покажем основные такие модели.

А. В условиях активного бурятско–русского двуязычия бурятские женские личные имена с конечным закрытым слогом начинают оформляться по образцу русских женских имен на -а, например: Бүтид – Бүтита. Таким образом появляется новая модель образования женских имен от мужских и женских же имен, которые имеют финалы на согласные звуки. Например, Баяр (м.) – Баиара, Оюун (м.) – Оюуна, Рэгзэн (м.) – Рыгзэна, Арюун (м., ж.) – Арюуна, Чэмэд или Шэмэд, Чимид (м.) (Чимит) – Чимита, Сэржэн (м., ж.) – Сэржэна, Эржен (ж.) – Эржэна, Туяа (ж.) – Туяана. Далее суффикс -а расширяет сферу использования, образуя женские имена и от апеллятивных основ.

Б. В именах типа Чимита, Арюуна элементы -ита, -ууна начинают осознаваться как антропонимический формант. Так, например, от женского имени Булган "соболь" образовано Булгита, от Аюу тюрк. "медведь" – Аюуна.

В. Волее продуктивной стала модель с тибетским элементом -ма, например: Дугар (м.) – Дугарма, Даши (м.) – Дашима, Пүнсэг (м.) – Пүнсэгма, Этигэл (м.) – Этигэлма; ср. Байгалма от Байгал "Байкал".

Г. Женское имя Алтына образовано от алтан "золото", ср. Ордина (от рус. орден).

Д. По модели заимствованных женских имен типа Августина в 60-е гг., когда строилась Иркутская ГЭС, образовано имя Энэргина (тунк.).

Наблюдается также изменение гласных апеллятивных основ и формантов как способ образования новых имен: Бардаам – бардам "чван-

ливый, кичливый, горделивый, надменный"; Булаад – булад "сталь"; Бууян – буйа(н) "добродетель, благодеяние"; Мэргээн – мэргэ(н) "меткий стрелок; мудрый"; Отхоон – одхон "младший"; Халзаан – халзан "лысый, плешивый"; Үбүгүүн – үбгэ(н) "старик"; Хургаан – хурга(н) "ягненок"; Хүрээн – хүрэн "коричневый; гнедой"; Шанаар – шанар "обряд посвящения в шаманы"; Шобгоор – шобогор "сдавленный (о голове)"; Шооно-шоно "волк".

Удлинение гласных в формантной части имен: Байнгаа – в.м. Байнга; Боргоол – в.м. Боргол; Цогтоо – в.м. Цогто.

Удлинение гласных происходит также при суффиксации исконных имен для образования современных женских на -а, например: Балжинина, Янжикина (Бураев, Шагдаров, 1969, 112), ср. Балжин, Янжи. Такое удлинение гласных наблюдается начиная с XIII колена, что наталкивает на мысль о том, не под влиянием ли произношения этих имен в русском языке произошло удлинение гласных элементов в их конечных слогах. Сравните произношение бурятских имен на русском языке с ударением на конечном слоге – а в заимствованных из русского слова ударному гласному соответствует бурятский долгий: Азарга, Айдархан, Аламжи, Алдар, Ананда, Гонгор, Гулгэн, Жигжит, Очир, Ошир, Содбо, Шоно, Шодор, Цыцык (Справочник, 1979, 212).

В наших материалах представлено также небольшое количество составных имен, восходящих к атрибутивным словосочетаниям.

В ранних монгольских памятниках встречается значительное количество составных имен, ср. Мүнхэ болху, Муулихай – от муу уулиха "плохой плакса" и т.д. В современном же языке встречаются только отдельные составные имена, причем чаще в Восточной Бурятии: Бата-Жаргал, Бата-Болод, Бата-Мүнхэ, Бата-Шулуун, Баяр-Бэлиг, Мүнхэ-Жаргал, Түмэн-Жаргал, Улзы-Жаргал. В Западной Бурятии составные имена образуются чаще от сочетаний с негативной семантикой: Муу изии (Муузии), Муу эмэ "Плохая женщина". Имена же типа Хара Хүбүүн "Черный мальчик" (ж.), Хара Басаган, Хара Үхин "Черная девушка", Шара Абага "Желтый (рыжий) дядя" встречаются повсеместно.

Поскольку дефиниционный и корреляционный способы наиболее значимы в системе бурятской антропонимии, мы остановимся на них подробнее.

§ 2. ДЕФИНИЦИОННЫЙ (БЕССУФФИКСАЛЬНЫЙ)

СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ АНТРОПОНИМОВ

Рассмотрим образование бессуффиксальных личных имен, предварительно сгруппировав их по семантике их апеллятивных основ, в пределах выявленных нами словообразовательных значений. Это даст возможность зафиксировать последовательно апеллятивный "инвентарь" антропооснов, а также определить лексическое поле в каждом типе антропонимических значений. При дальнейшем сравнительном и сопоставительном исследовании систем имен результаты предложенного подхода к материалу могут способствовать определению универсальных полей антропооснов.

В бурятской антропонимии можно выделить следующие типы словообразовательных значений:

1) "X не есть человек, X есть..."; таким значением обладают, например, "охранные имена", образованные от названий животных, их мастей;

2) "X есть некто" - при использовании в роли имен, например, терминов родства;

3) "X будет тем-то, таким-то", например "богатырем" - Баатар, "сильным, крепким" - Бата;

4) "X обладает таким-то признаком";

5) "после X... (например) родится мальчик; "будет столько-то детей"; "больше детей не будет" - и т.п.);

6) "X родился при таких-то обстоятельствах";

7) "X сделает то-то".

Онишем раздельно каждый из этих типов.

Г. Первичные имена со словообразовательным значением "X не есть человек, X есть..."

Это так называемые "обманные" имена: мужские (иногда женские) имена, омонимичные названиям домашних и диких животных, названиям металлов, камня, словам, обозначающим небесные тела, некоторым процессуальным словам (глаголам), названиям национальностей, названиям предметов домашнего обихода, словам с негативными значениями. Один из вариантов этой словообразовательной модели - "X не есть мужчина, X есть женщина", когда мужское имя образуется от слов, обозначающих женщину.

1. Имена, омонимичные названиям домашних животных

Имена с семей "собака". К ним относятся имена Нохой "собака", Гүлгэн "шенок", Үлэгшэн "самка собаки". В наших материалах эти имена зафиксированы в пределах VIII-XVII колен. В XVII колоне наблюдается замена имени Нохой русскими именами Володя (или Молодя), Николай с вариантом Нихуулай. Фамилия же Нохоев, образованная от этого имени, заменена образованием от имени отца, например Андреев, в результате чего фамилия совпала по своей основе с отчеством. Фамилии Нохоев, Улугчинов встречаются в подворных списках, ревнзских сказках 2-й половины XIX в. Имя Нохой в разных вариантах встречается в документах, относящихся к истории монголов XII-XIV вв., например: Нока - монгольский эмир, Нокай (Ногай) - внук Джочи-хана (Рашид-ад-Дин, т. I, кн. 1, 151); Нокай - сын Баяи-Нойона из племени баарин (Рашид-ад-Дин, т. I, кн. 1, 188), Нохай или Нагай (Рашид-ад-Дин, т. II, 105), Хара Нох (Арм. источник, 30, 42) и др. Среди тюркского племени русского Алтая зарегистрирован соек (род) Ногой (произносят также Нохой, Ноой) (Потанин, 1883, 2).

Имена же Гүлгэн, Үлэгшэн встречаются в антропонимических таблицах до XVI колена. От них образованы фамилии Улугчинов, Гулго-

нов; Улукчин встречается в сборнике Рашид-ад-Дина, который этимологизирует его как "волчица" (Рашид-ад-Дин, т. I, кн. 1, 184).

Личного имени, образованного от апеллятива ганиг "собака", не обнаружено. Звукоподражательность свидетельствует о табуистической основе его образования, что сдерживает антропонимические потенции.

Среди имен с семей "собака" в лингвистическом плане наиболее интересно имя Нохой.

Прежде всего обращает на себя внимание его вариативность, обусловленная соответствиями заднеязычных "к" / "х" / "г" и гласных "о" / "а", выпадением в отдельном случае интервокального "х" ("г"): Нокай / Нохай / Ногай / Нагай / Ноой. Если к этим примерам прибавить женское имя Нугай, то получим соответствие "о" / "у" / "а". Выпадение интервокального "х" ("г") можно объяснить звуковым процессом (дизрезой) при заимствовании монгольского Нокой или Нохой в тюркскую языковую среду или видоизменением экспонента при образовании гипокористической формы. В соответствиях согласных прослеживается эволюция согласного "к" в "х" в монгольских диалектах; ср. халх. хэл-, бур. хэлэ-, ойрат. кел-, клас. келе- "говорить" (Саянжеев, 1953, 89). Классический "к" удерживается ныне и в языках монголов Внутренней Монголии - монгорском и дунсянском. В монгорском языке интересующее нас слово имеет форму Нокой "собака" (Тодаева, 1973, 26). Звонкий заднеязычный слабый "г" в форме Нагай представляет результат озвончения "к" ("х") в интервокальном положении при заимствовании. Небезынтересно совпадение звучания Нугай с дагурским Ноу / Ножа "собака", "пес" (Попше, 1930, 87).

При этимологическом анализе апеллятива нохой обнаруживается целая цепочка коррелятивных антропонимов. Мы при этом исходим из убедительного допущения Н.А. Сыромятникова: «Когда второй согласный относится к суффиксу, а первый - к корню, отражается лишь первый согласный: др. -яп. inu "собака" ~ эвенк. ина, маньч. ин-да-хун. Это слово имеет прямое соответствие и в тюрк. inik "шенок". Если в монг. нохой морфологическая граница проходит между слогами (но-хой), можно предположить отпадение древнего "i" и здесь » (1971, 56). Если так, то бурятские мужские имена Эн-хэ, Эн-хэ-рэй, Эн-х-ээ, Эн-х-ээ-жэн можно толковать как однокоренные к имени Но-хой, в которых -хэ(-х) представляет собой исторический суффикс, тогда как -ээ, -жэн являются поздними приращениями. Именно Энхэ, Энхээжэн встречаются в антропонимических таблицах бурят и в русских документах, например: "Инкея Имеева сын Инкежин женился на инородке" (ИГИА, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 1370). В генеалогической таблице потомков последнего всемонгольского Даян-хана упоминается имя Engke-Sečen (Serruys, 1958, 131) "Энкэ-мудрый"

Таким образом, в монгольских языках сохранились имена, восходящие к разным этапам модификации апеллятива inoqai или письм. - монг. noqai.

Наконец, заметим, что бурятское мужское имя Нээхэй созвучно слову Нэкэ "самец (собаки, волка, лисицы, песца)", "кобель" саккы-ырского говора эвенского языка, восходящего к нэкэ (Новикова, 1971,

186). Интересно также, что "собака" в детском языке обозначается словом ноонэ (Бертагаев, 1961, 40), созвучным женскому имени Ноной.

Этот фактор свидетельствует о раннем размежевании нарицательных и собственных имен, о том, что они развивались по своим закономерностям как самостоятельные лексические единицы.

Следует иметь в виду, что созвучное описанному имени восточное бурятское Энхэ образовано от апеллятива энхэ "спокойный", ср. энхэ жаргал "счастье", энхэ элүүр "здоровый".

Среди имен с семей "собака" есть женское имя Тайга, образованное от монг. тайга(н) "борзой кобель"; впрочем, ср. письм. -монг. taj'ia', tajgan "холошенный, кастрат, евнух, скопец", ср. монг. taeɣa, taeɣa - подзывание овцы, не захотевшей кормить своего ягненка (Содном, 1964б, 24).

Мужские имена с семей "конь, лошадь". Они встречаются в тех же антропонимических коленах, что имена с семей "собака".

Адуун - адуу(н) "табун, косяк, стадо (лошадей); лошади, кони", письм.-монг. adaɣun "лошадь, табун". Молькинские буряты (Иркутская обл.) своим предком считают некоего Аата мэргэна. Это наталкивает на следующую мысль. В алтаистике существует мнение, что письм.-монг. форму adaɣun следует сопоставлять с тюрк. atu, тунг. -маньч. agdū. Наиболее архаичной из этих форм предполагается эвенк. agdū, сохранившая в первом слоге согласный "г" (Новикова, 1972, 108-109, сн. 13). Предполагается, что в тувинском языке фарингализованный гласный "аь" в слове аьт "мерин", "конь" получил свое качество от выпавшего соседнего согласного "г", когда-то стоявшего за ним, но теперь выпавшего (Исхаков, Пальмбах, 1961, 26). Не является ли бурятское имя Аата заимствованием из тувинского языка? Нам пока не удастся обнаружить имя Агта "конь (хороший), рысак, скакун". Может быть, антропонимичность этого слова погашена вторым значением его - "мерин, холощенный жеребец". Возможно также, что второе значение некогда было прямым.

Азарга - письм.-монг. azirga "жеребец"; перен. "большой, могучий, мощный".

Дааган - "жеребенок до трех лет".

Унаган - письм.-монг. unagan "жеребенок до года".

Морин - "лошадь, конь"; Хүлүг (XIII, VIII колена) "аргамак; рысак" (ср. др. -тюрк. köiük "вьючное животное", "повозка", бур. диал. хөлөхө, лит. хүллэхэ "запрягать, закладывать (лошадей)").

Не все апеллятивы с семей "конь, лошадь" становятся антропо-основами. Так, неантропонимичными представляются слова байтапа(н) "яловая в течение нескольких лет (о кобылице и корове)"; бох., кач. "откармливаемый на убой скот", устар. "жертвенная лошадь (на месте жертвоприношения)", хойлго - устар. "лошадь, предназначенная для отвоза умершего", перен. "кляча". Отметим, однако, что прозвище от байтапан со значением "жирный, тучный" вполне возможно.

Имена с семей "корова, рогатый скот":

Бөөдээ (ж.) - ср. в детской речи мөөдээ "корова" (Бертагаев, 1961, 40).

Буура - бур. буура, монг. буур, письм. -монг. buura, buχura, др. -тюрк. buχra "верблюд-производитель".

Буха - бур. буха, монг. бух, др.-тюрк. buqa "бык-производитель" упоминается в антропонимических таблицах, в МНТ (§ 137). П. Поуха имя Buqa рассматривает как производное, выделив в нем суффикс -qa (Poucha, 1956, 91). Вряд ли с этим можно согласиться, поскольку оно образовано от апеллятива буха, а не от bu-с помощью -qa.

Буруу - бур. буруу, письм. -монг. biragu "теленка по второму году"; ср. др.-тюрк. bozaχu-buzaγu "теленка".

Тугал - бур., монг. тугал, письм. -монг. tuγul "теленка".

Үнеэн - бур., монг. үнеэ(н), диал. неэн, письм. -монг. ünigen "корова"; ср. др. -тюрк. inäk, iñäk.

Үхэр - бур. "вол, кастрированный бык; корова"; перен. "крупный, крупный, большой", фразеол. үхэр жэл "год быка"; монг. үхэр "крупный рогатый скот; крупный, большой"; ср. др. -тюрк. öküz, öqüz "вол, бык".

Палбай - в бур. (редко) "переставшая доиться корова". В качугском говоре есть пословица Пайнпан һалбар, муупан шонхор - "От плохого может родиться хорошее, а от хорошего - плохое" (букв.: От хорошего һалбар, от плохого сокол"); Она свидетельствует о негативной оценке животного, обозначенного словом һалбай (һалбар), что обуславливает антропонимичность последнего с охранной функцией.

Мухар - ср. мухар үнеэн - "комолая (корова)".

Имена с семей "коза, козел".

Бабана - имя восстановлено из табуистического Табана (замена "б" на "т") и русской формы Бабани (ЦГАБ, ф. 8, оп. 2, д. 9), ср. бур. бабана "козел", монг. бавна - иносказ. "козел".

Тэхэ - бур. тэхэ "козел (кастрированный)", монг. тэх "дикий горный козел"; др. -тюрк. tekä "козел".

Ухана - имя реконструировано от фамилии Оханаев (ЦГАБ, ф. 8, оп. 2, д. 9); бур. ухана "молодой козел", монг. ухна "козел".

Шоогой (ж.) - барг., эхир. "коза". Сюда же относим имя женское Шоо как табуистическое от Шоогой.

Эшэгэ (ж.), Эшэгэн (м., ж.) - бур. эшэгэ(н), монг. ишиг "козленок", др. -тюрк. eškü "коза".

Ямаан (м., ж.) - лит., эх. -бул., ольх., аг. Ямаан, кач. Нимаан, письм. -монг. imaχan "коза".

Шушуу - ср. шушуу "коза" в детском языке (Бертагаев, 1961, 40).

Имена с семей "овца, баран".

Түлгэ "овца по второму году".

Хурьган - бур. лит. хурьган, ольх. хурган, монг. хурган, письм. -монг. qurigan "ягненок".

Хуса, в архивных документах XIX в. по Хоринскому ведомству это имя имеет форму Хоца - бур. Хуса, монг. хуц "баран-производитель". Личное имя Шуса (с. Закулей Нукутского р-на Иркутской обл.), вероятно, является табуистическим.

Шодоон – калм. šodoŋ "русская овца".

Имена с семантикой "свинья", "верблюд", Гахай (восстановлено от фамилии Гахаев и микропонима Гахайн хулан "Березняк Гахая") – бур., монг. гахай "свинья; название года в 12-летнем животном цикле", письм. –монг. γa.qai. Сюда же относим имя Хахай с учетом диалектного чередования "х" / "п" (от него образован ойконим Хахай, Иркутская обл.).

Ботого – имя восстановлено из фамилии Ботогоев – бур. ботого(н) "верблюжонок".

Дэлгэр – письм. –монг. delger "вид слона (пепельного цвета)".

Сюда же относим имена Даахи, Дааси – бур. лит. даахи, диал. дааси "линька (шерсть, вылезающая весной)", монг. даахь "линька животных; волосы младенца (не стриженные со дня рождения)".

2. Имена, омонимичные названиям диких животных

Арсалан, Арцалан – бур., монг. арслан, письм. –монг. arsalan, др. –тюрк. arслан "лев". Имя распространено в восточнобурятском и южнобурятском диалектах, тункинском, баргузинском говорах. В казачугском, ольхонском говорах оно не обнаружено. Табуистической формой данного имени является Расалан (с. Кункур Читинской обл.).

Баахалдай (м., ж.) – диал., баахалдай "медведь", ср. кач. арба-ахалдай "паук".

Барас – бур. барас, монг. бар "тигр, барс", др. –тюрк. bars "тигр"; bars – название рода; имена собственные bars beg, bars baɣa, bars gan sanun, bars uruɣu.

Бодон – бур., монг. бодо(н) "дикий кабан, вепрь".

Боохолдой – кач. боохолдой "медведь" наряду с хара гурөөнэн – букв. "черная косуля".

Маахай – письм. –монг. maqai "большой медведь".

Буга – бур., монг. буга "олень, изюбр".

Булган (ж.) – бур., монг. булга(н) "соболь".

Бэлтэргэ (фам. Бильтриков) – бур. бэлтэргэ "волчонок", калм. бэлтрэ "молодой волк" (табу), письм. –монг. beltereg "волчонок".

Шоно – бур. шоно, монг. чоно(н), письм. –монг. šino "волк". Распространено повсеместно. В монгольском языке имя Чоно обнаружено только в одном архивном документе (Содном, 1964, 10). В "Шара туджи" оно встречается как первый компонент составного имени – Чоно-шар (1957, 84). В других исторических памятниках личное имя с семантикой "волк" не встречается. В "Монголын нууд, товчоо", "Сборнике летописей" Рашид-ад-Дина встречается геноним Чинос (Рашид-ад-Дин, т. I, кн. 1, 78, 183, 184), в бурятском – Шоно.

Редкость личного имени Шоно в раннюю эпоху монголов, возможно, объяснима тотемическим происхождением генонима Чинос, что сопровождалось табуированием его и уменьшало антропонимические потенции апеллятива.

Гуран – бур. гура(н) "гуран, самец козули"; ср. гуран һара "второй зимний месяц".

Боди - бур. боди гурөөһэн "лань".

Халюу, Халюун (м., ж.) - бур. халюун, монг. халиу(н) "выдра", письм. -монг. qaliūun "род выдры; бобр".

Хулан - бур., монг. хулан "кулан, дикая лошадь", др. -тюрк. qu-lan "кулан, дикий азиатский осел; имя собственное".

Хүнэри (имя восстановлено от фамилии Куныров - ЦГАБ, ф. 8, оп. 2, ед. хр. 876) - бур. лит. хүнэри "куница", тунк. "хорь белый", ал. "хорек".

Хэрмэн (ж.) - "белка".

Хулгана (ж.) - "мышь". Памаахай - письм. -монг. qamaḡai "дикая свинья".

Туулай - бур. туулай "кролик, заяц", письм. -монг. taulai "заяц", монг. туулай "заяц". Зафиксировано в ольхонском, эхирит-булагатском говорах, в архивных документах МНР (Содном, 1964а, 100). В некоторых регионах этнографической Бурятии, в частности в Качугском р-не Иркутской обл., Туулай сближается с глаголом тууха в значении "согнать (на тот свет)". Это, видимо, обуславливает неадекватно-ропонимичность туулай в некоторых говорах бурятского языка.

Хаби - бур. лит. хаб загаһан, диал. хаби "нерпа".

Ангай - "принадлежащий зверю".

3. Имена, омонимичные названиям птиц

Балдаруу - письм. -монг. balḡaru "птица-пустынник".

Бүрхүүт (ольх.) - ср. бур., монг. бүргэд, письм. -монг. börgüd "беркут", тюрк. бүркүт "орел". В форме Бүрхут оно зафиксировано в "Сборнике летописей" Рашид-ад-дина (т. I, кн. 2, 85).

Булжуу, Булжуухай (м., ж.) - бур. бульжуухай, монг. бялзуухай "птичка, пташка".

Булжамуур (ж.) - "жаворонок".

Шубуун - бур. шубуу(н), монг. шувуу(н) "птица", письм. -монг. sibaḡun "беркут, большой орел".

Шубуухай (м., ж.) - бур. Шубуухай (кач.), монг. Шувуухай "птичка, пташка".

Галуун (ж.) - бур., монг. галуун "гусь".

Нугаһан - бур. нугаһа(н), монг. нугас(ан) "утка". Турлааг (ж.) - "ворон". Ярбаахай (кач.) - "птенчик".

Сонхор - имя зарегистрировано в качинском говоре; бур. лит. шонхор "сокол, кречет", нашан сонхор "кречет", парн. шубуу(н) шонхор "птица"; ср. др. -тюрк. sonquR "кречет", ṣunqaR "сокол, алтайский кречет". Как видно, кач. Сонхор сохраняет раннюю форму с начальной свистящей фонемой.

Хүдэй (кач.), бур. лит. хүдүү "рябчик".

Нашан - бур. нашан, монг. начин "сокол".

Харсага - бур. харсага, монг. харцагай, письм. -монг. qarṣaḡa "ястреб".

Хэрээ, Турлааг - бур. хирээ "ворон", турлааг "ворона", монг. хэрээ(н), хон хэрээ "ворон", турлааг "галка".

Хүхэй – бур. лит. хүхы, диал. хүхээ “кукушка” (имя реконструировано от русской формы Кукей).

Тахья, Татяя (ж.) – эх. –бул. “курица”.

4. Имена, омонимичные названиям земноводных и пресмыкающихся, насекомых

Баха – бур. баха, монг. бах, письм. –монг. бага “лягушка”.

Мэлэхэй – бур. мэлхээ “черепаха”, монг. мэлхий “лягушка; по-добный лягушке”, письм. –монг. melekei “лягушка, жаба, черепаха”. Сюда же относим имя Мэнхээ как табуистическое с меной звука “л” на “н”.

Могой – бур., монг. могой, письм. –монг. могај “эмея”.

Буургана (ж.) – кач., эх.–бул. буургана “комар”.

Зүгэй – бур. лит. зүгы, монг. зэгий, письм. –монг. јögeј “пчела”.

5. Имена, омонимичные названиям рыб

Эти имена встречаются во многих селах Ольхонского, Эхирит-Булагатского районов Иркутской области.

Алгана – бур., монг. алгана “окунь”.

Зоодой – бур. зоодой “ерш, карась”, тунк. “пескарь”, каб. “ниэ-кортный омуль”, монг. зоодой загас “карась”.

Яраахай – бур. жараахай, диал. яраахай “малявка, рыбешка, малек”, монг. жараахай “пескарь”.

Хима – письм. –монг. tsima (название рыбы).

6. Имена, омонимичные названиям мастей домашних животных

Монгольские народы издревле разводили пять видов скота (табан хушуун мал) – лошадей, овец, коз, коров, верблюдов. Как правило, в основе реально мотивированных кличек домашних животных лежат названия их мастей. Своеобразие кличек животных в монгольских языках заключается в том, что во многих случаях в них отражаются одновременно и масть, и пол животного, например: Боро – от боро “серый” (о коне), Борогшон “серая (кобыла)”, что соответствует русским кличкам Серко, Серок, Серчик, Серуха (Поротников, 1972; 222). От этих реально мотивированных кличек домашних животных образуются личные имена.

Боро (м., ж.) – бур. боро, монг. бор, письм. –монг. boru, др.-тюрк. boz “серый; серый, сивый (о масти)”. Однако можно отнести это имя и к другим апеллятивам, ср. бур. боро морин “выносливый конь”; письм. –монг. boru ilayu “большая муха”.

Буурал – бур., монг. буурал, письм. –монг. bugural, bugurul “чалый, седой, поседелый”.

Малаан - "с белым пятном на лбу (о животном); лысый, плешивый (о человеке)".

Халтар, Палтар - "светло-гнедой (о масти лошади); с рыжими полосами на ногах и морде (о собаке)". Сюда же относим имя Халтан как табуистическое с меной конечного "р" на "н".

Хонгор - "соловый, светло-рыжий (о масти лошади)"; ср. хонгор "ласковый, милый, привлекательный, обаятельный; простодушный, бесхитростный. Табуистической формой является Гонгор.

Шарга, Шаргал (м., ж.) - бур., монг. шарга "соловый (о масти)", бур. шаргал "соловый; белесый; палевый (о масти)", писм. -монг. šarγul "буланая лошадь". Сюда же относим имя Шаргай как табуистическое с меной конечного "л" на "j". Видимо, по модели Шаргал образовано имя Боргол - от боро "серый".

Дондог - письм. -монг. dondoγ morin "светло-соловая или рыжая лошадь".

Хула гүүн "саврасая кобыла", др. -тюрк. qula "буланый".

Хүрин, хүрэн - "коричневый; бурый (о масти)".

7. Имена с семами "масть + женский пол животного"

Женские имена описываемого типа - суффиксальные образования, но как антропонимы они непроизводны, так как суффикс -шан / -шон / -шен является не онимическим, а апеллятивным (Дондуков, 1964, 20, 62; Митрошкина, 1969, 171-172).

Алагшан - бур. алагшан, монг. алагч "пестрая, пегая"; имя реконструировано от фамилии Алакчинов.

Сагаагшан - бур. саагааша гүүн "белая кобыла", сагаагша үнээн "белая корова".

Улаагша үнээн - букв. "красная корова".

Харагшан - бур. харагшан, монг. харагч(ин) "караковая, вороная (о масти лошади)"; "черная (корова)".

Хулагшан, Хулагша - бур. хулагша(н), монг. хулагч "саврасая (о кобылице)".

Шарагшан - бур. шарагша(н), монг. шарагчин, письм. -монг. širaγčin "желтая".

Халтагшан - ср. халтагшан "светло-гнедой".

В именах Халмагшан, Панхагшан удерживаются основы халма-, панха-, которые не этимологизируются на базе монгольских языков. Основу панха можно выделить также в имени Панхуу. К описываемой группе примыкает имя Мухар - бур., монг. "комолая (корова, овца, коза)".

8. Имена, омонимичные названиям небесных тел

Одон - бур. одо(н), монг. од(он) "звезда".

Солбон "Венера"; ср. каз. Шолпан "Венера; женское имя", которому созвучно бурятское мужское имя Шолпоонхо, зарегистрированное в качугском говоре.

9. Имена, омонимичные названиям металлов, минералов

Алтан - бур., монг. алта(н), письм. -монг. altan "золото".

Булад или Болод - бур. булад, монг. болд, письм. -монг. bolud "сталь".

Тугалаг - ср. монг. тоқолок~тоқолго "свинец, олово" (Владимирцов, 1929, 205).

Түмэр, Төмөр - бур. түмэр, диал. төмөр, монг. төмөр, письм. -монг. temür, др. -тюрк. temür "железо", имя собственное te-mür buǰa.

Шэрэм - бур. шэрэм, монг. ширэм (ширмэн) "чугун".

Номин - "лазурит".

Шулуун - бур. шулуун, монг. чулуу(н), письм.-монг. çiläxun "камень". Возможно, в некоторых случаях Шулуун образовано от прилагательного шулуун "быстрый, проворный, энергичный".

Шабар - бур. шабар, монг. шавар "глина".

Эрдэни - ср. бур. эрдэнин шулуун, монг. эрднийн чулуу "драгоценный камень".

10. Имена, омонимичные названиям растений

Бутаргана (ж.) - бур. бударгана - бот. "поташник, жерняк"; зоол. "коростель".

Зандан (м., ж.) - бур., монг. зандан "сандал, сандаловое дерево"; в бурятском имеет переносное значение "красный (как сандал)"; ср. агар зандан модон "алоз", хара зандан "черный сандал". Имена Нандан, Зандаг, Сандан, видимо, являются табуистическими к Зандан.

Ногоон (ж.) - бур., монг. ногоо(н) "зелень, трава".

Сэсэг (ж.) - бур. сэсэг, монг. цэцэг, др. -тюрк. сесәк "цветок". Сэсэг, Ногоон изредка встречаются в функции мужских имен.

Халхай - бур. лит. халанхай, диал. халхай "крапива".

Харгана - бур. лит. "карагана", зап. "кусты, кустарники".

Хима - письм. -монг. qima "лен".

Хуша - бур. хуша, монг. хуш "кедр".

Хуһан - бур. хуһа(н), монг. хус(ан) "береза".

Бута - бур. бута "кочка", диал. "муравейник"; монг. бут. "куст. заросль".

Солдоо - ср. писм. -монг. sonduu "шип, терния, терновик".

Тарьян (ж.) - бур. тарьян, монг. тариа(н) "хлеб, зерно"; др. -тюрк. tariǰ "зерно, злаки, хлеб".

Дагана - ср. бур. дагнаһан "дерн; прошлогодняя трава на кочке".

Урабдай - ср. письм. -монг. urabda "название растения; клещевина".

11. Имена, омонимичные названиям предметов быта

Абдар – вост. абдар, монг. авдар "сундук, ларь, ящик".

Аяг – ср. бур. аяга "чаша, чашка; глубокая тарелка, посуда", монг. аяга(н) "чашка, пиала, кружка".

Амлар – бур. амлар, монг. амсар "отверстие, горлышко (сосуда, посуды), края сосуда".

Бадуу – ср. письм. –монг. badun "мешок, хлебная мера из десяти четвериков".

Барба – письм. –монг. borba "кожаная посуда в виде графина".

Больтрог, Бультриг – зап. "глиняный горшок (для варки пищи)".

Булхан – зап. "большой котел".

Зантуу – бур. "железное ведро"; жестяной чайник"; перен. бран. "дубина".

Танха – бур. "чугунный кувшин (употребляющийся при выгонке водки)"; может быть образовано также и от прозвища танха гүзээн "раздувшийся, похожий на таха (кувшин) живот".

Тогоон – бур., монг. тогоо(н) "котел".

Хонхор – зап. "чашка (чайная)".

Мандала – бур. мандал (устар.) "медное плоское блюдо, тарелка", монг. мандал (рел.) "круглое блюдо с изображениями, употребляемое при жертвоприношении; диск, круг". Такое толкование имени Мандал(а) кажется допустимым в связи с тем, что аналогичные по образованию имена имеются и у западных бурят-шаманистов; например, имена Шанар (м., ж.), Шанарша образованы от шанар "обряд посвящения в шаманы". Этим же словом обозначается место совершения этого обряда. От Шанар образовано личное имя Шанарша, где -ша – суффикс со значением имени деятеля (*nomen agentis*) (Дондуков, 1964, 15).

Сондой (имя реконструировано от русской формы Сондуй) – бур. сондой "кисет".

Таар (эх.–бул.), Тагар (агин.) – бур. таар "волосая дерюга; дерюжный мешок; половик"; письм.–монг. tagar "мешок для процеивания кислого молока или сыворотки; кошма в виде сетки". Имя Таархан (ж.) мы соотносим с Таар как его диминутивную форму.

Хүдэй – письм.–монг. kudei "мешочек, кошелек", например dabusunu kudei "кошелек для соли". В других случаях Хүдэй, возможно, образовано и от диал. хүдэй "рябчик" (особенно в качугском говоре).

Домбон – бур. домбо, монг. домбо(н) "сосуд с носиком, кувшин, высокий чайник". Имя реконструировано от фамилии Домбонов, что свидетельствует о его происхождении от монгольской формы домбо(н).

Матаар – бур. "чаша", матаар аяга "большая чаша".

Хүнгэй –калм. qungei "стакан".

Хонхор – кач. "чашка"; в некоторых случаях оно может быть табуистической формой имени Сонхор.

Паба – бур. паба, монг. сав "жбан, посуда".

Абгалдай, Абгулдай – бур. абгалдай, монг. авгалдай "шаманский идол; маска, изображающая шаманского божка". С этим именем свя-

зано Сахья (имя реконструировано от русской формы Сахиа – ср. монг. сахиа "стража", бур. пахиха "охранять").

Ануухай – ср. бур. мануухай "пугало, чучело".

Бадую – "цепь ручной молотилки" (Бертагаев, 1961, 142). Балта – бур. балта "молот, кувалда", монг. балт "топор".

Дүшэ – бур. дүшэ, диал. дөшэ, монг. дөш "наковальня; бабка для отбивания кос".

Моотор – письм.-монг. motor "печать".

Сабаа – бур. пабаа "шерстобитная палка; прутик", монг. сабаа "палка, прут (для взбивания шерсти)".

Самбар (имя реконструировано из русской формы Самбар) – бур., монг. самбар "доска" (для письма); впрочем, его можно толковать и как образование от русского заимствования самбаар "самовар". Например, в качинском говоре имеется имя Самбаар.

Сүхэ – письм.-монг. söge, монг. сүх, бур. һүхэ "топор". Возможно также допустить, что оно образовано от бур. сүхэ – зап. "обруч".

Эрхи – бур. эрхи, монг. эрх "четки".

Таха – бур. таха, монг. тах "подкова".

Хазагар – письм.-монг. qazaqar "узда".

Хонхо (м., ж.) – бур. хонхо, монг. хонх(он) "звонок, колокол".

Бахана – бур. бахана, монг. багана "столб, подпорка, колонна".

Хорёо – вост. "ограда, изгородь, загородка; двор (для скота)".

Обоо – "куча, груда камней (где совершается религиозный обряд)".

Саажанхай (ж.) – зап. "стекло".

Сабан – монг. сабан(г) "мыло".

Сомоо – бур. сомоо "стог сена, скирд"; перен. "куча, груда".

Хөө – бур. хөө "уголь, сажа"; монг. хөө "сажа", пер. "помеха, неудача".

Хүбхэ – бур. хүбхэ(н), монг. хөвх "мох".

Шохой – вост., монг. шохой "известь".

Шэрдэг – вост. шэрдэг, монг. ширдэг "стеганый тюфяк".

Наадхай (м., ж.) – диал. "игрушка".

Хөөгэлдэй (ж.) – бох., ал., кач., хүүхэлдэй "кукла".

Пайхай – кач., ольх. "игрушка".

Бардаа – диал. "кашицеобразная масса, остающаяся после выгонки хлебного вина".

Буря – бур. бури "плесень, цвель, прель", перен. "вредный".

Бообоо – бур. детск. "молоко".

Зонхо – ср. бур. жэбэ жонхо "ржавчина".

12. Имена, омонимичные названиям оружия, доспехов, их частей

Бадаан – монг. бада(н) "род сабли".

Булсуу (ж.) – бур. булсуу "наконечник, головка (стрелы); набалдашник".

Буу – бур., монг. буу, письм.-монг. буи "ружье, всякое огнестрельное оружие". Номо – бур. "лук". Оншоо (ж.) – ср. бур. они

"зарубка у стрелы (для накладывания на тетиву)", письм.-монг. oni "ушко, зарубка у стрелы".

Хуяг - бур., монг. хуяг "панцирь, латы, броня".

Шапка - бур. "курок". Сюда же относим суффиксальное образование Шапхай (с суффиксом -хай), хотя оно созвучно с шапхай "намерзшая на копытах лошади грязь". Ср. монг. шавх, "глина, грязь, слякоть"; шавхай "слякоть, грязь".

Дарез - ср. письм.-монг. dari "порох".

В описываемой группе личных имен наиболее интересными представляются следующие: Сайдаг, Зайдаг, Саадаг, Паадаг, Няа, Няадагай, Няанай, Няаха (ж.), Яа, Яатай. Из этих имен этимологически прозрачным в наши дни является только Саадаг / Паадаг от письм.-монг. sagadag, монг. саадаг, бур. паадаг "колчан (для стрел)", ср. также письм.-монг. saxali "самострел". От паадаг в бурятском произведено слово паадагтай "имеющий колчан" как табуистическое со значением "мальчиш, мужчина". Соответствие монгольского свистящего "с" фарингальному "h" бурятского языка общеизвестно. Другие имена можно объяснить на основе данных тюркских и монгольских языков. Так, в древнетюркском находим ja "лук", в тюркских - ca "лук" (Радлов, IV, 1, ст. 215), caḡigak, садак "колчан" (IV, 1, ст. 237), саудаг, садак "лук для стрельбы" (IV, 1, ст. 237), caḡgak, садах, садак "колчан" (IV, 1, ст. 279).

В монгольских и бурятских диалектах наблюдаются соответствия между "n" и "j" (Владимирцов, 1929, 369; Митрошкина, 1968, 53). Предварительно отделив суффиксальные элементы -даг, -ай, -ха, -тай, выделим формы корня с чередованиями инициальных согласных "с" - "з" - "h" - "н" - "j" (саа-, сай-, зай-, няа-, яа-). Следовательно, безаффиксальные имена в своей основе имеют апеллятивный элемент яа, няа со значением "лук", а аффиксальные (Зайдаг, Сайдаг, Няадагай) произошли от слова со значением "колчан (для стрел)". Относительно женского имени Няаха можно предположить, что оно глагольного происхождения. В бурятском языке имеется глагол һааха "пускать стрелу" (Дондуков, 1964, 38); с учетом приведенных выше фонетических соответствий можно предположить, что существовало и слово няаха "стрелять". Это подкрепляется еще и тем, что указанное имя встречается в качугском говоре, в котором звук "н" встречается вместо "j", например нимаан вм. литературного ямаан. Антропонимичность глагола һааха / няаха не вызывает сомнения, так как в бурятском есть имена типа Тогтохо "Останется (жить)". Видимо, от һааха образовано имя Паахал. Все это говорит о том, что описанная группа личных имен донесла до нас разные этапы эволюции древних тюрко-монгольских однокоренных апеллятивов со значениями "лук", "колчан (для стрел)".

Бамбай - бур. бамбай хуяг "кольчуга", монг. бамбай, письм.-монг. bambaj "шит".

Дуулга (ж.) - бур., монг. дуулга "шлем", бур. хуяг дуулга "воинские доспехи".

13. Имена, омонимичные названиям частей тела

Ашаг - "родинка, родимое пятно".

Бартан - ср. эх., детск. бартан туулай "указательный палец".

Голго - зап. "слепая кишка", Гүзээн - бур. гүзээ(н), монг. гүзээ "брюшко, живот, пузо".

Пахал - бур. пахал, монг. сахал, др.-тюрк. sagal "борода".

Табхай - бур. табгай, монг. тавхай "ступня".

Хото - бур. хото "желудок". Шэхэн - бур. шэхэ(н), монг. чих(эн) "ухо, уши". Эрхэй - бур. диал. эрхээ, лит. эрхы, монг. эрхий "большой палец".

14. Имена, омонимичные названиям одежды, предметов туалета

Бөсэй, Бүсэй - бур. бэһэ "нояса, кушак", монг. бес, др.-тюрк. böz "хлопчатобумажная ткань".

Бээлэй - бур. "кукавицы"; впрочем, монг. бээл "бейле" (третья степень княжеского достоинства).

Даха - бур. даха, монг. дах "доха, зимний тулуп". Дэгэлэй - лит. дэглы "накидка-безрукавка" (женская, с разрезом сзади, надеваемая на шубу); впрочем, ср. также бур. хүхэ дэглы "серая цапля", бага дэглы "малая цапля", монг. дэглий "цапля".

Урбуулга - бур. диал. "шапка-ушанка".

Гэрэл - "зеркало"; "луч света".

Дэлбэ - бур. лэлбэ, дэльбэ "широкие поля" (у шляпы), кач. дэльбэ "пояс брюк"; "лепесток у цветка"; "ушная раковина".

Залаа - "красная кисточка на шапке"; "платок, преподнесенный в подарок".

Монсог - бур. "кисть (украшение); клубок, моток, бутон", перен. "бородавка", монг. монсог "бунчук".

Нимбуу - бур. "серебряная коробочка (украшение)".

Сондой - бур. "кисетообразное женское украшение с кистями" (Тугутов, 1958, 240).

Нэхэй - бур. нэхэй, нэхы, монг. нэхий "овчина".

Үмдэн - бур. үмдэн, монг. өмдөн "штаны, брюки".

Үлзы или Улзы - ср. бур. улзы или найман тахялза "женское украшение из олова, представляющее замысловатую геометрическую фигуру" (Бертагаев, 1961, 132).

15. Имена, омонимичные названиям национальностей и народностей

Алаан (ср. ойконим и геноним Алаани Балтай) - алан; как известно, аланы, предки осетин, были на монгольской службе (Гуриев, 1974, 43). Арааб - "араб".

Мангад - зап.-бур. "русский"; Мангадай "принадлежащий русским".

Манжа, Манжи, Мянжа, Мяньжа, Манжо, Манжуу – монг. манж "маньчжур; маньчжурка", письм.-монг. manju "маньчжуры, маньчжурский"; бур. манжа "чай для лам", Манжа "Маньчжурия".

Монгол – бур., монг. монгол "монгол, монголка", письм.-монг. mongγol "монгол(ы)". Женское имя Ногоол с его диминутивной формой Ногоолой (кач.), возможно, также восходит к апеллятиву мои-гол в форме моқол (Владимирцов, 1929, 314), если предположить его табуистическим.

Татаар – "татарин"; ср. др.-тюрк. tatar.

16. Имена, омонимичные словам с различными негативными значениями

Ада – бур. ада, монг. ад "злой дух; домовый; бес".

Аргааһан – ал., барг. аргааһан "аргал, сухой помет (скота), кизяк".

Бааһан (встречается вплоть до XVII колена) – бур. бааһа(н), монг. баас(ан) "кал, испражнения; помет". Оно созвучно тибетскому заимствованию баасан(г) "пятница", но возвести Бааһан к баасан(г) невозможно по двум причинам. Во-первых, оно встречается в регионе, где не был распространен тибетский язык, например в Ольхонском р-не Иркутской обл. Во-вторых, имена от названий дней тибетского языка не характерны для бурятского языка. Только в Джизинском районе, т.е. в сартульском говоре, встречается имя Бабаасан (Ба-баасан).

Насраанха – образовано от апеллятива, заимствованного из русского языка, посредством суффикса -на.

Үнхэй (м., ж.) – диал. үнхэй "тухлый, вонючий".

Үнэр (м., ж.) – "запах", ср. Үнэр һууха "быть многодетным".

Хохир – имя реконструировано от предположительно табуистического сохир, бур. хохир – лит. вост. "сухой навоз"; зап. "овечий помет".

Шабааһан (ж.) – бур. шабааһа(н) "свежий навоз; помет рогатого скота".

Шэбхэ – бур. шэбхэ "прошлогодний навоз"; монг. шивх "навоз".

Шэшэһэн – бур. шэшэһэ(н) "жидкий кал".

Шээрэн – бур., монг. шээрэн "часто мочащийся".

Шээһэн – бур. шээһэ(н), монг. шээс(эн) "моча".

Здесь же следует отнести имена Барлаг – бур., монг. барлаг "слуга, батрак; холоп, раб", монг. барлаг "барлуг" (название монгольского племени).

Богол (имя реконструировано от фамилии Баголов) – ср. письм.-монг. боγол "раб, невольник, батрак".

17. Мужские имена с семой "женщина; женский пол"

Апхан – ср. зап.-бур. абхай "девушка; барышня (устар.), царевна (в сказках)".

Габа – кач. габа, ругат. "не мужчина, а баба". Возможно и дру-

гое толкование: как табуистическое к имени Хаба - "сила, мощь; смелость".

Гэргэн, Гэргэй - бур. гэргэ(н) - пренебр. устар. "жена", монг. гэргий "жена, супруга", письм.-монг. gergen "супруга".

Изии - в кач., ольх. гов. "жена, женщина"; ср. др.-тюрк. eza "старшая сестра".

Ухин - бур. ухи(н) "девушка, девица", бох. "ребенок", кач. ругат. "девка"; монг. охин "дочь; девочка"; ср. письм.-монг. ükin ~ ökin ~ okin "девочка", др.-тюрк. ög "мать".

Худугуй - бур. лит. худагы, диал. худагуй "сватья, кума"; ср. каз. кудағи, кудағай (Сарыбаев, 1971, 259).

Хүгшэн - бур. хүгшэ(н) "старый, престарелый; старушка, старик; супруга, жена; замужняя женщина"; эхир. "муж", монг. хөгшин "старый, престарелый"; ср. др.-тюрк. kökşin "дымчатый, седой".

Памаган, Памган, Хамаган (редко) - бур. һамга(н) "жена, женщина".

Пама, һамхан - ср. бур. сел. һамай "бабушка".

Хунгрэй - бур. диал. ругат. (о женщине). Бухуур - бур. "женский детородный орган".

Эмэ - бур. эмэ "женщина", диал. "баба; самка", монг. эм "женщина", устар. "жена; женский пол", письм.-монг. eme др.-тюрк. em "женский половой орган".

Эмгэн, Эмэгэн, Эмэгэй, Эмээ - ср. монг. эмэг "бабушка", эмээ "бабушка, бабка".

Эхэнэр - бур. эхэнэр, монг. эхнэр "женщина; замужняя женщина".

II. Первичные имена со словообразовательным значением "X есть некто"

К ним относятся антропонимы, омонимичные терминам родства. Их можно квалифицировать как табуистические замены конкретных личных имен. По своему происхождению они делятся на три подгруппы. Первые - это термины родства, которые заменяли личные имена, нареченные новорожденному в честь тех или иных кровных родственников. Такой обычай зафиксирован среди тюркских народов, например у туркмен (Сопиева, 1978, 181-182). К данной подгруппе относим следующие имена:

Абгал - ср. абга "брат отца; родной дядя".

Анда - "побратим, названный брат".

Ахнай - ольх. "старшая сестра".

Бэргэн - лит. бэригэн, монг. бэргэн "жена старшего брата, старшая невестка"; бур. "тетка, тетья"; бох. "сестра жениха".

Дайдай - ольх. "тетушка"; сюда же относим диал. Дээдээ.

Нагаслай, Нахслай - ср. нагаса "отец матери"; сюда же относим имя Нагатлай как табуистическую форму.

Таабай - "отец, папа, бабушка", зап. "дед", тунк. перен. "медведь".

Төөдэй (ж.) - эх., кач. "бубушка, мать отца".

Худгуй - лит. худгы "сватья, кума".

Хүргэн - лит. хүрьгэ(н) "зять".

Ко второй подгруппе относим имена с семами "ребенок", "мальчик" и т.п.

Бөөбэй (ж.) (барг.), Бүүбэй (кач., ольх., барг.), Үүбэй (эх.) - "ребенок"; в качугском говоре есть имя Ообой, которое можно считать табуистической формой к Үүбэй.

Хүбүүн - бур. хүбүү(н), монг. хүү "сын, мальчик, дитя".

Дүүдэй (ж.) - "младший братишка".

К третьей подгруппе относим имена с семами "старик", "стареть" как пожелательные.

Үбгэн, Өбгөн - "старик".

Үтэлхэй - ср. үтэлхэ "стареть".

Это имена с пожеланием долголетия, в которых можно усмотреть эллипсис постпозитивного компонента болохо "станет".

III. Имена со словообразовательным значением

"Х будет таким-то"

Имена со значением "Х будет таким-то", видимо, произошли от словосочетаний, вторым компонентом которых была глагольная форма болху (совр. бур. болохо "станет, будет"). Так, например, в Altan tobci упоминаются имена Мүнкэ болху "вечным станет" (толкование наше), Тугтува болху (Балданжапов, 1970, 159, 160). Сюда мы относим следующие имена:

Алдар - бур., монг. алдар "слава, известность".

Бата - бур. бата, монг. бат, письм.-монг. batu "твердый, крепкий".

Бужагар - "здоровый, крепкий, могучий".

Баян - бур., монг. баян "богач, богатый", др.-тюрк. baj "богатый"; в МНТ bajan - титул, например Dobu-bajan.

Баярхо - письм.-монг. bajarqu "быть или считаться богатым"; ср. др.-тюрк. bajirqu - племя, обитавшее на севере или северо-востоке от тюрков; Bajirqu - имя собственное.

Элбэг, Elbeg qaخان (Балданжапов, 1970, 154) - бур. элбэг "богатый чем-либо".

Буха - бур. буха, монг. бух "могучий, огромный, громадный".

Наһан, Насан - "возраст"; вероятно, это имя образовано от сочетания ута (или үндэр) наһан "преклонный возраст" и передает пожелание дожить до преклонного возраста. Об этом свидетельствует имя Насату - бур. наһата, монг. настай "пожилой, старый".

Билиг - бур., монг. билиг "талант, дар", др.-тюрк. bilig "знание; разум, ум"; bilig kbbül sanun - имя собственное.

Бильгай (имя реконструировано из фамилии Бельгаев) - ср. др.-тюрк. bilgä "мудрый", bilgä bilig "мудрость"; bilga beg - имя собственное.

Буян - вост., монг. буян, письм.-монг. bujan "добродетель, благодеяние". Ср. др.-тюрк. имена собственные bujan qara, bujan temur. От буян образовано имя Буянтаар, что можно перевести как "благодетельный мешок" (об имени Таар см. выше).

Жаргал, Джаргал (вост.), Яргал (зап.) – бур. лит. жаргал, монг. жаргал "счастье, блаженство".

Заяан, Заяа – бур., монг. заяа(н) "судьба"; Ср. бур. Һайн заяан "добрый заян" (дух шаманистического пантеона).

Хуби – ср. бур. хуби заяатай "имеющий судьбу, счастливый".

Хэшэг – вост. хэшэг, монг. хишиг "счастье, благополучие".

Түгэлдэр (вост.) – бур. түгэлдэр, монг. төгөлдөр, ср. сочетание түгэлдэр ухаантай "редкостного ума".

IV. Имена со словообразовательным значением

"Х станет тем-то"

Баатар – бур., монг. баатар, письм.-монг. baɣatur, др.-тюрк. batur "герой, богатырь", имена собственные Batur и Batur ğigši.

Адууша, Адуушан – бур. адуушан, монг. адууч(ин) "табунщик; конюх". Вероятно также, что здесь передается значение "тот, кто любит табун" или "тот, кто будет иметь табун лошадей".

Албашан (имя реконструировано от фамилии Албачинов) – ср. монг. албач "службист" (разг.).

Бадарша (имя реконструировано от русской формы Бадаршу) – бур. бадарша(н), монг. бадарчин "бадарчин, сборщик пожертвований, странствующий монах".

Багша (имя реконструировано от русских форм имени и фамилии Бахши, Бакшеев) – бур. багша, монг. багш "учитель, преподаватель".

Галша (имя реконструировано от русских форм Галши, Гальчи) – бур. "староста" (группы охотников, разводящих на отдыхе один общий костер); "главный шаман" (во время облавной охоты).

Дархан – "мастер, умелец".

Түмүршэ (имя реконструировано от фамилии Тумуршиев) – бур. түмэршэ дархан, монг. төмрийн дархан "кузнец", ист. "свободное от повинностей лицо".

Зайсан – имя в этой форме упоминается в ревизских сказках 1850 г., но это, видимо, должность лица, а не его фамилия; ср. бур. зайсан / зайлан "младший административный чин в дореволюционной Бурятии".

Занги (барг., хор., эх.), Зандя (с. Кункур Ачинского р-на Читинской обл.), Заньяа (эх.). Форма Занги восходит к раннемонгольскому комплексу "ги", которая на бурятской языковой почве в некоторых словах перешла либо в "ди", либо в "йа" (Будаев, 1978, 30). Форма Заньяа также может быть отнесена к апеллятиву зангяа "ладанка", если учесть соответствия "г" / "j" в бурятских говорах (Матхаев, 1968, 6; Митрошкина, 1968, 52). О том, что Занги является личным именем, свидетельствует фамилия Зангеев (с. Бадагуй Эхирит-Булагатского р-на Иркутской обл.).

Засуул (вост.) – бур. заһуул "есаул".

Ноён (ж.) – бур., монг. ноён, письм.-монг. nojan "князь".

Ноёхон (ж.) – письм.-монг. nojaqan “княгиня”.

Номто (имя реконструировано от русской формы Номту) – бур. номтой “имеющий книги; грамотный, образованный”, письм.-монг. nomtu “знаток учения; ученый”.

Номшо (хор.) – бур. номшо “книжник, любитель и знаток книг”; устар. “богослов; соблюдающий обет”; монг. номч “книжник, ученый”, письм.-монг. nomci(n) “знаток учения (религиозный ученый, книжник)”.

Табиная, Табьнай, Тябнай, Тамьнай – ср. бур. табиная (даамал) “пятидесятник”.

Тайша (м., ж.) – бур. тайшаа “тайджи” (князь, дворянин), тунк. “самый младший сын (ласкательно)”; монг. тайз “царевич, принц”; письм.-монг. taiji “княжич, князь; наследник князя или хана; монгольский дворянин”; кит. тай-цзы “царевич” (Владимирцов, 1929, 292).

Тайса, Тайсаа, Тайсай – бур. лит. тайсаа “тайша” (глава степной думы у бурят в царской России); монг. тайш “тайши” (феодално-чиновничий титул в дореволюционной Монголии).

Таряша, Таряшан – бур. таряша(н) “хлебороб, хлебопашец”, ср. др.-тюрк. tar ŋŋci “хлебопашец, земледelec”.

Таршнай, Ташнай, Ташьнай, Ташьмаг – ср. лит. таршанаа “старшина” (административный чин в дореволюционное время) – русское заимствование.

Түшэмэл – бур. түшэмэл, монг. түшэмэд “чиновник(и)”.

Хоничин (с. Кункур Ачинского нац. округа) – лит. хонишо(н) “пастух овец; овцевод”.

Шүүлэнгэ – лит. шүүллингэ “родоуправитель”.

Худалдаашан и Наймаашан – “торговец, купец”.

К описываемой группе имен примыкают еще следующие:

Найдан (имя реконструировано от русских форм Найдан, Найданов) – ср. лит. найдамтай “надежный”, букв.: “имеющий надежду”.

Этигэл, Этибэл – лит. этигэл “доверие, надежда”.

Барлаг – видимо, это прозвище; ср. бур., монг. барлаг, барлук, письм.-монг. barlaq “раб, холоп”; ср. также монг. барлаг, барлук “название монгольского племени”.

V. Имена со значением “X обладает таким-то признаком”

К этой группе относятся имена-характеристики, в основе которых лежат аппеллятивы как с положительной, так и с отрицательной семантикой. Они образованы от имен прилагательных.

1. Имена от аппеллятивов с положительной семантикой

Амар – “спокойный, благополучный”.

Арюун, Аригун (ревизск. сказ. 1860 г.) – бур. арюун “чистоплотный, опрятный; красивый”; монг. ариун “священный, святой; честный; чистоплотный, опрятный”.

Ажа – лит. ажа амгалан "благополучный, безмятежный, мирный"; ср. ажа нууха "жить благополучно".

Амар – бур., монг. амар "спокойный, беззаботный".

Бүхэ – ср. бур. бүхэ хүн "силач, борец".

Дугай – бур., монг. дуугай "молчаливый".

Номогон – лит. номогон, монг. номхон "спокойный, кроткий".

Бужагар – "здоровый, крепкий, могучий".

Сайн – бур. һайн, монг. сайн "хороший, добрый".

Цэцэн – бур. сэсэ(н), монг. цэцэн "мудрый, умный".

Мэргэн – "меткий стрелок; мудрый".

Мэндэ – "здоровый".

Түхрөөн – лит. түхэрээн, монг. төгрөг "круглый" (видимо, имеет-ся в виду "круглолицый").

Мүхэрээн – лит. мүхэрээн "круглый".

Эрхэ – "нежный".

К данной группе мы относим и некоторые цветковые имена. Цветовые аппелятивы в бурятскую антропонию могли проникать как в связи с цветовой символикой, так и обычным путем.

Сэгээн – бур. сэгээн, монг. цэгээн "голубой, светло-голубой" (о глазах); сюда же относим имя Тэгээн как табуистическое с меной начального "с" на "т".

Сэхир – бур. сэхигэр "светло-серый, серый" (о глазах); в сочетании сэхир нюдэн слово сэхир имело некогда негативное значение, например в качугском говоре.

Сэнтир (с. Алтай Кяхтинского р-на) – ср. бур. лит. сэнхир "светло-голубой; светло-синий (о море, небе)"; сэнхир/хүхэ нюдэн "голубые глаза". Табуистической формой к Сэнтир является, видимо, Санхир; возможно также имя Сантир.

Шабай – бур. шабай улаан "крово-красный" (о цвете лица).

Сагаан – это имя может быть образовано от аппелятива сагаан в разных значениях; от прямого значения сагаан "белый" – в результате эллипсиса второго слова в сочетаниях типа Сагаан хүбүүн "белый мальчик" (аналогично тюркским именам Ак-уруг, Ак-кыс "Белый ребенок", "Белая девочка" – Справочник, 1979, 177). Сагаан может пониматься и как "честный, незлопамятный" (Шогдаров, 1969) – сагаан хүи. Возможно также, что сагаан, аналогично тюркскому элементу ак (Гафуров, 1971, 163), имеет значение "счастье, счастливый". Об этом свидетельствует значение белого в цветовой символике бурятских волшебных сказок, в которых герои с упоминанием белого цвета в характеристике непременно являются положительными, белые предметы – приносящими счастье (Баранникова, 1973, 118). В некоторых случаях, видимо, имя Сагаан может быть образовано и от сагаан в значении "ягненок летнего помета" или от названия первого месяца года сагаан һара, букв.: "белый месяц".

Улаан – "красный". В цветовой символике красный цвет выступает как символ любви. Значит, имя Улаан может значить "любимый". Оно может иметь сему "счастливый", если иметь в виду бурятскую пословицу: һальхинда байһан шөнөлэн улаан, яргалта хүнэй шарай улаан (кач.) "стоящая на ветру лиственница – красная, у счастливого человека лицо красное".

Хара - "черный", Хабхар - от хаб хара "черный-пречерный". Как уже указывалось, слово хара наряду с прямым, цветовым значением имеет значение "злой": ср. сочетание хара ханаан "злой умысел, коварство". В таком случае женское имя Хара хубүүн, букв. "Черный мальчик", должно было передавать и значение "злой" (как охранительное имя). Ср. также каз. Кара ичлікши "Злой человек" (Радлов, II, 1, ст. 139). Значение "злой" могло послужить основой для развития новых значений - "сильный", "большой", например: бур. хара халхин "сильный ветер"; каз. кара јол "большая почтовая дорога" (Радлов, II, 1, ст. 134). "Чернота расценивалась как признак силы" (Суперанская, 1969, 26). Имена с семой "черный" были весьма распространены среди русских в XV в. и позже (Веселовский, 1974, 351-352). Вряд ли можно исключить возможность образования имен с семой "черный" прозвищным путем. Например, в качугском говоре имеется имя Хара Вааньхи "Черный Ваньха", носитель которого действительно имел очень смуглое лицо. Таким образом, в личном имени Хара могло фиксироваться каждый раз новое апеллятивное значение: прямое, цветовое или тот или иной смысл системы цветовой символики.

Имя же Хабхар могло отражать признак человека (смуглость и т.п.) или время рождения - хабхар һүни "темной ночью".

Шара - может быть образовано от омонимов: бур. диал. шара, письм.-монг. šar, šir "бык"; бур. шара, монг. шар, письм.-монг. šira "желтый".

2. Имена с негативной семантикой основ

Чаще всего они характеризуют индивида со стороны физических недостатков, реже - по характеру. Следовательно, они образованы главным образом от прозвищ. Вот некоторые примеры:

Алсагар - "раскоряченный".

Гэдэгэр - бур. гэдэгэр "с выпяченной грудью, с горделивой походкой", письм.-монг. gedeger "гибкий".

Дальжагар - бур. далжагар / жалжагар "кривой, неправильной формы (о лице)", монг. далжагар / далбигар "кривой, наклоненный набор (о широком и плоском предмете)".

Ёмогой - ср. бур. ёмогор "сузившийся книзу, яйцеобразный"; ёмогор нюур "овальное лицо".

Мантагар - бур. мантагар, монг. мантгар "головастый, большоголовый, толстый, большой".

Муруй - письм.-монг. murui "кривой, согнутый; наклоненная фигура".

Саландай - "неуклюжий".

Тагнагар - "приплюснутый и вздернутый (о носе)".

Тажаа - бур. "вдувшийся, вспученный (о животe)"; тажаа хун "карапуз".

Тажагар (имя восстановлено от фамилии Тажигиров) - лит. тажагар "пузатый".

Тэжэгэр "толстый, тучный, с большим животом (о человеке)".
Гүнтэгэр - "овальный с выпуклостью в передней части (например, о лбе); сутулый со склоненными плечами".

Түхрөөн - лит. түхэрээ(н) "круглый"; түхэрээн шарай "круглое лицо".

Хондогор - "выдавшийся, выпяченный (о заде человека или крупе лошади)".

Хоригор - лит. поригор "кривой, покоробившийся".

Пармагар (имя реконструировано от фамилии Харамагаров) - лит. пармагар/парбагар "растрепанный (о волосах)".

Шантагар - "курносый, вздернутый (о носе)".

Шахмал - шахамал "сплюснутый, сдавленный, сжатый"; "густой (о голосе)"; "откормленный, толстый".

Шобогор - "сдавленный (о голове)".

Шодгор - бур. шодогор "тонкий и короткий (о хвосте)"; ср. диал. шодогор тологой "остроконечная голова"; шодогор һахал "тонкие усы".

Малаан - "облезлый, облезший".

Халзан, Халсан - "лысый, плешивый (о человеке)".

Халсархай - "облезлый, облезший; плешивый".

Мэлигэр - "гладкий, лоснящийся".

Дохлон - дохоло(н) "хромой".

Муухай - "некрасивый".

Муу - "плохой, дурной, скверный".

Мохой - бур. мохоо "тупой, бездарный".

Салдан - "гольный; бесштаный".

Пандархай (ж.), Хахархай - "расколотый, разбитый, рваный".

Сюда примыкает и имя Архинша - бур. архинша(н) "пьяница, кутла, гуляка".

Особую разновидность имен с негативной семантикой представляют собой охрапные имена, описанные выше (см. главу вторую).

Имена со значением "X обладает таким-то признаком" в прошлом могли образовываться от слов, ныне вышедших из употребления.

Булха (м., ж.) - ср. булха(гар) "выпуклый, вздутый, пухлый" (о щеках).

Дарба, Дарьби - дарба(гар) "оттопыренный (об ушах), растопыренный (о пальцах)".

Манха - манха(гар) "одутловатый, опухший".

Морхо - морхо(гор) "горбатый (о носе)".

Тэбхэ - тэбхэ(гэр) "квадратный, угловатый"; ср. также тэбхэ - "подпорка, костяная кобылка (на концах лука под узлами тетивы)".

Тэжэ - тэжэ(гэр) "толстый, тучный; с большим животом (о человеке)" (ср. в качугском говоре прозвище Пэрээ Гэргөөрө "пузатый Григорий" от пэрээ(гэр) с тем же значением).

Тэсхэ - ал. тэсхэ-бисхэ "плотненький. (о ребенке)".

Урба - урба(гар) "вывернутый (о веках)". В языке старшего поколения носителей качугского говора можно слышать выражения урба дурби болоод һууха "иметь кислую мину" (дурби(гар) - "отвисший (о губах); кислый (о выражении лица)").

Ханха - ханха(гар) "большой и нескладный (о человеке)".

Шобхо - шобхо(гор) "острый, конусообразный (о голове человека)".

Ярба - диал. Ярба(гар), лит. жарба(гар) "большой, с оскалом (о лице); вертлявый", например: жарбагар үхин "вертихвостка".

Шалба - шалба(гар) "выпяченный (о губах)".

Шанта - шанта(гар) "курносый, вздернутый (о носе)".

Шобо - шобо(гор) "сдавленный (о голове)".

Шобхо - шобхо(гор) "остроконечный, конусообразный (о голове)".

Шодо - шодо(гор) "тонкий и короткий (об усах)".

Шолхо - шолхо(гор) "обвислый, обвисший (о щеках); обрюзглый (о лице)".

Шомбо - шомбо(гор) "выпяченный (о губах)".

Тэе - ср. тээрхэ "шуметь, грохотать" - мы относим в эту же группу.

На данном этапе развития антропонимических исследований трудно однозначно решить вопрос об образовании имен описываемого подтипа: представляют ли они собой исконные корнесловы либо образованы путем отсечения суффиксов -гар/-гор/-гэр. Учитывая, что имена описываемого типа несут информацию о признаках субъектов и в бессуффиксальной форме, можно предположить, что ранее существовали и соответствующие апеллятивы без суффиксов. В современном бурятском языке корни урба-, ярба- и т.п. являются связанными.

VI. Имена со значением "после X..."

Имена со значениями "после X родится мальчик", "после X родится много детей", "больше детей не будет - X последний", "больше не надо" и т.п. образуются от глаголов, числительных и некоторых других слов.

Хүбүүлхэ - "родит мальчика".

• Олон - "много".

Ёргоон, Зургаан (МНТ, § 120) - "шесть".

Найман - "восемь". Арбан - "десять".

В материалах Ч. Соднома представлены следующие числовые имена: Дөрвөн "четыре", Олонхүү "много детей", Найман "восемь", Арван "десять", Мянган "тысяча", Таван цэрэг "пять воинов" (1964а).

У бурят было принято говорить "имею одиннадцать детей" вм. "одного ребенка"; это свидетельствует о том, что числительные в антропонимии бурят имели функции "предсказательную". В этом отношении примечательны такие имена:

Түмэ, Түмэн - бур. түмэ(н), монг. түмэн "десять тысяч; тьма, бесчисленное множество"; түмэн "монета, содержащая десять тысяч"; ср. др.-тюрк. tümän "десять тысяч; множество, большое количество, тысячи, тьма". Имя Түмэн с древних времен широко распространено среди монгольских народов. Однако в качугском говоре бурятского языка, а также в древнетюркских памятниках, судя по Древнетюркско-му словарю, оно не зафиксировано.

Личное имя от числительного мянга(н) "тысяча" нам не удалось

обнаружить. Однако имеется фамилия Мингаев (кач.), основа которой созвучна апеллятиву мянга(н).

Числительные выше десяти имели антропонимическое значение "X родился, когда отцу было столько-то лет". Примеры:

Дүчин - от "сорок".

Табьта - от табин "пятьдесят" с суффиксом наличия признака -та.

Жарантай - жаран "шестьдесят" + суф. наличия -тай, Ерной (ж., кач.) - ерон "шестьдесят" + суф. род. п. -ой.

Ернэй (имя восстановлено от русской формы Ерней) - ерэн "девяносто" в форме родительного падежа.

В некоторых бурятских семьях предпочитают числовые имена; так, в одной семье Агинского нац. округа Читинской обл. четыре сына носят имена Зургаадай (зургаан "шесть" + суффикс -дай), Долоодой (долоон "семь" с тем же суффиксом), Жарантай (жаран "шестьдесят" + суф. наличия -тай), Наянтай ("имеющий восемьдесят"). Первого сына назвали Зургадаем потому, что он имел шесть пальцев на ноге и являлся шестым по счету среди детей семьи. Остальные же два имени связаны с возрастом родителя к моменту рождения ребенка. Числовые имена - названия круглых десятков - могут быть толкуемы как благопожелательные. Если последнее предположение верно, то имя Зүнтэг "одряхлевший, старческий" должно быть отнесено к благопожелательным.

Имена со значением "больше не будет детей":

Дүү, Дүүдэй - бур. дүү "младший".

Одхон (м., ж.) - бур. одхон "самый младший". Дүүрэй - ср. дүүрэхэ "наполняться, завершаться" (в смысле "хватит, достаточно детей").

Болоо - "хватит".

Имена со значением "за ним последуют другие дети, так как он первый":

Түрүү - "первый, головной"; ср. Түрүүбэн, Түрүүшэб.

VII. Имена со значением

"X родился при таких-то обстоятельствах"

Удаан - "долго, длительно" (ожидавшийся ребенок).

Ушар - "случай, обстоятельство", т.е. родившийся при тех или иных не названных в имени обстоятельствах.

Сүни (имя реконструировано от русской формы Суни) - ср. лит. пуни, в сакающих говорах сүни "ночью".

Шене (ж.) - ср. монг. шене "ночь, ночью"; впрочем, ср. также тюрк. шён гелё "какой-то цветок" (Радлов, IV, 1, ст. 1040).

Харанхуй (ольх.) - "темный, тьма, мрак".

Түгэд - "полный, благополучный"; "близнецы одного пола". Возможно, что с этим же значением использовано слово тэгшэ "равный", синонимичное с түгэд, при образовании имени Тэгшэ.

С обстоятельствами наречения имени связаны, видимо, такие имена:

Тогооной - "принадлежащий котлу".

Олоодой - от олоо "нашел" + сф. -дой;

Тэжээбэр - бур. тэжээ "кормить, вскармливать; воспитывать" (взяв в дети).

Түлээ, Түлээхэн - "вместо" (кого-то родившийся).

Сюда примыкают имена, образованные от географических названий, например: Алтай, Аршаан (Аршан), Байгал, Байхаал, Байкаал (оз. Байкал), Саяан - Саяны (чаще встречается в XVII, XIX коленах). Сравним также:

Болдог - "холмик, бугор".

Горхон - горхо(н) "речка, ручеек"; кач. "паводок".

Дабаан (имя реконструировано от фамилии Дабанов) - дабаа(н) "горный перевал". Далай - "море, океан; большое озеро" (например, Байкал, который в говорах бурятского языка известен под названием Далай).

Нуур - "озеро".

Талаян (барг.) - "лужайка, полянка; займище; небольшое озеро".

Тохой - "излучина, изгиб (реки)". Хангай (м., ж.) - монг. "хангай (гористая и лесистая местность, обильная водой и плодородная)".

Хужар - "солончак, солонцы".

Хушуун - "мыс".

К описываемой группе относим также имя Заяахай - ср. заяа - "предопределять, предвещать" + суф. -хай.

VIII. Отглагольные имена со значением

"X сделает (должен сделать) то-то"

Андай - андайха "станет большим".

Бодохо (вост.) - "встанет, подыметсЯ", Мэдэхэ - "будет знать".

Боохо - "преградит, задержит".

Нэмхэ (имя реконструировано от фамилии Нымхоева) - от нэмэхэ, видимо, в значении "дополнит (поколение)".

Ниилхэ - ниилхэхэ "соединяться", например, с остальными членами рода, семьи.

Тогтохо - "останется (жить)"; ср. Тогто "останься (жить)",

Тогтоо "остался (жить)".

Тороо - букв.: "зацепился; остался (жить)".

Среди отглагольных встречаются имена, образованные от повелительной формы второго лица:

Бууда - "стреляй".

Олдо - "найди".

Соли (ж.) (вост.) - "смени"; пожелание, чтобы рождение девочек заменилось рождением мальчиков.

Хүгшэр - "состарься", т.е. "доживи до преклонного возраста".

Шишха - ср. шашхаха "кричать, вопить, голосить", т.е. "подай признаки жизни".

Мадай - мадайха - "важничать", т.е. "будь важным".

Мандай (м., ж.) – мандайха “расти (о ребенке)”.

Орбой – диал. орбойхо “расти”.

Түрэ – “родись”, ср. хайн түрэ “расти хорошим”.

Таара – имя, либо образованное от формы обращения ко второму лицу – таара “приходишь по душе другим, окружающим людям”, либо в нем –а есть суффикс при корне таар “держанный мешок”. Оба толкования представляются возможными.

Трудно определить также апеллятивное значение имени Бай. Либо оно образовано от глагола байха – перен. “остаться (жить)”, либо оно тюркского происхождения: ср. др.-тюрк. baj “богатый”, имена собственные baj ara, baj buya, baj remür.

Примечательно, что в составе монгольских имен представлены глагольные словосочетания, например: Баянмандах – от баян “богатый” + мандах “возродиться, расцветать, расти”, Баян нэмэх “богатство дополнять”, Баян тогту “богатство установись”, Баттөр – бат “крепкий” + төр “родись”, Мандахбат – мандах “расцветать, расти” + бат “крепкий”, Хүч-нэмэх “сила, мощь” + “прибавлять”.

Эти и подобные примеры свидетельствуют о возможности синтаксического образования имен в монгольских языках.

В заключение этого раздела укажем, что при образовании антропонимов от имен существительных наблюдается ряд расхождений между ними в формальном плане. Так, оним в отличие от апеллятива теряет форму множественного числа и обретает эксплицитное выражение винительного падежа. Например, у апеллятива тэхэ “козел” есть формы тэхэ (им. п., вин. п.) и тэхэнүүд (мн. число), у имени же собственного Тэхэ нет формы множественного числа, но есть форма Тэхые (–ые суф. вин. п.). Имена прилагательные, числительные, глаголы, послелогии, становясь антропонимами, утрачивают свои соответствующие грамматические категории и обретают значение предметности, обозначая человека, функционируют в формах именных слов, т.е. склоняются, но не имеют формы множественного числа. Таким образом, при переходе апеллятивов из одного лексического класса в другой, антропонимический, оним и соответствующий апеллятив становятся омонимами, расходясь по формальным и функциональным характеристикам.

§ 3. КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ (СУФФИКСАЛЬНЫЙ) СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ АНТРОПОНИМОВ

Суффиксальный способ образования является одним из главных источников пополнения словаря бурятского языка. Так, например, У.-Ж.Ш. Дондуков в работе, посвященной проблеме аффиксального словообразования частей речи в бурятском языке, выявил и описал 133 суффикса, с помощью которых образуются имена существительные, 67 суффиксов, образующих имена прилагательные, не считая заимствованные суффиксы и аффиксальные имена существительные и прилагательные, которые соотносительны с причастиями (1964, 9–43, 68–96).

Также значителен набор формантов, с помощью которых образуют-

ся антропонимы. Нами описано свыше ста простых антропоформантов. Кроме того, выявлено 18 типов наиболее частотных составных (сложных) формантов.

Нами установлено, что форманты, образующие личные имена, по происхождению вторичны по отношению к обычным: они находятся между собой в омонимичных отношениях точно так же, как апеллиативы и соответствующие антропонимы. Тот или иной суффикс в антропониме выполняет прежнюю апеллиативную функцию только в тех случаях, когда изменяет только форму конкретного личного имени конкретного человека. Например: Ханда – Хандахан, Үнхээ – Үнхээшхэ. Но если обозначения типа Жалма и Жалмахан относятся к разным индивидам, то тут мы имеем два имени: образованное с помощью антропоформанта и без него. Поскольку в наших материалах представлены личные имена отдельно взятых индивидов без учета форм их функционирования, систем уменьшительно-ласкательных, пренебрежительных и т.п., постольку все описываемые суффиксы могут рассматриваться как антропоформанты. Ниже приведены в алфавитном порядке все выявленные антропоформанты и образуемые ими имена.

1. Суффикс -аа / -оо / -өө / -уу / -үү / -ээ. В грамматических трудах по бурятскому языку этот суффикс оценивается весьма противоречиво; так, У.-Ж.Ш. Дондуков считает его особенно продуктивным и часто употребительным (1964, 29), М.Н. Орловская, напротив, находит его малопродуктивным (ГБЯ, 1962, 56), а Т.А. Бертагаев полагает, что он является довольно распространенным, но в современных языках малопродуктивным. На ряде примеров Т.А. Бертагаев доказывает, что этот суффикс генетически является вариантом -аан с утраченным конечным носовым; при помощи его образуются имена с предметным и отвлеченным значением, имена прилагательные, многие из которых совмещают в себе свойства прилагательного и существительного (монг. гувшуу "привыкший сосать других маток", хариу "стеснительный, застенчивый, стеснительность, робость, возврат, возвращение, ответ" – Бертагаев, 1974, 193-194). Наконец, есть еще один класс слов, от которых образуются имена с суффиксом -аа, – изобразительные слова, которые обстоятельно описаны Л.Ш. Шагдаровым (1962) на обширном фактическом материале, что позволяет определить значительную роль изобразительных, особенно образных, слов в формировании бурятских антропонимов.

Большая часть антропонимов с суффиксом -аа имеет те же основы, что и у изобразительных слов с суффиксом -гар / -гор / -гэр. Об образных прилагательных, образованных от глаголов при помощи суффикса -гар / -гор / -гэр, К.М. Черемисов писал: "Никакого преувеличения не может быть в словах, утверждающих, что самой многочисленной является в бурятском языке (да и в монгольском тоже) группа слов, оканчивающихся на -гар (-гэр, -гор) и обозначающих в подавляющем большинстве внешний вид, причем внешний вид (человека, его глаз, носа, ноздрей и т.д.)... изображается с поразительной срочностью и чрезвычайной точностью" (1941, 86).

Такое совпадение основ совершенно естественно, поскольку в личных именах "схвачены" бросающиеся в глаза признаки индивида

или же именуемым приписываются те или иные негативные качества.

Имена личные с помощью суффикса -аа образуются и от имен существительных, обычных прилагательных и слов других частей речи. Примеры имен и того и другого типа приводятся в алфавитной последовательности, с выделением отдельных сингармонических подпластов.

-аа: Бурзаа - ср. кач. бурза(гар) "с негладким, угреватым лицом"; Гүлгээ - гүлгэн "шенок"; Елбаа (ж.) - ялба(гар) "плоский (о лице)"; Журбаа - кач. зурба(гар) "неприятно вывернутый (о веках)", ср. бал. зурбахи "бесстыдный баловник"; Мантаа - манта(гар) "головастый, большеголовый; крупный, большой"; Мугтаа - мугта(гар) "короткорукий"; Папаа - папа(гар) "косматый, лохматый", ср. папагар Һахал "пушистая борода"; Пихаа - пиха(гар) "низенький и толстый"; Урняя - диал. урни(гар) "обвислый (о лице)"; Панхаа - ср. ханха(гар) "большой и нескладный"; Һахлаа - ср. Һахал "борода"; Шалбаа - шалба(гар) "выпяченный (о губах)"; Шөнхөө - кач. шөнхө(гор), лит. шүнхэ(гэр), шүнтэ(гэр) "остролицый".

-оо/-өө: Морхоо - морхо(гор) "горбатый (о носе)"; Онгоо - онго(гор) "раскрытый, зияющий", ср. онгогор хамар "нос с широкими ноздрями", онгогор хүн "ротозей", кач. "хвостун, высокомерный" (прозвище по последнему значению - Онгоос); Оноо - они(гор) "узкий (о глазах)"; Оноо (кач.) - оно "разрез, прорезь на одежде (сзади)" (возможно также, что это бессуффиксальное образование от оноо "зарубки на стреле"); Хонтоо - хонто(гор) "надутый, обиженный, неприветливый"; кач. "выпяченный (о заде человека)"; Хүнхөө (ж.) - хүнхэ(гэр) "впалье (о глазах), крутой (о лбе)"; Шобхоо - шобхо(гор) "кунусообразный (о голове)"; Шолоо - шологонохо "лепетать (о детях)".

-уу / -үү: Асруу - ср. асари ехэ "гигантский"; Бабуу - баба(гар) "лохматый"; Бааюу - бааяха "плакать (о ребенке)"; Далбуу - далба(гар) ньюр "широкое лицо", ср. имя Далбахи; Занхуу - занха(гар) "большеголовый"; Тахуу - таха "подкова"; Тэнжүү - тэнжэ(гэр) "пузатый, толстопузый; полный, толстый"; Тэсхүү - тэсхэ(гэр) "толстый, пузатый"; Халзуу - халзан "лысый (или плешивый) человек"; Панжуу - Һанжа(гар) "висящий, отвислый"; Ярхуу - диал. ярха(гар) "худощавый" (пренебр.).

Имеются также некоторые имена с суффиксом -уу / -үү, значения аппелятивных основ которых не удалось выявить: Буг-уу, Габ-уу, Мал-уу, Мол-уу, Мандр-уу, Мот-уу, Халт-уу, Шат-уу, Шом-уу; Бэш-үү, Гэрг-үү, Мүхэр-үү. Основанием для выделения данного суффикса послужили личные имена типа Габа-шха, Мол-шоон, Мот-оош, Гэргээ, Шомбо и др.

-ээ: Бүсээ - письм.-монг. büs "бумажная ткань", монг. бус, бур. бүлэ, диал. бэһэ "пояс", др.-тюрк. böz "хлопчатобумажная ткань, холст, бязь"; Гүлгээ - гүлгэ(н) "шенок"; Гэргээ - гэргэн "жена, баба", фразеол. гэргэн басаган "старая дева"; Дарээ - бур. дарн, монг. дарь "порох"; Түлгээ - түлгэ "овца по второму году"; Түүсээ - түүс, междометие "бух" (об орудийном выстреле); Тэбхээ - тэбхэ(гэр) "квадратный, угловатый"; Хүрхүмээ - письм.-монг. qürqüm "шафран" (однако могло образоваться и от хүрхэ "кузнечный мех; горн" +

суф. -мээ); Поорээ - поорэ(гэр) "верхогляд"; Ухинээ - ухин(н) "девушка, девица", бох. "ребенок"; Хиилээ - тунк. хиила "дужка (у ведра)"; Шэхэнээ - шэхэ(н) "ухо"; Эмээ - эмэ "женщина"; Эмгэнээ - эмгэн "бабушка; старуха"; Эхирээ - эхир "близнец, близнецы"; Эхинээ, Хинээ - эхин "начальный, первый"; Шээхээ - шээхэ "мочиться".

-ии, -ы: Габии - габи(гар) "исхудавший, тощий"; Далии - дали "крылья, крыло (у птицы)", дали-дали "о движении чего-либо болтающегося, например отвислых ушей"; Тунхы - тунха, парн. к энхэ "спокойный, мирный".

Приведем также имена с элементами -и, ии, -э, значения основ которых для нас остаются пока не совсем ясными: Аж-ии, Баж-ии, Буж-ии, Бууж-ии, Буд-ии, Бууд-ии, Мот-ии, Пэнд-ии, Хазаар-и, Хүлэр-и, Худ-ии, Хонд-ии. По некоторым из них можно высказать отдельные предположения. Так, элемент -и в имени Хазаари, возможно, представляет форму родительного (атрибутивного) падежа в каком-то словосочетании. Будии, Буудии можно связать с апеллятивом Будда "Будда". Мотии можно сравнить с именем Мотько и считать русским заимствованием, оформленным бурятским суффиксом. Однако наши предположения не претендуют на окончательность.

2. Суффикс -ай / -ой*. В апелливах бурятского языка этот суффикс является непродуктивным. В отношении лиц употребляется в уменьшительном значении, например: Убгэй "дедушка" - от убгэн "старик" (Дондуков, 1964, 19). С этим нельзя не согласиться. Однако в дундай "средний из старших братьев" от дунда "средний" вряд ли данный суффикс имеет уменьшительное значение, так как употребляется вместо словосочетания дунда аха, т.е. здесь -ай функционирует вместо существительного аха.

В личных именах -ай / -ой представляет собой словообразовательный элемент. При помощи него образуются мужские имена от глагольных, именных и (реже) изобразительных слов:

Абарай - абар "защищать"; Алганай - алгана "окунь"; Аргай - арга "ловкость, хитрость"; Бааргай - письм.-монг. baɣaraɣ "засранец"; Барбай - барба(гар) "косматый, лохматый; грубый (например, о руках); узловатый (о пальцах)"; Батай - бата "крупный (о человеке)"; Бахай - баха "лягушка"; Борой - боро "серый, седой; перен. невзрачный"; Ботогой - ботого(н) "верблжонок"; Будаанай - диал. будан "ячмень"; Булгай, Булганай - булга(н) "соболь"; Булхай - булха(гар) "с пухлыми щеками"; Буурай - буура "верблюд-самец"; Бухай-буха "бык-пороз, бугай"; Даагай - даага(н) "двухлетний жеребенок"; Дадай - дада(гар) "выпученный, вытарашенный (о глазах)"; Дарай - дара(гар) "расставленный, растопыренный", перен. "отменный, прекрасный"; Дурбай - дурби(гар) "отвисший (о губах); кислый (о выражении лица)"; Дуурай - дууруу "спокойный, тихий"; Добой - добо(гор) "выпуклый"; Ехой - кач. ехо(гор) "худой и зловредный"; Мардай - марда(гар) "прямой и сухошавый (о человеке)"; перен. "важный (о

* Дифтонгический суффикс -эй реализуется как долгий мягкорядный -ээ, который описан выше наряду с -аа / -оо / -ии.

человеке)"; Махай - ср. маһа(гар) "самодовольный"; перен. "простофиля, растяпа"; Мордой - мордо(гор) "большой, крупный (о носе)"; Номгой - номгон "спокойный, тихий, кроткий"; Оодой - оодо(гор) "короткохвостый"; Олзой - олзо(хүбүүн) "побочный (сын)"; Суухай - суха "мочевой пузырь"; Танхай - танха "чугунный кувшин, употребляющийся при выгонке молочной водки"; Тахай - таха "подкова"; Туухлай - диал. туухал "вид сараны"; Урбай - урба(гар) "вывернутый (о веках)"; Хогой - хог "мусор" (ногой, видимо, является табуистической формой); Хондой - хондо(гор) "выпяченный (о заде человека)"; Хонхой - хонхо "звонок, колокол"; Хотой - хото(гор) "стройный, грациозный, изящный" (может быть, имя представляет собой форму обращения ко 2-му лицу - хотой "будь стройным, грациозным, изящным"); Хошхоо - диал. хошоо "совок", лит. Хошо шарга "сани с высоким сиденьем"; Халзай - халзан "лысый"; Хурганай и Хургай - хурга(н) "палец"; Хуригай - хурига(н) "ягненок"; Хусай - хуса "баран-производитель"; Памагай - памаган "женщина"; Параанай - зап. параана "корень (луковица) сараны"; Хофой - ср. монг. хос "пара"; Шаадай - шаад, междометие, выражающее пронзительный крик; Шабшарай (ж.) - шабшар "желтый"; Шагнай (ж.) - шагна(гар) "курносый, вздернутый (о носе)"; Шабшарай (ж.) - зап. шабшар "блондин"; Шандагай - шандага(н) "заяц"; Шодой - шодо(гор) "тонкий и короткий (о хвосте)" (может быть образовано и от формы обращения ко 2-му лицу: шодой - диал. "расти высоким"); Шомой, ср. Шомбой - шомбо(гор) "выпяченный, вытянутый (о губах)"; Ялбай (ж.) - ялба(гар) "блестящий, сверкающий"; Ямбай - ямба "почетный, важный, импозантный".

Имен, образованных от местоимений, в бурятском языке нам обнаружить не удалось. В калмыцком же языке такая модель - явление обычное, например: Энд - от указательного местоимения эн "этот, это" (Биткеева, 1981, 73). Местоименные слова в бурятском, в частности в Восточной Бурятии, очень редко встречаются в словосочетании "не этот (другой)" - Энэ бэшэ, аналогично монгольскому Тэр биш "не тот".

Дифтонгический суффикс -ай / -ой следует отличать от омонимичного ему показателя родительного падежа бурятского языка, например: Тогооной - от тогоон "котел", т.е. "принадлежащий котлу", Ёрной - от ёрон "шестьдесят", т.е. "принадлежащий шестидесятилетию", Мангадай - от мангад "русский", т.е. "принадлежащий русскому". Однако эти показатели, различаясь этимологически, как антропоформанты функционируют одинаково: после них обоих равно возможен аффикс падежа, например: Ёрной-до "Ерною" (цепочка из двух падежных аффиксов, родительного и дательного-местного падежей; такое возможно только благодаря тому, что аффикс родительного падежа надежным является только этимологически).

3. -аад / -өөд / -үүд: Балхраад - диал. балхара - "ходить неуклюже"; Зүхөөд - зүхэ(гэр) "с головой, втянутой в плечи", в кач. "вытянутый (о шее)"; Мантаад - манта(гар) "большеголовый, крупный, большой"; Хүрхүүд - хүрхэ(гэр) "раздувшийся, раздутый"; перен. диал. "высокомерный".

4. -аад в апеллятивной лексике относится к классу непродуктив-

ных аффиксов, образующих от глагольных основ имена прилагательные со значением физических характеристик людей: үбэгэжоол "старческий" - от үбгэжэхэ "становиться стариком", һамгажаал "немолодая женщина" (Дойдуков, 1964, 86).

Примеры: Босхоол - ср. зап. босхи "неуклюжий, неповоротливый"; Хоршоол "сморщенный", ср. хоршо (гор) "тщедушный". Имя Мохоол можно возвести к предполагаемому Бохёол - от бохи (гор) "сгорбленный". Если сравнить имена Шагаал и Шаглай, то в первом также можно выделить суффикс -аал.

5. -аан / -оон / -өөн / -ээн / -уун / -үүн образует личные имена от основ разных частей речи.

А. От образительных слов: Агнаан - зап. агна (гар) "курносый с широкими ноздрями"; Ангаан - анга (гар) "разинутый (о рта)"; Балдаан - балда (гар) "толстый и приземистый"; Бархаан (ж.) - барха (гар) "громоздкий, грубый"; Билсаан - билса (гар) "приплюснутый (о носе)"; Билбуун - билба (гар) "обрюзгший" билба (гар) нюур "обрюзгшее лицо"; Борбоон (ж.) - борбо (гор) "невзрачный"; Билуун - била (гар) "расплывшийся"; Болдоон - болдо (гор) "шишковатый, кочковатый" (видимо, о голове человека; оно может быть также образовано от глагольной основы болдойхо "быть вздутым"); Булсаан (ж.) - ср. диал. булса (гар), булса (гар) сулса (гар) "пухленькие, цветущие (о щеках)"; Булхаан - булха (гар) "вздутый, пухлый"; Дабхаан - дабха (гар) "толстый, неуклюжий, неповоротливый"; Данхаан - данха (гар) "долговязый, верзила"; Дульбаан - дульба (гар) "отвислый (о губах)"; Дэрээн - ср. дэрэ (гэр) шэхэтэй "лопухий"; Жалбаан - жалба (гар) "плоский (о лице)"; Жарбаан - жарба (гар) "большой, с оскалом (о рта)"; Мантаан - манта (гар) "головастый, большеголовый; крупный, большой"; Мархаан - марха (гар) "большой и короткий (о носе)"; Могдоон - могдо (гор) "куций"; Морхоон - морхо (гор) "с горбинкой (о носе)"; Морсоон - морсо (гор) "сжежившийся (о человеке), нахохлившийся"; Мүндүүн (ж.) - мүндэ (гэр) "выпуклый, выдавшийся"; Мэрхээн - мэрхэ (гэр) "с горбинкой (о носе)"; Онгоон - ср. онго (гор) хамар "нос с широкими ноздрями"; Орбоон - орбо (гор) "взверошенный; невзрачный"; Пирнаан - пирна (гар) "широкий книзу и вздернутый (о носе)"; Пирхаан - диал., кач. пирха (гар) "конопатый"; Пихуун - пиха (гар) "низенький и толстый"; Тадаан (м., ж.) - тада (гар) "вытаращенный, навкате (о глазах)"; Тарбаан - диал. тарба (гар) "широкий"; Тэрээн - тэрээ (гэр) "пузатый; с голым животом"; Урбаан - урба (гар) "вывернутый (о веках)" (сюда же относим Убаан как табуистическую форму); Халхаан - халха (гар) "широкий, не по росту сшитый, мешковатый", перен. диал. "человек угловатый, нескладный"; Холхоон - холхо (гор) (см. Халхаан); Хонтоон - хонто (гор) "надутый, обиженный, неприветливый", диал. "с выдвинутым задом"; Һабсаан - ср. диал. Һабса (гар) гүйхэ "бегать легко, вприпрыжку"; Һалбаан - Һалба (гар) "мешковатый (об одежде)"; Шалбаан - шалба (гар) "выпяченный, вывороченный (о губах)"; Шантаан - шанта (гар) "курносый, вздернутый"; Шобхоон - шобхо (гор) "конусообразный"; Шодоон - шодо (гор) "тонкий и короткий (о хвосте)", предположительно, перен. - о человеке низеньком и худеньком; Шолхоон - шолхо (гор) "обвислый (о щеках)"; "об-

рюзгший (о лице)"; Шорхоон - диал. шорхо(гор) "остроконечная (голова)".

Б. От обычных имен прилагательных: Багуун - бага "маленький"; Бүхээн - бүхэ "крепкий"; Зүнтээн - зүнтэг "одряхлевший, старческий", "выживший из ума"; Мандаан - манда(гар) "крупный, большой, огромный", мандагар болохо "становится большим, подрастать, мужать"; Мухаан - муха "милый, милая" (при обращении к ребенку); Түгдээн - түгэд "близнецы одного пола".

Среди них встречаются и имена с цветовыми апеллятивными основами: Сайбаан - сайба(гар) "белобрый, белесый"; Халтаан - ср. халтагшан "светло-гнедая (о кобылице)"; Хултаан - хулта(гар) "блудливый (о глазах)"; Хундаан - ср. хундаган сагаан, пренебр. "белый"; Шараан (ж.) - шара "желтый", ср. шараүпэтэй "русоволосый"; Шабшараан (ж.) - см. Шараан.

В. От имен существительных: Боожоон - боожо "вожи"; Борьбоон - борьбо "голень", перен. "худеть; истощаться"; Зандуун - зандан "сандап (дерево)"; Хонхорэон - ср. хонхор табаг "глубокая тарелка", зап. "чашка"; Хүдрээн - хүдэр "кабарга; сильный, здоровый"; Хэтүүн - хэтэ "огниво", ср. хэтэ мүнхэлэ "навечно"; Палбаан - 1) палбай "переставшая доиться корова"; 2) палбай "лепесток"; Шагтаан - шагта "пуговица", диал. "веревочный ошейник для телят"; Ялмаан (ж.) - ялма "тутовое дерево".

Г. От глагольных основ: Борлоон - борло- "мужать, набираться жизненного опыта"; Сахияан - сахи- "охранять, стеречь"; Тогтоон - тогто- "оставаться (жить)"; Түшээн - түшэ- "надеяться, уповать на кого-либо"; Тэшээн - кач. тэшэ, лит. тэсэ- "выдержать"; Терээн - тере- диал. "родиться"; Түгүсээн - түгэсэ- "заканчиваться, завершаться" (ср. Отхон "самый младший"); Харлаан - харла- "чернеть", ср. хара "черный"; возможно, в данном случае харла имеет значение "становиться сильным" - ср. сочетание хара хуйтэн "сильный мороз"; Шарлаан - шарла- "желтеть". Если иметь в виду, что у некоторых восточных народов желтый цвет является символом царственного величия, то имя Шарлаан вполне возводимо к глаголу шарла- не в смысле "желтеть", а в смысле "обретать царственное (ханское) величие".

Д. От наречий: Хожуун - ср. хожом, букв. "потом", перен. "позже всех", хожомынь "напоследок".

6. -аар / -оор / -өөр / -уур / -үүр / -ээр; Баяуур - бая(н) "богатый"; Балхяр - балхи "забитый; ленивый"; Батюур - ср. бата, диал. "крепкий телосложением". Мы предполагаем здесь палатализацию "т" апеллятива при образовании онима; Мохоор - морхо(гор) "с горбинкой (о носе)". Предполагаем выпадение "р" на диссимильтивной основе; Төөргөөр - төөрэг "счастье; судьба, рок"; Шарьюур - шарья "дребезжать, дрожать (о голосе)"; Шатуур - ср. шатар "шахматы" (выпадение "р" на диссимильтивной основе).

Можно предположить суффикс -уур и в имени Нихуур с незарегистрированной основой ниха(гар), а возможно, и ниха(гар) "низенький, приземистый".

7. -аас / -оос / -ээс; Ангоос - ан(г) "зверь"; Мадаас - ма-

да(гар) "прямой, нестигающийся"; перен. "важный, важничающий"; Малаас - мала(гар) "лысый"; Мархаас - марха(гар) "большой", "картошкой" (о носе); Морхоос, Морхоос - морхо(гар) "с горбинкой (о носе)"; Халхаас - халха(гар) "широкий, не по росту сшитый, мешковатый"; ПарПаас - парпа(гар) "глуповатый"; Хомоос - хомо(гар) "закругленные, загнутые (о рогах)"; Хүрхээс - хүрхэ(гэр) "раздувшийся, раздутый", перен. "высокомерный"; Яхуус - диал. яха(гар) "о выпяченной грудью; горделивый".

В монгольском языке -аас представляет собой суффикс образования имен от глагольных основ (Бертагаев, 1974, 172).

8. -аад / -ууд: Бахууд - баха "лягушка"; Махаад, Махууд - ср. баха, а также мапа(гар) "самодовольный"; перен. "простофиля, растяпа"; Хагууд - хаг "корочка (на голове новорожденного)"; Хулууд - хул "большая деревянная чаша для кумыса".

В имени Шишууд трудно определить апеллятивное значение. Предполагаем, что оно образовано от шишэ(нэн) "жидкий кал", поскольку имеется имя Насраанха с аналогичным апеллятивным значением.

9. -б, -ба / -бу: Түрүүшэб - түрүүшэ "тысяцкий" (в свадебном обряде, приехавший на полчаса-час раньше свадебного поезда). Оно может быть образовано и от апеллиатива со значением "предшествующий, первенец среди детей в семье" (с тем экспонентом). Возможны и другие толкования: түрүүшэ "тот, кто в жизни всегда будет первым"; Янтрааб - янтраа "янтарь"; Шоёобо (ж.) - ср. хоёо "клык"; Борбу, Борбо - боро "серый, смуглый".

10. -баа / -боо: Ашбаа - аша "племянница" / аша туша "польза, помощь" / аша "мешалка; палка для сбивания масла"; Борбоо (м., ж.) - боро "серый; большой".

11. -бай / -бэй: Бурбэй - ср. бур бар гэхэ "ворчать, бурчать"; Тадбай - тада(гар) "вытарашенный, навыкате (о глазах)"; Танхабай - танха "чугунный кувшин (употребляющийся при выгонке молочной водки)"; Түгүсбэй - түгсэ(гэр) "сутулый" (предполагается вставка "ү" на ассимилятивной основе); Ягаабай - ягаан "розовый", улаан ягаан "румяный".

12. -бал / -бол / -бэл: Бэжэбэл - ср. гэжэ(гэр) "с большим животом" (как табуистическая форма).

13. -бти: Жорообти - ср. жороо "иноходь".

14. -бша / -бшэ: Алгабша - бох., эхир. алга "такт, тактичное поведение"; Эрхэбшэ - эрхэ "нежный, капризный, избалованный; любимчик".

15. -г: Абаг - аба "отец" / аба "облава, ловля; травля (зверей)"; Батаг - бата "крепкий телосложением"; Буржаг - буржа(гар) "кудрявый (о волосах)"; Буржа(гар) июртай "с рывым лицом"; Буяг - буя(н) "добродетель; благодеяние"; Жарбаг - жарба(гар) "большой, оскаленный (о рте)"; Зандаг - зандан "сандал"; Ирбаг - ирба(гар) "недовольно сморщившийся (о лице)"; Мантаг - манта(гар) "головастый, крупный, большой"; Орхог - орхо(гор) "громоздкий"; Тайсаг - диал. тайса "тайша"; Урбаг - урба(гар) "вывернутый (о веках)"; Удэг - удэ(н) "перо (птицы)", фольк. үдэн хангай номон "оперенная хангайская стрела"; Хапаг - хапаг "казак" или хапа "мошь, сила";

Һархиг - Һархи(гар) "дряхлый"; Шабааг - шабхаапан "свежий навоз", тунк. "прут, лоза; розга"; Шабаг - шаба "дробь (охотничья)", хор. шаба һомо "дробь (в заряде)"; вост. "провода; брусок железа"; Шальшаг - ср. диал. шальша "беспрерывно нести несурязицу"; Ялбаг - ялба(гар), лит. "блестящий, сверкающий", диал. "плосколицый".

16. -га / -го: Божого - ср. Божоо - божо жэмэ "маленький, крошечный"; Урбага - урба(гар) "вывернутый (о веках)"; Үүргэ (ж.) - үүр "утренняя заря; рассвет".

17. -гаа / -гуу / -гээ: Баагуу - баа "маленький", сюда же относим и имя Гаагуу как табуистическую форму; Баханагаа - бахана "столб"; Муугаа - муу "плохой"; Хүүгээ - хүү(хэн) "девушка"; Эмгээ - эмэ "женщина".

18. -гай / -гой / -гуй (-гы, -гуу): Алсагай - алса(гар) "раско-ряченный"; Амагай - ср. Амбагай (МНТ, § 47) - бур. амба, монг. амбан "большой, крупный", истор. "губернатор, вельможа, сановник"; ср. также письм. - монг. амахаи яра "нарыв во рту"; Баагай - баа "маленький"; Бадгуй - ср. Мадгуй - мадага "большой нож"; Бадгай - ср. паадагар "короткопалый (о шубе)"; Бааргай - письм. - монг. бахараг "засранец"; Басагай - басаган "девушка"; Батагай - бата "крепкий телосложением"; Боргой - боро "серый"; Буудагай - бууда "стрелять"; Бужгай - бужа(гар) "здоровый, крепкий, могучий"; Бурзагай - диал. бурза(гар) "с неровным, угреватым лицом"; Габагуу, Габагы - диал. габа, ругат. "женщина", ср. Габашха; Ёомгой - ёомо (гор) "яйцеобразный (о лице, суживающемся книзу)"; Жуутагай - зууга(гар) "лошадиный (о лице)"; перен. "невзрачный"; Мандагай - манда(гар) "крупный, огромный", манда(гар)боло "становиться большим, мужать"; Тулагай - тула "таймень"; Урбагай - урба(гар) "вывернутый (о веках)"; Шоодгой, Шоотогой - шоодбори "пренебрегаемый, презренный".

19. -гал / -гол / -гэл / -гил - редкий суффикс, в аппеллятивной лексике образующий цветные имена прилагательные, обозначающие масти животных: шара "желтый" - шаргал "соловый, палевый (конь)", но невозможно образование таких слов, как харгал - от хара "черный", хүригэл - от хурин "гнедой" и т.п.

В наших материалах имеется несколько примеров, в которых можно выделить суффикс -гал; Боргол - от боро "серый" (обычно название масти животных от боро образуется при помощи суффикса -лгы: боролгы "пепельный"); Соогол - ср. Соодой; Тосогол (кач.) - ср. монг. тос(он), бур. топон "масло"; Хэнгил - ср. бур. хэн "кто", монг. личное имя Хэн мэдэх "Кто знает?".

20. -ган / -гон / -гэн - встречается в немногочисленных словах как со свободно выделяемыми корнями (ябаган "пеший" - от яба - "идти"), так и со связанными (Памган "жена")*.

Личные имена, образованные посредством -ган, немногочисленны: Дадаган - дада(гар) "выпученный, вытарашенный (о глазах)", ср. Дадабай; Обогон - обо(гор) "выпуклый", ср. Обогой и Обоо; Үбөөгэн - ср. Үбөөн; Шэлгэн - шэлэ "выбирать"; Уртаган - вост. урта "длин-

*О лексеме соо см. в четвертой главе.

ный, долговязый" (имя восстановлено от фамилии Уртаганов); Эмгэн-эмэ "женщина".

21. -гар / -гор / -гэр - суффикс, весьма продуктивный в апеллятивной лексике, но личных имен им образовано очень мало, например: Бодогор - ср. бодон(г) "вепрь, дикий кабан"; Халзагар - халзан "лысый, плешивый"; Хулангар - хулан "хулан, дикая лошадь".

22. -гша / -гшан / -гши / -гшин - суффикс, выражающий особую склонность или пристрастие к тому, что обозначено в производящей основе: бэлэгшэ "любящий подарки" - от бэлэг "подарок" (ГБЯ, 114). Его нужно отличать от суффикса -гшан / -гшон / -гшэн, посредством которого образуются существительные, обозначающие масти женских особей животных: сагаагшан "белуха (о корове)". В именах, образованных от подобных суффиксальных апеллятивов, нет антропоморфанта (см. § 1 настоящей главы).

В бурятском языке посредством форманта -гша образовано несколько имен: Батагшан - бата "крепкий, рослый"; Гэдэгшэ - гэдэ(гэр) "с выпяченной грудью"; перен. "с горделивой походкой, с высокомерным видом"; Даабгшан - дааба "даба (хлопчатобумажная ткань)"; Орогши - оро- "входить" (предположительно - в состав семьи, рода); Урбагша - урба(гар) "вывернутый (о веках)"; Хүхэгши - хүхэ- "сосать (грудь)"; Эмэгшэ - эмэ "женщина" (здесь, видимо, в смысле "любящий ухаживать за женщинами"). Сюда же относим имя Мохогшин, в котором неясна основа.

23. -д - суффикс, весьма редкий и в апеллятивной лексике.

У.-Ж.Ш. Дондуков приводит всего два примера, причем в одном из них корень является связанным: наад "препятствие", а в другом - тюркского происхождения: хурууд "род сухого сыра" (1964, 38).

В антропонимии следует различать два омонимичных форманта с экспонентом -д: а) генонимический суффикс -д, восходящий к суффиксу множественного числа -д / -т и образующий названия родоплеменных единств (генонимов): эхирнт, булагат, ойрот, дөрвөт, торгот, буэрад (Бертагаев, 1974, 208); б) формант личных имен. Такие имена встречаются в наших материалах очень редко: Булгат - ср. булган "соболь" (с. Гаханы Иркутской обл.; хотя можно предположить, что имя дано по названию племени булагат); Манжалд - манжа "маньчжур" (с. Нухунур Эхирит-Булагатского р-на Иркутской обл.); Сагаад (ж.) (с. Петропавловка Джидинского р-на БурАССР) - ср. сагаан "белый"; Тэншүүд - тэншүү "придурковатый"; Хүдүүд (с. Загустай Кижингинского р-на БурАССР) - хүдүү "рябчик"; Шонтод (с. Нарены Аларского р-на Иркутской обл.) - ср. шонтогор "остролицый" (о человеке).

Возможно, редкость суффикса -д / -т в бурятской апеллятивной, а также онимической лексике объясняется его тюркским происхождением (Рамстедт, 1957, 200-201).

24. -да / -ди (-дя). Вариант -ди обусловлен мягкостью элемента "д". Аффикс -да образует от именных основ существительных качественные прилагательные со значением обладания качеством соответственно значению производящей основы: амида "одушевленный" - от амин "дыхание" (Дондуков, 1964, 88).

Этимологически прозрачные личные имена показывают, что -да

образует антропонимы от имен существительных и прилагательных: Бажагада - бажа(гар) "здоровый, крепкий"; Баянда - баян "богатый"; Һайнда - Һайн "хороший"; Угда - уг "предки, родовитость"; Абгади - абага "брат отца"; Баади - баа "маленький"; Даади, видимо, представляет собой табуистическую форму от Баади; Маади (м., ж.) - ср. личное имя Маа; Паради - һара(гар) "растопыренные; широко расставленные" (о конечностях человека).

В следующих именах выделяем суффикс по аналогии с приведенными: Анооди - ср. Онно; Деэда (XIV колено), Доди (XVI), Лабди (ж.) (XV).

25. -даа / -доо / -дее / -дуу / -дээ. Суффикс -даа пока не выделен в апеллиативах бурятского языка. Личные имена он образует от основ прилагательных, глаголов, частиц: Дайдаа - основа дай-, ср. письм.-монг. dai darqan "великий дархан" (сюда же относим имя Даадуу, предположив монофтонгизацию "ай" в "аа" на табунистической основе); Беедее, Беедээ - бее "шаман"; Баадуу - баа "маленький", ср. Баадай; Багдуу - бага "маленький"; Бардуу - бара "барс; тигр", зап. "лев"; Баяндуу - баян "богатый"; Үхиндее - үхин "девушка"; Буждуу - бужа(гар) "здоровый, крепкий; могучий"; Үлдээ - үлэ "остаться (жить)"; Үшөөдээ (XIV колено, с. Старый Хогот Эхирит-Булагатского р-на Иркутской обл.) - ср. частицу үшөө или ишоо "еще" (в смысле "за тем еще будут дети" или "еще один мальчик родился").

По аналогии с приведенными примерами можно выделить суффикс -даа / -доо / -дуу в следующих именах: Бээдээ, Доодоо, Дордуу, Мугдуу, Хүбдээ, Шулдуу.

26. -дай / -дой / -дуй / -ды. В апеллиативной лексике -дай образует преимущественно имена, обозначающие одушевленные предметы, и употребляется в названиях лиц с уменьшительно-ласкательным значением (дүүдэй) "младший братишка" - от дүү "младший") и в названиях домашних животных (маадай - детск. "овечка", досл. "башка") (Дондуков, 1964, 21). Эта функция -дай сказалась в том, что в составе личных имен встречаются безантропоформантные образования типа Дүүдээ (см. выше), Сагаадай.

Антропообразующие функции суффикс -дай выполняет в следующих примерах: Ангадай - анга(гар) аман "разинутый рот"; Арбадай (ж.) - арба(н) "десять"; Баадай - баа "маленький"; Багадай, Багды, Багдуй - бага "маленький"; Баждай - бажа(гар) "здоровый, крепкий"; Байдай - бай- "останься (жить)"; Бахадай - баха "лягушка"; Баяндай - баян "богатый"; Буждай - бужа(гар) "здоровый, крепкий"; Буляадай - буляа "превосходящий; лучший; более сильный, более крепкий (здоровый)"; Бульжуудай (м., ж.) - бульжуухай "птичка, пташка"; Бууралдай - буурал "седой, чалый (о масти)"; Бухадай - буха "бык-производитель"; Бушуудай - бушуу "быстрый, проворный"; Дайдай, Даадай, Дяадай (см. значение основы дай- в описании суффикса -даа); Маадай - ср. имя Маа; Малаадай (ж.) - малаан "лысый"; Муудай - муу "плохой"; Нугдай (ж.) - ср. нугаһан "гусь"; Нюргадай - нюрга(н) "спина"; Нюргатай "высокий, рослый"; Обоодой - обоо "куча, грудa", обоо "сопка, где совершается религиозный обряд"; Сагаандай - сагаан "белый"; Суудай - суу "сплава, извест-

ность"; Табадай - таба(н) "пять"; Тагаандай - тагаан "таган"; Үхиндэй - үхин "девушка, левица"; Хамардай - хамар "нос"; Хамгадай - ср. лит. Һамган, диал. хамаган "жеишина"; Хонгордой - хонгор "соловый, светло-рыжий (о масти)", хонгор "ласковый, милый"; Хубдай - письм.-монг. quba "янтарь"; Хубидай - хуби "доля, судьба (ср. имя Хубилай / Кубилай - МНТ); Хүбүүдэй - хүбүү(н) "мальчик, сын"; Үшөөдээ - үшөө "еще (будут дети)" или "еще (один родился)"; Пабдай - паба "жбан, посуда".

Суффикс -дай фонетически ограничен. Так, он не присоединяется к основам с конечными зубными взрывными "д", "т", зубными свистящими "з", "с". Так, нам не удалось обнаружить имена типа *Битдай, тогда как Битхан встречается, при наличии Ноосхон не встречаются имена *Ноосдой или *Ноостой.

Суффикс -дай можно выделить в именах: Бадай, Беодой, Бидай, Буйдай (ж.), Бэсхэлдэй, Боодой, Борьедой, Будяадай, Буддай, Жимодай, Модой, Мухидай, Поодой, Сугадай, Уудай, Хоодой, Шадай, Шамаадай, Палуудай, Шадай, Шумуудай и др.

27. -дии. Думается, что кач. -дии соотносится с суффиксом -дай: ср. зап.-бур. ахадай "братшика (старший); парень; кавалер" (от аха "старший брат") и кач. хаадии "старшая сестра, тетушка" (видимо, от (а)ха + -дии → хаа-дии). В бурятском литературном языке суффикс -дии пока не обнаружен.

Суффикс -дии образует женские и мужские имена от основ прилагательных, существительных, частиц: Баадии (м., ж.) - баа "маленький", Багдии - бага "маленький"; Бөөдии - бөө шаманы; Үгаадии (ж.), ср. Угаани - от угаа "очень, весьма; чересчур, слишком" (имя могло образоваться в результате эллипсиса сочетания с этой частицей).

По аналогии суффикс -дии можно вычленить в следующих именах: Бүдии (ж.), Бүүдии (м., ж.), Мандии, Мороодии, Хойдии, Хоодии, Хүдии, Набдии. Отметим еще особо имя Маадии: оно образовано либо от апеллятива маадии (кач.) "ребенок, дитя", либо от имени Маа (м.) + -дии.

Примеры типа Бүүдии, значение основ которых невозможно объяснить на базе монгольских языков, допускают мысль об иноязычном происхождении суффикса -дии. Не сопоставим ли -дии с ныне бытующим в тофаларском языке суффиксом -ды / -дi, -ты / -тi. Опираясь на примеры, приводимые Э.В. Севортьяном, В.И. Рассадина предполагает наличие последнего в тюркских языках уже в эпоху раннего средневековья (1978, 78). Удлинение гласного элемента в бурятском (монгольском) языке вполне возможно, особенно в антропонимии.

28. -даан / -доон / -дуун. Суффикс -даан в бурятском антропонимиконе впервые обнаружен И.Д. Бураевым и Л.Д. Шагдаровым. Он отнесен авторами к разряду уменьшительно-ласкательных - Дугардаан, Мухардаан, Хорлуудаан (1969, 112-113).

Суффикс -даан образует личные имена от именных апеллятивов, а также от имен иноязычного происхождения. Примеры: Ангардаан - ср. письм.-монг. angir nogosu "турпан"; безаффиксальное имя Ангар, созвучное тофаларскому суффиксальному Ангьрбан, В.И. Рассадина убедительно возводит к древнемонгольской форме слова *ангьр "турпан"

(1976, 122). Имена Ангар и Ангардаан встречаются в качугском, эхирит-булагатском говорах, в которых звуку "г" в неначальных слогах соответствует среднеязычный "й" (Матхеев, 1968, 6; Митрошкина, 1968, 52). Последнее свидетельствует о том, что Ангар является одним из древних обемонгольских имен.

Мухурдаан (м., ж.), Мухурдаан - мухар "кудый", ср. письм.-монг. moqur "неуклюжий". Возможна и другая этимология; ср. письм.-монг. moqur(qorin) "полный счет (двадцати)". На основании этого значения moqur можно предположить, что ребенка, родившегося десятым, могли назвать Мухар или Мухурдаан (Мухардаан).

Сравним также: Баадаан - баа "маленький"; Дүүдээн - дүү "младший"; Маадаан, Маадуун (ж.) - ср. Маа; Моодоон; Сабадаан - письм.-монг. saba, бур. паба "сосуд".

Суффикс -даан по аналогии можно выделить и в имени Пилдаан.

29. -дан / -дон / -дэн. Суффикс -дан образует имена существительные со значением процесса действия (Дондуков, 1964, 38).

Посредством форманта -дан образуются личные имена от прилагательных, существительных, глаголов: Баадан - баа "маленький"; Бишаадан - ср. бишай(хан) "маленький"; Добдон - добо(гор) "выпуклый"; Сабаадан - бур. пабаа "шерстобитная палочка; палка", диал. "тросточка", монг. саваа "палка, прут"; Сардан - бур. сар "вол, кастрированный бык"; сара "чаша, чара (с высоким верхом)"; монг. сар "луна, месяц"; "лунь"; Сахуудан - монг. сахуу, хоолойн сахуу "дифтерит"; Шээдэн - шээ "мочиться".

По аналогии сюда относим имена Гоодон, Гүйдэн и Бүйдэн, Модон.

30. -дар / -дор. Этот формант образует имена от прилагательных, существительных и глаголов: Улаадар - улаан "красный"; Сагаадар - сагаан "белый"; Ногоодор - ногоон "зелень, трава; зеленый"; Хубиндар - хубин "сосуд в виде кувшина с носиком; чан"; Сайдар - ср. сай "белеть, бледнеть (о цвете лица); сесть (о волосах)".

Сюда же относим имя Хоодор.

31. -дхо / -дхэ / -дхи: Жорноодхо - жорно(гор) "узокордый", ср. имя Горноо; Элидхэ (окин., закам.) - эли "детеныш изюбра до шести месяцев"; Маадхи - ср. Маа.

Сюда относим также имена Мороодхо, Мээдхэ. По данной модели образовано Сэмээдхэ - от русского имени Семён (Сэмээн).

32. -жа / -жо / -жи. Суффикс -жа образует аппеллятивы со значением орудия действия (багажа "орудие, инвентарь" - от мертвешего корня бага-) (Дондуков, 1964, 38).

Посредством -жа образуются личные имена от именных аппеллятивов: Адуужа (ж.) - адуу(н) "табун, косяк, стадо (лошадей)"; Галуужа - галуу(н) "гусь"; Оноожо - оноо "зарубки на стреле"; Тугжи - туг "знамя, флаг"; Харжа - хара "черный"; Хулжа - хула "саврасый"; пабжи (ж.) - паба "жбан, посуда" (ср. пабдии); пабжахи - пабха(гар) "растрепанный, лохматый".

Сюда же относим имена Бажи, Хухуужи, Бултаажа (ж.) - ср. Бултаан.

33. -жаа / -жуу / -жи / -жээ. С помощью данного суффикса

образуются антропонимы от существительных, прилагательных, глаголов: Анжаа, Анжуу - ан(г) "зверь" (имя Һанжуу, видимо, табуистическая форма к Анжуу); Малжуу - мал "скот"; Мүнхэжээ - мүнхэ "вечный" (это имя можно возвести также к глаголу прошедшего времени - мүнхэжээ "стал вечным", ср. Мүнхэ болху); Тэнжүү - тэн(г) "середина чего-либо"; Һаажии - һаа- "пускать стрелу". Сюда же относим имя Тэгжээ, а также Сэрэнжаа (ж.), Сэрэнжээ (ж.) (Бураев, Шагдаров, 1969, 112) - от тиб. Сэрэн.

34. -жаан: Мухуржаан (ж.) - мухар "куций"; Тугжаан (ж.) - туг "знамя, флаг"; Хабхаржаан - хабхар "черный". Подобные имена встречаются в качугском, эхирит-булагатском, ольхонском говорах. Мужских имен с суффиксом -жаан в бурятском языке нам обнаружить не удалось.

Источником образования этого антропоформанта является, видимо, тюркская лексема жан - из перс. جان "душа, дух, жизнь" (ДТС). Так, в тюркских языках, в частности в казахском, она функционирует как аффикс составных имен (Нуржан "светлая душа", Бенжан "крепкая душа", Ержан "геройская душа"); используется также в ласкательных обращениях - Асан жан, Сауле жан "голубчик Асан", "голубушка Сауле" (Жанузаков, 1974, 54). В казахском же языке антропоформант может находиться и в начальной позиции, например: Жанбек - ср. бек "князь"; Жанузак - ср. тюрк. узак "долгий" (Гафуров, 1971, 187). Есть основание полагать, что проникновение антропоформанта -жан из тюркской языковой среды в монголоязычную (бурятскую) произошло в первую очередь на базе заимствования тюркских личных имен, имеющих общие для этих языков апеллятивные основы. Например, Хабхаржаан - ср. бур. хаб хара "черный-пречерный", хабхар "черный", др. -тюрк. qar qara "темный-темный" (ДТС, 423). Понимание значения основной части имени могло привести к осознанию неизвестной части как суффикса.

35. -жан / -жон / -жэн. Бурятский суффикс -жан, равно как и созвучный ему пережиточный башкирский суффикс женского рода (Дондуков, 1964, 21-23) в апеллятивной лексике образует названия самок животных по возрасту и окраске (Дмитриев, 1948, 73). Антропонимы же с помощью этого суффикса образуются от прилагательных и существительных: Бальжан - эвенк. бали "слепой"; Бооржон - диал. бооро "бугорок"; Поожон и Луужан - луу "дракон"; Муужжан - ср. муухан "плохонький"; Үржэн (м., ж.) - үри, диал. үрэ "дитя, ребенок"; Үхижэн - үхи(н) "девушка, девица".

В структурном плане сюда примыкают имена Ханжан, Һагуужан (ж.).

36. -за / -зо / -зэ. Посредством этого суффикса образуются имена существительные от глагольных и именных основ: гарза "убыток; ущерб, потеря" - от гара- "выходить"; олзо "поступление, доход, прибыль" - от оло- "приобретать, находить" (Дондуков, 1964, 22); харза "полюнья" - от хара "черный" (Бертагаев, 1974, 173-176; Дондуков, 1964, 33-34).

Мы располагаем всего двумя примерами, в которых можно выделить этот суффикс, но основы не объяснимы на материале монгольских языков: Бүрзэ, Могзэ.

37. -зай. Личные имена этот суффикс образует от именных и глагольных основ: Биизай (ж.) – би "имеется, имеющийся"; Анзай-ан(г) "зверь" (табуистическая форма, видимо, Манзай); Дайнзай – дайн "войпа"; Урбазай, ср. Урбадай – урба(гар) "вывернутый (о веках)". Сюда же по структуре относится имя Амагзай.

38. -л. Суффикс -л образует имена действия от глагольных основ (ГБЯ, 52-53): тяжээл "пища, корм" – от тэжээ "кормить"; Түрэл "родня" – от түрэ "родиться"; тогтоол "постановление" – от тогтоо "постановлять".

Посредством форманта -л образуются антропонимы от существительных, прилагательных, глагольных основ и личных же имен: Абгал-абга "брат отца"; Баасал – ср. бур. баапа(н), монг. баас(ан) "экскременты"; Бэрхэл – диал. бэрхэ "способный"; Бааял – баая "говорить громко", диал. "плакать (о детях)"; Гомбол – личное имя Гомбо; Мухал – муха "милый, милая (при обращении)"; Ногоол (ж.) – ногоон "трава, зелень"; Номол – номо "лук (оружие)"; Обоол – обоо "сопка, где совершается религиозный обряд"; Пүсхэл – пүсхэ(гэр) "пухлый"; Сондоол – сондой "кисет"; Таряал – таряа(н) "хлеб, зерно", редко "сев"; Хаахал – хааха "закрывать, преграждать" (значение имени "больше не будет детей вообще или девочек"); Ханхал – ханха(гар) "большой и нескладный (о человеке)"; Хүхэл – хүхэ "серый, сивый" (возможно обличение этого имени с глагольной основой хүхэ "сосать"); Шарал – Шара "желтый"; Шаргал – письм. – монг. širga "соловый, палевый". Сюда же относим и имя Хунхал.

39. -ла / -ли. Вариативность суффикса обусловлена твердостью или мягкостью согласного элемента. В апеллятивной лексике суффикс -ли образует имена существительные, обозначающие объект, а также результат действия: зээли "кредит, долг, заем" – от зээ "брать взаймы"; бох. ургали "урожай" – от урга "расти" (Дондуков, 1964, 39; ГБЯ, 66).

Формант -ла и его вариант -ли образуют личные имена от прилагательных, существительных и глагольных основ: Багла, Багли – бага "маленький" (может быть, имя Пагли является табуистической формой к Вагли); Батла, Батли – бата "крепкий, рослый" (его вариантами считаем имена Бадла (м., ж.) с озвончением "т" перед сонорным "л" и Баадла с удлинением гласного "а"); Бардаа-ли – диал. бардаа "масса, остающаяся после выгонки хлебного вина"; Бахла – баха "лягушка"; Бугла – буга "изюбр, марал"; бох. "олень"; Манхали – манха(гар) "одутловатый, опухший"; Монхоли – монхо(гор) "с горбинкой (о носе)"; Сагаала, Сагаали – сагаан "белый"; Сахила – от сахи "охранять, стеречь" или сахи(гар) "бесцветно-белый"; Танхли – танха "чугунный кувшин".

40. -лаа / -лээ / -луу. Суффикс -лаа образует имена существительные, обозначающие результат действия: зурлаа "черта, штрих" – от зура "чертить" (ГБЯ, 59).

С помощью суффикса -лаа образуются личные имена от имен прилагательных: Харлаа – хара "черный"; Бадлуу (значение основы см. в описании суффикса -ла); Баглээ – бага "маленький".

41. -лаг / -лиг. Т.А. Бергагаев суффикс -лаг / -лог / -лиг опи-

сывает совместно с известным тюркским продуктивным -лыг / -лиг, имеющим значение обладания (1974, 181-182): монг. далан-лиг "плотина, гать", далан-лаг в сочетании хураагч даланлаг "дамба, собирающая текучую воду", бур. лит. бэлэ-лиг "перстень", разг. бэлэ-лэг - от основы бэлэ "пояс, поясок"; ср. бур. тэрлэг / тэрлиг "халат" (заимствование из тюркских языков).

В бурятском литературном языке рассматриваемый суффикс в именах существительных малопродуктивен, хотя и активно образует прилагательные (түмэрлиг "железистый" - от түмэр "железо", хүнлиг "человечный, гуманный" - от хүн "человек").

Значение обладания признаком наличествует в антропонимах паба-алиг (м., ж.) - ср. пабаа "разум, ум", что можно вывести из паба-агүй "неразумный, бестолковый"; Шабалиг (ж.) - шаба "охотничья дробь" в смысле "субъект имеет при себе".

В МНТ зафиксировано имя Минлиг.

Посредством -лаг в бурятском языке образуются личные имена от прилагательных. В наших материалах имеется только два примера: Бадлаг (значение основы бад- см. в описании суффикса -ла); Һарһа-лаг - ср. Һарха(гар) "громоздкий, с видной внешностью, но слабый".

42. -лай / -лой / -лээ. Суффикс -lai (-rai) Г.И. Рамstedт относил к ряду довольно редких в монгольском языке. Среди фактических примеров с этим суффиксом наряду с апеллятивами он приводит и антропоним: Кублайхан - ср. монг. qubi "доля, счастье". Интересен для нас его пример ногалай "весенний помет зайца" - от ноган "зеленый, трава" (1957, 197) в связи с созвучным ему бурятским именем Ногоолой (ж.). Не ясно, образовано ли это имя от ногоол "детеныш рыси" с помощью суффикса -ай, либо от ногоо(н) "зелень, трава" + лай (например, если ребенок родился с появлением первой зелени), или же оно восходит к названному суффиксальному апеллятиву монгольского языка.

С помощью суффикса -лай личные имена образуются от именных основ: Баалай - баа "маленький"; Баахлай - ср. баахан "малюсенький"; Бааһалай - бааһа(н) "экскременты"; Багалай - бага "маленький"; Бам-балай - бамба(гар) "нужный"; Батлай - бата крепкий, рослый" (Бадлай - вариант Батлай с озвончением "т" перед сонорным "л"); Бахлай - баха "лягушка"; Буглай - буга "изюбр, марал", бох. "олень"; Дааглай - даага(н) "двухлетний жеребенок, лончак"; Дуулай - дуу(н) "песня"; Маалай - ср. личное имя Маа; Монхолой - монхо(гор) "с горбинкой (о носе)"; Нагаслай, Нахсалай - нагаса "родня (по материнской линии)"; Наглай - ср. наг шэбхэ "навоз"; Сагаалай - сагаан "белый"; Танхалай - танха "чугунный кувшин"; Тайгалай - монг. тайга(н) "борзой кобель"; Шарлай "желтоватый" (Башкуев, 1981, 40); Борлой - боро "серый, седой"; Нохслой - письм. -монг. ногас "собаки"; Нэхэлээ - нэхэ "требовать, взыскивать"; Сэнхэлээ - сэнхэ "иней"; Тэжлээ - тэжэ(гэр) "толстый, тучный, с большим животом (о человеке)".

Структурно к описываемым именам примыкают: Бабуулай (ж.), Бубалай, Бурлай, Пахлай (если это не вариант к Бахлай от баха "лягушка"), Дурлай, Дуудлай, Омхоолой, Хадаалай, Хатлай (ж.), Пото-омой, Шаалай, Шаглай, Үнгэлээ, Үхөөлээ.

43. -лаан / -лээн / -луун; Габалаан - габа "шель" (о женщине, ругат.); Мухляан (ж.) - муха "милый"; Шаглаан - ср. шагна(гар) "курносый; высокомерный" (если предположить выпадение слога "на"); Шарлаан (м., ж.) - шара "желтый"; Баглуун - бага "маленький"; Сүх-лээн - монг. сүх, бур. һүхэ "топор", бур. сүхэ "обруч"; сюда же относим имя Таахалаан.

44. -лан / -лоң. Суффикс -лан образует существительные, обозначающие чувства и душевное состояния: баясхалан "радость, веселье" - от баясха- "радовать", жаргалан "счастье, наслаждение" - от жарга- "наслаждаться, блаженствовать"; результат действия: гасалан "препятствие" - от гаса- "тормозить, препятствовать"; место действия: зүлалан "летнее местожительство" - зүлэ- "проводить лето, летовать"; сабшалан "покосы" - сабша- "косить" (Дондуков, 1964, 39; ГБЯ, 60).

Формант -лан образует личные имена от именных основ: Багалан - бага "маленький"; Араалан - араа(н) "коренный зуб; клык"; Махлан - ср. баха "лягушка" (с табуистической меной "б" на "м"); Ногоолон (ж.) - ногоо(н) "травя, зелень"; Харлан - хара "черный"; Шарлан - шара "желтый"

Сюда же относим имя Дублан (ср. Дубаан).

45. -лдан / -лдой. Суффикс -лдай образует существительные - названия диких животных, птиц и насекомых по их характерным признакам: гургалдай "соловей", диал. "шебетунья" - от гурга- "шебетать, петь", баабгалдай "медведь" (Дондуков, 1964, 39).

Формант -лдай образует личные имена от именных и глагольных основ: Боолдой (или Боолдээ) - боо- "преграждать, отрезать дорогу; ставить преграду" (перед нечистой силой); Боролдой - боро "серый, седой"; Ботолдой - ср. ботого(н) "верблюжонок"; Шаралдай - шара "желтый".

46. -лхай: Баталхай (м., ж.) - бата "рослый, крепкий".

47. -лхан: Баталхан (ж.) - бата "рослый, крепкий"; Шаралхан - шара "желтый"; в имени Бугаалхан от буга "изюбр, марал", бох. "олень" также возможно предположить наличие суффикса -лхан, но при условии эмфатического удлинения конечного гласного апеллятива ("а → "аа). Вероятнее, однако, что здесь два суффикса: -аал (ср. уриял "приглашение" - от ури- "звать к себе"; ГБЯ, 63) и -хан с умнительно-ласкательным значением.

48. -лии: Шаалии - ср. Шаамай. Возможно, -лии представляет собой вариант апеллятивного суффикса -ли (ургали "урожай" - от урга- "расти").

49. -лка: Унталка (ж.) от унта "спать" в значении "засоня, сонливый" (с. Ада Ольхонского р-на), ср. вост. унтаана в том же значении.

50. -маа. Суффикс -маа относится к ряду продуктивных, образующих женские имена от мужских и женских же имен, как оригинальных, так и тибетско-санскритских (Бураев, Шагдаров, 1969, 112). Имена, образованные от тибетско-санскритских имен: Базармаа, Будаммаа, Гүнсэмаа, Дашамаа, Бүтидмаа, Долгормаа, Гэлэгмаа (Там же, 1969, 112). Имена, образованные от исконных апеллятивов: Баймаа - др.-

тюрк. бай "богатый", ср. бур., монг. баян "богатый, богач"; Балмаа - бур., монг. бал "мед"; Баярмаа - баяр "радость"; Бутамаа - бута "кочка"; Буягмаа - ср. буян "добродетель" (предполагается мена "н" на "г" на диссимилятивной основе - устранено стечение двух носовых согласных); Жаргалмаа - жаргал "счастье"; Зуурмаа - ср. зуура "по дороге, в пути" (в значении "родившаяся в пути"); Насагмаа - ср. монг. насаи, бур. наһан "возраст" (мена "н" на "г" на диссимилятивной основе); Соелмаа - соёл "культура"; Сэржэнмаа - ср. эржэ(н) "перламутр" (предполагается протеза "с" на табуистической основе); Сэсэгмаа, Цэнэгмаа (джид.) - сэсэг "цветок"; Хуумаа - вероятно, здесь тюркоязычная основа: как, хуу, тув. куу(куш) "лебедь"; Эржэмаа - эржэ(н) "перламутр".

Есть пример, в котором суффикс -маа реализуется в мягком варианте: Эрмээ (XII колено) - эрэ "мужчина". Однако возможно, что это видоизмененное русское имя Еремей.

Структурно к этой группе имен примыкают: Дьшимаа, Заямаа, Сархамаа, Эрэнжэмаа, Яруумаа.

51. -маг. Малопродуктивный суффикс -маг образует имена существительные, прилагательные от именных и глагольных основ: хайламаг "раствор" - от хайла- "плавиться"; нуурмаг "пруд" - нуур- "озеро"; хуурмаг "ложный" - хуура- "обманываться"; зоримог "смелый, отважный" - зори- "стремиться к чему-нибудь" (Вертагаев, 1974, 202-203).

В наших материалах только три имени с данным суффиксом: Таармаг - таар "дерюжный мешок"; Пахамаг - где паха, видимо, табуистическая форма какого-то имени (Баха, Таха, Даха и т.п.); Эрхэмэг - эрхэ "нежный; капризный".

52. -май / -мой / -бой / -мээ. Суффикс -май встречается в единичных существительных (талмай "площадь, поляна" - тала "степь") и прилагательных (шуумай "быстрый, проворный (о человеке)" - шуу омертвелый корень) (Дондуков, 1964, 24, 91). Созвучный суффикс имеется в тофаларском, причем он очень продуктивен в антропонимии (Рассадин, 1978, 101).

С помощью форманта -май личные имена образуются от именных и глагольных основ: Ахамай - аха "старший брат" (имя со значением "тот, за кем следуют другие дети"); Бономой - бопо "неистово лаять (о собаке); ругать кого-либо, приставать с руганью"; Даромай-даруу "уравновешенный, скромный", если иметь в виду соответствия гласных "оо" / "уу" в бурятских говорах (Рассадин, 1982, 9-14); Монхомой - монхо(гор) "с горбинкой (о носе)"; Салдамай - салдан "голый"; Халсамай - халсагай "облезший (о животном)"; Хүрхэмээ - хүрхэ(гэр) "раздувшийся; раздутый", перен., диал. "высокомерный, напыжлившийся", ср. также хүрхэ "кузнечный мех; горн"; Шармай - шара "желтый"; Шодмой, Шодбой - шодо(гор) "тонкий, короткий (о хвосте)", диал. шодогор (тологой) "остроконечная (голова)".

53. -маан / -моон; Зиимоон - ср. изии "женщина" с закономерным выпадением гласного в начале слова (Рассадин, 1982, 162-163); Маамаан - ср. личное имя Маа; Мархамаан - ср. марха(гар) "большой,

картошкой (о носе)", Морхомоон - морхо(гор) "горбатый (о носе)"; Неомоон - ср. звукоподражательное нёо-нёо гэхэ "гнусавить"; Хульмаан - ср. хульма(гар) "вялый (о живых существах)"; Хурмаан - хура "тетерев".

К этим именам структурно примыкает Ушармаан (ж.).

54. -мал / -бал. Посредством суффикса -мал от глагольных основ образуются прилагательные (хэмэл "искусственный" - от хэ "делать") (Бартагаев, 1974, 199-200); -бал образует существительные - названия предметов и термины родства (эхир, түрбэл "родственник" - от түрэ "родиться") (Дондуков, 1964, 37).

Личные имена с формантами -мал / -бал редки, поэтому трудно судить о семантическом различии между ними. Мы считаем их вариантами одного суффикса. Например, Матбал - мата(гар) "гибкий"; можно предположить мену "м" на "б" в суффиксе на диссимилятивной или табуистической основе. С другой стороны, в имени Боһомол (от боһо - "неистово лаять; приставать с руганью") такой мены не произошло, так как она могла привести к образованию омонимов (боһобол - условное деепричастие).

55. -мар. Суффикс малопродуктивный, чередуется с суффиксом -мал / -мэл: бур. диал. үхмэр - ругат. "мертвец, труп, дохлятина" от үхэ - "умереть, сдохнуть, издыхать"; түймэр "пожар" - от диал. түй - "причинять беду, нести тяжесть и муки".

В системе личных имен -мар также редок; мы располагаем пока одним примером: Маамар - ср. Маа.

56. -муу: Маамуу (ж.) - ср. Маа; возможно, впрочем, что это имя восходит к ласкательной форме обращения детей к матери маамоо или маамуу.

57. -мшэ: Эрхэмшэ - эршэ "нежный; капризный, избалованный".

58. -н / н / н. Суффикс -н употребляется для образования от именных и глагольных основ существительных (үмдэн "штаны" - үмдэ - "надевать"; наадан "игра" - наада - "играть"; нюдарган "кулак" - от нюдарга "часть тела человека") и прилагательных: хайран "бедный, жалкий" - хайра "сожаление, жалость" (Дондуков, 1964, 24, 40, 92).

Личные имена данный формант образует от существительных, прилагательных, наречий и глаголов, а также от антропонимов: Абан - аба "отец"; Андан - анда "друг, приятель (из другого племени)"; Баган - бага "маленький"; Бишаан (ж.) - ср. бишай(хан) "маленький"; Борсойн - ср. антропоним Борсой; Бардаан - бардаа "кашицеобразная масса, остающаяся после выгонки хлебного вина"; Басан - ср. монг. бас "опять, еще", личные имена Басбиш "опять не тот", Басболд - "опять сталь", Басжаргал - "опять счастье", Басхүү - "опять сын" (Содном, 1964, 73, перевод наш); Буржан - буржа(гар) "кудрявый, вьющийся, волнистый (о волосах)"; Бообон - бообо "вид печени"; Габан (ср. имя Габашха) - габа "шель" (о женщинах); Дагдан - дагда(гар) "невзрачный; неуклюжий", перен. "всеми пренебрегаемый"; Далбан - далба(гар) "широкий (о лице)"; Жалбан - жалба(гар) "чашеобразный"; Жартан - жарта(гар) "с вывернутыми веками; кривляющийся", зап. "циничный, пошлый"; Маамаан - маамаа "мать"; Няняа (ж.) - кач. няняа "новорожденный" (звукоподражательное); Найдан

найда - "надеяться"; Обоон (ж.) - обоо "сопка, где совершается религиозный обряд"; Олзон - ср. олзо хубуун "побочный сын (дочь)", букв. "находка"; Тайшаан (ж.) - тайшаа "тайша" (глава степной думы у бурят в царской России); Түшэн - түшэ - "опираться, полагаться"; Тэжээн - тэжээ - "кормить, вскармливать; выращивать"; Ходоон - ср. ходоомол "смысленный, развитой (о ребенке)"; Шагган (имя восстановлено от отчества Шактановна) - шагта "пуговица"; Шантан - шанта(гар) "курносый, вздернутый"; Шааян - шаая-, шууя "шуметь"; Янтраан (ж.) - янтраа "янтарь".

К этим именам структурно примыкают: Атан, Молон, Мотон, Сүбэн, Тодон, Тэлэн, Хорёон, Хурзан, Пэндин, Эрдэн (может быть, это табуистическая форма имени Эрдэнэ - от эрдэни "драгоценность, драгоценный").

59. -на / -ни. Суффикс -на Г.И. Рамстедт выделил во многих существительных древнего происхождения, например: bagana "опорный стержень (пилястр)" (1957, 194-195).

Данный суффикс образует личные имена от именных основ: Адууни - адуу(н) "лошадь, конь", ср. имена Адуун, Адуунай; Барюуна (XII колено) - барюу "хозяйственный, расчетливый"; Забхана - забха(гар) "приземистый"; Яана - Яа,

60. -наг / -нэг образует личные имена от именных основ, например: Адуунаг - адуу(н) "лошадь, конь"; Бараанаг - бараа(н) "темный, темного цвета", хара бараан болохо "стать совершенно мрачным, совсем омрачиться (о лице)"; Бүтүүнэг - диал. бүтүү (хүн) "молчаливый, скрытный (человек)"; Пирханаг - пирха(гар) "конопчатый" (употребляется и безаффиксальное имя Пирха, хотя сам корень ныне является связанным: пирхагар, пирхайха); Сагаанаг - сагаан "белый"; Табханаг - табха(гар) "приземистый (о человеке)"; Хүрнэг - хүрэн "смуглый (о человеке)"; Хүрхэнэг, Хүрхинэг - хүргэ(гэр) "раздувшийся, раздутый", перен. "высокомерный" или хүрхэ "кузнечный мех"; Шобхоног - шобхо(гор) "конусообразный (о голове)"; Пайнаг - пайн "хороший", пайхан "красивый"; Шоорног - ср. шорно(гор) "остролицый" (если предположить табуистическое удлинение "о" в имени).

61. -най / -ной / -нээ. Наряду с суффиксом -дай (см. выше) в западнобурятских говорах, в частности в качугском, бытует апеллятивный суффикс -най, например ахнай "братишка" (аха "старший брат") вместо ахадай других говоров.

Личные имена с суффиксом -най встречаются у эхиритских, качугских, ольонских бурят. Они образуются от именных и глагольных основ: Адуунай (м., ж.) - адуу(н) "лошадь, кони"; Адюунай - возможно, от звукоподражания; Ахайнай (ж.) - ахай "старший брат"; Баанай - баа "маленький" (имя Даанай (ж.) относим к Баанай как его табуистическую форму); Бишаанай - ср. бишай (хан) "маленький"; Бужнай - бужа(гар) "здоровый, крепкий" (фонетические варианты этого имени - Бизнай или Биизнай); Булсуунай - булсуу "наконечник, головка (стрелы)"; Буунай - буу "ружье"; Бухнай, Буханай - буха "бык"; Галнай (ж.) - гал "огонь" (возможно, Талнай (ж.), Ялнай (ж.) являются табуистическими формами Галнай); Гамнай - гам "бережливость, осторожность"; Дүүнэй - дүү "младший"; Зурбанай - зурба(гар)

"неряшливый, неопрятный", диал. "вывернутый (о веках)"; Ерной - ср. письм. -монг. jori "гремячая стрела" (МНТ, § 116j, перевод см.: Козин, 1941, 57); Муханай - муха "милый, милая"; Нугнай, Нуганай (ж.) - нуга(нан) "гусь"; Сагаанай - сагаа(н) "белый"; Суухнай - сууха "мочевой пузырь"; Табханай - табха(гар) "плоскоголовый"; Таршаанай - таршаа "кузнечик, кобылка, саранча"; Уунай, ср. Ууня - уу(гара-) "перезимовать"; Халбаанай - халбай "переставшая доиться корова"; "лепесток"; Халюунай (ж.), ср. Хальной (ж.) - халюу(н) "выдра"; Харнай (имя восстановлено от фамилии Харнаев) - хара "черный"; Хатуунай (ж.) - хатуу "твердый, непоколебимый; скупой"; Хорхоной - хорхо(гор) "надутый, неприветливый, хмурый (о человеке)"; Пабаанай - от пабаа "ум" (ср. пабаагүй) или от пабаа "шерстобитная палочка", "палка", диал. "трость"; Пайхнай (ж.) - пайхан "красивый"; Яанай (ж.) - яа (см. § 1); Бооной (м., ж.) - боо "преграждать, отрезать дорогу" (нечистой силе), сюда же примыкает Пооной; Нооной (ж.) - ноо (см. § 1), табуистические формы Хооной, Тооной (ж.); Торной - торо "остаться (жить)", Хүхэнээ - хүхэ "синий"; Шэбхэнээ - шэбхэ "навоз"; Эмнээ - эмэ "женщина".

Структурно к этим именам примыкают: Буднай (ж.), Бурнай, Буднай, Бүүднээ (ж.) - ср. Бүүдии (ж.), Огтоной, Загинай - Пахнай, Содооной, Үбөөнээ (ж.) - ср. имя Үбөө(н); Хахнай (ср. имя Пахай), Хихээ, Хорной, Пандаанай - ср. имя Пандааха.

Отметим, что в тофаларском языке также встречается имя на -най (Карангнай - Рассадин, 1976, 135).

62. -нар: Хусанар - хуса "баран-производитель".

Особо хочется отметить имя Ухаанар - бур., монг. ухаа "каурий (о масти)"; ср. имена Хуаагал, Хуаагалша, Хубагар - письм.-монг. quba, бур. хуба, монг. хув(ан) "янтарь", бур. хубсагар "бледный", тел. кубагар "немного бледный" (Радлов, II, 1, ст. 1035). В.И. Рассадин бур. хуаа, ухаа (метатеза), монг. хуа, ухаа, калм. хо, орд. хо "каурий, светлорыжий (о коне)", МНТ qo'aḥṣin "серая, белесая (масть самки)" возводит к древней форме *quḥa, зарегистрированной в старописьменном языке (quwa) в том же значении "каурий, рыжеватый, песочного цвета" (1982, 41-42).

Следовательно, основы приведенных бурятских личных имен восходят к разным состояниям древнего *quḥa - аналогично описанным выше именам со значениями "лук", "колчан", "стрелять".

63. -нга / -нгэ: Байнга (м., ж.), Байнгуа - бай- "остаться (жить)"; Бүрхэнгэ. Суффикс -нга не отмечен в бурятской апеллятивной лексике; возможно, он заимствован из эвенкийского языка.

64. -нуу: Мархнуу - марха(гар) "большой, картошкой (о носе)". Мухнуу - муха "милый, милая (при обращении к ребенку)"; Парнуу, Порнуу - ср. боро "серый, седой".

К этим именам структурно примыкают еще следующие: Маринуу (с вариантами Марьнуу, Мярнуу), Тарануу или Тарнуу, Тарьну, Тярнуу, Хамнуу (ср. Хамнай), Памнуу.

Эти имена записаны нами в баргузинском, Кабанском, Ольхонском, Кижингинском (с. Загустай, где живут потомки верхоленских бурят), Эхирит-Булагатском районах, что свидетельствует о локальном распространении суффикса -нуу.

65. -нха / -нхи / -нси / -нти; Хилаанха - диал. хилаа "косоглазый"; Улаанха - улаа(н) "красный"; Бараанхи (ж.) - бараа(н) "темный, темного цвета"; Доонхи - ср. кач. одоо ерэбэ "накофенц (долгожданный) прибыл"; Муунхи (м., ж.) - муу "плохой"; Харлаанси (ж.) - харлаа (от харла - "чернеть"); Шаажанти (ж.) - диал. шаажа "коса". Посредством суффикса -нха образовано от русского глагола также имя Насраанха.

В апеллятивной лексике бурятского языка -нхи / -нхы образует имена прилагательные: эртэнхи "ранний" - эртэ "рано"; харанхы "темный, мрачный" - хара "черный" (Дондуков, 1964, 93).

-нси / -нти - это диалектные варианты, обусловленные соответствиями согласных "х", "ш", "с" или "т", восходящих к историческому сочетанию *ki (лит.-бур. архи - письм. -монг. araki "водка"; зап. -бур. арси / арши / арт и (Рассадин, 1982, 73).

66. -нсай: Тархансай - тарха(гар) "малорослый, низенький", ср. тархансаг "карапуз".

67. -р: Болхор - болхо(гор) "выпуклый, вздувшийся (о щеках)"; Булхар (ж.) - булха(гар) "вздутый, пухлый"; Гүсэр - гүсэ "небольшой чайник"; Найдар - найда "надеяться"; Сондор - сондой "кисет"; Шаггар (ж.) - шагта "пуговища" (возможны также и табуистическая мена имени Шагдар в Шаггар и контаминация с шагта); Шалхар - шалха(гар) "обрюзглый, отвисший (о щеках, подбородке и т.д.)".

Сюда же примыкает структурно имя Пинхар - ср. пинта(гар) "коренастый, плотный", диал. "низкорослый, плотного телосложения", если предположить мену "п" — "н".

Суффикс -р в монгольских языках малопродуктивен. С его помощью образуются существительные и прилагательные от глагольных основ: шүүр "сито; фильтр" - от шүү - "фильтровать"; тэбхэр "квадратный" - от тэвхийх "быть квадратным" (Дондуков, 1964, 41; Бертагаев, 1974, 220).

Личные же имена, как видим, этот формант образует от связанных основ прилагательных.

68. -раа / -руу. Суффикс -руу образует существительные со значением предметности как результата действия; шабхаруу "остатки (жидкости)" - от шабха - "осушить, черпать до дна" (Бертагаев, 1974, 41).

Данный суффикс образует личные имена от существительных и прилагательных: Бахруу - баха "лягушка"; Астаруу - аста(гар) "раскоряченный, широко расставленный (о ногах)" (Иструу (ж.) - табуистическая форма к Аструу); Ашаруу - аша "виук (по мужской линии)"; Мандраа - манда(гар) "крупный, рослый"; Хабруу - хаба "сила, мощь".

Может быть, полная форма описываемого суффикса имела вид -раан / -руун; ср., например, имена: Агруун (ж.) - аг "грязь, налет"; Бахруун - баха "лягушка"; Панхараан - ср. лит. ханха(гар) "большой и нескладный (о человеке)".

69. -рай / -рой / -рээ: Баарай - баа "маленький"; Ботрой - ср. ботогон "верблюжонок"; Манхарай - манха(гар) "одутловатый, опухший"; Обоорой - обоо "сопка, где совершался религиозный обряд"; Саярай - сая "миллион, бесконечное множество"; Хатуурай (ж.) - ха-

туу "крепкий, здоровый"; Одрой, Отрой(шхо) - бур. одо(н), монг. од(он) "звезда", перен. "судьба, счастье", ср. одтой хүн "счастливец"; Энхрээ - энх (см. § 1). Имя Үнхрээ, видимо, является табуистической формой к Энхрээ.

Как видим, -рай образует антропонимы от именных основ.

70. -ран / -рон: Бааран - баа "маленький"; Дажаран - дажага "трещать, болтать, тараторить"; Тоорон - тоо "решка (монеты)"; Хү-һэрэн хүнэ "желать, хотеть" (в смысле "желанный").

Сюда же относим Миидран, Паадиран.

Как видим, -ран образует имена от именных и глагольных основ.

71. -рга. В апеллятивной лексике -рга образует существительные от глагольных основ: Һанжарга "заплетенные косички" - от Һанжа "свешиваться", бэгсэргэ "сыч" - от бэгсы "сутулиться" (Дондуков, 1964, 41).

Посредством -рга образованы личные имена от именных основ:

Андурга - ср. анда(гар) "крупный, большой" (здесь можно предположить мену "а" → "у" на табуистической основе); Буурга - буу "ружье".

72. -сг: Таглаас - таглаа "пробка" (в смысле "больше не будет детей", ср. монг. Соль "сменись", Боль "перестань"). Сюда же относим Яхуус - ср. Яхуунай.

73. -саа: Питансаа - ср. диал. питан хара "черный-пречерный".

74. -сай / -сой / -сээ: Баасай - баа "маленький"; Батсай - бата "рослый, крепкий"; Ембуусай (ж.) - ср. монг. ямбуу "бязь"; Маасай - ср. имя Маа; Мархасай - марха(гар) "большой, картошкой (о носе)"; Таглаасай - см. выше о суффиксе -сг; Табхасай - табха(гар) "плоскоголовый"; Угсай - уг "корень, начало, основа"; Ухансай - уха на "молодой козел"; Ханхасай - ханха(гар) "большой и нескладный (о человеке)"; Хуаасай (или Хуацай) - хуаа "каурый (о масти лошади)"; Похоосой - диал. хохо(гор) "высокомерный"; Боосой, Боосээ - боо- "преградить путь" (злому духу); Борсой - боро "седой, серый" (Бонсой считаем табуистической формой этого имени); Борхисой - борхи(гор) "невзрачный, захудалый"; Обосой - обо-(гор) "выпуклый (о голове)"; Хонисой - хони(н) "овца"; Ботсээ - ср. ботогон "верблюжонок"; Түлөөсээ - түлөө(н) "платеж, плата", возможно также от түлөө "вместо". Структурно к этим именам примыкает Мутуусай - ср. имя Мутуун.

75. -ри: Бадри (ж.), Алари. В апеллятивной лексике -ри образует имена существительные от глагольных основ: хубаари "деlež" - от хубаа- "делить" (Дондуков, 1964, 25).

76. -саан: Бурхисаан - бурхи "грязный"; Дурхисаан - возможно, его табуистическая форма.

77. -са / -со / -сэ (-цэ): Суффикс -са образует в ограниченном количестве слова с вещественным значением (борсо "вяленое мясо" - боро "серый", а также отглагольные существительные: үлгэсэ "вешалка" - үлгэ "вешать" (Дондуков, 1964, 35-36).

Суффикс -са образует личные имена от именных основ: Бунса - ср. монг. бунда(гар) "пухленький" (если предположить в образовавшемся имени выпадение "д" на диссимилятивной основе); Могоосэ -

ср. ногоо(н) "трава, зелень" (если предположить табуистическую мему "н" — "м"; Мэргэсэ — мэргэ(н) "меткий стрелок; мудрый"; Мэнгэцэ — бур., монг. мэнгэ "родинка, родимое пятно"; Сүүлсэ (ольх.) — монг. сүүл, бур. һүүл "хвост" (в смысле "последний ребенок").

К этим именам структурно примыкают Бохсо (ж.), Молосо (ср. имя Моло), Орсо.

78. —сэб / —шэб: Түрүүсэб (с. Хохорск Боханского р-на), Түрүүшэб (с. Молька Усть-Удинского р-на), ср. имя Түрүүбэн — түрүү "первый, головной".

79. —саг / —сэг: Сайнсаг — монг. сайн, бур. һайн "хороший"; Тарарсаг — таар "дерюжный мешок". Сюда же относим имена Барансаг (ср. имя Барансууд), Ташсаг — ср. Ташмаг, тюрк. таш, "камень", Тойсэсэг, Түжорсуг.

В апеллятивной лексике —саг образует существительные от именных и глагольных основ (Бертагаев, 1974, 212-213).

80. —сан / —сэн — һан / —һэн // —һаан / —һоон: Баяһан, Баяһанан — ср. монг. Баянсан (Содном, 1964а, 24); Бооһон и Бооһоон; Борһоон — боро "серый, седой"; Пангаһан — ср. имя Пангажан; Собһоон; Обсон (м., ж.) — обо(гор) "выпуклый (о голове)"; Түлөөсэн — түлөө "за, вместо".

Как видим, в монгольском перед суффиксом —сан сохраняется неустойчивый "н", тогда как в бурятском перед —һан он выпадает (Баянсан — Баяһан). Думается, что это еще раз подтверждает объективность закона об образовании "н" из "с" в результате ослабления артикуляции (Рассадин, 1982, 156-162). Ослабление артикуляции сказывалось, видимо, и на предшествующем согласном — вплоть до выпадения его.

81. —сгой: Хобоосгой (ж.) — ср. имя Хобоо (хобоо "лоток, желоб; кормушка для ягнят, телят").

82. —схо: Борбоосхо — ср. борбоосгой "коротыш (о человеке)"; Дүүдэрсхэ, Поосхо.

83. —суу: Барансуу — ср. имя Барансаг.

84. —схэн: Үбөөсхэн — ср. Үбөөдээ (ж.), Үбөөхэн.

85. —та / —то / —тэ / —тан / —тай / —тээ.

Суффикс —та возник из —тан в результате выпадения "н", а —тай — на основе перехода конечного "н" и "й". Суффикс —тан сочетается только с именными основами и придает производным именам значение принадлежности признака (Бертагаев, 1974, 150): амитан "живое существо" — от ами(н) "дыхание, жизнь" (Дондуков, 1964, 12).

В личных именах формант —та встречается очень часто, нередко параллельно с —тай после одних и тех же именных основ.

—та / —то / —тэ: Ашата и Аштай — аша "внук (по мужской линии)"; Бааһата — бааһан "экскременты"; Багата — бага "малыш"; Баярта — баяр "радость"; Буянта и Буянтай (м., ж.) — буя(н) "добродетель"; Галта — гал "огонь"; Дахата — даха "шуба"; Заяанта, Заяата — заяа(н) "судьба, рок"; Наһата, Насата — наһан "возраст"; Нимаата — нимаан "домашняя коза"; Суута — суу "слава, известность"; Хабата (имя восстановлено от русской формы Хабатуй) — хаба "сила, мошь"; Хубита, Хубьта, Хубта — хуби "судьба, рок"; Хулта — хул

"большая деревянная чаша для кумыса"; Хутагта, Худагта - хутага "нож"; Хуягта - хуяг "панцирь, латы, броня"; Пахалта - Пахал "борода"; Яата - яа (см. § 1).

Бошогто - бошог "предопределение, предсказание"; Золто - зол "счастье"; Елтой - табуистическая форма к Золтой; Зоригто "смел-чак" - зориг "смелость, сила воли"; Номто - ном "книга" (или ном "лук (оружие)"); Ноёнто - ноён "нойон (феодальный князь), господин"; Омогто - омог "гордый, гордость"; Согто, Цогто - ср. письм.-монг. tsoktai, tsokton "пламенный, яркий, изящный, великолепный, величественный, знаменитый, святой, сильный, могучий, мощный, могущественный" от tsok "жар, блеск, искра".

Бэлигтэ - бэлиг "мудрость, ум, разум"; Гэрэлтэ "лучезарный"; Дэглээтэ - диал. дэглээ, лит. дэгли "накидка-безрукавка" (женская, с разрезом сзади, надеваемая на шубу); Өөбтэ - ласкат. өөбэй "дитя"; Сэсэгтэ, Цэцэгтэ - сэсэг "цветок"; Үлзтэ - үлзтэ(й) "счастливиый, приносящий счастье"; Үритэ (имя восстановлено от Үритуев) - үри "ребенок, дитя"; Хэшэгтэ - хэшэг "счастье, благополучие"; Эрдэмтэ - эрдэм "наука, образование, ученость"; Эрхэтэ - эрхэ "право"; "нежный, капризный"; Элигтэ - элигтэй "насмешливый"; элиг "насмешка"; Үреэлтэ - диал. үреэл, үреэр "пожелание"; Эреэлтэ - видимо, табуистическая форма к Үреэлтэ; Юреэлтэ - лит. юреэл "пожелание", юрөөлтэй "благословенный".

-тай / -той / -тээ. Имена, образованные от числительных: Жарантай - жаран "шестьдесят"; Ерэнтай - ерэн "девянсто"; Наянтай - наян "восемьдесят".

Имена, образованные от именных основ: Бухатай - буха "бык-производитель"; Буштай - бужа(гар) "здоровый, крепкий, могучий" (предполагается ассимилятивное оглушение "ж" → "ш"); Дактай - даг "грязь"; Заяатай - заяан "судьба"; Малгайтай - малгай "шапка"; Маатай - ср. имя Маа; Мухтай - муха "милая, милый" (при обращении к ребенку); Улаатай - улаа "подвода"; Хомтой - ср. хомтой "заряженный" - от хомо(и) "пуля, заряд, патрон"; Пайнтай, Пайндай, Пайдай - пайн "хороший"; Шоотой - шоо "презрение", ср. шоо үзэхэ "ненавидеть"; Морогтой - ср. һүүлтэ морог (хор.) "большой медведь-самец с хвостом"; Марактай, возможно, является табуистической формой к Морогтой; Номтой - ном "книга", перен. "грамота" или номо "лук (оружие)"; Намтай, видимо, табуистическая форма к Номтой; Онохотой - онохо "попадать в цель".

Бөөтэй - бөө "шаман"; Бээтэ - ср. бээбэ(гэр) "изможденный, невзрачный", предполагается выпадение слога "бэ" на диссимилятивной основе; Бэшэгтэ - бэшэгтэй "грамотный"; Галтай - гал "огонь"; Мэхэтэ - мэхэ "хитрость, лукавство"; Тээтэ - диал. "равноценный"; Шиштэ (Шэжтэй) - шэжэ "колдовство"; Эрэмтэ - ср. эрэ-эмэтэй "гермафродит".

К этим именам структурно примыкают Молонтой, Молтой, Нутай, Хантай, Шупатай. Имя Шупатай можно возвести к шупа(н) "кровь", но антропонимичность последнего сомнительна. Может быть, это прозвище со смыслом "кровожадный, жестокий".

-тан / -тэн: Мантан - мана "сердолик"; Хултан - хула "саврасый"; Юлтэн (ср. Елтуу - жлэ(гэр) "пучглазый").

Сюда структурно примыкает Шихтан.

86. -тоо / -туу: Бартуу - бара "барс, тигр", зап. "лев"; Бортоо (ж.) - ср. Портоо - боро "серый, седой"; Маатуу - ср. имя Маа; Мантуу, Мантуушка - мана "сердолик"; Манхатуу - манха(гар) "одуловатый, опухший"; Мухтуу - муха "милый, милая (при обращении к беренку)"; Халтуу - хала "птица из породы коршунов"; Имя Хилтуу, видимо, является табустической формой к Халтуу, равно как и Елтуу.

87. -туй: Хабитуй - диал. хаби "нерпа".

88. -таан / -тоон / -түүн: Онгогтоон - онго(гор) хүн "ротозей, разиня, простофиля", кач. "высокомерный"; Халмагтаан, Палмагтаан - халмаг "калмык"; также Бартуун, Мутуун, Мунтуун.

89. -ти / -тии: Омюоти (м., ж.) - диал. "разиня"; Шаажанти (ж.) - шаажан "фарфор, фаянс, эмаль" (или зап. шаажа "коса (волосы)"; тогда суффикс имеет вид -нти); Саптии (ср. Набдии - Наба "жбан; посуда"). Соотии - ср. имя Соодой.

90. -тха / -тхо: Жаабатха - ср. лит. заба(гар) "большой, широкий (о рте)" (вероятно, в каком-то говоре бурятского языка есть слово жаабатар с тем же значением, поскольку широко распространено соответствие "ж" / "з" - Рассадин, 1982, 76-77); Манжуутха (ср. Манжуу и Манжай) - моиг. манж "маньчжур". Видимо, -тха имеет уменьшительное значение.

91. -тхан / -тхаан: Балитхан - эвенк. bali "слепой", ср. Ба-лиихан (ж.); Муутхаан (м., ж.) - муу "плохой".

92. -уунай / -аанай. Данный сложный суффикс обнаружен в личных именах цонгольского говора Ц.Б. Будаевым: Дашуунаэ (от Даша), Доржуунаэ (от Доржо), Даруунаэ (от Дари), Хандуунаэ (от Ханда). Ср. также цонг. Будаанаэ, образовавшееся от основы Буда + аф. -аанай (Будаев, 1978, 145). Сложность данного суффикса подтверждается и нашими материалами (ср. Дало-уу, Гал-най).

93. -уурга: Ангуурга - анга(гар) "разинутый (о рте)"; Галдуурга; Пангуурга. Ср. с апеллятивным -уурга (хабшуурга "тиски, шипцы" - от хабша - "зажимать").

94. -ууха: Батууха - бата "рослый, крепкий телосложением"; Жарбууха - жарба(гар) "большой, оскаленный (о рте)"; Палтууха - ср. хак. палты "топор", бур. балта "молот, кувалда"; Хаатууха (ж.) - ср. Наата - "остаться (жить)"; Халзууха - халзан "лысый"; кач. Марууха.

95. -ууша: Дахууша - диал. даха - "гоняться за кем-либо"; ср. также дахажа ерэлэн хүбүүн (басаган) "приемный сын (дочь)"; Михууша - уменьшительно-ласкательная форма от Михаил, ставшая самостоятельным именем.

96. -ха / -хо / -хэ // -ка. Суффикс -ха сохранился в единичных образованиях (алха "шаг" - ала "промежность", харха "крыса, крот" - хара "черный").

Посредством этого суффикса образуются личные имена от именных основ: Бааха - баа "маленький"; Балтха - балта "молот, кувалда"; Буурха - буура "верблюд-самец", ср. Боорхо; Малааха - малаан "лысый"; Маамха (ж.) - маама "мать"; Малайка - малай - "лысеть"; Мандарха - ср. манда(гар) "большой, крупный"; Пашка - пала(гар) "косматый, лохматый"; Пууха - ср. бур. буу "ружье", письм. -монг.

буц. кит. пао "пушка" (Владимирцов, 1929, 258); Таабха - таа-ба(гар) "чванливый, важный, надутый"; Тайсха - тайшаа, диал. тайса "тайша (глава степной думы у бурят в царской России)"; Улааха (ж.) - улаан "красный"; Хатууха - хатуу "твердый, решительный, скупой"; Хуруудха - хурууд "спрессованный творог, самодельный сыр"; Һан-ха - ср. имя Панжа; Ятха - яда "копье, пика; штык".

-хо; Болтхо - Болод, булад "сталь"; Гоохо, ср. устно-поэт. Гоо-хой (ж.) - письм. -монг. gowa, монг. гб "красивый, статный" (Владимирцов, 1929, 205, 210, 379); Ноенхо - ноён "нойон"; Обоохо - обоо "сопка, где совершался религиозный обряд"; Поохо - см. выше Пууха; Поосхо (ж.).

-хэ; Бүтүүхэ - диал. бүтүү "молчаливый, скрытный"; Неэнхэ - диал. неэн "корова"; Хотхо - хото(гор) "стройный, грациозный, изящный"; Шодхо (ласкат. имя) - шодо(гор) "тонкий и короткий (о хвосте)"; Шонтохо - шонто(гор) "остролицый (о человеке)"; Эмхэ - эмэ "женщина"; Эридхэ - эрид "резкий, крутой"; Тээдхэ.

Суффикс -ха / -хо / -хэ не следует смешивать с русским -ка, который реализуется в виде -ха, например: Баасха - от рус. Васька, Сааньха - от Санька. В именах типа Шараанха - от Шараан - можно усмотреть заимствованный суффикс -ка.

Интересно заметить, что на почве контаминации русских и бурятских имен происходит образование новых суффиксов. Сравним имена Шарии (м.) и Шаринха (ж.); в последнем, как видим, присутствует суффикс -нха. Его образование нам представляется следующим образом.

Русское женское имя Мария в бурятском реализуется, в частности, как Мари. При усвоении уменьшительной формы Маринка - от Марина - у носителя бурятского языка вычленяется не суффикс -к, а -иинка. По аналогии образуется и женское имя Шаринха - от Шарии.

97. -хи / -ти / -нхи / нти / -хы. Общеалтайский суффикс -ki (Котвич, 1962, 119) образует от форм детально-местного падежа имен существительных имена прилагательные с пространственным значением (буландахи "угловой" - булан-да "в углу"). От форм именительного падежа имен существительных возможны лишь единичные случаи образования имен прилагательных (түрэлхи "родной, врожденный, природный" - от түрэл "родство, родня"; Дондуков, 1964, 84-85).

В бурятских антропонимах суффикс -хи имеет варианты -ти - нхи / -нти / -хы. Относительно -нхи или -нги (в бурятском -нчи) В. Котвич указывал, что он образовался в результате ошибочного членения образований на -ki от основ, оканчивающихся на -н (1962, 117). Варианты же -ти / -нти образовались на бурятской языковой почве как результат различных модификаций исторического сочетания "ki", которое дало по говорам "х'и", "ши", "с'и", "т'и" : арс'и // арши // арт'и, вост.-бур., юж.-бур., лит.-бур. архи, письм. -монг. araki "водка"; зап.-бур. тас'аа / тат'аа, вост.-бур. тах'аа, письм. -монг. takiy-a "курица" (Рассадин, 1982, 13).

При образовании бурятских антропонимов указанные варианты суффикса -хи присоединяются непосредственно к основам имен, глаголов и других слов: Ашанти - аша "поступок, действие, поведение, повадки"; Бархи - бар "барс, тигр", зап. "лев"; Далбахи - далба(гар) "ши-

рокий (о лице)"; Боохи - боо - "преграждать, отрезать дорогу, ставить преграду" (нечистой силе); Бээхи - бэгээ(гар) "сутулый, согрившийся; горбатый"; Доонхи - ср. одоо "теперь, ныне" в языке ленских бурят употребляется в сочетании одоо ерэбэ "наконец (долгожданный) прибыл (родился)", следовательно, Доонхи можно толковать как "долгожданный"; Дүрхы - ср. Дүрэ "деревянное кольцо (продеваемое в нос быка)"; Моонхи - ср. эвенк. мо "дерево, столб"; Муунхи - муу "плохой"; Поронхи - ср. порог "наполовину сломанный (о роге)" (так могли назвать ребенка после обряда имитации вторичного рождения ребенка с коровой (быком), у которой был сломан рог); Шаажанги - зал. шаажа "коса (волосы)"; Шүрхы - от шүрэ "коралл" (или от шүрхы "чирок").

98. -хаа / -хоо / -хөө / -хуу; Баярхоо - баяр "радость"; табуистической формой, видимо, является Бөөрхоо; Бүтүүхээ - бүтүү "молчаливый, скрытный"; Түгүдхөө - түгэд "близнецы одного пола (о людях)"; Үбхөө - ср. үбгэ(н) "старик, почтенный", личное имя Үбгэн; Хүгьхуу - хүхи - "веселиться, радоваться, ликовать" (здесь имеется в виду известное соответствие "х" / "т"); Шээхээ - шээ "мочиться"; имена же Жээхээ, Шиихээ, видимо, являются табуистическими формами к Шээхээ.

99. -хай / -хой / -хээ. Посредством -хай образуются имена существительные с пренебрежительным и уменьшительным значением: хүбүүхээ "мальчонка" - хүбүүн "сын"; шүшүүхээ - шүшүү "козленок" (Будаев, 1978, 145); иногда -хээ обозначает существо женского пола: дүүхээ "девушка" - дүү "младший" (Дондуков, 1964, 14).

Суффикс -хай образует имена прилагательные от глагольных основ: шунахай "жадный, алчный" - шуна - "быть жадным, алчным" (Дондуков, 1964, 84-85).

Посредством суффикса -хай образуются мужские, изредка женские имена от основ имен существительных, прилагательных, глаголов.

-хай: Адуухай - адуу(н) "табун, косяк, стадо (лошадей)"; Ангархай - ср. др. -монг. ангыр "турнан" (Рассадин, 1978, 122); Баахай - баа "маленький" (вариантом Баахай является Ваахай - с. Инзагата Восточной Бурятии); Бишайхай (ж.) - бишайхан "маленький", ср. Бишайнай; Бабаахай - бабай - "быть лохматым"; Баярхай - баяр "радость"; Буршалдхай - диал. буршалда - "морщиться"; Будаахай (м., ж.) - будаа "крупа", кач. будаа(н) "ячмень", тунк. будаа "листья бадана"; Булсуухай (ж.) - булсуу "наконечник, головка (стрелы)"; Буухай - буу "ружье"; Бушуухай - бушуу "быстрый, проворный"; Галуухай (ж.) - галуу(н) "гусь"; Ертахай - диал. ярта(гар) "худая и высокомерная (женщина)", ср. имя Яртага (ж.); Зантхай - занта(гар) "большеголовый"; Заяахай - заяа(н) "судьба"; Малаахай - малаан "лысый, плешивый"; Мангадхай (ср. Мангадхан) - мангад "русский"; Мантхай - манта(гар) "головастый, большоголовый"; Мансахай - мансы "пеленка, конверт (детский)"; Манжуухай (ж.) - ср. Манжуу, Маншхай (ж.) (вероятно, в последнем имени перед суффиксом произошло оглушение звука "ж"); Янтхай (ж.) - янта(гар) "самовлюбленный"; Тайсаахай - диал. тайсаа "тайша (глава степной думы у бурят в царской России)"; Улаахай (м., ж.) - улаан "красный", ср. также диал. улаахай "ребен-

шок (у петушка)" (Будаев, 1978, 145); Уухай - ср. муу "плохой", муухай "некрасивый"; Халюухай (ж.) - халюу(н) "выдра"; Хатуухай (ж.) - хатуу "скупой", может быть, оно образовано от сочетания хатуу ахай "скупая женщина"; Жатуухай - возможно, табуистическая форма к Хатуухай; Хунхай (ж.) - хун(г) "лебедь"; Шарлахай (ж.) - шарла "желтеть"; Шабшахай - шабшар "желтый"; Шархай - шара "желтый"; Юбуухай (ж.) - юбуу(н) "раковина (служившая украшением)".

-хой: Жороохой - жороо "иноходец" (в качугском говоре и ныне встречается прозвище Ероохой с тем же значением); Золтохой - золто "счастливым"; Монхой - письм. -монг. mong "богатый, строптивый, дерзкий"; Ноёхой (ж.) - ноён "нойон".

-хээ: Бээхээ - ср. Баахай; Бүтүүхээ - бүтүү "молчаливый, скрытный"; Изихээ - изии "женщина"; Өлөхээ - ср. үлэ "остаться (жить)"; Өөдхээ - өөдэ "идти вверх, подниматься" (в значении "расти"); Сэнхээ (м., ж.) - фольк. сэн шубуун "лебедка, лебедица", вариантом его, видимо, является Сэмхээ; Үл хээ - үлүү "лишний (ребенок)"; Үрхээ - үрэ / үри "дитя, ребенок"; Хүбүүхээ (м., ж.) - хүбүү(н) "сын, парень, мальчик"; Хүүхээ (ж.) - монг. хүү "сын, мальчик, дитя"; Хүдөөхээ - ср. хүдүү "рябчик"; Хүзүүхээ - хүзүүн "шея"; Пэтэрхээ - письм. -монг. qeter "злой, яростный, гневный, исполненный злобы", ср. также монг. сэтэр "ленты, привязываемые к еноту, посвященному духам"; Эрээхээ, ср. кач. Эрээснээ - эрээн (нюдэн), букв.: "пестрые глаза" (об исхудавшем ребенке).

Элемент -най / -ной в именах Барнай - бар "барс, тигр", Борной - боро "серый, сивый (о масти)" на основании известного соответствия звуков "х" / "h" в бурятском языке можно оценить как вариант суффикса -хай.

100. -хан / -хон / -хэн. Суффикс -хан передает эмоционально-субъективное отношение к предметам или лицам и животным, образуя имена существительные и прилагательные со значением уменьшительности и ласкательности; басагахан "дочурка" - басаган "девушка"; жаахан "маленький" - жаа - "небольшой, малый" (Дондуков, 1964, 13-14, 84). Ц. Будаев заметил, что в западнобурятских говорах суффикс -хан в словах, образованных от основ имен прилагательных, не имеет значения уменьшительности и ласкательности, в отличие от восточных и южных говоров: амтаэхан "вкусенький" - амтагаэ "вкусный"; сел. -цонг. уимархан "глупенький" (ласкат. - уимар "безрассудный, шаловливый"; Будаев, 1978, 158).

Н.Б. Алдарова суффикс -хан считает средством образования женских имен: Алдархан - алдар "славный, известность"; Бадархан - бадар "подаяние"; Ногоохон - ногоон "трава" (Алдарова, 1979, 12).

Приведем некоторые наши материалы.

-хан: Абхан - аба "чары, волшебная сила" или "отец, батюшка"; Ажахан - ср. ажа амгалан "благополучный, безмятежный, спокойный"; Айшхан (м., ж.) - айлшан "гость"; Алсахан - алса(гар) "раскоряченный"; Бадархан (м., ж.) - бадар "подаяние, приношение, милостыня (странствующим монахам)", возможно также от бадар - "распространяться, возрастать, увеличиваться; процветать"; Баатархан - баатар

"богатырь, герой"; Баахан - баа "маленький"; Балтахан - Балта "кувалда, молот"; Бардаахан - бардаа "кашицеобразная масса, остающаяся после выгонки хлебного вина"; Батахан (м., ж.) - бата "рослый, крепкий телосложением"; Баяхан (м., ж.) - баян "богатый"; Баярхан - баяр "радость"; Буйрхан - ср. буйр хүйтэн "жгучий мороз"; Булсуухан (м., ж.) - булсуу "наконечник, головка (стрелы)"; Буурлахан - буурал "седой; чалый (о масти)", предполагается метатеза гласного "а" и сонорного "л"; Гунахан - гунан "трехлетний (о самцах животных)"; Галуухан (ж.) - галуун "гусь"; Заяахан - заяа(н) "судьба"; Малаахан - малаан "лысый, плешивый"; Малхан - мал "скот"; Мангадхан - мангад "русский"; Мандархан - ср. манда(гар) "крупный, рослый", Мяньшхан (ж.) - монг. маньж "маньчжур, маньчжурка" (ср. Манжуу, Манжуутка); Мухархан - мухар в мухар үнээн "комолая колова"; Найдахан - найда "надеяться, возлагать надежды"; Сагаахан - сагаа(н) "белый"; Таархан (м., ж.) - таар "дерюжный мешок"; Ядхан-яда, жада "копье, пика; штык"; Убашхан - убаша "мирянин, принявший на себя простейшие монашеские обеты без посвящения в монахи"; Улаахан - улаан "красный"; Урайхан (ж.) - урай "перед, впереди" (так могли назвать первого ребенка); Урбаахан - ср. имя Урбаазгай; Уухан - уу "широкий" (о лице?); Уяхан (ж.) - уя(н) "гибкий", перен. "покладистый, покорный"; Хабхархан (ж.) - хабхар "черный"; Хальхан - хали, возможно, в смысле "быть лишним", ср. Хальшахан от халиша в том же значении с оттенком интенсивности; Халюухан (ж.) - халюу(н) "выдра; игреневый (о масти)"; Хамархан - хамар "нос"; Хархан (м., ж.) - хара "черный"; Хуаахан (ж.) - хуаа "каурий (о масти лошади)"; Хулхан - хула "саврасый"; Шабшархан (ж.) - шабшар "желтый", зап. "блондин"; Шанархан - шанар "обряд посвящения в шаманы" (Летописи, 60), Шарахан, Шархан - шара "желтый", зап. "блондин"; Шарлахан - шарла "желтеть"; Шуухан - шуу(н), парн. дуу шуу(н) "голос, шум" (в смысле "голосистый"?); Ямаахан (м., ж.) - ямаа(н) "коза"; Ярбахан - ярба(гар), жарба(гар) "большой, с оскалом (о рте)".

-хон: Борхон - боро "серый, сивый (о масти)"; Золтохон - золто "счастливым"; Ногоохон (ж.) - ногоон "травя"; Ноёхон - ноён "нойон"; Нохойхон - нохой "собака"; Хорёохон - хорёо "отрада, загон (для скота)"; Орбохон - орбо(гор) "взьерошенный, лохматый; перен. "вспыльчивый".

-хэн: Бүтүүхэн - бүтүү "молчаливый, скрытный". Дүүхэн (ж.) - дүү "младший"; Зүгээхэн (ж.) - зүгээ, лит. зүгы "пчела"; Зэлхэн (ж.) - зэли, зэлэ "волосная веревка (для привязывания телят и жеребят)"; Түмэрхэн - түмэр "железо"; Эмхэн - эмэ "женщина"; Эрээхэн (ж.) - эрээн "пестрый (о глазах)".

Наши материалы (приведена только часть их) свидетельствуют о том, что суффиксы -хон/-хэн/-хан образуют в равной мере как мужские, так и женские имена, но антропосноуны их четко противопоставлены. Так, женские имена образуются от апеллятивов, обозначающих птиц (Галуухан, ср. Галуухай), пушных зверей (Халюухан, ср. Халюухай), огонь (Галхан, ср. Галнай; возможно и не засвидетельствованное пока имя Галхай), от слов, обозначающих цвет: "желтый", "каурий",

"пестрый" (Шабшархан, Шарлахан, Эрээхэн). Имена типа Уяхан (уяң "покладистый, покорный", "гибкий"), Айшхан (айлшан "гость") не встречаются среди мужских.

Слова же со значением "черный" (Харахан), "красный" (Улаахан), "радость" (Баярхан), "женщина" (Эмэхэн), "собака" (Нохойхон), "судьба" (Заяахан, ср. Заяахай), "металл" (Түмэрхэн), "герой" (Баатархан) образуют мужские имена. От аппеллятива баян "богатый" образуются разные имена: посредством суффикса -дай - мужское имя (Баяндай), а суффикс -хан образует чаще женское имя (Баяхан).

Аффикс -qan / -хан сохранился также и в тюркских языках, главным образом в женских собственных именах, например: каракалпак. Ajymхан, Ajтан, Arzyхан, Gülimхан, Gülхан и др. (Рамстедт, 1957, 241, примеч. 171).

101. -хаан / -хоон. Суффикс -хаан, видимо, представляет собой фонетический вариант -хан / -хон, так как встречается, как правило, в тех же именах, что и -хан: Мандархаан - Мандархан, Мухархаан - Мухархан, Малхаан - Малхан, Баяхан - Баяхаан; ср., однако, Зоодхон - зоодой "ерш, карась", тунк. "пескарь", каб. "низкосортный омуль"; Маахаан - ср. имя Маа.

102. -хин. Суффикс -хин образует существительные от местоимений и наречий, характеризующие лицо по принадлежности в какой-либо группе или семейству (баруугархин "соседи с западной стороны" - баруугаар -на западе"; манайхин "наши" - манай "наш"). В бурятском антропонимиконе нами обнаружено пока только одно имя с -хин: Хархин (XV колено - хара "черный"), а также фамилия от него - Харацинов.

103. -һаани. Этот чисто антропонимический суффикс, видимо, образовался посредством удлинения гласного "а" в аппеллятивном суффиксе -һан с присовокуплением слога -ни, например: Жабһаани.

104. -ша / -шо / -шэ и -шан / -шон / -шэн. Они восходят к исконным монгольским суффиксам -ši и šin: tarijašin, tarijan-ši "земледелец" (Рамстедт, 1957, 208-209), kotoši ~ kotošin "домочадец" (Козин, 1941, 617). На данном этапе развития бурятского языка -ši / -šin функционируют как два разных суффикса: -ша / -шо / -шэ и -шан / -шон / -шэн; малша "животновод" и малшан "пастух"; газарша "проводник, путеводитель" и газаршан "хлебороб, земледелец"; аг. хэлэшэ "языкастый" - хэлэн "язык, речь" (Дондуков, 1964, 63; Будаев, 1978, 146, 159).

При образовании личных имен к одной и той же основе могут быть присоединены оба форманта, создавая тем самым два самостоятельных антропонима:

Обогшон, Обшон (ж.), Обошо - обог "род, племя" (в смысле "принадлежащий роду, племени"); Амша "языкастый" - от аман "рот, уста", ср. аг. хэлэшэ "языкастый"; Боршо, Боршу - боро "серый, седой"; Бугша - буга "изюбр, марал"; Бухша - буха "бык-пороз, бугай"; Замша - замша(н) "ямщик"; Нэмшэ - нэмэ "прибавляться, увеличиваться" (в семье); Оторшо - отор "заимка", ср. каб. оторшо(н) "живущий на заимке"; Тогошо, Тогоочи - тогоо(н) "котел"; Урабша - урба(гар) "вывернутый (о веках)"; Хорошо - хороо - "уменьшать, со-

кращать"; Шанарша - шанар - обряд посвящения в шаманы"; Түбшэн (м., ж.), Түбчин - түб "спокойный, уравновешенный". Женские имена данные суффиксы образуют от названий мелких животных и светлых мастей животных: Хуаагалша - хуаа "хаурый", табуистическая форма или форма с оканьем данного имени - Хооголшо; Хуригшан - хурига(н) "ягненок".

105. -шаа / -шоо / -шее / -шуу / -шии.

В бурятском языкознании описан суффикс -шуу / -шүү, образующий от основ имен существительных, прилагательных и местоимений прилагательные со значением "сходства по внешнему облику": алтаншуу "золотистый" - алтан "золото" (Дондуков, 1964, 86).

В системе личных имен данный суффикс имеет больше сингармонических вариантов: Баршуу - бар "барс, тигр"; Дэншээ - дэн(г) "свеча, светильник"; Обшии (ж.) - об "бодрость, живость, задор; хитрость, уловка"; Хүнишее - ср. нүни "ночь"; Шильшаа - ср. диал. шалышаа хүн "болтун"; Шишээ - ср. шиига "сильный, здоровый, крепкий", шиига хүн "силач, здоровяк". Сюда структурно примыкает имя Гаишуу.

106. -шаг / -шог / -шэг аналогично суффиксу -шуу образует имена со значением "сходство по внешнему облику" (в этнографическом варианте): Аншаг - ан(г) "зверь"; Хүбүүншэг - хүбүү(н) "сын".

107. -шаал / -шээл; Памгашаал - памга(н) "женщина". Вполне возможно и имя Эмэгшээл - эмэ "женщина". Видимо, суффикс -шаал образует имена со значением "похожий на...".

108. -шха(-шка), -шхэ. Имена с этим суффиксом встречаются в наших материалах начиная с XIII колена, т.е. со второй половины XIX в. Он проник в бурятский именовослов из русского языка. А.М. Селищев и А.Н. Мирославская наряду с другими многочисленными продуктивными суффиксами выделяют и -шка, -шко (Богдашко, Глушко, Юшка) (Зинин, 1972, 116).

В бурятском языке этот суффикс приобрел еще один сингармонический вариант -шхэ (-шкэ) в мягкорядных формах, что будет видно из примеров. Распространению суффикса -шка в значительной степени могло способствовать то, что при распространении русских имен среди бурят усваивались и различные бытовые формы имен, среди которых представлены образования с суффиксом -шка.

Примеры: Абяшка - абян "звук, шум"; Бахруушка - ср. имя Бахруу, а также рус. Вахрушка; Бардаашка - бардаа "отходы после выгонки вина"; Бахашка - баха "лягушка"; Бишаашка (м., ж.) - ср. бишайхан "маленький"; Бомбоошко, Бүмбөөшхэ - ср. детск. бүмбөөдэй "мизинец"; Дайшка (ж.) - ср. письм.-монг. dai darqan "великий дархан"; Изишка - изии "женщина"; Малашка - малаан "лысый, плешивый"; Мантуушка - монг. мантуу "манту, лепешка, испеченная на пару"; Мануушка - мануул "дикая кошка"; Ногоошко - ногоо(н) "трава"; Нугашка (ж.) - нугапан "утка"; Урбашка - урба(гар) "вывернутый (о веках)"; перен, диал. "высокомерный"; Хатуушка (ж.) - хатуу "твердый, непоколебимый", диал. "скупой"; Худгуйшка (ж.) - худдагы, кач., ольх. худгуй "сватья, кума"; Шагайшка (ж.) - шагай "бабка"; Шулуушка - шулуу(н) "камень"; Шумуушка - ср. шумуухан "быстрый, проворный; шустрый, верткий"; Эмээшхэ - эмэ "женщина", ср. имя Эмээ.

109. Русская грамматическая форма -а, обозначающая женский род и функционирующая как показатель женского имени, в бурятском языке оценивается как суффикс (Алдарова, 1979, 12). Иными словами, -а в бурятском языке, потеряв свой статус показателя формоизменения, перешел в разряд словообразовательных элементов. В бурятском языке при функционировании имени он оказывается перед падежными формами, вписавшись в основу имени. Например: Баиира (им. п.), Баиирада (дат. п.), Баиирагаа (исх. п.) и т.д.

Источниками образования новых имен посредством суффикса -а являются: а) мужские имена: Баяр (баяр "радость") - Баиира; Улаан (улаан "красный") - Улаана; б) женские имена, оканчивающиеся на согласные звуки: Сэсэг (сэсэг "цветок") - Сэсэега; в) аппеллятивы и географические названия: Саяан ("Саянские хребты") - Саяана; туяа(н) ("луч света, сияние") - Туяана; арюун ("опрятный, красивый") - Арюуна.

Как видно из примеров, присоединение суффикса -а приводит к некоторой перестройке структуры производящей основы. Так, нарушается сингармонический ряд слова: мягкорядное сэсэг принимает суффикс в твердорядной огласовке (-а). На фоне моделей русских женских имен типа Нина, Ульяна, Татьяна и бурятских имен Саяана, Туяана (в которых антропоосновы оканчиваются на "н") формируется новый суффикс -на: Хусаана - от Хуса (м.); Аяана - от Аяа (название реки).

110. -маа. Суффикс -маа проник в бурятский язык, равно как и в монгольский, в составе тибетских личных имен (Базармаа, Будамаа, Дашамаа и т.п. - Бураев, Шагдаров, 1969, 112). Суффикс -маа представлен в Восточной Бурятии, где был распространен буддизм.

Суффиксы -а, -маа, -ита чрезвычайно способствуют развитию нового принципа разграничения мужских и женских имен в условиях активного бурятско-русского двуязычия. Вероятнее всего, исконно бурятский суффикс -хан как показатель женских имен так и не утвердился в этой роли, тем более что она опиралась на семантику аппеллятива, как было показано.

Становление суффикса -а как показателя женского имени делает малоперспективным образование мужских имен посредством суффикса -аа (Баяр-аа, XVIII колено).

На этом мы закончим описание простых, одинарных суффиксов, хотя за пределами обозрения остались некоторые не менее интересные, например: -згай (Урбазагай - урбай - "быть вывернутым (о веках)", диал. перен. "быть высокомерным"); -хуун (Тайшхуун (ж.) - тайшаа "тайша"); -шаан (Абагашаан - абага "дядя по отцовской линии"); -нуу / -нүү (Тэхнүү - тэхэ "козел") и др. Интересные суффиксы женских имен приведены в работе Н.Д. Будаева и Л.Д. Шагдарова, например: -иима (Дариима, Дашиима, Дузиима); -аама / ээмэ (Рагжаама, Дүгбээмэ); -жаа / -жээ (Сэрэнжаа, Сэрэнжээ) и др.

Покажем теперь некоторые сложные, составные антропоформанты.

111. -аа-дай: Ахаадай - аха "старший брат"; Бугаадай - буга "изюбр, марал"; Барбаадай - барба(гар) "мохнатый, косматый, лохматый"; Монхоодой (м., ж.) - монхо(гор) "горбоносый"; Эшэгээдэй -

эшэгэн "козленок"; Урбаадай - урба(гар) "вывернутый (о веках)".

112. -аа-зай; Урбаазай - урба(гар) "вывернутый (о веках)".

113. -аа-най: Балтуунай - балта "молот, кувалда"; Дальбуунай - дальба(гар) "оттопыренный, отвисший (об ушах)"; Манхаанай - манха(гар) "одутловатый, опухший"; Урбаанай - урба(гар) (см. выше); Хонхоодой - хонхо "звонок, колокол"; Панхуунай - ханха(гар) "большой и нескладный (о человеке)".

114. -аа-эган: Урбаазган - урба(гар) (см. выше).

115. -аа-лай: Батаалай - бата "крепкий (телосложением)"; Бугаалай (ж.) - буга "изюбр, марал".

116. -аа-хай: Ангаахай - анга(гар) "разинутый (рот)"; Бугаахай (ж.) - буга (см. выше); Бороохой - боро (см. выше); Шорноохой - шорно(гор) "остролицый"; Урбаахай (м., ж.) - урба(гар) (см. выше).

117. -аа-хан: Бугаахан (ж.) - буга.

118. -аа-си(-хи): Балтааси, Балтаахи - балта.

119. -аа-я: Абагаая - абага.

120. -ай-хан: Батайхан - бата.

121. -аас-ай (-най, -ха): Мадаасай - мада(гар) "прямой, негнибящийся (о походке)", перен. "важный, важничающий"; Морхоосной, Морхоосой, Морхоосхо - морхо(гор) "горбатый (о носе)"; Урбааснай - урба(гар) (см. выше).

122. -г-таан: Булхагтаан (ж.) - булха(гар) "вздутый, пухлый (о щеках)". Но в имени Халмагтаан следует выделить суффикс -таан, если основу связать с апеллятивом хальмаг "калмык".

123. -л-хан / -л-хэн: Ногоолхон (ж.) - ногоон "трава"; Тэжээлхэн - тэжээ - "вскармливать, растить".

124. -най-шха: Баанайшха - баа (см. выше).

125. -нга-н: Байнган - бай - "остаться (жить)", ср. Байнга.

126. -нуу-ха (-хай, -хан, -шха): Харнууха (ж.); Шарнууха (ж.), Шарнуухай (м., ж.), Шарнуухан (ж.), Шарнуушха (ж.) - шара "желтый".

127. -т-аан: Баяртоон - баяр, Хартаан - хара.

128. -хаа-жэн (-дай, -жан, -л, -н, -нса): Бальхаадай (ж.) - ср. Бали; Мүнхөөдой - мүнхэ; Эмхэжэн, Эмхээл, Эмхээн - эмэ; Ябаанса - яба - "идти, жить".

129. -шан-ша: Баашанша - баа (см. выше), ср. Баашан.

Сочетания первичных, простых суффиксов весьма разнообразны. Мы привели только часть примеров. Встречаются и более сложные форманты, например трехсоставные: от боро образованы имена Боро, Борто, Бортоо, Бортооной; шара - Шара, Шарал, Шаралдай, Шаралдайхан.

Следует заметить, что некоторые сложные форманты опрощаются, превращаются в одинарные, хотя процесс становления их вполне прослеживается. Поэтому, например, не вызывает возражений толкование суффиксов -аадай, -аалай (Басагаадай, Доржуудай, Хурьгаадай) как производных с точки зрения современного бурятского языка в работе И.Д. Буряева, А.Д. Шагдарова (1969, 113).

На этом мы заканчиваем предварительный обзор исконных антропонимов бурятского языка с точки зрения их образования от апеллятивов. Вне специального рассмотрения остался вопрос о сочетаемости антропооснов с различными суффиксами (валентности). Поливалентность отдельных антропооснов видна из уже приведенного выше материала. Так, например, основа баа "маленький" может принять различные суффиксы: -дай (Баадай), -най (Баанай), -хан (Баахан), -дагай (Баадагай), -хандай (Баахандай) и др. Таких примеров в наших материалах немало. Вместе с тем этот вопрос требует специальной разработки в диалектологическом аспекте для определения ареалов распространения тех или иных суффиксов, однако для этого требуются данные о суффиксах в диалектах и говорах бурятского языка, а также о фонетических соответствиях в них.

В заключение данной главы отметим следующее. Этнографически обусловленные имена ("охранные", пожелательные и т.п.) образуются преимущественно базасуффиксальным способом и имеют значения типа "X не есть человек, X есть..." (Буу, Шою, Нохой), "X обладает таким-то признаком" (Үнхээ) и др. Этнографически обусловлены чаще мужские имена, нежели женские.

Этнографически не обусловленные имена образуются преимущественно суффиксальным способом от слов, характеризующих индивидов чаще всего с отрицательной стороны. Интересно, что они образованы от ныне связанных основ прилагательных (ср. морхо(гор) - Морхоо, Морхоос). Это заставляет задуматься, не восходят ли имена данного типа к такому состоянию лексики монгольских языков, когда существовали самостоятельные корнесловы типа морхо, халха, бурза, затем ставшие связанными в системе имен прилагательных с суффиксом -гар / -гор / -гэр. В таком случае, может быть, имя Могзо и подобные ему донесли до нас корнесловы, вышедшие из употребления в апеллятивной лексике.

Специальное исследование имен указанного типа имеет принципиальное значение для исторической лексикологии. Если такое допущение правдоподобно, то одни и те же корнесловы некогда могли одновременно служить источником для образования и качественных слов, и личных имен, и суффиксы при них; вероятно, были наделены функцией дифференциации антропонимов и апеллятивной лексики. Эта тенденция могла осуществляться посредством разведения суффиксов по двум разделам лексики: прилагательные образовывались с помощью суффикса -гар, а личные имена - других суффиксов. Можно считать, что такой дифференцирующей силой обладало и удлинение гласных элементов основы при образовании личных имен, о чем говорилось выше.

Суффиксы -аад, -баа, -гаа, -дан, -дар, -дха, -маан, -муу, -нуу, -уура, а также составные суффиксы -аазай, -аалай и др. на современном этапе осознаются как деривативы, сложившиеся на антропонимической почве. Антропонимические суффиксы -а, -маа, -суу проникли в бурятский язык в связи с заимствованиями из других языков.

Суффиксальный (формантный) способ образования служит мощным средством разграничения апеллятивной и антропонимической лексики в пределах определенного языка, в частности бурятского.

Глава четвертая

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

В БУРЯТСКОМ АНТРОПОНИМИКОНЕ

К иноязычным относятся личные имена, апеллятивные основы которых не объяснимы на материале бурятского и старописьменного монгольского языков. Они могут представлять собой заимствования уже готовых онимических единиц и образования от иноязычных апеллятивов в бурятской языковой среде. Экстралингвистическим фоном процессов заимствования в разные исторические эпохи выступают:

а) живые контакты бурят с другими племенами, народами в связи с сопредельностью территории их расселения, например с русским народом; ср. также: "Долины верхней Лены и Ангары являются тем местом, где столкнулись монгольские и тюркские племена... еще в самом начале нашей эры, при гуннах" (ИБМА, 1, 53). О том, что там действительно некогда обитали монгольские племена, свидетельствует микротопоним Монголин нуури "Место поселения монголов"; кроме того, верхоленские буряты раньше ежегодно отправляли молебствия под названием Монголоо эдеэлхэ, букв.: "Кормление монгола своего";

б) распределение новых религиозных верований – буддизма и православия – принесло в бурятский антропонимикон тибетско-санскритские имена (Доржо, Санжа, Бүгид, Бадара) и часть русских имен, заимствованных до 20–30-х гг. XX в. (Анна, Евдокия, Филипп, Евсей);

в) распространение грамотности на родном языке и на русском, который служит средством межнационального общения в СССР и на международной арене, знакомство с культурой народов других стран служат платформой для заимствования иностранных личных имен (Джульетта, Анжелика, Рита, Спартак).

Все это определяет стратификацию бурятского антропонимикона, в котором прослеживаются, помимо уже описанных исконных, имена с тюркскими апеллятивными основами, арабизмы, тибетские имена, эвенкизмы, имена из русского антропонимикона, а также некоторое количество имен европейских народов.

Прежде чем переходить к описанию имен по стратиграфическим пластам, нам следует определить понятие заимствования в области онимической, в частности антропонимической, лексики, в отличие от заимствования на апеллятивном массиве. Понятие заимствования в апеллятивной лексике в общем и целом сводится к действию по глаголу заимствовать и его результату, т.е. слову, перенятому из какого-либо

языка. В области ономастики понятие "заимствование" требует дополнительного пояснения. Во-первых, антропонимы – вторичные языковые знаки по отношению к нарицательным словам – могут быть образованы как от исконных, так и от заимствованных апеллятивов, но в любом случае семантика имен будет поддерживаться этими апеллятивами; во-вторых, могут заимствоваться сами имена, которые в таком случае не будут иметь корреляции в данном языке. Естественно, эти два типа заимствований не могут рассматриваться в одном ряду. Например, имена Хаабшаг, Хааба, имеющие апеллятивную основу хааб-, которая восходит к тюркскому qar "сосуд, мех, бурдюк, мешок", должны толковаться по-разному. Имя Хааба, не имеющее апеллятивной основы на материале бурятского языка, должно считаться заимствованием, а Хаабшаг – исконно бурятским, поскольку в качугском говоре есть нарицательное слово хаабшаг "мешочек".

Такое рассуждение позволяет нам относить имена типа Энергиинэ (ср. рус. энергия) к исконно бурятским именам, образованным на основе активного бурятско-русского двуязычия; их мы рассматривали в предыдущей главе. Сейчас же будут описываться собственно иноязычные имена, т.е. не имеющие корреляции в апеллятивной лексике.

§ 1. ТЮРКИЗМЫ

Проблема тюркизмов в бурятском языке далека от решения, хотя монголисты обращаются к ней давно. Так, Б.Я. Владимирцов посвятил этому вопросу специальную работу (1911), не потерявшую научной ценности и в наши дни. Однако новая методика этимологических исследований – приемы внутренней реконструкции – позволяет пересмотреть некоторые выводы указанного труда. Так, посредством установления этимологической парадигматики, а также диахронических рядов изучаемых лексических единиц Т.А. Бертагаев убедительно доказал, что хэсэг "часть" и в монгольских, и в тюркских языках имеет родственные корневые элементы (1971, 93–94). Полезную дискуссию вызвала и этимология бурятских этнонимов. Так, например, Ц.Б.Цыдендамбаев пришел к выводу о том, что этноним бурят (точнее говоря, его основа) не является монгольским словом, а представляет собой иноязычное, скорее всего древнетюркское, заимствование в монгольском языке. Слово бурээд (или бөрээд) разложимо на древнетюркскую основу бөря (буре или бүрю) со значением "волк" и монгольский суффикс множественности -д (1972, 274–275, 277), Т.А. Бертагаев высказал гипотезу, что этноним бурят восходит к известному из орхонских надписей названию Курыкан (1970, 130), которое в составе этнонима уч-куры-кан возводят к апеллятиву со значением "зять" – "три зятя", связанные между собой так называемой "кольцевой" системой родства (Кульчицкий и др., 1976, 120). Г.Д. Санжеев приходит к выводу об объективной убедительности народной этимологии, основанной на созвучии слова буряад и разделительного деепричастия буряад от глагола буриха "намеренно уклоняться от указанного направления; не хотеть бежать (о лошади)" (Санжеев, 1983б, 47–49), с учетом тех исторических событий, когда «далекие протобу-

ряты "уклонились" от тюркских каганов или позднее буряты - от монгольских феодалов» (Санжеев, 1983б, 48-49). Как видим, в вопросе о тюркизмах в монгольских языках, в частности в бурятском, остается много спорных моментов.

Интересно, что из числа тюркизмов, описанных в бурятской научной литературе, лишь некоторые оказались антропосономами, например: Буруу - др. -тюрк. buzacı, тув. быза "теленос" (Рассадин, 1969, 133); Эрдэни - др. -тюрк. erdini "драгоценность; сокровище" (Цыдендамбаев, 1972, 467). Тюркизм erdini как апеллятив и как личное имя встречается только среди восточных бурят; др. -тюрк. tajran "борзая", в юж. -бур. таэган нохой "борзая собака" (Будаев, 1978, 176), у балаганских бурят - женское имя Тайга и др.

Отметим еще, что имеются глубокие исследования тюркских элементов, представленных в системе имен в таких исторических памятниках монголов, как "Сокровенное сказание", "Алтан Тобчи". Так, венгерский лингвист Лайош Беше сделал этимологический анализ 20 личных имен с тюркской основой, встречающихся в "Сокровенном сказании монголов" (Bese, 1978). Все описанные там имена восходят к тем или иным тюркским апеллятивам, например: первый компонент имени Bala ĉerbi и основа имени Balaqaĉi восходят к тюркскому bala "дитя" (Bese, 1978, 358-359) и т.д.

В наших материалах встречаются тюркизмы двух видов: а) заимствованные тюркские имена; б) личные имена, образованные от тюркизмов аффиксальным и безаффиксальным способами.

Ниже рассматриваем только некоторую часть наших материалов; арабские, персидские и другие элементы, извлеченные из тюркских источников, мы относим к тюркизмам, поскольку они заимствованы в разные эпохи через посредство тюркских языков.

1. Тюркизмы - личные имена

Айна (ж.) - в аз., б., каз., тат., турк. Айна (ж.) - из перс. айна "зеркало" (Гафуров, 1968, 162); Алайхан (олигон. фольк.) - др. -тюрк. Ali, 'Ali (а.); Анай-шха - тув. Анай - от анай "козленок (обычно до года)"; Багай - тув. Багай-оол "плохой мальчик"; Балииха (ж.) - др. -тюрк. (скр.) Balika; Барба - др. -тюрк. Barv; Бишайхай (ж.) - тув. Пычыкай - от биче, бичии "маленький"; Баярхоо - др. -тюрк. Bajırqu (этноним байырку встречается в древнетюркских рунических текстах, например в тексте Кюль-Тегина). Тюркский термин байырку или китайский баегу - название этого тюркского племени, жившего в районе Забайкалья. От этого названия, по всей вероятности, происходит современное топонимическое название Баргузин (Бернштам, 1947, 64); Далбай - др. -тюрк. Dad ispäh-salar beg, имя собственное и титул; Мархай - хак. марха "пуговица" (РФХ, д. 3, каталожн. № 233); Масалмаан (ж.) - др. -тюрк. Masar; Миисэн - др. -тюрк. Mišan ĉar; Паруунша - др. -тюрк. Barunĉu (ср., однако, также рус. диал. парунья "наседка" - Блинова, 1973, 77); Сада - др. -тюрк. Sada; Сайхуур - ср. др. -тюрк. Saj buĉa

(личное имя), saj jariq "панцирь"; Саламаати - уйг. Саламэт - от саламат "здоровый, невредимый, сохранный, целый"; Сантир - хак. Сантир (РФХ, д. 3, каталожн. № 233); Соодой - хак. Содай - от содай kuzi "суется куда попало" (РФХ, д. 2); Хадай - др. -тюрк. Kadi, Kati (скр.); Хүндээ - др. -тюрк. kün "солнце; день", Kün (имя собствен.); Хүүшхэ - хак. Күске "кошка" (РФХ, д. 3, каталожн. № 233), Шада, Шадаан - др. -тюрк. Sada, Uluḡ šad (имя собств. и титул). Топонимы Ехэ Улан, Багаулан, видимо, образованы от имени Улан - ср. др. -тюрк. Uluḡ šad (имя собств. и титул); Шатай (м., ж.) - др. -тюрк. Sata при šat "смелость, дерзость, решительность, перс. шад "радостный, веселый"; Шолпоонхо - уйг. Чолпан (м.) при чолпан "Венера (планета)" (в бурятском "Венера" - солбон одон, ср. псевдоним бурятского поэта П.Н. Дамдинова - Солбонэ Туяа "Сияние Венеры"; в монгольском "Венера" - Цолмон, но личное имя имеет форму Цолбон наряду с Цолмон, Цолмонбадрах и др. - Содном, 1964, 108); Шушуу - др. -тюрк. Сиҗи (тюркский поэт); Япаадай - др. - тюрк. jarıḡ; Япуу - др. - тюрк. jar toyrıl; Яроон - ср. др. - тюрк. jaz "весна", jaRuq "свет, сияние, блеск, луч", Jaruq (имя собств.); Нуртай, Нурлай, Нурхай - др. тюрк. nur (а.) "свет, сияние", личное имя Нур (Гафуров, 1971, 212).

2. Имена-характеристики

Алаан - тюрк. алаң "глупый" (Радлов, I, 1, ст. 357); Атарай - тюрк. аттар "мелочный торговец, торговец москательными товарами, аптекарь" (Радлов, I, 1, ст. 471); Багандай - тув. багана "столб, подпорка, багана в юрте"; Байдай - др. -тюрк. baj "богатый"; Балаасан, Балгаан, Балдай, Балхай, Балхан (ж.) - ср. др. -тюрк. bala "детеныш" или bala "слуга"; Балдруу - др. -тюрк. balaır "ранний" либо baldır "неродной, приемный", ср. имя Balaxai / Balaxē, приведенное в работе Л. Беше (1978, 359); Башанхай - уйг. ba san "слабый, слабохарактерный; растяпа"; Баяа - др. -тюрк. baj "богатый", Baj (имя собств.); ойконим Бозой, видимо, образован от личного имени Бозой - ср. др. -тюрк. boz "серый", также бур. Борой, Боро "серый"; Боршо, Буршалдай - др. -тюрк. borči "пьяница, любитель хмельного"; Боһомол - др. -тюрк. bos, boš "независимый, пользующийся свободой"; Бужуурга - др. -тюрк. buzurḡ "большой, великий"; Бумбаа - др. -тюрк. buḡ, böḡ "полный, толстый"; Бөгшө - др. -тюрк. beg "правитель, вождь, бек, князь, господин", Beg Arslan, Beg Vuḡa, Beg Taš, Beg Temur, Beg Temir Quz - имена собственные; Дамчээ - уйг. дамчи "бахвал, хвастун; тот, кто хвастает своим богатством", Дааруу (ж.) - др. -тюрк. daru "лекарство, средство"; Дахаан - уйг. дахан, диал. дихан "крестьянин, земледелец, землепашец", дахан "знахарь"; Доной - перс. дана "мудрый, знающий, эрудированный", ср. кач. шулуун даана "каменная грамота"; Дэлгэр - уйг. делигор "легкомысленный, придурковатый, глупый"; Елтуу (ж.), Елтоод, Елтоон - др. -тюрк. jel, jēl "ветер, злой дух, демоническое существо", jel buka "дракон"; Зунды - др. - тюрк. son, sun kiši "человек с мягким характером"; Исхааг - др. -тюрк.

qisqa "короткий"; Зэнхэн - др. -тюрк. zāñi ḥabās "эфиоп, чернокожий"; Маадар - тув. маадыр "герой, храбрый, геройский, богатырский"; Марагтай - др. -тюрк. marakat, marakat raqda lıx (скр.) "имеющий цвет драгоценного камня"; Мэдэгмаа - уйг. мэдэк "коротыш, человек маленького роста"; Нахидхан (ж.) - др. -тюрк. naqıd "пробирщик"; Олдой, Олой, Улган, Улдай - др. -тюрк. ол, ул "сын, мальчик" (Радлов, I, 2, ст. 1080, 1674); Оопног (ж.) Опоон - тюрк. оппа "обжора, ненасытный; взяточник"; оппо "притворщик, лицемер" (Радлов, I, 2, ст. 1156, 1157); Папа - уйг. папи, диал. "карлик, лилипут"; (ср., однако, бур. папа-гар "косматый, лохматый"); Осхоор - тюрк. оскыр, оскai "бойкий, шустрый" (Радлов, I, 2, ст. 1141); Паанха - уйг. паңқай "глухой"; Сарийн - др. -тюрк. sariy "желтый", Sariy (имя собств.); Сондой - уйг. sondi "последний, поздний" (ср., однако, также бур. сондой "кисет"); Суута - тюрк. су "здоровый, трезвый" (Радлов, IV, 1, ст. 747), ср. также монг., бур. суута или суугай "известный, знаменитый, прославленный"; Таархан - др. -тюрк. tarqan (титул), tarxan (титул правителя); Тарантай - тюрк. та-рантай "волчок" (Радлов, III, 1, ст. 841); Тэшхэ, Тэшхэн, Тэшэн - др. -тюрк. teši "обжора", teşik "прожорливый, ненасытный", ti-ši, tiši kiši "женщина"; Үбэ, Үбөөн - др. -тюрк. ür ürün "очень белый"; Удари - др. -тюрк. uduz "чесотка, лишай"; Халтар, Палтар - уйг. халдар "имеющий родинку, с родинкой", ср. бур. халтар "светло-гнедой (о масти лошади)"; Шахша - Хошхо - уйг. Қашқа "с лысиной, с белым пятном на лбу (о животных)", разг. "лысый, плешивый" (ср. также др. -тюрк. qoş "пара"); Хадаан - др. -тюрк. qadan "кубок, чаша"; Ходой - др. -тюрк. qodi "сильный", Халтан - др. -тюрк. qal "глупый, безумный, сумасшедший, бешеный" или qal "старик"; Ханэй - др. -тюрк. qan "хан; правитель; предводитель", также компонент имен собственных; Хартаашха - ср. qara "черный", перен. "злополучный, горестный, плохой, скверный" + taş "камень" (возможно и другое толкование: др. -тюрк. qart "старик" + уменьшительный суффикс ашха; от qart может быть образовано и имя Партуу); Хубагар - ср. др. -тюрк. quba "цвет между красным и желтым", quba çagırça - имя собств. (ср., впрочем, кач. хубсагар "бледный", а также эвенк. хуба "лебедь"); Хулууд - др. -тюрк. qul "раб, невольник", qul ара uruñu - имя собств.; Хэсөөдээ - др. -тюрк. qiz "девочка, девушка, незамужняя женщина", qiz turmıs - имя собств.; Шабуур - şabur "терпеливый, выносливый", в татарском это слово используется также в качестве мужского имени (Баскаков, 1979, 57); Шагай - др. -тюрк. şığaj "бедный, неимущий" (ср., однако, бур. шагай "лодыжка, шиколотка; бабка"); Шалбаан - уйг. салпаң "лопоухий"; Шарииб - др. тюрк. şerif, sârif "достойный, благородный"; Шадаан (ж.) - др. -тюрк. şad, один из высших военно-административных титулов в Тюркском и Уйгурском каганатах; uluñ şad - имя собств.

Алагуи - др. -тюрк. ala "пегий, в яблоках" + уменьшительный суффикс ıı; Аадага, Аадаг, Аадхац, Ата, Атуут - др. -тюрк. at "лошадь, конь"; Алагтай - alıǵ "плохой" + taj "жеребенок; молодой конь"; Аргай - др. -тюрк. ar "рыжий, бурый, красноватый"; Ахяа, Ахуурга - др. -тюрк. aq "белый"; Аю (м., ж.) - тюрк. ajū "медведь" (Радлов, I, 1, ст. 223-224); Базаадай, Базаахан - тув. бызаа "теленок (до года)", ср. личное имя Бызай-оол; Баймээ - якут. байыма (разновидность рыбы); Балхай - Балхааб, Балхаан - тув. балык "рыба" + уменьшительный суффикс кай; Башхуу - др. -тюрк. baş "голова, глава, предводитель" + ку "лебедь" (Радлов, II, 1, ст. 883); Боохойн - др. -тюрк. boq "экскременты, навоз, помет"; Бутуухан, Боотой, Ботхой - др. -тюрк. butu, botu "верблюжонок"; Мамаан - др. -тюрк. тата "бык, находящийся в центре тока во время молотбы; другие быки движутся вокруг него"; Идлай - др. -тюрк. it "собака"; Мануу, Мануушка - др. -тюрк. manu "степная кошка"; Мархай - хак. морхай "неповоротливый", марха "пуговица" (толкования В.Г. Карпова), ср. бур. марха(гар) "большой, картошкой (о носе)"; Палаани (ж.) - тюрк. палаң "леопард", палан "калина"; Пахлаан - уйг. пахлан, диал. пақлан "ягненок по второму году"; Тарантай - тюрк. таратай "волчонок", по Н.Ф. Катанову, Тарантай - от таран + тай "художавый, сухой жеребенок (АУ, 1888, 77); Хазай (ж.), Хазуухай - др. -тюрк. qar "гусь"; Хайдар, Найдар - др. -тюрк. hajdar "лев"; Пойбо, Хойбон, Хойло - др. -тюрк. goi "овца"; Хонгой, Хонзо - др. -тюрк. qon "овца", ср. бур. хонин(н) с тем же значением; Хужаг, Хужда, хужун - др. -тюрк. qoza, xoza "старый, старик"; Хужууэ - др. -тюрк. quzūn "ворон"; Хубдай - уйг. кув "лебедь" или кув "хитрый, лукавый, хитрец, плут"; Хундраан - уйг. qundar "бобр"; др. -тюрк. qunduz "бобр"; Пагли, паглихан (ж.) - уйг. saǵliq "овца", saǵliq "дойное животное", овца"; Пама, памнуу - уйг. қама "выдра, бобр" или др. -тюрк. qam "шаман"; Пандархай - др. -тюрк. qandir "сыромятная кожа, подготовленная для дубления"; ср. также бур. пандархай "развалившийся, разрушенный, прорванный, изношенный"; Ялнай - др. -тюрк. jylan "змея" или уйг. yal "грива", что менее вероятно.

4. Имена, омонимичные названиям предметов быта

Алсуутха - др. -тюрк. al "алый, ярко-красный" + süt "молоко"; Ахина - др. -тюрк. aqin "поток, струя"; Аандаг - др. -тюрк. andiǵ "обод (сита, решета)"; Балдуунаг - др. -тюрк. baldu "топор, секира"; Бэртээ - др. -тюрк. berdi "хлопчатобумажные нити, употребляющиеся при плетении циновок"; Боргол - тюрк. бурғул "крупа из пшеницы" (Радлов, IV, 2, ст. 1820); Барба - тоф. barba "вьючная сума" (Рассадин, 1971, 159), тув. барба "кожаный вьючный мешок", якут. марба "кожаный мешок"; Бартаан, Бартнай, Бартахан - др. -тюрк. bart "сосуд, кубок"; Биртагар - др. -тюрк.

bir "один" + tagar "мешок, торба"; Бахи, Бахидай - др. -тюрк. baqi "постоянный, вечный"; Бээхи - др. -тюрк. bez "железа, бубон" или bez "материя, ткань"; Бухтай - др. -тюрк. boxtaj "узел с одеждой"; Бахан - др. -тюрк. baqan "кольцо (металлическое)", altun baqan "золотое кольцо"; Бахар, Бахаруу - др. -тюрк. baqir "медь", baqir soqim "Марс"; Бөөдээ - др. -тюрк. bögdä "кинжал"; Бүжэхи - др. -тюрк. büz, böz "хлопчатобумажная ткань", ср. Бүсээ - монг. бес, бус(эн), бур. бүһе, бэһе "пояс, кушак"; Бужаа, Бужиги, Бужидай, Бужнай, Бизнай - др. -тюрк. buz "лед"; Бардали, Бартаан, Бартанай, Бартхан - др. -тюрк. bart "сосуд, кубок"; Буурга (ж.) - уйг. бурга "бурав, сверло, штопор"; Батла - уйг. потла "серезки из серебра"; Балээ - уйг. валлей "чижик (детская игра)"; Бута - уйг. бута "тигель", ср. также венг. buta "глупый, неумный, тупой", бур. бута "кочка; куча, кучка; муравейник"; Данай - др. -тюрк. dana "знающий, ученый, сведущий, мудрый, мудрец"; dana "гранат"; Лэвээн - др. -тюрк. lävñ "скрижаль, доска для писания"; Мантуу - др. -тюрк. mandu "винный укус особого приготовления"; Миитэн - уйг. митин "лопата"; Мазай - уйг. моза "шапка", мозай "теленок"; Притрамаан, Питрай - уйг. нитра "дробь (ружейная)"; Потаан - уйг. пота "кушак, пояс"; Тобоноон - др. -тюрк. top "шар. мяч"; Тадаан - уйг. tada(r) "мешок"; Туртаан - тюрк. туртан "шуба" (Радлов, III, 2, ст. 1460); Тэшэн - уйг. тешиң "стальной трос"; Хааба - др. -тюрк. qar "сосуд, мех, бурдюк, мешок"; Хаахай - др. -тюрк. qa "сосуд, посуда"; Хурзан - др. -тюрк. qur "пояс, кушак"; Хоһой - др. -тюрк. qoq "пыль, прах"; Хадаан - уйг. каған "большая корзина для сушеных фруктов, перен. "старуха, старый", ср. также уйг. хада "жердь, шест, багор"; Палхан - др. -тюрк. qalqan "шит"; Пангажан - др. -тюрк. qanqa "повозка, телега", Qanqalu - имя собств., Шадаан - уйг. шада "спица колеса, стебель хлопчатника"; Шапхай - уйг. шап "гвоздь", шап "кинжал", ср., впрочем, бур. шапхай хорхой "насекомое", Шоодор - тюрк. шоо "горячий уголь" (Радлов, IV, 1, ст. 1022) + суф. мн. ч. -дор; Шубууг - тюрк. шүбөк "трубка, через которую стекает моча ребенка" (Радлов IV, 1, ст. 1113-1114), ср. также бур. шубууг "чубук"; Шүтэг - др. -тюрк. šütük "изделие из полых рогов крупного рогатого скота". šütük sagal "редкая козлиная борода".

5. Имена, омонимичные названиям растений

Бугдай, Буудгай - др. -тюрк. buɣdaj, budɣai "пшеница", buɣdaj baši "созвездие Девы", ср., впрочем, эвенк. бугуды "олень с белой полоской на носу; пегий, пестрый; кличка оленя (самца, самки)"; Гульжаахай (ж.) - др. -тюрк. gūl "цветок, роза"; Буйдан - уйг. буй "тарантул"; Даанай - др. -тюрк. dana "гранат" или dana "знающий, ученый, сведущий, мудрый, мудрец"; Дадуу - уйг. даду, дадур "конские бобы"; Лёнхобо - др. -тюрк. (из кит.) denxua "цветок лотоса, лотос", ср. бур. лит.-книжн. линхобо "лотос", линхобо сэсэг "кувшинка"; Мандраан, Мандар-

хаан, Мандри - др. -тюрк. mandar "выющееся растение", ср. mandarak (скр.) "растение"; Талгаан - др. -тюрк. tal "ива, тальник, ивовый прут"; Ходоон - уйг. qodun "дыня"; Пагальхан - др. -тюрк. qaçal "прут"; Шөне - др. -тюрк. šenük, čünük, šünük "чинар, платон восточный", ср. у В.В. Радлова шөн гөллө "какой-то цветок" (Радлов, IV, 1, ст. 1040).

6. Имена, омонимичные названиям металлов, камней

Бахруу - др. -тюрк. baqir "медь", baqir soqim "Марс" или бақыр "мера веса; денежная единица"; Буртар - др. -тюрк. burta "тонкие золотые пластинки, применяемые для украшения"; Ирбан, Ирилдээ, Иринсээ - др. -тюрк. ir "камень"; ir, er "бурав"; Хаашаан - др. -тюрк. qaş "минерал, нефрит", Qaş (скр.) - имя собств.; Һатар - др. -тюрк. sata "коралл", Sata, Sada - имя собств.

7. Имена, омонимичные названиям небесных тел

Айбаа, Айсуу, Айхай, Айхан - др. -тюрк. aj "месяц, луна" или aj "шелковая ткань оранжевого цвета"; Бушлан, Бушхай, Бушуун, Бушхан - др. -тюрк. buş, ruş (скр.) "одно из 28 созвездий лунного зодиака, звезды... созвездия Рака", ср. Buşaçu - имя собств.; Моло, Молон, Моллоон - др. -тюрк. mul (скр.) "одно из 28 созвездий лунного зодиака"; Нахидхан (ж.) - др. -тюрк. Naqid "планета Венера"; Унгай - др. -тюрк. onçaj "Юпитер"; Хүнгээ, Хүнхөө - др. -тюрк. kün "светило, солнце", Kün - имя собств. Сюда же относим имена Нурбаа, Нурлай, Нуртай, Нурхай, Нуршай - уйг. нур "сияние, свет, луч", др. -тюрк. nur "свет, сияние"; возможно, имя Муршаабал представляет собой результат мены начального "н" на "м" в имени Нуршаабал. Шухурта, Шухэртэ - др. -тюрк. šükür (скр.) "планета Венера"; ср. также Шукур "благодарный, воздающий", встречающиеся в восточных языках (Гафуров, 1971, 238), Шакир - "благородный, драгоценный, добрый, признательный" (Жанузакон, 1974, 127).

8. Имена, образованные от апеллятивов различных лексико-семантических групп

Абзай - видимо, восходит к одному из имен, популярных среди многих народов Востока; туркм. Овез, азерб. Эйваз, узб. Авез. Фамилия знаменитого мариниста Айвазовского первоначально была Айвазян, что означает "сын или потомок Айваза". Такая распространенность имени объясняется тем, что Аваз - любимый персонаж народного эпоса "Кер-Оглы", известного у большинства народов Кавказа и Средней Азии. Происходит это имя от арабского слова авад (в персидском произношении аваз) - "замена". Так называли сына, родившегося после смерти предыдущего ребенка (Гафуров, 1971, 34). Бурятское

имя Абзай близко к персидскому аваз. Звуковые изменения объяснимы: губно-зубной "в" закономерно перешел в губно-губной "б", поскольку в бурятском языке нет звука "в"; перед суффиксом -ай выпал гласный "а". И в семантическом плане нет противоречия: у части бурят принято называть новорожденного именем умершего. Так, в семье С. девочке дали составное имя Ринчин-Ханда, первый компонент которого был именем умершего старшего брата. Аналогично, видимо, образование имени Агаал - тюрк. аға, ср. бур. аха "старший брат".

Агруун - ср. тюрк. оғрук "спрятанный, тайный" (Радлов, I, 2, ст. 1021); Агша [ахша] - тюрк. ақша "монета, деньги"; Бахла - др. -тюрк. baḫil "скряга, жадный"; Бахта - др. -тюрк. baḫt "счастье", перс. бәхт "судьба, счастье", каз. Бакыт, которое может входить в состав сложных имен: Бахитжан, Бакиткерей, Бактибек (Жанузаков, 1974, 36); Боогой, Боохой - др. -тюрк. boq "экскременты, навоз, помет"; Емөе - др. -тюрк. jetäk, одно из тюркских (кыпчакских) племен; Еохой - др. -тюрк. joq "нет"; Жан - др. -тюрк. jan "душа, дух, жизнь", входит в состав сложных имен: Амаржан или Амаржаан, Ахаржаан, Хабхаржаан (ж.); Магваан, Магсар - др. -тюрк. maḫ "слава, хвала", maḫ "луна", maḫa "змея" (ср., впрочем, бур. магтаал "хвала, восхваление, прославление"); Мантаалай - др. -тюрк. mantal, mandal (скр.) "магический заколдованный круг, фигура"; бур. мандал - устар., рел. "медное плоское блюдо, тарелка", перен. "алтарь"; Марсай - др. -тюрк. скр. mar, рел. "наставник, вероучитель"; Мураад - тюрк. murad, mürad "желание, цель; желанный", ср. личное имя Мурад, Мурат (Гафуров, 1971, 208); Нухлай - др. -тюрк. nuḫ, имя собств.; коранический пророк Нух; Онхон - др. -тюрк. on "десять", оң "удел, доля", оң - кит. "ван": оң tutuq "чин, должность"; Соодой, Соосхо, Сооти - тюрк. so "большой бурак для жертвенной браги" (Радлов, IV, 1, ст. 512), со, по-сагайски "боярышник" (Аристов, 1896, 290, сн. 1), со "название владения (рода)" (Аристов, 1896, 281). Слово, созвучное данной антропооснове, встречается и в исторической литературе. Например, монгольский историк Сүхбаатар в соуто выделяет со со значением "сүлжих" (1971, 130-131), что можно перевести "плести", и тоу - "толгой", т.е. "голова". Наконец, ср. кит. со, sua "замок, кандалы" (в ДТС so).

Тармахан - др. -тюрк. tarmaq "лапа, когти", фразеол. qarḫaq tarmoqi "название растения"; Татаан - др. -тюрк. tat "чужеземец, иноплеменник", tat или tut "ржавчина"; Хисхин - др. -тюрк. qis, qiz "девочка, девушка, незамужняя женщина", qiz "дорогой, драгоценный"; Хилтуг - др. -тюрк. keldük "приход"; Шараб - уйг. ṣarap "вино, питье"; Ямсай - др. -тюрк. jam "сор, соринка"; jamčur - имя собств.

На этом закончим описание тюркизмов в бурятском антропонимиконе. Но вместе с тем необходимо заметить следующее. В наших тюркских материалах часто встречались арабизмы и очень редко - персизмы. Как бы в некоторое восполнение пробела приводим отдельные имена с апеллятивными основами, восходящими к персидскому языку. О сношениях монгольских племен с персидскими племенами свидетельствует наличие общих апеллятивов: кач., ласкат. ажрай "чертенок" -

перс. эджирай, эджирайе "исполнительный"; кач. дэмнэхэ, дэм гэхэ "тужиться при родах" - перс. дәм "дыхание, вздох"; бур. этигэл "доверие", устар. "поверье, верование", письм. -монг. itegelzi "вера, верность, достоверность", itegelzitei "верный, достойный веры" - перс. эттекал "надежда, упование; доверие; ручательство".

Приводим некоторые бурятские личные имена, которые, как нам кажется, восходят к персидским апеллиативам:

Ариха (ж.) - перс. ари "нагой, обнаженный, голый; свободный, искренний"; Асалхан - перс. āsāl "медь"; Горноо - перс. гор "бормотание, ворчание, ропот"; Дарээ - перс. дарай "звонко, колокольчик" или горре "ременная плетть; бич", горре "жемчужина, перл"; Дүбээшхэ - перс. дйе "баржа"; Палаани - перс. палан "вьючное седло"; Ботхой (ж.) - перс. потк "кузнечный молот"; Памтии - перс. панти "дрянной"; Нартуу - перс. хәр-гул "богатый"; Шада, Шадаан (ж.), Шадай - перс. шад "веселья, радостный" и др.

§ 2. ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРИЗМЫ

И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Исторические контакты монгольских имен с тунгусо-маньчжурскими общеизвестны. Примеры заимствований: Амай - эвенк. иносказ. амаа "медведь"; Ангабай - эвенк. анга "зверь (на которого охотятся для мяса)"; Арбали - др. -тюрк. ar, ar "рыжий, бурый, красноватый" + эвенк. бали "слепой", ср. бур. Балез, Балихай, Балиихан (ж.); Асхай - маньч. асха "крыло (птицы и насекомых); пернатый"; ср., впрочем, др. -тюрк. as, as, az "горностай", as "прозвище (для рабынь)"; Атарай - эвенк. атарā (< якут.) "острога"; Ая, Аяан - эвенк., тув., якут. ая, тоф. aja "самострел" (Рассадин, 1971, 152). Багдуй - эвенк. багда "белый, побелевший (от мороза)"; Баглай - вагла, название ороцкого рода; ср. также др. -тюрк. bag "оковы, узы", бур. баглаа "связка, пачка, кипа; пучок; куча; гроздь" (последнее представляется менее вероятным); Барта - эвенк. барта "бутылка", др. -тюрк. bart "сосуд, кубок"; Басай - улч. басај басаку "нежный, изнеженный, избалованный"; Биляа - нан. била (разновидность чебака); Бооной (м., ж.) - эвенк. бона "град, мелкий снег, снежная крупа"; Бубуу - маньч. бубу баба, буфуэи "невнятно, неразборчиво (говорить)", ср. письм. -монг. bübüne - "бормотать", а также кирг. бүбү "шаманка"; Бүдии (ж.), Бүүдии - эвенк. бугди (бүхуди, буди) "пестрый, пегий (о масти животных)"; Бужнай, Бизнай - маньч. бозина кэјрэ "темно-гнедой, черногривый", ср. др. -тюрк. bužin "черемича (бот.)"; Буурга (ж.) - эвенк. бурга "вьюга, пурга (в горах)", бурга "неопытный, неумелый", ср. маньч. арга бурца, аргилан бурга, аржан бурга "ивняк"; Бутуунаг - эвенк. бутун "ширококрылый жук"; Билаан - нан. била (название рыбы); Боогой - улч. бб(н-), нан. бб "древко стрелы"; Борой - эвенк. боре "баран", ср. бореј "бурят"; Буйрхан - маньч. бүјери (название плода); Габаа - маньч. габа "бляхи (железные, сзади на оплечье у лат)"; Гагаа, Гаагуу - эвенк. гах "лебедь (белый)", нан. баа "лебедь; гусь (домашний)"; Гэбээл -

маньч. Гэбэ "женщина"; Даажан, Даахан - эвенк. да "родственник по свойству, сват, сваты (отец, мать жениха); род, откуда берут невесту"; Дахан, Дахаан - эвенк. даха "занавеска, покрывка" или даха (мн. ч. от дан) "род, с которым были во взаимобрачных отношениях"; Ёлко - эвенк. јолко "сухощавый, худой", ср. письм. -монг. јоnqur "впалый (о щеках); глубоко сидящий (о глазах)"; ср. также ненецкое имя Ёнко; Зандраа - эвенк. Зандри "название соседних народов (кетов, селькупов, хантов)"; Зүүхээ - эвенк. Зукэ "лед, льдина"; Иильхэ - эвенк. илки "мышь", ср. также рус. Илька - от Илья; Ирбаг - нан. ирба "грязь, противный" (Справочник, 259); Мылээн - не является ли это имя отголоском чжурчжэньского слова mu-lin "лошадь"? В фонетическом плане такое обложение вполне возможно. Моодой - эвенк. моду "скупой, жадный"; Моодогой, Моодой, Моодоон - в тунг.-маньчж. языках мо "дерево"; Мухийдай, Мүхүүсээ - эвенк. муку ~ муку "кабарга", муку "чехол"; Мүхөөшэ - эвенк. мукэ "горбатый, горб"; Нахи - ороч. наки (название растения, травянистого, со съедобным корнем); Нилхай - эвенк. нели "нагрудник"; Ноной - эвенк. нонно "рысь"; Нугдай (ж.), Нутнай (ж.) - эвенк. нуга "лук (растение)"; ср. также монгол. нугу "козленок" (Тодаева, 1973, 352); Нэхэлээ - эвенк. нихи, сол. ники "утка"; Нээхээ - эвенк. нејкэ "вошка", ср. также кач. мээхээ "нежно любящий"; Нэлэгээ - эвенк. нээк, нээкэн "женская сумочка; мешочек"; Огдо - нан. окто "лекарство, порошок, порох"; Оной - якут. ок "стрела (с копьеобразным наконечником)", др. -тюрк. оқ "стрела"; Поодой - эвенк. пода "утка-турпан; утка-чернеть"; ср. сельк. рө "дерево" (Прокофьев, 1935); Портоо - эвенк. пурта "нож"; Шалбаан - эвенк. чалба ~ чалбан "береза"; Тумаан - эвенк. туман "десять тысяч", письм. - монг. tume(n) "тысяча; множество, большое число"; маньч. тумэн "десять тысяч, множество, тьма", бур. түмэ(н) "десять тысяч; тьма, бесчисленное множество", ср. бур. имя Түмэн; Таахаан - эвенк. таха "короб (берестяной)"; Табаха, Табхай - сол. табха "хвост (на поясе шамана)"; Тадаан - ороч. тада "стрела", орок. тада "стрела; наконец стрелы (железные)"; Уухан - эвенк. ухин "чирей, нарыв; опухоль с гнойничком"; Уба - ороч. упа "тесло (для выдалбливания лодки)"; Удуу - уд. удугу "небольшой кривой нож для вырезания орнамента"; Үбөөн, Үбөөхэн - маньч. убоо "пестрая морская раковина; драгоценности (раковины, обрашавшиеся в древности как монеты; название морского растения)"; Үбее, Үүдээ - эвенк. у, увэ "скребок (для соскабливания мездры)"; Хабтай - эвенк. хаптай "колдун, знахарь", ср. бур. хаба "сила, мощь, способность" + -тай (суффикс наличия признака); Хоршон - нан. қорцо, қоричи ~ қорочу "орех водяной"; Хохосог - нан. хоқо "лоза; кисть, гроздь винограда и т.д."; Хүтэн, Хүтээ - эвенк. хүтэ "ребенок, дитя"; Хуржун (Хуржум), микротопоним Хуржүүмэйн хада "гора (близ деревни Куржумова)" - ульч. хүрээ(н-) "сачок (для вычерпывания льда из проруби)", ср. также тюрк. күрәңи "делающий небольшие цепи"; күрәзә "колдун, знахарь, ворожей" (Радлов, II, 2, ст. 1452-1453); Һалуушка, Халуушка - маньч. х'алу "сетка, сумка, кошель; сеть (для сена)"; Пагдаан (ж.) - эвенк. һаһа "чуман (берестяной), короб (для продук-

тов), торсучок из бересты; чашка"; палхан (ж.) – маньч. хлхан "сошник", халхан "сапоги", эвенк. калахан "котелок", ср. также бур имя Халхаан – от халха(гар) "мешковатый"; Похой – эвенк. hokuj~həkyj "одежда (меховая без застежек, ненецкого покроя)"; Шаама (ж.) – эвенк. шајама "светловатый"; Шэрэн – маньч. шерин "забрало у шлема; золотое изображение будды на княжеской шапке, короне".

Приведем в заключение этого параграфа имена, созвучные элементам кетского, китайского, ненецкого, селькупского языков:

Бадара – нен. вадара "приемыш, питомец", ср. также др. -тюрк. badra; Выбылка – нен. вэбарка "белуха (морское животное)"; Дааруу – кит. dāru (книжн.) "образованный человек, умный", ср. также др. -тюрк. daru "лекарство"; Ёлхо – нен. имя собств. Ёнко, эвенк. јолко "худой"; Маа – кит. ма (ма) "лошадь, конь, конный", Ма (фамилия); это китайская форма общеалтайского слова *morin < morkin (Новикова, 1979, 67–68); Мадаас – кит. mādāz "переметная сума (у седла)", Мархай – кит. māg "лошадь, жеребенок; бумажная иконка", ср. бур. марха(гар) "большой, картошкой (о носе)"; Паанха – кит. pān (фамилия), ср. также маньч. панхай (< кит.) "рак (зоол.)", письм. -монг. pangxai (< кит.) "краб"; Танхитха – маньч. тан (< кит.) "береза (черная)", кит. тань "сандаловое дерево; черная береза", ср. также уйг. панхай "глухой"; Удай – кит. wō (у) "ворон; ворона; черный"; у (фамилия); Хоогой, Хоохон, хоожа – нег. хō (< кит.) "кувшинчик (медный, для водки)", кит. ху "чайник (для чая и вина)", ср. эвенк. хō "сила, сильный; очень"; Хоной – ср. кетское мужское имя Хоной (Дульзан, 1980, 8); Шиипаан – сельск. шира "утка"; Шинхээ – маньч. ши (< кит.) "ученый"; кит. ши "ученый, образованный человек"; Шээтээ – маньч. шэо тэб (< кит.) "украшение (голова животного на крыше)", кит. шюу тоу "украшение на крыше" (досл. "животное" + "голова"); Шээдүү – кит. shīz "лев"; Яхуунай – нен. Яхане-Яхане, имя собств.

* * *

Обзор заимствований из тюркских, тунгусо-маньчжурских и некоторых других языков позволяет прийти к следующим выводам.

1. Источниками антропооснов служат единицы тех же лексико-семантических полей, что и при образовании исконных бурятских личных имен (названия животных, их мастей, слова, обозначающие те или иные признаки человека, и т.д.).

2. Это дает основание полагать, что антропонимические заимствования в значительной части своей обуславливались действием обычая табуистической замены имен, что возможно только при условии практического владения лексикой языка-источника заимствующим народом (монголами, протобурятами, бурятами).

3. Иноязычные элементы освоены и грамматически, о чем свидетельствует суффиксация многих из них. Суффиксация иноязычных элементов (готовых имен или апеллятивных образований) послужила одним из источников расширения корпуса бурятского антропонимикона.

4. Следовательно, заимствование в области антропонимии, равно

как и в апеллятивной лексике, вызвано настоящей потребностью в новых единицах именовании индивидов. Однако отбор конкретных слов в антропонимии происходит на базе определенных этнографических и социально-исторических условий (явления табу, родственные, дружественные отношения между отдельными родовыми группами, семьями и т.п.).

5. Следует заметить, что разграничение отдельных созвучных исконных и заимствованных элементов в антропонимии сопряжено с определенными трудностями; особенно это касается тюрко-монгольских имен. Например, бурятское женское имя Шаргал может восходить к исконному бурятскому шаргал "соловый, белесый, палевый, соловая лошадь, Соловко", монгольскому шарга "соловый (о масти), палевый (о цвете)" с суффиксом -л или же к тувинскому чыргал "счастье". В таких случаях мы прежде всего описывали исконно бурятский (монгольский) элемент, а затем обращались к иноязычным источникам. Но встречались случаи, когда материал вынуждал автора располагать антропонимические источники в обратном порядке. С учетом этого в Приложении приводится перечень описываемых имен, что, как представляется, в какой-то мере облегчит читателю обзор материала.

§ 3. ТИБЕТСКИЕ ИМЕНА

Бурятские имена-тибетизмы по их апеллятивным основам впервые описал Ц.Б. Цыдендамбаев (1972), исследовавший 64 простых имен, пользуясь переводом Н. Жамбалсурэна (1961).

В наших родословных антропонимических таблицах зафиксировано 517 тибетизмов, из которых 194 простых мужских имени, 69 простых женских имен, 189 мужских сложных имен, 65 женских сложных имен. Кроме того, у нас имеются 18 бурятско-тибетских и тибетско-бурятских сложных имен.

Мужские простые имена

Среди простых мужских имен редкими (встречающимися от одного до четырех раз) являются 114 имен: Гонгор, Загда, Лодон, Лхасаран (или Пасаран), Лүдэб, Лэгдэн, Мэжэд, Жүгдэр, Ойдоб, Рабсал и др. По 50-60 раз встречаются имена Гарма, Гомбо, Дамдин, Данзан, Дугар, Жамбал, Сэдэб. По 60-70 раз встречаются имена Аюуша, Базар, Балдан, Сэбэг. Имена Буда (или Будан), Ошор встречаются по 90 раз, Сэрэн - 102 раза, Бадма - 154 раза, Доржо - 161 раз.

По семантике апеллятивных основ тибетизмы делятся на имена, образованные от названий дней недели, дней месяца, гениев-хранителей и отвлеченных понятий.

1. Имена, образованные от названий дней недели

Нима - от ni-ma "воскресенье; солнце, день".

В с. Верхний Ичетуй Джидинского р-на Бурятской АССР и с. Узон Читинской обл. зафиксированы также формы Ням, Няма. В наших материалах это имя повторяется 28 раз. Монгольское имя Ням (бур. Нима) входит в структуру 15 сложных имен: Нямбуу, Нямдаваа, Нямданзан, Нямдаш, Нямдорж, Нямдэндэв, Нямжав, Нямнямбуу, Ням-Осор, Ням-Очир, Нямрагчаа, Нямсамбуу, Нямцэдэн (Содном, 1964а).

Дабаа - от zla-ha "понедельник; луна" зафиксировано 27 раз. В монгольском языке Даваа входит в структуру 14 сложных имен: Даваадаш, Даваадорж, Даваажав, Давааням, Давасамбуу и др.

Мягмар - от mig-mar, mig-dmar "вторник" зафиксировано в с. Верхний Часучей Читинской обл. Имя Мягмар в монгольском языке входит в структуру двух сложных имен: Мягмаржав, Мягмарсүрэн.

Имя по названию "среда" нам не удалось обнаружить. Оно должно было бы звучать Лхагба или Лхагва - от lhag-pa "Mercury" (Krueger, 1956, 84). В монгольском языке оно обнаружено как простое имя и в составе сложных имен: Лхагваа, Лхагвадорж, Лхагвасүрэн, Лхагвацэрэн.

Пүрбэ - от pür-bu "Юпитер"; "четверг" (Krueger, 1956, 84) или пүрбү "род кинжала" (Позднеев, 1887, 399) зафиксировано 23 раза. В монгольском языке оно входит в структуру 8 сложных имен: Пүрэвдаваа, Пүрэвдорж, Пүрэвжав, Пүрэвсүрэн, Пүрэвцэрэн и др.

Баалан - ср. тиб. pa-sans "Venus" (Krueger, 1956, 84) зафиксировано в с. Холбоот Баяндаевского р-на Иркутской обл., где раньше функционировал Кырменский дацан. Имя Баваасан, близкое по звучанию к данному тибетскому слову, встречается в Джидинском р-не Бурятской АССР. В монгольском языке Баасан входит в структуру двух сложных имен: Баасанжав, Баасанчоймбол.

Бимба - от spen-pa "суббота; сатурн". Зафиксировано 12 раз. В монгольском языке входит в структуру четырех сложных имен: Бямбадаш, Бямбадорж, Бямбажав, Бямбацэрэндорж.

2. Имена, образованные от названий гараков (дней месяца)

У буддистов самый распространенный способ именованя - по так называемым пяти гаракам, на которые разделяются в буддийской астрологии все числа месяца. Каждый гарак имеет особое название, которое и дается новорожденному как имя, в зависимости от того, в какой день месяца он родился (Позднеев, 1887, 416, 486). Младенцы, родившиеся 1, 6, 11, 16, 21, 26-го числа каждого месяца нарекаются именем Дорджи (бур. Доржо) - от rdo-rje "драгоценный камень, алмаз". Родившиеся 2, 7, 12, 17, 22, 27-го числа получают имя Ринчин "драгоценный камень"; 3, 8, 13, 18, 23, 28-го числа - Бадма - от padma "цветок"; 4, 9, 14, 19, 24, 29-го числа - Лийчжий; 5, 10, 15, 20, 25, 30-го числа - Санчжи (Позднеев, 1887, 416-419).

При достаточной частотности имен Доржо, Ринчин, Бадма, Санжа имя Лиджий в родословных антропонимических таблицах бурят не обнаружено. Оно не зафиксировано и в монгольском языке. В калмыцком антропонимике встречается отчество, образованное от этого имени, — Лиджиевна, Лиджиевич.

3. Имена с семей "бог, могущественный, покровитель"

Абида — "бурхан" (Позднеев, 1887, 312); Арьяа — "Ария бало бурхан" (Позднеев, 1887, 48); Аюша — "бурхан"; Банзарагша (Банза — Ракша) "молитва, читаемая над младенцем, родившимся в кулил "стихии неба" (Там же, 414): кулил — это название стихий (огня, земли, железа, неба, воды, гор, дерева, воздуха), по которым определяется день, причем каждому кулилу соответствует чтение особых молитв (Там же, 414—415); Буда — "Будда"; Бүтид, Бүтэд — bu-khrid "ведущая сына"; Гомбо — mgom-po "защитник, правитель; докшит"; Ваанжил — dban-rgyal "победитель могущественный"; Гэндэн — dge-dun букв.: "друг, добродетель, монах"; Данзан — bstan-'jil "правитель веры"; Долгор, Дулгар — sgrol-dkar "Белая Тара"; Должон — sgrol-skyon "Тара-хранительница"; Дулма — sgrol-ma "богиня Тара"; Жамбал — 'jam-dpal "Маньчжури"; Жамсаран — lcam-srin "бог войны Чамсран" Жигжит — монг. Чжигжит "гений-хранитель в монастыре Барун-хүре" (Там же, 12); Молоон — ср. Молон тойн "один из старейших учеников Шигэмуния, занятый делом спасения своей матери, носещал все царства мира, в которых возрождалась его мать" (Там же, 72); Намсарай — nam-sras "северный гений-хранитель религии Намсарай" (табуистическая форма Жалсарай); Осор — od-ser "испускающий свет"; Ханда (ж.) — mkha-'gro, букв.: "идушая по небу". Сюда же относим имя Сэнгэ — скр. sin-ha "лев".

4. Имена, образованные от признаков слов

Балдан — dpal-ldan "превосходный"; Галдан — dga-ldan "счастливый"; Дарба — dag-pa "чистый"; Жибзема (ж.) — rje-btsun-ma "благородная женщина"; Жэгмэд — yi-g-med "неразрушимый, не подверженный тлению"; Лодон — blo-ldan "умный"; Лубсан — blo-bzan "хороший ум"; Пүнсэг — phun-tshogs "совершенный, полный"; Сэдэн — tshe-ldan "полный жизни; долголетний"; Шэмэд — shi-med "бессмертный".

5. Имена, образованные от слов, обозначающих отвлеченные понятия

Галсан — bskal-bzan "период появления (Будды)"; Дамдин — "гимн в честь докшита Хаягрива" (Позднеев, 1887, 282); Дампил — bde-'phel "расцвет счастья"; Даша — bkra-'sis "благоденствие,

счастье"; Дэлэг - bde-blag "счастье, благополучие"; Дэмбрэл - rten-'brel (скр.) "взаимосвязь, взаимообусловленность"; Еше - yi-'ses "трансцендентная мудрость"; Ёндон - yon-tan "добрые качества"; Жалсан - rgyal (скр. dhvadja) "знак победителя" (Там же, 37-38); Ойдоб - dnos-grub "чудотворство"; Сандан - dsan-gtan "созерцание; размышление"; Содбо, Зодбо - dzod-pa "прощение; терпение"; Сэбэг, Цэбэг - tshe-dpag "предел жизни"; Сэдэб, Цэдэб - tshe-grub "свершения жизни"; Сэмбэл, Цэмбэл - tshe-'phel "процветание"; Сэрэн, Цэрэн - tshe-rin "долгая жизнь, долголетие"; Сэрмаа (ж.) - tshe-rin-ma "долголетняя"; Шараб - ses-rab "премудрость"; Шойнхор - чойнкор-дуйзан "праздник проповеди" (Там же, 284); Хангаал - монг. хангаал "докшицкое служение" (Там же, 283); Ганжуур - γanjiur "перевод наставлений (Будды)"; Данжур - bstan-gyur "перевод учений религии"; Дугар - tog-dkar "вершина белая"; Убаша, Убшан, Убаши, Убуша - "первая степень посвящения" (Там же, 112, 116-120); Ху-бараг - "духовное лицо" (Там же, 84).

Сложные мужские имена

Сложные мужские имена в бурятском языке двухкомпонентны, тогда как в монгольском языке они могут состоять из пяти-шести простых имен. Перечислим самые распространенные модели.

1. Модель с конечным элементом -жаб ("спасение"); в качестве первого компонента в ней встретились имена - Бадма (6), Базар (4), Балдан (3), Бимба (1), Буда или Будэ (23), Гарма (7), Гомбо (11), Гонниг (2), Дабаа или Даваа (1), Дамдин (3), Дари (6), Даши (2), Дугар (10), Дэлгэр (1), Еше (1), Лай (1), Лама (4), Чой или Шой (5), Лхама (5), Нима (1), Ошор (2), Санжи (1), Сэбэг (1), Сэбээн (2), Сэдэн (5), Шагдар или Чагдар (1), Шойжо или Чой (2).

Этот компонент может следовать и за именем нетибетского происхождения, например: Пама-жаб, в котором пама представляет образование от уйгурского кама "выдра, бобр" (Наджип, 1968).

Продуктивность элемента -жаб, восходящего к имени Жаб - "спасение", вполне семантически обусловлена, особенно в постпозиции к таким именам, как Буда "Будда"; например: Буда-жаб "Будда-спаситель", Дугар-жаб "Вершина белая спасительница", Лама-жаб "Лама-спаситель", Гомбо-жаб "Защитник, покровитель-спаситель"; Бадма-жаб "День-спаситель", Балдан-жаб "Превосходный спаситель"; Дабаа-жаб или Даваа-жаб "День-спаситель"; Дамдин-жаб "гимн Хаятгривы-спаситель" и т.д. Если иметь в виду, что -жаб часто встречается и в женских именах, то можно констатировать, что в современном бурятском антропонимиконе он представляет собой суффикс; иными словами, -жаб потерял свою семантическую связь с аппеллятивом жаб "спасение".

2. Модель со вторым компонентом - Доржо "алмаз", а также "гарак, включающий 1; 6, 11, 16, 21 и 26-е число месяца"; в ка-

честве первого компонента в ней выступают имена Бадма (1), Бал (2), Балдан (6), Галсан (2), Гоончик (1), Гэнин (1), Дагба (2), Данзан (1), Даша (4), Дэмбрэл (1), Жигжит (1), Лубсан (2), Намжал (1), Ринчин (3), Санжи (1), Мижид (1), Содном (1), Сэбэн (1), Сэрэн (40), Шараб (1), Шэмэд (9).

Здесь также наблюдается логичное сложение имен по семантике, например: Сэрэн-Доржо "Долголетие-день" в смысле "день, дающий долголетие"; Шэмэд-Доржо "Бессмертный день"; Лубсан-Доржо "Хороший ум + день" в смысле "день, принесший дитя с хорошим умом".

Но часто такой семантической согласованности нет; ср. Ринчин-Доржо, где Ринчин - "гараж, включающий 2, 7-й и т.д. дни месяца". Очевидно, что это имя уже не обусловлено семантикой составляющих его компонентов.

3. Модель со вторым компонентом Нима "воскресенье"; первый компонент - Балжи или Бальжи (22), Дабаа (1), Дамби или Дамбии (5), Доржо (1), Дугар (1), Лубсан (1), Шараб (1), Чойжи (1). Здесь интересны два примера. Доржо-Нима - вполне логичное сочетание в смысле "родившийся в воскресенье в 1, 6-й и т.д. день месяца". Сочетание же Дабаа-Нима не логично, так как Дабаа - "Понедельник", а Нима - "Воскресенье".

4. Модель со вторым компонентом Даша "Благодеяние, счастье": Галсан-Даша "Период появления (Будды) - благоденствие, счастье"; Лубсан-Даша "Хороший ум - счастье"; Сэрэн-Даша (13) "Долголетие - счастье". Здесь все сочетания семантически непротиворечивы.

5. Модель со вторым компонентом Сэрэн (или Цэрэн) "долголетие"; первый компонент - Бадма (11), Буда (1), Дабаа (1), Дамдин (1), Дари (2), Даша (8), Дугар (5), Лубсан или Лобсон (1), Нима (1), Ханда (1), Шай (1), Шэмэд или Чэмэд (2). Здесь все сочетания логичны, поскольку Сэрэн означает "долголетие".

6. Модель со вторым компонентом Дагба (или Дагва) "чистый"; первый компонент - Дабаа (2), Дэмэд (1), Жамьян (1), Норзон (1), Чойжи (1). Апеллятивное значение имени Дагба - "чистый" - допускает сочетание с любым простым именем.

7. Модель со вторым компонентом Дамба: Сэдэн-Дамба (4), Балдан-Дамба (1) и Лаа-Дамба (1), где Лаа, видимо, сокращенная форма от Лама. Эти сочетания также непротиворечивы: Дамба - "имя шигэмуня, когда он был бодисатвою в царстве тэнгриев (Тушита)" (Позднеев, 1887, 285), Балдан - "превосходный", Сэдэн - "долголетний".

8. Модель со вторым компонентом Дондог (менее частотные компоненты далее приводим без указания значений апеллятивов); первый компонент - Даша (13), Лубсан (1), Сэдэн (2), Сэрэн (3).

9. Модель со вторым компонентом Базар; первый компонент - Гүрээ или Гуроо (3), Дари (1), Дарма (2), Жамбал (1), Лубсан или Лобсан, Ринчин (1), Сэрэн (5), Шири (1).

10. Модель со вторым компонентом Сада (Зада, Зади); первый компонент - Абар (1), Базар (2), Гарма (1), Дугар (1).

11. Модель со вторым компонентом Ханда; первый компонент - Бадма (1), Ринчин или Риншин (2), Сэбэг или Цэвэг (2), Сэрэн (1).

Имя Ханда, апеллятивное значение которого "идушая по небу", вполне логично сочетается с именами Бадма и Ринчин (названия гараков), а также с Сэрэн ("долголетие"), однако семантически не совместимо с Сэбэг ("предел жизни").

12. Модель со вторым компонентом Жамса, Жамсан "море": первый компонент - Галсан (1), Дондог (1), Еше (1), Ендон (1), Содбо (1), Шой (2), Шүлтэн (1).

13. Модель со вторым компонентом Гомбо: Балдан-Гомбо, Жамьян-Гомбо.

14. Модель со вторым компонентом -бал, -бол: Сэдэн-бал, Шоймбол.

15. Модель со вторым компонентом Дабаа: Даша-Дабаа, Лопсон-Дабаа, Шойжо-Дабаа.

16. Модель со вторым компонентом Даша: Абида-Даша, Базар-Даша, Дондог-Даша.

17. Модель со вторым компонентом Еше: Сэдэн-Еше (7).

18. Модель со вторым компонентом Дарма: Буда-Дарма, Гүр-Дарма (5).

19. Модель со вторым компонентом Гэрээ (Гүрөө): Базар-Гүрөө, Нима-Гүрөө.

20. Модель со вторым компонентом Рабдан: Даша-Рабдан, Цэбэ-Рабдан.

21. Модель со вторым компонентом Самбуу: Дабаа-Самбуу, Нима-Самбуу, Сэнгэ-Самбуу.

22. Единичные модели (компоненты не повторяются): Дабаа-Гарма; Дамба-Арабжаа; Дамба-Рабжан; Сэндэ-Аюуша; Дари-Бизьяа; Шүлтэм-Гомбо; Дамба-Дугар; Сэрэн-Дулгар; Дори-Долгор; Балдан-Дугар; Даша-Норбо; Санжа-Мэтэб; Шараб-Нимбуу; Буда-Радна; Гооншог-Сэнгэ; Лубсан-Гарма; Лубсан-Шэмэд.

23. Модели композитов с первым повторяющимся элементом:

а) модель с компонентом Даша: Даша-бал (2), Даша-Балбар, Даша-Балсан;

б) модель с компонентом Сэрэн: Сэрэн-Ваанчик, Сэрэн (или Цэрэн)-Галдан, Сэрэн-Гарма, Сэрэн-Дари, Сэрэн-Дондоб, Сэрэн-Дэлэг (2), Сэрэн-Еше, Сэрэн-Жамса;

в) модель с компонентом Цээ; видимо, он восходит к имени Цэнде как его сокращенная форма. Такое сокращение имен характерно для монгольского языка: Гаадан → Гаа, Долгор → Дол, Дулмаа → Дуль (или Думаа), Жагдал → Жагаа, Жанчив → Жанжаа, Лувсан → Луу, Пунцаг → Пун, Санжаа → Сан, Цэнд → Цээ (Содном, 1964а, 63). Это один из способов табуистического видоизменения личных имен. Примеры с Цээ: Цээ-Бата, Цээ-Дамба, Цээ-Даша, Цээ-Жаб.

Бурятско-тибетские имена в наших материалах представлены в ограниченном количестве: это только что приведенное Цээ-Бата, а также Бабуу-Жаб, Бата-Жаб (3), где Бата - "надежный, верный, настоящий"; Баяр-Жаб, где Баяр - "радость, веселье", Бата-Сэрэн (4), Мархай-Жаб ср. марха(гар) "большой, картошкой (о носе)"; Далба-Доржо - далба(гар) "широкий (о лице)"; Мүн-Жаб, ср. Мүнхэ "веч-

ный" (записано в форме Мун-Джап - с. Верхний Ичетуй Бурятской АССР).

Тибетско-бурятские композиты: Гүрөө-Баяр, Жалсаб-Цокто (цокто или согтой - "с огоньком, с искоркой; живой, жизнерадостный"; Жалсаб - видоизмененная форма имени Жалсан); Нима-Баяр, Цэдэнбал (ср. тюрк. bala "ребенок, дитя").

Женские имена

Специальных принципов образования женских имен в буддийской астрологии не существует; однако ламы пытались имена девочек как-то отличать от имен мальчиков. Об этом свидетельствует А. Позднеев; например, мальчику и девочке, родившимся в один гарак, скажем 1-го числа какого-то месяца, лама дает разные имена: мальчику - Дорджи, а девочке - Очир (Очир - монгольское звучание Дорджи). Но последнее в бурятском именнике закрепилось не как женское, а скорее как мужское. Родившемуся 2-го числа мальчику дается имя Ринчин, а девочке - Эрдэни, имеющее то же самое значение, что и Ринчин ("драгоценный камень") (Позднеев, 1887, 417-418). Однако и Эрдэни в бурятском языке не закрепилось как женское имя; вообще, имена по названиям дней недели и гараков функционируют у бурят как мужские, хотя некоторые из них все же давались девочкам. Особенно это явление распространено у бурят Тункинского р-на Бурятской АССР. Приведем некоторые женско-мужские имена представителей старшего поколения восточных бурят: Бимба, Буда, Гарма, Дарма, Надмид, Намжал, Пагма, Самбуу, Сэбэг, Сэбээн, Дугар и др.

Есть имена, которые осознаются бурятами как сугубо женские: Бальжид, Балжин, Бүтэд или Бүтид, Дари, Должод, Дулгар или Долгор, Дулма, Дулсан, Дэжэд, Дэдчин, Жалма, Мэдэг, Норжимо или Норжимаа, Сэмжэд, Ханда и др.

Упомянутые в третьей главе суффиксы -маа и другие могут образовывать женские имена как от мужских, так и от женских же имен тибетского происхождения. При образовании женских имен от мужских нередко происходит фонетическая деформация последних, например: Санжа - Санжидмаа; Сэндэ - Сэлдэмаа; Сэрэн - Сэрмаа, Сэрэмаа, Сэрэгмаа, Сэрэмжэд, Сэрэмжээ; Намжал - Намсалмаа; Даша - Дэшэгмаа и Дашамаа; Ринчин - Ринчимаа; Жигжид - Жигжимаа.

Как видим, происходит изменение основ мужских имен при образовании от них женских: выпадение конечных согласных, мена согласных, изменение сингармонического ряда. Однако нередко образования женских имен от мужских и без изменения основ: Намжал - Намжалмаа, Дугар - Дугармаа, Гэлэг - Гэлэгмаа, Ошор - Ошормаа, Гээл - Гээлмаа, Гээл, видимо, представляет собой табуистическую форму имени Гээлэг.

Видоизменение основы встречается и при образовании женских имен от женских же в двух вариантах:

а) при наращении суффикса: Дари → Дариима; Санжа → Санжаа-жаб; Должод → Должимаа; Сэндэ → Сэлдэмаа; Цэмжэд → Цэнжэдмаа;

б) мена конечных согласных или слогов, которая проявляется как суффиксация: Намжал → Намжат, Дулсан → Дулжан, Даша → Дашаг, Сандан → Сандаг. Суффиксацию и фонетические изменения оснoв, вероятно, можно толковать как фонетико-морфологическое усвоение тибетизмов в бурятском языке.

Сложные женские имена

1. Модель со вторым компонентом Дулма; Сэрэн-Дулма (26) "долголетняя богиня Тара". Иногда Дулма занимает начальную позицию: Дулма-жаб, Дулма-Сэрэн (или Сүрүн).

2. Модель со вторым компонентом Ханда; первый компонент - Буда (1), Гарма (1), Гэнин (1), Доржо (2), Радна (1), Ринчин (5), Сэрэн (9), Шэмэд (1).

3. Модель со вторым компонентом -жаб; первый компонент - Галсан (1), Дари (2), Долгор (2), Дулма (2), Сэбэг (1), Ханда (6).

Единичный случай - сочетание женского и мужского имен: Сэндэ-Аюша. Компонент Дари может занимать начальную и конечную позицию: Дари-Дулма, Буда-Дари (Буда - мужское имя).

Как видим, частота компонентов мужских и женских неодинакова от модели к модели.

В женских сложных именах наиболее частотными являются компоненты Дулма и Ханда, занимающие, как правило, второе место. Например, имя Сэрэн-Дулма встретилось 25 раз, Сэрэн-Ханда - 9 раз, Ринчин-Ханда - 4 раза, Доржо-Ханда - 2 раза. И в мужских, и в женских сложных именах чрезвычайно частотным является имя Жаб. В наших примерах оно повторилось только в позиции второго компонента в женских именах 11 раз, в мужских - 114 раз.

Фонетическая деформация, суффиксация тибетизмов, сочетание их с бурятскими именами в пределах сложных имен говорят об активной фонетико-морфологической адаптации их в бурятском языке; следовательно, тибетизмы вошли в живую ткань антропонимикона бурят. Они давно утратили свою религиозную окраску, что подтверждается и многочисленными примерами упрощения сложных имен в речевой практике, например: Цырен-Дулма упрощается в Дулма, Цыбикжап - в Цыбик, Даша-Нима - в Даша. Стали возможны и сочетания исконно бурятских имен с тибетскими в сложных именах: Бата-Сэрэн и т.д.

Вместе с тем в буддийском учении разработана строгая система именования новорожденных. День и год рождения человека определяли все религиозные отправления для защиты индивида от 360 злых духов, 404 болезней и 80 000 препятствий, якобы мешающих человеку проводить жизнь счастливо и верным путем идти к совершенствованию (Позднеев, 1887, 425). Так, каждому году общевосточного 60-летнего цикла соответствовало определенное божество; зурхайчи (астролог) объявлял родителям, под покровительством какого божества будет находиться их ребенок, указывал масти скота, которые будут доставлять счастье новорожденному (это масть лошади, на которой якобы ездит бурхан-покровитель данного ребенка). Например, ро-

дившиеся в год "Эрэ-модон-хулугуна" ("год мьши", стихия - дерево) должны чествовать бурхана Маньчжуши и иметь буланую лошадь; родившиеся в год "Эрэ-гал-барс" ("огненного тигра") должны чествовать бурхана Очирвани и иметь черновато-серую лошадь (Позднеев, 1887, 420-424) и т.д.

Год, месяц и день рождения определяли возможность - невозможность бракосочетания, день свадьбы, время выезда из дома невесты (Позднеев, 1887, 433-436) и т.д.

Год рождения человека, наконец, определял и способ погребения его. Например, для покойников, родившихся в годы лошади и змеи, "самое лучшее погребение - на южную сторону; среднее - на восток; худшее - полагать головою в сторону одного из междустраний. Это правило осложняется тем, что в соображения относительно выноса и погребения умершего входят еще год рождения, час кончины, чтобы предостеречь движение покойника навстречу своей несчастной звезде" (Позднеев, 1887, 466-468).

Эти правила, особенно погребальные, были значительно упрощены монголами еще во второй половине XIX в.

Автору данной работы довелось наблюдать в Иволгинском дацане прием верующих дежурным ламой. Одна женщина справлялась у ламы, будет ли брак ее сына с такой-то девушкой благополучным. Лама спросил годы рождения бракосочетающихся, проверил по книге и, найдя, что брак будет благополучным, назначил наиболее счастливый день свадьбы. Представители старших поколений бурят еще находят нужным посещать дацаны по поводу каких-либо событий семейной жизни, особенно при предстоящих бракосочетаниях.

При кончине буддиста, если попросят родственники покойного, дацан только определяет день похорон и поминальные дни.

Если иметь в виду, что в последние десятилетия все большее распространение находят русские имена, а также имена с исконной аPELLЯТИВНОЙ основой и особенно практика оформления тибетских женских имен формантами -а, -ина по образцу русских, то можно констатировать, что тибетские имена среди бурят потеряли свою канонизированность, религиозную окрашенность, став обычными именами. Упрощение сложных имен, морфологическая дифференциация женских и мужских имен, замена женских имен с конечными согласными русскими именами (например, Амгалан — Галина) говорят о максимальной степени адаптации тибетизмов в бурятском языке. Таким образом, бурятский антропонимикон за счет тибетизмов обогатился личными именами с небольшой морфемной глубиной (одно- и двухморфемными) и незначительной фонетической протяженностью, утратившими связь с догматами буддизма. Они становятся в один ряд с русскими каноническими именами, о которых пойдет речь далее.

§ 4. ИМЕНА ИЗ РУССКОГО АНТРОПНИМИКОНА

Вряд ли есть в Советском Союзе язык, в котором не было бы личных имен, заимствованных из русского антропонимикона. Заимствование русских имен у бурят начинается после добровольного вхождения Бурятии в состав России в XVII в., что обусловило распростра-

нение среди некоторой части западных (иркутских) бурят православия. Как известно, религии, особенно так называемые мировые религии, располагают своим набором личных имен. Несло и православие в бурятскую среду свой канонизированный в святцах набор личных имен христианских деятелей, святых. Русские имена в документах XVII в., как правило, упоминаются с пометами: крещеный бурят, новокрещеный, толмач, казак. Например "Бодороев Иван - мунгальского язъку толмач" (СДБ, 248), "толмач Гаврилка крещеный бурят" (СДБ, 56), "толмач Федька да Данилко" (СДБ, 561), "Камнагадаев Федор - верхоленский бурят" (СДБ, 268), "Ивашко - новокрещеный бурят" (СДБ, 49), "Петрушка - новокрещеный бурят" (СДБ, 90), "Зойка - новокрещеный бурят" (СДБ, 426). В этих же документах упоминаются крещеные монголы: "Васка Борисов мугальской породы" (СДБ, 417), "Стенька - крещеный монгол" (СДБ, 424), "Ивашка - беглый холоп, монгол, по иноземному зовут его Толдонка (?) Сулонзя (?)" (СДБ, 369), "Михлай Иркия - посланец Цокулая Тайши" (СДБ, 254).

Нужно отметить, однако, что уже в XIII в. на территории Монголии функционировали христианские церкви и часовни; среди монголов встречались христиане, несторианские священники служили при дворах наставниками детей ханов (Путешествия, 145-151). В связи с этим кажется вполне убедительным предположение П. Пелльо о том, что имя пятого сына Джочи - Сыбан - христианского происхождения и представляет собой монгольскую модификацию имени Степан (Путешествия, 207, примеч. 79). Может быть, бурятское устаревшее имя Шиипаан представляет собой новую модификацию этого имени в связи с существующим в бурятских говорах соответствием "с" / "ш" (Матхеев, 1968, 6; Митрошкина, 1968, 52-53).

Документы говорят о том, что с XVII в. важное значение имело "крестничество", которое отразилось в антропонимии - в передаче имени и фамилии от крестного отца к крестному сыну, например: "...Нерчинский Конной казак Васка Ярофеев сын Хомун, а в словесном своем челобитье говорил: в прошлом де в 200 году (т.е. 1691-92 гг. - А.М.) нерчинский пешей казак Бриско Игнатъев волею божиею в Нерчинску умре, а отходя сего света в духовной своей написал сына своего кресного, мугальской породы и чтоб великие государя пожаловали его Васку Хоमुна, велели из приказной избы в Троицкой монастырь и строителю с братьею дать память, почему им строителю с братьею тем парнем Ваской владеть" (СДБ, 416-417).

Сколько ни старалась русская церковь, обратить всех бурят в христианскую веру так и не удалось. Об этом свидетельствует один из ревнителей православия: "В числе племен, населяющих нашу Сибирь и доселе поклоняющихся идолам, на юге Сибири; в Иркутской губернии, обитает многочисленное кочевое племя... бурят. Число их простирается до 250 000 душ. По своей природной любознательности, по мягкости характера, по уважению к христианской вере... буряты представляют племя самое способное и самое готовое к принятию христианства, а между тем они еще и доселе блуждают во мраке буддизма и шаманизма... К сожалению, когда мы приобретаем новых сынов церкви христианской единицами, десятками и сотнями, вторгнувшийся буддизм

приобретал себе последователей тысячами". Далее автор приводит любопытные статистические данные: "В пределах Иркутской духовной миссии в начале 1868 г. состояло: бурят 113 130 душ обоего пола; из них: оседлых 7 714 душ; все оседлые – суть потомки, в третьем и четвертом роде, прежде крещеных бурят. Кочевых бурят 105 416 душ, из них крещеных 13 344 душ; некрещеных 92 022 души; ламаистов 13 796 душ, шаманистов 78 046 душ" (Забелин, 1870, 17, 18).

Далее говорится, что ламы стараются препятствовать обращению бурят в христианство: "Чаше посещают улусы, являются даже ламы из-за границы. Они не только поддерживают суеверие некрещеных бурят, но даже стараются возвратить к своему суеверию и крещеных. Пропаганда их останавливается только полицейскими мерами" (Забелин, 1870, 22), тем более что крещение было чревато и такими, например, последствиями: "...крещеных, против их желания и по вреду для хозяйственного благоустройства, гражданские власти переселяли из своих мест к русским. Потом и от русских отделяли в особые поселки так называемых ясачных. Также были случаи, что крещеных бурят уговаривали наниматься в рекруты"; "...нежелавшие принять крещение жестоко были наказываемы" (Там же, 206, 207).

Архивные документы свидетельствуют и о случаях насильственного крещения. Например, бурятка Идинского ведомства 2-го шаралдаевского рода Шаха Бабаева в своем прошении пишет, что в отсутствие родителей ее увезли в миссионерский стан Идинской степной думы за 70 верст от дома: "...чтобы я не замерзла дорогой, поили меня вином. Там миссионер Алексей Суханов вместе со стариком напоили меня вином, окрестили меня и свенчали с сыном крещеного бурята Ильей Уздеевым, ближайшим родственником того старосты. Я не была согласна принять крещение и выходить замуж, все это было сделано в пьяном виде. Была ли я крещена и повенчана с Уздеевым, ничего не помню" (ИГИА, ф. 50, ед. хр. 9107).

В первой четверти XX в. в Западной Бурятии (Иркутской губернии) были распространены православие, отчасти буддизм и шаманизм. Вот некоторые цифры (в %) по уездам (Серебренников И.И., 1913):

<u>Уезд</u>	<u>Православные</u>	<u>Ламаисты</u>	<u>Шаманисты</u>
Иркутский	38,0	17,3	44,7
Балаганский	55,1	12,0	32,9
Верхоленский	14,3	-	85,7
Нижнеудинский	99,6	-	0,4

В словаре Брокгауза и Эфрона приводятся следующие данные: "Всего бурят до 270 000: в Иркутской губернии – до 10 000, в Забайкалье – до 170 000, в том числе шаманистов – 75 000, ламаистов – до 160 000, христиан-православных – до 35 000 обоего пола. И только в Забайкалье, на границе Монголии, начал проникать буддизм. Буддизм в Иркутской губернии распространен среди аларских тункинских, частично и балаганских бурят. С 1872 до 1881 г. число

обращенных в православие ипородцев составляло 20 139 душ, из них 16 704 души в Иркутской губернии и 3435 душ – в Забайкалье” (Брокгауз, Эфрон, 59–60).

Ко всему этому следует добавить, что в первой четверти XVIII в. не менее 70% населения составляли русские (История Сибири, т. 2, 55), но в Забайкалье среди бурят они составляют меньшинство и в наши дни (Итоги переписи, 1973). О значительном притоке русских в Западную Бурятию свидетельствуют, например, следующие данные: в 1908 г. в Иркутскую губернию переселилось 215 семей (692 мужчины и 647 женщин), в Забайкальскую область – 54 семьи (44 женщины и 41 мужчина) (Сиб. переселение, 1903).

Русские переселенцы не были просто соседями бурят. Между ними с самого начала в процессе трудовой жизни сложились дружественные отношения. Буряты освоили передовые в то время приемы возделывания земли, о чем свидетельствуют многочисленные русизмы в бурятском языке. Вот некоторые известные примеры: борной, бурной “борона”, пүлүүг, пүлүүгэ “плуг”, молоотиилхо “мотылка”, яарса “ярица”, шэниисэ (или тэниис – кач.) “пшеница”, пороос, пороосо “просо”, оѳеос “овес”, мэхиинэ “мякина”, оожом “озимь” и др. Названия овощей в бурятском языке – также в основном русские заимствования: хартаабха (ябал – кач.) “картошка”, хапууса (хапуус – кач.) “капуста”, гүрсэ, үгэрсэ “огурцы”, морхоог, морхообхо “морковь”, лууг “лук”, шисноог “чеснок”, эрээдхэ “редька”, эрээбхэ, эрээбхэ “репа” и т.д. Примечательны заимствования глаголов, например: борнойло-хо, борнээл-хо “боронить”, хоолонсол-хо “колоситься” и т.д. (Дондуков, 1974; Харташкина, 1977). Взаимодействие русского и бурятского языков шло на фоне дружественных отношений народов. А.П. Шапов писал: “...почти каждый бурят стал иметь в близлежащих русских селах и деревнях дружков, нукуров, а точно также и русские со своей сторны заручались своими дружками в улусах” (1937, 255). В связи с этим в русские говоры попадает бурятское слово в форме андушка – от бур. анда “побратим, названный брат; близкий друг, приятель, товарищ (из другого племени)”. Видимо, широко была распространена взаимопомощь в обработке пашен, уборке сена и хлеба, строительстве. Это видно хотя бы из того, что в бурятский язык вошло русское слово в диалектной форме помочь – поомош. Именно взаимопомощь, на наш взгляд, породила обычай братания. Вот некоторые уже известные примеры: “Бурят Хабадай Олзоев и русский Кондратий Отроков помогали друг другу по хозяйству, часто охотились вместе. Когда Отроков тяжело заболел, Олзоев приехал к нему со своими сыновьями и убрал весь его хлеб с поля. Отроков был очень тронут этим и предложил стать названными братьями–андами. Сам Кондратий Отроков стал Хабадаем, что по-русски прозвучало как Кобда, а Хабадай Олзоев, в свою очередь, стал Кондратием, что по-бурятски произносилось как Хондораат. Бурят Сусай Золхоев спас русского Харитона Житова от медведя. В результате они стали близкими нукурами и обменялись именами: Золхоев назвался Харито, то есть Харитоном, а Житов – Сысой, то есть Сусаем” (Олохтонова, 1981, 67–68).

“Приток населения, – писал В.В. Покшишевский, – может создать

настоящий переворот, особенно если переселенцы окажутся... носителями более передового способа производства, обладателями более совершенных орудий производства и навыков хозяйствования, например если они принесут с собой навыки земледелия”.

Все это способствовало распространению русских личных имен помимо религиозного института христианства, что можно считать вторым мощным этапом обогащения антропонимики бурятского языка. Исторические документы свидетельствуют о том, что нередко крещение следовало за мирским распространением русских имен среди западных бурят. Вот некоторые примеры.

1879 год: “Дунька Ходиева – по крещении получает имя Евдокия Николаева; Дунька Багдалаева – Евдокия Иванова; Дунька Оглонова – Евдокия Иннокентьева; Катька Оглонова – Екатерина Николаева Оглонова; Сучка Хомхоев – Иннокентий Павлов Хомхоев; Катерина Имишенова – Анна Иванова Имшенова; Антип Пиргбеев – Антип Платонов Пиргбеев; Анюшка Бурлакова – Анна Николаева Маркелова; Катька Манзанова – Татьяна Михайлова Манзанова; Падерин Балядаев – Николай Васильев Балядаев; Дунька Ныхылеева – Ирина Ильина Ныхылеева; Алешка Манжигеев – Павел Афиногенов Манжигеев” (ИГИА, ф. 50, оп. 1, д. 8946).

1844 год: в списке бурят Идинского ведомства, желающих принять крещение, также встречаются буряты, уже имеющие русские имена: “Матвей Антонов – 39 лет, Сучка Ходев – 35 лет, Сергей Алсаев – 31, Иван Матхалов – 15, Федор Абашеев – 49, Макар Махуров – 39, Иван Балаханов – 37, Афанасий Соноев – 48, Панфил Бугеев – 59, Дмитрий Марухтаев – 38, Митру Ивашкин – 48, Степка Федоров – 40, Федор Михайлов – 30” (ИГИА, ф. 5, оп. 1, д. 5361).

Среди балаганских бурят чаще встречаются фамилии от русских имен: “Егор, он же Шалхай Петров, Петрушка Петров, Григорий Петров – по крещении Григорий Алексеев, Петр Павлов – Петр Осипов, Атут Сукинов – Алексей Александров, Михайло Ажигиров – Михаил Александров, Сагандай Степанов – Семен Александров, Митрий Маргаков – Дмитрий Александров” (ИГИА, ф. 50, ед. хр. 8571, св. 440).

Среди восточных бурят подобное явление не наблюдается. Так, среди упомянутых в первой главе бурят Хоринского ведомства только в 5 семьях из 103 встретились русские имена: 35-я семья – “Багуева 2-й сын Бадма принял христианскую веру и наречено ему имя Николай Языков – 14 лет”; 65-я семья – Данила Гындунов; 101-я семья – “Бадма Шантуев принял христианскую веру, наречено ему имя Егор Соболев”; 103-я семья – Максим Боршиев.

Отсутствие фамилий с русской именной основой и единичность русских личных имен говорят о том, что распространение их среди бурят восточного региона Бурятии только начиналось.

Таким образом, можно констатировать, что среди западных (иркутских) бурят в конце XVIII в. начался второй этап распространения русских имен. Эту дату может подтвердить подсчет возрастов. Например, в 1872 г. бурят Илья Сухинов, 43 лет, принимает крещение и получает имя Николай; выходит, что русское имя он получил в 1829 г. В 1875 г. принимает крещение Атут Сукин, 54 лет (ИГИА, ф. 587, оп. 1, д. 80, св. 5). Если отец Атута старше сына на 20–25 лет,

то русское прозвищное имя могло быть ему дано примерно в 1791-1796 гг.

О двух путях проникновения русских имен в бурятский именной говорят и их формы. Можно предположить, исходя из данных архивных документов, что полные формы имен скорее всего давались в церкви. Как было видно, Дунька нарекается в церкви Евдокией, Катька - Ека-териной, прозвищное имя Сучка - Сергеем, Митрий - Дмитрием и т.п. И не случайно в именнике бурят сосуществуют формы Дүүня, Дүүньхэ, Дүняша наряду с Ебдокии, Бааньхи наряду с Ибаан, Хаатя, Хаать-ха наряду с Хатриина и т.п. Но нельзя исключать и возможность бы-товой передачи русских имен в полной форме.

На первых этапах возникают также имена на базе русских апел-лятивов, выбранных по семантическим нормам исконных моделей имено-вания. Так, русские аппеллятивы используются для образования имен с охраняемыми, заменяемыми значениями, например: Бабуушха "бабушка"; Барнааг "варнак", Барнаашха, Барнаатка - от варнак посредством суффиксов -тха, -шха, Боошхо "бочка", Боондор "бондарь", Борной "бо-рона", Еэхэр "лекарь", Жоброонхо "жаворонок", Хаа рта "карта", Хар-туусха (ж.), Хартууха (ж.) - ср. картуз (головной убор), Онгоошхо "окошко", Олоошхо "ложка", Порхоод "пароход", Печезни "печенье", Пулаад "плат, платок", Хобрешхо "поварежка", Сабхи "сапоги", Сан-баар (м.) "самовар", Собоорхо "собор" + суф. -хо, Суушха, Шуушха "сушка" (баранка), Тяабха "тяпка", Шаанье (ж.) "шаньга", Астаараг, Астайриг, Стаариг "старик", Парууня (ж.), Паруунтя (ж.), Паруунша (ж.) - ср. рус. диал. паруна "наседка", Молдобаан "молдаванин", Бор-боосхо - ср. Барбос (собачья кличка).

Имена со значением "X станет тем-то": Пастуг "пастух", Сахил-таар, Сэхилтаар "секретарь", Салдаат (ж.) "солдат", Таршанай, Тарь-шинай "старшина", Торгобой "торговец", Күлээ "купец", Хамисаар "ком-миссар".

Имена со значением "X родился в такой-то день": Похрооб "По-кров день", Спаасаб "Спасов день".

Встречаются и имена, образованные от русских фамилий: Анаа-нин-Ананин, Белоон - ср. Белов, Борисхооб - Борисков, Дабытоб - Давыдов, Хартааиб - Каратаев, Хотхооб - Катков, Кулкооб - Кулаков, Маархаб - Марков, Моособ - Носов, Орлооб - Орлов (5), Пергоб - Пирогов, Петрооб, Петрообхо - Петров, Петьхооб - Петухов, Пешхооб - Пешков, Эрыкоб - Рыков, Оржооб - Ржов, Троошхин - Трошкин, Шүр-хөөб - Сурков, Шорнооб - Чернов, Шорнохооб - Черняков, Чернин - Чернин, Шиишхэн - Шишкин, Шээргэн - Шергин.

После Октябрьской революции, особенно в период коллективизации сельского хозяйства, приток русских имен в именник западных бурят носит массовый характер. Наблюдается заимствование имен из худо-жественной и исторической литературы, например: Руслаан, Людмила, Джувьезта, Жаана, Спартааг (Спартак), Лауура (Лаура), Даарбин или Даарвин (Дарвин) и т.д. Буряты в 20-40-е гг. называли своих детей именами классиков марксизма-ленинизма: Маркс, Мэлс (Маркс, Эн-гельс, Ленин, Сталин), Энгельсиина, Сталиина, Стаалин. В XV колене обнаружено имя Карандашииль - от Каландарашвили, в XVII колене - Индира (ж.) - от Индира Ганди.

В последнее время сказывается влияние кино на именные бурят, о чем свидетельствуют имена Аида, Анжелика, Риита (кинофильм "Господин 420") и т.п.

Среди молодежи Западной Бурятии исконные имена не встречаются. Имена же типа Арсалан "Лев", Баатар "богатырь", Баяр "радость", Арюна — от арюун "милый, пригожий, славный, красивый", Сэсэг "цветок" и т.п. представляют для западных бурят новые имена, которые уже не семантизируются исконными моделями типа "X не есть человек, X есть...".

Русские имена не только даются новорожденным; ими заменяются исконно бурятские, а также тибетско-санскритские имена. При этом чаще всего замена построена на созвучности начальных элементов: Базырка (от Базар), Бариг, Бодоксо, Болдоосхо, Бута и Бутаа, Баяма, Буха, Бултаар — Бориис, Бугаалай (ж.) — Бааля (Вааля), Балдан — Владимир (Бальдимар), Балнисай — Валя (Бааля), Балез — Валера (Балеэра), Баасаан, Баасан — Валерий (Балеэра), Галнай (ж.), Галуун (ж.), Галуухан (ж.) — Гааля (Галиина), Маниюха — Михаала (Михаил), Мутуун (ж.), Мундуун (ж.) — Мария^ж, Мансаахай — Матвей, Молпоон — Миханл, Няа — Николай, Няа (ж.) — Наастя, Нугнай (ж.) — Ниинэ (Нина), Ногоолой (ж.) — Наадя, Олхооной (ж.) — Оольга, Пахуус — Паэбал (Павел), Самбуу — Слава, Сэбэг (ж.) — Сооня, Табита — Трофим или Торпим, Шанар (м., ж.), Шанархан (ж.) — Шуура (Александр, Александра), Элбэг — Эдуард.

Часто начальный губной "б" заменяется губным носовым "м" или наоборот, Восхоол — Михаил, Мороо — Воолоодя (Болоодя).

Иногда замена строится на частичном совпадении бурятского и русского имен: Адюнай (ж.) — Дуся, Ахайнай (ж.) — Надежда, Удай (ж.) — Дуся, Удууша — Дуся, Ушармаан (ж.) — Шуура и т.п.

подавляющее большинство замен все же фонетически не обусловлено. Вот некоторые примеры: Абайлан (ж.) — Мариинка, Анхан — Илья, Баачха (ж.) — Елена, Гонлой — Василий, Зурцаган (ж.) — Надежда, Мангад — Кооля, Оеон — Сокраад, Попой — Герман, Санжа (ж.) — Мария, Тэрхуус — Илья, Шабан — Коостя, Шоогой — Сокраад, Хүнээ — Алексей, Хэнхүү — Алексей, Хооди — Николай, Шааяан — Петр, Пабуудай (ж.) — Мария и др.

Процесс замены исконных имен, начавшийся у западных бурят, в наши дни интенсивно проходит и у восточных бурят. Так, в речевой практике некоторые сложные имена тибетско-санскритского происхождения не только подвергаются усечению, но и заменяются русскими именами: Цырен-Даша — Сергей, Базар-Хаида — Валя. Отметим, однако, что такие русские имена функционируют в бытовой сфере, не попадая в юридические документы.

Встречаются случаи, когда русское имя заменяется другим русским именем, например: Алешо — Альберт, Баали (Валя) — Надежда, Мааша — Шуура, Фезня — Елеэна.

^ж Подобные имена бытуют только в документах.

Именник пополняется также новообразованиями типа Манифеэста (ж.), Фрагмеэнт и т.п. Встречаются женские имена от названий месяцев, в которые родились девочки, например: Февралиина, Маарта, Маяя, Августиина, Сентябриина, Октябриина (сокращенная форма Ооктя), Ноябриина, Декабриина. Имя Октябрина могло мотивироваться и значением "социалистическая революция". Имена от названий апрель, июнь, июль не обнаружены.

Фонетическое, морфологическое и словообразовательное освоение русских имен в бурятском языке

Как правило, заимствованные слова подвергаются адаптации в фонетическом и грамматическом отношении в соответствии с действующими в этом языке нормами. Эти слова "втягиваются в живой поток речи и разделяют в том или ином отношении судьбу других, незаимствованных слов" (Черных, 1956, 235).

Фонетические видоизменения русских имен

Проблеме фонетического освоения русских апеллятивных слов в бурятском языке посвящен ряд обстоятельных работ: одни из них построены на материале литературного языка (Баранников, 1965, 173-187; Дондуков, 1974, 60-75), другие - на диалектных данных (Харташкина, 1977, 86-95; Будаев, 1978, 193-208).

Русские личные имена в лексике бурятского языка представляют собой, по существу, первый по времени пласт заимствований, и модификация их в бурятской языковой среде в известной мере отличается от таковой в апеллятивной заимствованной лексике, что будет видно из анализируемого ниже материала.

Модификация личных имен, равно как и апеллятивных единиц, зависит от языковой ситуации у принимающего народа; имеется в виду степень владения вторым языком, источником заимствований, которая прямо пропорциональна степени модификации заимствованных элементов в принимающем языке. Для периода невладения языком-источником характерны явления субституции отсутствующих звуков в принимающем языке, упрощения сочетаний звуков в пределах одного слога (главным образом согласных) посредством протезирования (прибавления звуков к началу слова), опускания одного или двух звуков одинаковой природы и т.д. (Черных, 1956, 238).

Здесь мы предвидим возражение читателя, так как субституция, эпентезы (вставки) звуков и т.п. характерны при любом заимствовании в условиях разностемности дающего и принимающего языков. Однако отношения между языками сопредельных народов о двуязычии различной степени у носителей принимающего языка - явление особого рода. Заимствование в таком случае носит непрерывный характер, видоизменяясь в соответствии с этапами двуязычия у разных слоев населения. Последнее обуславливает многовариантность модификаций од-

них и тех же имен в разных слоях населения и в разные исторические эпохи. Такие многовариантные имена сосуществовали до XVIII колена.

Субституция звуков, отсутствующих в принимающем языке, характерна для XVII — начала XIX в., так как в те времена буряты не владели русским языком. Опишем кратко принципы субституции вначале в области согласных звуков.

1. Одним из условий выбора звуков бурятского языка для замены русских является общность места их образования. При этом из ряда звуков одного места образования избираются те, которые совпадают со звуками дающего языка по другим возможным параметрам (глухость — звонкость и т.п.). Например, заднеязычный глухой взрывной звук "к" заменяется заднеязычным же глухим, но фрикативным "х" (рус. Катерина, Катя — бур. Хатриина, Хаатя, Костя — Хоостя, Капитон — Хапитоон, Кузьма — Хузмаа, Сократ — Сахраад, Санька — Сааньха, Лука — Лухаа).

В связи с этими примерами следует заметить следующее. Известно, что исторический "к" в положении перед гласным "*i" отражается в восточных и южных говорах в виде "х", в хамниганском — "к'", "х'", в западных — "с'", "т'", "х'", "ш'". В восточных и южных говорах в непервых слогах "х'" имеет тенденцию перехода в "т" (Рассадин, 1882, 101-102). Эта закономерная эволюция исторического "к" перед "*i", которая, возможно, объясняется степенью артикуляции (при меньшей степени образовалось "х'", при более сильной — "с'", при максимальной — "т'"), в русских заимствованиях проявляет себя в позиции перед гласным переднего ряда "э". Например, русское имя Иннокентий (сокращенная форма Кеша) реализуется следующим образом: Нехээнтэ, Нэхээнтэ, Насяанта, Нэсеэнтэ, Нэсээнтэ, Натеэнта, Нитеэнтэ, Теэшэ, Теэшхэ наряду с Кеша, Кеэскэ и др.

Эти примеры свидетельствуют о том, что палатализация согласного "к" перед "*i" в связи с русскими заимствованиями в бурятском языке проявляет себя в более обобщенном виде, охватив позицию и перед гласным переднего ряда "э" в сильной, ударенной позиции. Аналогичное соответствие наблюдается и в имени Михей — бур. Масээ или Масээ наряду с Михеэ.

Губно-зубной звонкий фрикативный "в" заменяется губно-губным взрывным "б": Василий — Башиила, Варвара — Барбаара, Вера — Беэрэ, Владимир — Балдии и Бальдии, а также Мальдиимар, Всеволод, диал. Сиволод (Никонов, 1969, 58) — Себолоод, Сиблоод. В речи бурят с начальным этапом двуязычия происходит выпадение начального "в" и в наши дни, например: рус. Виликтон — бур. Элихтоон (новое имя Виликтон — возможно, от англ. Веллингтон — изредка встречается в русских семьях). Губно-зубной фрикативный глухой "ф" заменяется губно-губным глухим взрывным "б" или "п": Федор — Пёдор, Филипп — Пилин, Федора — Педоора, Филат — Пилаат, Софья — Соопии, Софрон — Сопроон, Панфил — Пампиил, Франс — Барансууд. Наблюдается упрощение аффрикат русского языка, например имя, образованное от фамилии Чернов — Шорнооб.

2. Субституция может опираться на общность способа образования; например, губно-губной глухой фрикативный "ф" реализуется как заднеязычный глухой фрикативный же "х": Ефим → Яхим, Ефимка → Яхимка, Афанасий → Ухнааша или Ухнаашха. (Не следует смешивать Ухнааша от русского Афанасий с исконно бурятским Ухнаа от ухана "молодой козел".) Но в форме Афонька звук "ф" не заменяется звуком "х": в бурятском нет имени Ахоонька, а есть Апоонька или Опонька. Подобная непоследовательность в замене, видимо, может быть обусловлена возможностью образования омонимов негативной семантикой.

Звук "ф" может быть заменен фарингальным глухим фрикативным "h" (Фадей → Надии). Такое соотношение поддерживается данными апеллятивной лексики, например: фунт - hунтэ (Харташкина, 1977, 88), в лит. hүүнтэ.

3. Иногда может играть роль при выборе бурятской формы звонкость русского звука, например: Авдотья (народная форма имени Евдокия) → Огдоохи, Огдоота.

Бурятские диалектные соответствия согласных проявляются и в разной субституции одного и того же звука русского языка. Например, рус. Герасим → бур. Гараасай и Яраасаб ("г" / "j") при повсеместно одинаковом звучании Гавриил → Габрила, Габриил; рус. Сашка → бур. Саашха, Шаашха; Иосиф, Оська → Оошоб, Оосхо, Оосьхооной ("с" / "ш"); Илья → Илья, Ульдья ("j" / "д").

Фонетическое освоение русских имен приводит также к изменениям позиции звуков, главным образом согласных, видоизменениям их сочетаний и т.д.

Изменения количества и последовательности согласных в сочетаниях при заимствовании обусловлено главным образом различиями словогового строения принимающего и дающего языков. Так, начальный слог слова русского языка может начинаться с любого согласного; с сочетания двух согласных - двух шумных, шумного и сонорного, сонорного и шумного, а также двух сонорных; с сочетания трех согласных кроме сочетания "j + согласный" (Русская грамматика, 1980, т. I, 23). В бурятском же языке, в котором большую роль в слогаделении играет характер произнесения согласных звуков, стечение согласных в начале слова недопустимо по следующим причинам. В бурятском языке из двух сочетающихся согласных первый по артикуляции является сильноначальным и присоединяется к предшествующему слогаобразующему элементу, а второй - сильноконечный и занимает позицию начала последующего слога: эр-тэ "рано", эб-тэй "спянный" (ГБЯ, 1962, 46-48). Что же в таком случае происходит с сочетаниями двух, трех согласных, представляющих собой инициаль начального слога русских слов? Сильноначальный согласный оказывался вне словогового строения слова, следовательно, его было невозможно произнести. Оставалось либо внести его тем или иным способом в слововое строение слова, либо опустить. Избиралось одно из этих решений с учетом фонетической протяженности слова, возможности образования нежелательных омонимичных пар и т.п.

На разных этапах взаимодействия бурятского и русского языков

группы согласных в начале слов трактовались по-разному, судя по антропонимическим материалам. Прежде всего обращает на себя внимание то, что заимствованные личные имена имеют не менее двух слогов. Иными словами, односложные имена получают двусложный облик; например, в имени Глеб посредством вставки гласного "э" устраняется стечение согласных и количество слогов увеличивается до двух. Аналогичное явление происходит в конце имен, например: Карл —> Хаарла, Карп —> Хаарпа, Харпуу (согласные оказались теперь в разных слогах).

Увеличивается количество слогов и в случаях возможного образования имен-омонимов, например: Ксения реализуется в виде Аксеэня, так как есть форма Сеэня от Семен.

В случаях многосложных имен наблюдается выпадение согласного, оказавшегося вне слога: Дмитрий —> Миитэр, Миитри, Миитрэ, Миитря; Спиридон —> Пирдоон; ср., однако, Владимир —> Балдии, Бальдии, где скопление согласных ликвидировано другим способом, так как "л" не может реализоваться в начале бурятского слова. Исключением является имя Клавдия, которое реализуется в бурятском как Лабди, Лабдии, видимо, по аналогии с апеллятивами лама или лаба "лама", лонхо "бутыль, бутылка" и др.

Из согласных фонем бурятского языка позиционно, как известно, ограничены "р", "rj" и отчасти "л"; "rj" употребляется в абсолютном конце слов и слогов (перед "г", "х"); "р" не употребляется в начале слов, а "л" употребляется в начале ограниченного числа слов. Поэтому носовой согласный "и" русского языка в абсолютном конце имен реализуется как заднеязычный "rj": Семен —> Сэмээн [сэмээрj], Платон —> Полтоон [полтооrj], Сенька —> Сеэнхи [с'ээрх'и], Арсен —> Арсээн [арсээрj]; Ванька —> Баанхи [баархи], Панкрат —> Панхраат [паархраат], но Паанха [паанха].

Русские имена с начальными "р" и "л", как правило, получают приращение гласного элемента перед этими сонорными, например: Родион —> Ордибоон, Ороотью; Роман —> Армаан, Урмаан; Рая —> Араая; Роза —> Ороозо; Лазарь —> Алаазар, Леонтий —> Олобоонтя, Ольбоонто, Ларион —> Олороон. Иногда происходит выпадение согласного: Руслаан —> Услаан. Если имя начинается с группы согласных со вторым "р" и "л", то при ее упрощении во избежание передвижки этих сонорных к началу слова, как уже было показано выше, происходит не выпадение первого звука, а передвижение гласного: Платон —> Полтоон, Трофим —> Торпиим. Однако ударенный гласный в русском имени не подвергается такой перестановке; в таких случаях вставляется гласный элемент, например: Клара —> Халаара, Трифон —> Тэриилон.

Об имени Степан следует сказать особо. Оно, как предполагается, встречалось еще во времена Чингисидов в форме Сибан. В бурятоязычной среде оно имеет формы Шиипаан, Шаапаан, Шапаан, Истипаан, Эстэпаан, Степаан, диминутивы Остёпхо, Стёпо, Шиипаа и др. Первоначально произошло упрощение стечения согласных в начале слова (Сибан). В бурятских формах долгими могли быть оба гласных одновременно (Сибаан) или только второй гласный (Сибан). Далее под дей-

ствием закона перехода исторического " *s " в " *š " /Рассадин, 1982, 32/ изменяется начальный "с" (Шиплаан), а затем происходит регрессивная ассимиляция гласного первого слога в краткий "а" или долгий "аа" (Шапаан, Шаапаан). Форма с кратким первым гласным могла восходить и прямо к имени Степан как новое освоение его в условиях уже прошедшего в бурятском переходе "с" — "ш". В последующее время, видимо в период начального этапа двуязычия бурят, наблюдается новый вариант заимствования с протезой "э" или "и" (Эстепаан, Истипаан). В условиях же активного бурятско-русского двуязычия русское имя Степан сохраняет все свои слоги и последовательность звуков, хотя конечный носовой согласный "н" переходит в заднеязычный "ŋ" [ст'ипааŋ].

Проиллюстрированные способы упрощения групп согласных в начале имен, равно как и апеллятивов, привели к концентрации их в середине слова. Проблеме сочетания согласных на материале апеллятивной лексики бурятского языка посвящено несколько работ. Так, И.Д. Бураев и В.И. Золхоев эту проблему рассмотрели на уровне фонологического и морфофонологического строения слова (Бураев и др., 1975, 37-67; Золхоев, 1980, 101-110). В лаборатории экспериментальной фонетики БИОН БФ СО АН СССР парадигмы сочетающихся согласных были исследованы с использованием ЭВМ (Дырхеева, Бухаева, 1978, 86-103).

Приведем некоторые наши наблюдения, свидетельствующие о расширении возможностей сочетания согласных звуков бурятского языка в связи с заимствованиями из русского.

1. Сочетания звонких со звонкими. Кроме уже обнаруженных 14 типов сочетаний (Золхоев, 1980, 103, 108) в именах-русизмах возможны сочетания "гд" (Огдоохи от Авдотья), "вг" (Аавгуста от Августа, аавгуст как название месяца).

2. Сочетание звонких с сонантами. Известно 18 типов исконных сочетаний (Дырхеева, Бухаева, 1978, 89); в наших материалах встречаются еще сочетания "жм" (Хожьмаа, Хужьмаа от Кузьма), "эм" (Хузмаа от Кузьма), "хр" (Христина наряду с Хиристинэ). Сочетание "гр" зафиксировано Г.А. Дырчеевой и О.Д. Бухаевой в одном примере; в наших материалах также встретился один случай (Еграаб от Евграф).

3. Сочетания глухих (сильных) с глухими. К 20 известным типам сочетаний (Золхоев, 1980, 103-104, 108) наши материалы добавляют еще два: "хс" (Үлэхсээ от Алексей, Алехсаан от Александр), "хш" (Махшам от Максим).

4. Сочетания глухих с сонантами. К описанным 14 типам сочетаний (Золхоев, 1980, 104, 106; Дырхеева, Бухаева, 1978, 79) добавляются еще шесть: "пл" (Оплоон от Аполлон), "пр" (Сопроон от Софрон), "пр'" (Апреэл от Апрелий), "тр'" (Митря от Дмитрий, Петряя, Петрай от Петр), "хл'" (Үхлиинэ от Акулина), "хр'" (Бахруун, Бахрууша от Вахрамей).

5. Сочетания сонантов с сонантами. К описанным 19 типам сонантных сочетаний (Золхоев, 1980, 104, 108) можно добавить лишь один тип - "л'л'" (Ульяа от Илья).

6. Сочетания сонантов со звонкими. К отмеченным 42 сочетаниям (Золхоев, 1980, 104–105, 109) присовокупляется сочетание "л'д'" (Бальдил, Ульдяа).

7. Сочетания сонантов с глухими. К известным 34 типам сочетаний (Золхоев, 1980, 105, 109) можно добавить три типа: "н' х" (Сааньха от Санька), "рш'" (Баршида от Василий), "мп" (Памшиил от Панфил, Тимпээ от Тимофей).

Отмечен также один пример на сочетание звонкого с глухим: Хабьтоон (Капитон). Оно стало возможным в результате озвончения "п'" в "б'" перед "и", а после выпадения этого гласного звонкость мягкого "б'" удерживается благодаря слогоразделу.

Имеются примеры сочетания внутри слова трех согласных звуков: "ндр" (Ондрёо, Ондри, Ондруушка от Андрей, диал. Ондрей, Ундрияан от Андриан); "нтр" (Антрооб от Антроп). В имени Сэбтэлаана (Светлана) звук "э" второго слога произносится едва уловимо.

Думается, что легкость усвоения бурятским языком многокомпонентных сочетаний согласных не случайна. При слуховом восприятии многосложных слов обнаруживается тенденция к выпадению кратких гласных второго слога; например, басаган "девушка" звучит [басган], в его двусложной притяжательной форме также наблюдается выпадение: басгаа "девушку-свою"; ср. также хамта "вместе" и хамгаруулха [хамтруулха] "объединять" и т.п. Но это требует экспериментального исследования, что не входит в задачу нашей работы.

К явлениям фонетического освоения русских имен в бурятском следует отнести также утрату мягкости согласных звуков на конце имени (Лазарь → Алаазар).

Продемонстрируем закономерности субституции русских гласных в бурятском языке:

а) ударные гласные русского языка заменяются долгими: Анна → Аана, Протас → Бартаас, Харитон → Хорьтоон;

б) краткие гласные заменяются или сохраняют свою природу (при совпадении по ряду) в соответствии с законом сингармонизма бурятского языка: Яков → Яхааб (заднерядное "о" во втором слоге заменено на "а" под влиянием гласного первого слога);

в) сингармонический ряд слова определяется по долгому или дифтоническому гласному: Антон → Онто, Онтосохо, Алена → Олёоно, Алёха → Олёохо, Аполлон → Оплоон, Евграф → Яграаб, Алексей → Үлэхсээ, Элэхсээ. Имена с гласными "и", "ии", перед которыми согласные реализуются в смягченном варианте, становятся мягкорядными: Дмитрий → Миитэр, Миитхэ. Однако здесь в конечном слоге встречается нейтральный "и" (Миитри), а также твердорядный "а" (Миитя), что совершенно естественно для слова со звуком нейтрального ряда в первом слоге; ср. бур. лит. идха-ха "внушать, убеждать", иггэжэ "таким образом", иимэ "такой, подобный". После слога с долгим "и" следует только "а" вместо "о": Тихон → Тиихан.

Ряд слова может определять и безударный гласный первого слова: Егор → Егөөр.

Гласный "у" русского языка как под ударением, так и в безударном положении реализуется и как мягкорядный, и как твердорядный

гласный. Это обусловлено вариантами данной фонемы в самом русском слове. Фонема "у" имеет несколько вариантов реализации: [y] - [y/гла], [y'] - [y']чить, [y] - [чy]мáзый, [y] - [т'y]кí и т.д. (Русская грамматика, I, 1980, 77-79).

Эти позиционные варианты в бурятском языке реализуются в определенных случаях как самостоятельные фонемы. Вариант [y] реализуется как твердоядные "у" или "уу", например: Лука → Лухаа, Петрунка → Петруунха, Ульяна → Ульяана, Ульяна, Ульяана. Варианты более переднего образования реализуются как мягкорядные гласные фонемы "ү" или "үү", например: Дуня [дун'ь] → Дүүни, Сучка [сучк'ь] → Шүүшхэ. Вариант [y] в сочетании с заднеязычным "к" в бурятском языке реализуется двояко, в зависимости от субституции "к". Он может быть заменен одним из двух вариантов фонемы "х": либо увулярным "х", либо заднеязычным "х". В первом случае русская фонема [y] реализуется в бурятском как твердоядный звук "у" или "уу": Кузьма → Хузмаа, Хужьмаа, Лука → Лухаа, Петрунька → Петруунха (везде произносится "х"). Во втором случае [y] реализуется как мягкорядная фонема "ү" или "үү": Акулина → Ухлиинэ, Петрунька → Петрүүни.

Как нам представляется, этим же объясняется разнობой в субституции гласных "о", "у" в апеллятивной заимствованной лексике. Например, в бурятских говорах имеются формы хоошхо и хөөшхэ - рус. кошка, хосоог и хусөөг - рус. кусок (Харташкина, 1977, 87).

Дифтонические сочетания или сочетания двух гласных в бурятском реализуются как краткие и долгие гласные: Алексей → Үлэхсээ, Еремей → Ерэмээ, Моисей → Мосой.

Явления сингармонизации, в отличие от субституции, можно рассматривать как фонетическое освоение русских имен. Однако вне действия закона сингармонизма осталось большинство личных имен из русского антропонимикона. Наряду с классической сингармонизацией (Богдан → Боогдоон, Бугадаан; Герасим → Гараасай, Яраасаб; Евграф → Яграаб) либо наблюдается частичная сингармонизация имени, либо вообще сохраняется исконное сочетание гласных в пределах всего имени. Частичная сингармонизация: Аграфена → Аграфээнэ (наряду с формой Аграпээнэ); Егор → Егөөрша. В ряду многочисленных несингармонизированных имен наиболее примечательна форма Олероон (Ларион), где между повторяющимся гласным "о" звучит мягкорядный гласный "э". В сочетаниях с гласными как освоение можно рассматривать изменение мягких согласных перед гласными переднего ряда "э", "ээ": Алексей → Үлэхсээ, Кешка → Кээскэ, Никита → Нэхээтэ, Степан → Эстэбаан, Гринька → Гэрьнхэ. Но такие примеры немногочисленны.

Краткий обзор основных особенностей фонетического освоения русских имен в условиях незнания русского языка или начальной стадии бурятско-русского двуязычия у бурят позволяет прийти к следующим выводам.

1. Сравнение данных по фонетическим модификациям русских апеллятивов (работы Ц.Б. Будаева, Р.Х. Харташкиной и др.) с антропонимическими материалами показывает, что подавляющее большинство

типов субституций, приемов фонетического освоения звуков и их сочетаний в указанных областях одинаковы. Однако в антропонимии встречаются случаи более свободного субституирования звуков, когда исходная форма не ориентирует на объективно возможную замену. Так, например, русское имя Павел в бурятском реализуется в виде Пайбал [Пээбал]; в апеллятивной же лексике, как и в большинстве антропонимов, русский ударный гласный в бурятском реализуется как долгий. Правда, наряду с формой Пайбал есть и Паабил. Еще примеры: Иван — Ябаан наряду с Ибаан, Иванка — Ибянха (смягчение перед ударного согласного).

2. Наблюдается реализация вариантов отдельных фонем русского языка как самостоятельных фонологических единиц в бурятском языке (см. примеры на "у", "ү").

3. В заимствованной антропонимической лексике прослеживается постепенное приближение бурятского произношения к нормам русского; например, имя Степан прошло такие этапы освоения: Сйбаан (или Сийбаан) — Шийпаан — Шапаан — Эстепаан. В условиях активного бурятско-русского двуязычия имя Степан произносится максимально близко к исходной форме [Ст'эпаан].

4. Разные формы модификации русских имен в бурятском языке осмысливаются как разные имена: Сйбаан, Шийпаан и Шапаан; Армаан и Урмаан (Роман).

5. В результате фонетических модификаций русских имен в бурятском языке сформировался пласт антропонимов, пусть и небольшой, воспринимающийся как благозвучные (в связи с насыщенностью гласными и сонорными элементами), вполне современные формы: Олероон, Армаан, Урмаан, Настаас, Мосой (от Моисей), Бугадаан, Баашан, Услаан (от Руслан) и др. По финали они, конечно, в условиях активного бурятско-русского двуязычия могут быть только мужскими именами. Таким же образом формы Лезба (от Лев), Паниида (от Степанида) и др. могут стать женскими именами.

Отметим также, что в именах-русизмах представлены севернорусские фонетические черты, как и в апеллятивной лексике. Об этом свидетельствует явление оканья, например: Ориино (Ирина), Охшиино (Аксинья) и др.

Морфологическое освоение имен-русизмов
в бурятском языке

Морфологическое освоение бурятским языком русских личных имен, равно как и единиц апеллятивной лексики, обусловлено различиями грамматических систем этих языков. У русских заимствований формальные грамматические показатели числа, рода, падежа в бурятском языке воспринимаются как часть неразложимой основы (Вудаев, 1978, 208). Частеречные значения русизмов, однако, сохраняются, поскольку количество и грамматические значения частей речи (по крайней мере знаменательных) в этих языках одинаковы: существительные русского языка в бурятском остаются существительными, глаголы — глаголами, прилагательные — прилагательными.

В области антропонимии наблюдается следующее: а) заимствуются личные имена именно в этом своем качестве; б) русские имена утрачивают категорию рода, но сохраняют в бурятском языке способность дифференцировать индивидов по полу.

Смешение русских мужских и женских имен в бурятской языковой среде наблюдается редко, например: Ромаха (от Роман) – в бурятском Урмааха (ж.). Последовательное сохранение различий русских имен по полу индивидов (поддерживаемое грамматическим значением рода) в бурятском языке вполне понятно: крещение бурят первоначально ориентировало дифференциацию имен на мужские и женские; этому же способствовал обычай братания: обменивались именами мужчины – мужское русское имя становилось бурятским мужским, при наречении детям имен побратимов и их детей, естественно, учитывался и пол новорожденных; с другой стороны, в нарочитом именовании мальчика женским, а девочки – мужским именем в охранительных целях особой нужды не было, так как само русское имя некогда рассматривалось как охранительное.

Утрата грамматических категорий и неразложимость русских лексических единиц в бурятском привели к тому, что морфологическое освоение имен в именительном падеже целиком подчинено фонетическим закономерностям для финалей бурятских слов. Здесь имеют место:

а) устранение стечений согласных посредством приращения гласного элемента в финали или опущения одного из согласных: Лаабра (Лавр), Алехсаан (Александр); б) упрощение сочетаний типа -ия, -ий, слога -я, например Мария → Марии, Илья → Ильдя, Ильляя, но Марья, Ильяя; Лаврентий → Лабрезньти, Лаврезньти; в) изменение конечного гласного "а" в "о", "э" под действием сингармонизма, например Кирила (разг. от Кирилл) → Хириилэ, Елена → Леэиз, Алеха (Алексей) → Олёохо.

Все это привело к выравниванию конечных слоговых компонентов русских мужских и женских имен в бурятской языковой среде. Они стали структурно идентичными. Вот некоторые примеры:

Женские имена

Клава → Халааба
Агафья → Агаапи
Анастасия → Настааси
Мария → Марии
Пелагея → Пальдеэ
Аксинья → Охшиино
Света → Эсбээтэ, Эсвээтэ

Мужские имена

Карл → Хаарла
Григорий → Гэргөөри
Афанасий → Ухнааси
Василий → Баши(ла)
Илья → Ильдя, Ильляя
Орефий → Ориипо
Терентий → Тэрээнтэ
Кирилл → Хириилэ

Словообразовательное освоение русских имен в бурятском языке

Если фонетическое и морфологическое освоение заимствований происходит синхронно, то словообразовательное освоение иноязычных единиц проходит после оформления их по фонетико-морфологическим зако-

нам принимающего языка. Это, по существу, второй этап освоения заимствований, когда они используются уже как внутренние ресурсы пополнения лексических единиц, в частности антропонимии. Новообразования от этих имен происходят посредством тех же суффиксов или других способов словообразования, которые действуют в исконных пластах именовании.

Основные способы образования бурятских имен от русских:

а) удлинение конечных гласных: Данилка → Даниилха → Даниилхаа; Рая → Раая → новообразование Раяа. При этом происходит сокращение долгого гласного первого слова "аа" в краткий "а": Катя → Хаати → Хатии; Костя → Коости и Хоости → Костии и Хостии; Павел → Пайбил → Пайбии. В форме Пайбии элемент "л" опущен и заменен долгим "ии", поскольку в бурятском языке имеется такой суффикс;

б) удлинение начального гласного с одновременным усечением финали имени: Афоня → Опоони → Опооо;

в) приращение согласного звука к началу имени: Антон → Онтоон → Монтоон. Подобные образования, как показано в первой главе, имели место при табуировании имен;

г) усечение конечных звуков или слогов: Елена → Элеэнэ → Элеэн, Татьяна → Татяана → Татяа. В этом случае могло сказаться и семантическое обличение русского имени с бурятским словом тахья, диал. татяа "курица", поскольку в бурятском имеется суффикс -на;

д) суффиксальные образования: суффикс -ай (Матюха → Матюуха → Матюухай); -аан / -оон / -ээн (Ирка → Иркаан, Люда → Люуда → Люудаан, Петя → Пезти → Пезтээн, Рима → Риима → Риимаан, Сема → Сеомо → Шоомоон, Танька → Таанька → Таанькоон); -г (Ваньша → Баанша или Ваанша → Вааншаг); -д (Афоня → Офооня → Офёод, Прокорий → Порхооби → Порхоод); -лжэн (Прокорий → Порхооби → Порхоолжэн); -м (Пашка → Паашхи → Паашхим); -суу, -сууд (Франц → Барансуу, Барансууд); -ти, -тии (Олег → Олеэг → Ольти, Оольтии); -тхэ (Семен → Сэмээн → Сэмээтхэ); -уунай (Вика → Виика → Викуюнай); -уурга (Инка → Иинка → Инхуурга); -хан (Василий → Вашиила → Башилхан); -хи (Антоха → Антоохо → Антоохи); -хоон (Толя → Тооли → Тоохоон); -шан (Яков → Яахаб → Яахшан).

* * *

Итак, наши материалы показывают, что имена-русизмы максимально приближены к бурятской фонетико-морфологической и словообразовательной системе в условиях незнания бурятами русского языка, а также в период начального и переходного этапов развития бурятско-русского двуязычия (о трех этапах развития двуязычия см.: Аврорин, 1975, 145-146). В условиях же полного двуязычия фонетико-морфологические изменения минимальны:

ударные гласные русского языка по-прежнему изменяются в дол-

гие (Даниил <а>) и не сохраняются без изменений финали на -ей, -ий, -ия при однокомпонентном именовании. Если можно сказать Леонтий Иванович ерэбэ "Леонтий Иванович идет (сюда)", то невозможно сказать Леонтий ерэбэ – только Леонти ерэбэ. Так же обстоит дело и с именами типа Мария, Алексей. Однако при ответе на вопрос "как его (ее) зовут?" возможны разные формы: Леонтий или Леонти; Мария, Маарья или Марии.

В языке людей с активным двуязычием не претерпевают изменений губно-зубные "в", "ф", а также стечения согласных. Однако в абсолютном конце имени носовой сонорный все же изменяется в заднеязычный "ŋ", как было показано выше. Один и тот же человек имя Степан произносит с переднеязычным "н", говоря по-русски, и с заднеязычным "ŋ", говоря по-бурятски. Таким образом, полное двуязычие предполагает четкое разграничение исходных форм и модифицированных в своем языке как уже собственных языковых единиц.

Специфические звуки и сочетания, а также преодоление позиционных ограничений под влиянием языка-источника носят название заимствованных. Это, в свою очередь, говорит и об адаптации принимающего языка к дающему. Обогащение теми или иными звуками, например "в", "ф", "д", "ч", "щ" в бурятском, снятие ограничений на употребление звуков, например звуков "л" и "р" в начале слова (Роман и роман, Лариса и ларёк и т.д.), – не простое заимствование, а взаимовлияние языков.

Поскольку подавляющему большинству двуязычных бурят присущ переходный этап двуязычия, когда мышление частично осуществляется на втором, т.е. русском, языке, а детям до 10–12 лет, пожилым и старым людям присущ начальный этап двуязычия (Шагдаров, 1978а, 7), то наблюдается "многофазовость" фонетико-морфологической адаптации русских личных имен в антропонимическую систему бурятского языка. Картина модификации русских имен в бурятском осложняется и диалектными различиями в принимающем языке.

Приведенный материал свидетельствует о том, что подавляющее большинство русских имен в бурятскую языковую систему проникло в уменьшительной форме. Это лишний раз подтверждает положение, что заимствования происходят в основном под воздействием социальных факторов.

ОТЫМЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ. ФАМИЛИИ И ОТЧЕСТВА

§ 1. ФАМИЛИИ

Фамилия представляет собой антропонимическую категорию, становление которой обусловлено необходимостью именования группы кровных родственников – семьи – как социальной ячейки при определенных формах государственности. Лингвистическое оформление этой категории основано на использовании имеющихся в языке грамматических средств, выражающих притяжательность, например аффиксов прилагательных или форм родительного падежа со значением принадлежности лица главе семьи, происхождения из тех или иных мест и т.д. Следовательно, фамилии по своему образованию вторичны по отношению к единицам других онимических секторов (личных имен, прозвищ, топонимов), а грамматические формы с семантикой принадлежности обретают в процессе функционирования фамилий словообразовательное значение. Вновь образовавшийся класс онимов – фамилии – имеет свои формообразовательные парадигмы, но функционирует преимущественно в единственном числе.

Формирование новой антропонимической категории требует немало времени; у русских, как известно, оно протекало с XIV до XIX в. (Занин, 1972, 164), а у крестьян России – в конце XIX – начале XX в. Официальные паспортные фамилии составляли только 4–6% (Никонов, 1974, 186). Некоторые представители крестьян получили фамилии только после Октябрьской революции, в связи с массовой паспортизацией, проведенной Советским правительством в начале 30-х гг. (Суслова, Суперанская, 1978, 156).

Если становление категории фамилии в русском языке шло путем постепенной переоценки уже имеющихся типов именований, то у бурят оно проходило в иных социально-лингвистических условиях.

Становление современной трехкомпонентной модели именования у бурят проходило под влиянием русского языка со времени вхождения Бурятии в состав России. Этот процесс можно предварительно разделить на несколько этапов. Ранний период – XVII–XVIII вв., когда в бурятский язык начинает проникать русский патронимический суффикс -ов / -ев, -ин. В документах той поры находим именования с -ов / -ев трех типов: а) только компонент с -ов – “яшашный мужик Алтабажиев” (СДБ, 1960, 415); б) личное имя плюс компонент с -ов – Базигидай (или Базигидайко) Ахагалов (СДБ, 1960, 421); в) параллельное употребление исконной и заимствованной форм имен – Иван Бо-

дорий (СДБ, 1960, 249, 269) и Иван Бодороев (СДБ, 1960, 248). Пример (а) вряд ли можно истолковать иначе, как фамилию; но такие примеры единичны. В примере (б) Ахагалов является именем по отцу: отца Вазигида Ахагалова звали Ахагал Чидулгеев (СДБ, 1960, 421). В примере (в) компонент Бодорой, видимо, представляет собой форму родительного падежа от имени отца Ивана — Бодор, что функционально соответствует форме на -ов (Бодороев). Параллельное использование обоих вариантов может объясняться тем, что Иван Бодорой — переводчик, что предполагает хорошее знание и русского, и бурятского языков.

Частота употребления форманта -ов / -ев отличается от рода к роду, от улуса к улусу. Например, в ясачной росписи Ирбанова улуса, причисленного к Тункинскому острогу (1690 г.), ни одно официальное именование не имеет этого форманта, а в Кольчевом роду из 15 бурят трое именованы с формантом -ов / -ев: Доноев, Бохолдой Ирегендеев, Манза Дабаев (СДБ, 1960, 379). В росписи асачного сбора с верхоленских бурят ашибагатского рода (1691 г.) все 18 бурят названы двухкомпонентными именами: Хехынък Шибеев, Кенцей Мункуркуев, Дарбай Силингуев и др. (СДБ, 1960, 412). Если к этому добавить, что в одной из челобитных шуленга называет себя и отца по имени и отчеству с формантом -ов / -ев (Базигидай Ахагалов, Ахагал Чидулгеев), а подписавший документ переводчик называет себя Федотко Мунгалов, то напрашивается вывод, что именование на -ов / -ев носило социальный характер, являясь средством маркировки привилегированных слоев населения — шуленг, переводчиков и зажиточных крестьян. Однако четкой грани между фамилией и отчеством еще не прослеживается.

Второй период (XIX — начало XX в.) характеризуется тем, что в русских документах патронимика подразделяется на фамилии и отчества: наряду с именованием на -ов / -ев, -ин появляются и формы на -ович / -евич. В именовании индивидов появляется новая модель: имя + фамилия + форма на -ович, причем порядок компонентов в бурятском языке не совпадает с принятым русским. Так, в ведомости от 1896 г. читаем: "Цыден Джигитов Ирдынеевич, по крещению Николай Сергеевич, Артемий Хуриганович, по крещению Владимир Васильевич, Николай Мандрашкин, сын Афанасия до крещению Алексей Васильевич, Анходий Онгорхоев, по крещению Александр Васильевич" (ИГИА, ф. 50, № 10240, св. 549, 1896 г.). Иногда при крещении давали сразу новые имя, отчество и фамилию: "Урбугай Нюгартов — Семен Иванов Добрынин, Алексей Мыкшеев — Иван Иванович Добрынин" (ИГИА, ф. 50, № 8256, св. 412, 1870 г.). "Иностранка Балаганского округа, Идинского ведомства, Шаралдаевского рода Конду Шалбаева" по крещению получила имя Анна Михайловна Громова, сын ее Дамба — Афанасий Михайлович Громов. У мужа ее, не крещенного, имя остается прежним — Дамбай Шалбаев (Иркут. обл. гос. архив, ф. 50, оп. 1, д. 8935, 1877 г.). Такое "разнофамилие" в семьях дошло и до наших дней: крещеный бурят ноховского рода Верхоленского уезда (Качутский р-н Иркутской обл.) носил имя Сапожников Михаил Мурашкинович, а его некрещеный брат — Мурашкин Иван Мурашкинович.

В документах по крещению буряты получали фамилии крестных от-

цов: Дунька Оглонова – Евдокия Иннокентиевна Оглонова, Сучка Хом-хоев – Иннокентий Павлович Хомхоев (Иркут. обл. гос. архив, ф. 50, оп. 1, док. № 8979, 1879 г.). Как видно, компонент, находящийся за личным именем, является либо фамилией русского крестного отца, либо своеобразным отчеством, образованным от его имени.

Однако в условиях продолжавших существовать патриархальных отношений многие фамилии бурят, полученные в русских документах, предавались забвению, и буряты в подавляющем большинстве своем к началу XX в. фамилиями не пользовались.

Специального изучения ожидает вопрос о распространении фамилий среди бурятской интеллигенции, революционеров в совершенно новых социальных условиях. Так, например, один из первых партийных наставников революционеров–ленинцев бурятского народа носил фамилию задолго до Октября – Михей Николаевич Ербанов.

Массовое появление фамилий у бурят происходит в годы коллективизации сельского хозяйства. В этот период фамилией называлось имя по отцу с патронимическим суффиксом -ов / -ев, уже впоследствии ставшее наследственным. Здесь сказался обычай бурят называть детей по имени отца.

Образование современных фамилий определялось и социально-культурными факторами: в выборе форманта фамилии сказывалась грамотность на том или ином языке.

По типам формантов бурятские фамилии делятся на три группы.

1. Самым распространенным суффиксом бурятских фамилий является -ов / -ев. В основе этих фамилий могут быть представлены самые различные имена: исконно бурятские (Нохой – от нохой "собака" – Нохоев, Һамаган "женщина" – Хамаганов, этигэл "доверие" – Итегелов), русские (Иван – Иванов, Илья – Ильин, Дорофей – Дорофеев), тибетские (Балдан – Балданов, Бимба – Бимбаев, Пурбу – Пурбуев).

Среди этих фамилий нередки и такие, которые образованы от табуистических форм имен: Омбоев вм. Гомбоев, Еланов – от ялаан "яркий" вм. Сагаанов – от сагаан "белый".

Повсеместная распространенность форманта -ов / -ев и его способность образовывать фамилии от различных по своим источникам имен (исконно бурятских, русских и тибетско-санскритских заимствований) обусловлены наибольшей активностью фамильных образований данного типа в самом русском языке. По свидетельству С.И. Зинина, в центральной части России с помощью суффикса -ов образуется более 50% фамильных прозваний, при этом формы с суффиксом -ов вытесняли формы с другими суффиксами. Так, в XVII–XVIII вв. возрастает процент фамилий на -ов: в Москве в 1668 г. – 52%, в 1750 г. – 58,4%; в Рязани в 1646 г. – 38,7%, а в 1718 г. – 45,7% (Зинин, 1972, 178).

Вероятно, этот суффикс был принят в деловых документах, оформлявшихся в приказных избах, в отписках служилых людей эпохи начального освоения Сибири. Других суффиксов, кроме -ов / -ев и -ин, в бурятских фамилиях в исторических документах обнаружить не удается.

2. У бурят Восточного Прибайкалья имеются фамилии с формантами -он или -о, восходящими к формам родительного падежа старописьменного монгольского языка -ун, -у (Санжеев, 1964, 63). Формант

—он употребляется в фамилиях, образованных от тибетских имен с любым конечным согласным, кроме -н: Базар — Базарон, Балдан-Жаб — Балданжабон, Дугар-Жаб — Дугаржабон, Жаб — Жабон, Жамбал — Жамбалон, Мижид — Мижидон, Цыремпил — Цыремпило. После основ на -н употребляется формант -о: Балдан — Балдано, Рабдан — Рабдано, Ринчин — Ринчино.

В фамилиях данного типа продолжается традиция оформления имени индивида по отцу при письме по правилам старописьменного монгольского языка. В летописях бурят, написанных старописьменной вертикальной графикой, находим именно эти формы имен по отцу, например: Вампил Ринчино (Цыбиков, 1970, 167), Ондрей Шибшигон (Румянцев, 1956, 27), что соответственно означало "Вампил Ринчина", "Ондрей Шибшига". У вышедшей из Иркутской области известна фамилия, образованная по этой модели от исконно бурятского имени — Мадасон. Понятно, что фамилии с формантами -он / -о распространены среди тех бурят, которые были знакомы практически со старомонгольской письменностью.

3. Распространение среди бурят грамотности на родном языке в советскую эпоху способствовало появлению фамилий с формантами на базе родительного падежа -ай / -ой, -э, -н / -ин / -ийн, образующихся от исконно бурятских имен и тибетских заимствований. Примеры с формантом -ай / -ой: Бата-Жаб — Батожабай, Гомбо-Жаб — Гомбожабай, Дондог — Дондогой; формант -э — это отражение тех же дифтонгов -ай / -ой, но не в принятой орфографии, а по восприятию на слух: Убгэп — Убугунэ, Хадаахан — Хадаханэ, Шарагшан — Ширашинэ, Будажаб — Будажабэ, вместо соответствующих форм Убугунэй, Хадаханай и т.д. Формант -н: Намсарай — Намсарайн, Жалсарай—Жалсарайн; формант -ин: Балдоржо — Балдоржин, Гомбо — Гомбоин, Цоктоин (в фамилиях Ильин и Цоктоин — омонимичные форманты: в первом случае — русское заимствование, во втором — бурятская форма родительного падежа со значением принадлежности); формант -ийн — разновидность форманта -н после долгих гласных: Бараади — Барадийн, Сангаади — Сангаадиин. Фамилии с аффиксами -н / -ин / -ийн могут оформляться аффиксом -э, маркирующим женские фамилии: Базарон — Вазарона, Аюшин — Аюшина; фамилии же с формантами -э, -ай / -ой так оформляться не могут.

Фамилии с формантами -ай / -ой, -э, -н / -ин / -ийн распространены среди бурят Читинской обл. Бурятской АССР и отчасти в Боханском и Аларском р-нах Иркутской обл. Среди качугских, ольхонских, нижеудинских, китойских бурят фамилии такого типа не встречаются. Это обусловлено тем, что в этих районах не была распространена грамотность на родном языке.

Выше уже говорилось, от каких имен образуются те или иные типы фамилий: посредством форманта -ов / -ев могут образоваться фамилии от исконно бурятских имен, русских и тибетских заимствований, тогда как форманты старописьменного монгольского и бурятского языков способны образовывать фамилии только от тибетских и бурятских имен. Это приводит к вариантности основ фамилий. Вот некоторые из типов такой вариантности.

1. В фамилиях на -ов / -ев конечный согласный имени реализуется в глухом варианте: от личного имени Жаб образуется фамилия Жапов, Дондог - Дондуков, Мижид - Мижитов. При образовании фамилий от тех же основ посредством формантов старописьменного или бурятского языков согласные реализуются в звонком варианте: Жабай, Жабон, Дондогой, Мижидон.

2. Количественная и качественная редуцированность гласных первых слогов слов бурятского языка обуславливает вариативность фамилий. Так, краткие гласные конечных слогов личных имен в фамилиях на -ов / -ев реализуются по-разному: от имени Санжа могут быть образованы фамилии Санжаев, Санжеев, Санжиев, Санжин (в последней фамилии может быть выделен формант -ин); от имени Шарагшан - Шаракшинов и Шаракшанов; от Доржо - Доржеев, Доржиев, Доржин; от Бата - Батоев, Батуев; от Буян - Буинов, Буянов; от Баяр - Байров, Баяров, а если иметь в виду, что в записях ЗАГСов встречается форма этого личного имени Байр, то возможна и фамилия Байров.

Явления уканья и оканья в бурятском языке обуславливают вариантность фамилий, образованных от имен с гласным "о" / "у" в начальном слоге: Лубсан - Лубсанов, Лобсанов и отчество Лобсонович.

3. Диалектные соответствия согласных "ч" / "ш", разумеется, обуславливают вариативность фамилий: Ошор - Ошоров, Оширов, Очиров.

Таким образом, вариативность бурятских фамилий может быть обусловлена, во-первых, вариативностью формантов при основах исконно бурятских и тибетских имен: Будажаб - Будажапов, Будажабон, Будажабэ; Гомбо - Гомбоев, Гомбоин; Намсарай - Намсараев, Намсарайн; во-вторых, звуковыми соответствиями в говорах бурятского языка (Очиров - Ошоров); в-третьих, изредка варианты основ фамилий бывают обусловлены разными диахроническими срезами звуковой системы бурятского (монгольского) языка. Например, основа фамилии Тагаров восходит к эпохе, когда в монгольских языках еще не происходило образование долгих гласных путем выпадения интервокальных согласных, а фамилия Таров образована от имени, в котором уже образовался долгий широкий гласный - Таар.

Как видим, из русских формантов -ов / -ев, -ин / -ын, -ский / -цкий, -ской / -цкой и др. стандартным для бурятских фамилий стал -ов / ев, отчасти -ин (Ильин). Форманты -ай, -э, -он, -ин распространены главным образом в Восточной Бурятии и являлись активными в 20-30-е гг.

В составе бурятских фамилий встречаются изредка также фамилии типа Сахаровский, Сперанский, которые давались бурятам при крещении.

Как было замечено выше, массовое становление фамилий у бурят началось в годы коллективизации сельского хозяйства. Но часть бурят носит фамилии с более раннего периода: это потомки бурят-казаков, служивших на пограничных заставах. Например, в родословной уроженца с. Няньги Джидинского р-на БурАССР Бадмаева Бато Бадмаевича (1918 г.) фамилия упоминается уже в XIX в.: Надмат Бадмаев - Гивадил Надмитович Бадмаев (1870), Бидмацырен Гевапилович Бадмаев (1892) - Сергей Бадмаевич Бадмаев и Бато Бадмацыренович Бадмаев

(1918) - Баир Сергеевич Бадмаев и Лариса Батоевна Бадмаева (1948 г.).

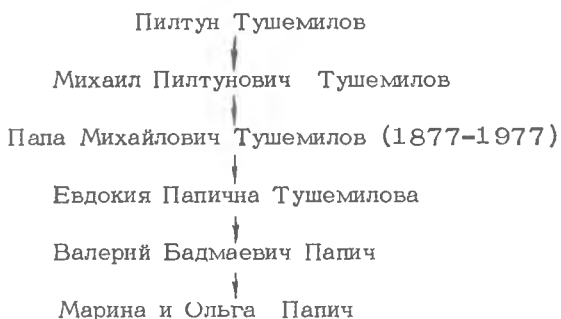
Примерно к этому же времени восходят фамилии потомков крещеных бурят. Так, например, у бурят с. Унета бывшей Молькинской волости Балоганского уезда Иркутской губернии фамилии образованы в связи с крещением их предков: Хундаани Артиипха (1845 г.), его дети Хунданов Василий Архипович (1875), Хунданов Антроопка (1878), Хунданов Пороонти (1889) и др.; Шулууни Миитрэ (1850), Шулунов Михаил Дмитриевич (1880), Шулунов Федор Михайлович (1898), Шулунов Тарас Михайлович (1900), Шулунов Прокопий Михайлович (1908) и др.; Ильдая Миитэн (1855), его дети Ильин Василий Дмитриевич (1894), Ильин Василий Дмитриевич (1898) и др.; Ильдая Бориска (1880), его дети Ильин Василий Дмитриевич (1894), Ильин Василий Дмитриевич (1898) и др.; Ильдая Бориска (1880), его дети Ильин Александр Борисович (1898), Ильина Хатюуха Борисовна (1899), Ильина Адрээлкэ Борисовна (1890); Ильая Дэглээтэ (1875), Ильин Ангуурга (Сократ) (1895), Ильина Дуныаша Сократовна (1916); Гэргөөриин Араамка (1850), его дети Григорьев Хара (Емельян) (1885), Григорьев Шара (1886), сын Емельяна Григорьев Александр Емельянович (1906 г.) и др.

Как видим, фамилии иногда образовывались от имен отцов, и человек оказывался без отчества. Такая последовательная смена фамилий наблюдается у бурят Западного Прибайкалья в последних трех поколениях. Фамилия того, кто начал носить ее впервые в семье, имела значение "сын такого-то", поэтому формант русских фамилий -ов / -ев соответствовал форме родительного принадлежности бурятского языка. Нередко в одной и той же семье оба форманта сосуществуют, создавая разные фамилии в юридическом плане. Например, родословная Ц.Б. Бальжинимаевой (1924; уроженка с. Зугалай Могоутуйского р-на Читинской обл.):

Фамилия Цоктоин в семье сменяется фамилией Бальжинимаев(а) потому, что Цыпилма была единственной дочерью Б. Цоктоина и в па-

память об отце свое отчество (имя отца) сделала фамилией старшего сына; так родилась новая фамилия, теперь уже действительно наследственная. По такому же мотиву произошла смена фамилии в родословной известного бурятского сказителя П.М. Тушемилова:

Другой путь образования фамилии со значением "сын такого-то" связан с неприятием детьми фамилии отца из-за негативной семантики апеллятивной основы. Например: отец Хахархаев Андрей Андреевич – сын Андреев Евгений Андреевич, дочь Андреева Наталья Андреевна; Нохоев Андрей Николаевич – сын Андреев Владимир Андреевич (фамилия Нохоев – от имени Нохой "собака"), фамилия в семье могла измениться по желанию деда дать фамилию по своему имени, например: Хутуров Филипп Борисович – сын Борисов Феликс Филиппович.

Приведем также пример фонетического расхождения одной и той же (с точки зрения лингвистической) фамилии: отец Лудаков Пурба Доржиевич, дети Лудаков Клим Пурбоевич (1954 г.), Лудакова Любовь Пурбуевна (1956), Лудакова Нина (1958), Лудукова Сэбэнжап (Света) – 1961, Лудупов Баир – 1965 г. Это результат разного восприятия на слух основы фамилии, образованной от имени Лүдэб. Юридически в этой семье имеются три разные фамилии.

Официальные документы, в частности записи ЗАГСов, похозяйственные книги поселковых Советов, свидетельствуют о том, что у всех представителей последних трех поколений западных бурят имеются фамилии. В подавляющем большинстве случаев они действительно стали наследственной категорией именованых людей, за исключением случаев, приведенных выше (фамилия по имени отца). В Восточной Бурятии до 1963 г. продолжалось образование фамилий от имени отца, что исключало реализацию характерной черты фамилии – ее наследственность. Так, в похозяйственных книгах с. Верхний Часучей Ононского р-на Читинской обл. находим двухкомпонентные имена вплоть до 1982 г.: Раднабазарова Долгар – 1915 г., Цыбиков Иринчин – 1908, Жаргалов Ринчин – 1947, Ирдынеева Цыпилма – 1954, Бадмаев Батур – 1959 г. и т.д.

В документах ЗАГСа Еравнинского р-на БурАССР наблюдается аналогичная картина: Базаржапов Гарма – 1910 г., Цыренжапов Даши-Нима – 1900, Жалсанова Сырма – 1902, Батуев Санжи-Доржи – 1930, Бадмаев Даши-Нима – 1911, Эрдынеев Дамбарабжал – 1909,

Эрдынеева Бальжима - 1913, Эрдынеева Дулма - 1921, Эрдынеев Бидма-Жап - 1924 г. О том, что фамилии образовывались от имени отца, свидетельствует совпадение основ фамилии и отчества: Найданов Ринчин Найданович - 1896 г., Варнаков Валерий Варнакович - 1898, Жалсанов Дондок Жалсанович - 1901, Эрдынеев Цырен-Даша Эрдынеевич - 1906, Буинова Цырен-Дулма Буиновна - 1912, Хабинов Осип Хабинович - 1923, Дондокова Цыжит Дондоковна - 1915 г.

О том, что фамилии образовывались от имен отцов, свидетельствует также отсутствие смены фамилии у женщин при замужестве, например в ревисских сказках: "Ихы Тулбуриев - жена Мохони Жарбанова; Бобоева сын Бочикту - его жены Дыжит Акныляева Норжима Бонкиева" (ЦГАБ, ф. 8, оп. 2, д. 9).

О неравномерности распространения трехкомпонентных имен у восточных бурят говорят еще следующие данные. По опросу 1983 г. все 70 опрашиваемых бурят пос. Хоринск Хоринского р-на имеют трехкомпонентные имена (районный центр), тогда как из 233 опрошенных бурят с. Тэгда того же района 102 человека имеют только фамилию и имя, но не отчество.

Введение трехкомпонентных имен, начиная с 1964 г., привело к различию фамилий в одной и той же семье. Дети, родившиеся до 1961-1964 гг., носят фамилии от имени отца, тогда как младшие носят фамилии от имени деда. Такое явление характерно для бурят Агинского национального округа, например: Дашиев Болот Жамбалович (1959 г., фамилия по имени отца), сестра его Жамбалова Цыжигма Дашиевна (1963, фамилия по имени деда); Батоев Базар Батоевич (1928), его дети Базаров Батор Батоевич (1958), Батоев Баир Базарович (1964); Батоев Ким Батоевич (1924), его дети Ким Билиг Батоевич (1957), Батоева Валя Кимовна (1961); Жигжитов Балдан Жигжитович, его дети Балданов Валерий Жигжитович (1958), Жигжитов Болот Балданович (1962); Базарсадаев Базар-Гуро, его дети Базаргуруев Бато Базарсадаевич (1959), Базарсадаев Балбор Базаргуруевич (1961 г.) и др.

Разнофамильность в семье изредка обуславливается тем, что детям дают фамилии матери или бабушки. В с. Тангуты Иркутской обл. все пятеро детей Салданова носят фамилию матери - Петханов(а).

Однако встречаются трехкомпонентные именованья с разными основами фамилий и отчеств. В некоторых из них имеются компоненты, заимствованные из русского именника; например, в записях 1941 г.: Мангутов Владимир Григорьевич - 1914 г., Мангутова Мария Борисовна - 1919, Халтеев Гавриил Семенович - 1907, Шулунов Александр Николаевич, его жена, белоруска, Воронецкая Анастасия Кузьминична - 1918, Бихлаев Михаил Николаевич - 1907, Барданова Татьяна Борисовна - 1913, Борисов Зунды Федорович - 1901, Балханов Владимир Васильевич - 1916, Хамнаева Галина Хамдысаевна - 1919, Халтеев Гавриил Семенович - 1907 г. и т.д.

Там же имеются трехкомпонентные именованья с основами исконого или санскритско-тибетского происхождения: Суданов Согол Саниевич - 1906 г., Жанчинов Жамба Лвасханович - 1900, Цыбенова Цынжидма Цынгуевна - 1900, Шагдаров Жамьян Мошкович - 1911, Нор-

боев Базар Дымбрилович - 1913, Бидмаева Ханда Сандановна - 1918, Дармаев Баясхалан Жалсанович - 1919 г. и др.

В немногочисленных записях 1945 г. все имена родителей трехкомпонентны, за исключением одной супружеской четы - Эрдынеев Дамба-Арабжа - 1907, Эрдынеева Бальжима - 1910.

В записях 1969 г. у всех новорожденных имеются трехкомпонентные имена, например: Доржиев Жамьян Владимирович - 1964 г., отец Доржиев Владимир Эрдынеевич, мать Доржиева Валентина Зундуевна.

В записях последнего времени новорожденные наследуют фамилию отца, имя которого служит основой отчества.

У одиноких матерей дети наследуют фамилию матери, например: Эрдынеев Цыбикжап (1950 г.), мать Эрдынеева Дулма. Часто в таких случаях наследуется не только фамилия, но и отчество матери: Доржиев Эрдэм Базарович (1970), мать Доржиева Цыпилма Базаровна; Цыбилова Лариса Митьповна (1970), мать Цыбинова Ринчин-Ханда Митьповна; Жамсуев Мунко Будаевич (1975), мать Жамсуева Ольга Будаевна; Жамбалдоржиева Норжима Дашидоржиевна (1978 г.), мать Жамбалдоржиева Цыбан-Дарн Дашидоржиевна и т.д.

Таким образом, в Восточной Бурятии, особенно в Читинской области, фамилия становится действительно наследственной категорией именованя людей в последние десятилетия, что обуславливает формирование категории отчества по русской модели на -ович / -евич, овна / -евна.

И еще одно замечание относительно основ бурятских фамилий. Если основы русских фамилий весьма разнообразны (Слугин, Челябин, Мальчиков, Ботьев, Дьячков, Владькин, Губернаторов, Огрызков и т.п. - Суперанская, Суслова, 1981, 39-54), то бурятские фамилии, как правило, отыменные (от имени отца, деда), во всяком случае в наших материалах. Это результат заимствования модели стандарта русских фамилий на -ов / -ев со значением "сын (дочь) или внук (внучка) такого-то". Нередко основой фамилии становится имя матери; такое явление наблюдается главным образом в Читинской области и в некоторых районах Бурятской АССР, например в Тункинском районе. Нами зафиксировано свыше 50 таких случаев. Вот некоторые примеры: Дулмаев - от женского имени Дулма, Хандуев (Ханда), Бальжитов (Бальжид), Матуев (Маатуу), Мухнуев (Мухнуу), Налханов (Налхан), Пунтьков (Пунтыгмаа), Рыгзенов (Рыгземаа), Саранов (Саран), Шарнаев (Шарнай), Шарханов (Шархан), Гончиков (Гончигмаа), Амгаланов (Амгалан). Образовывать фамилии как от мужских, так и от женских имен (от имен родителей) позволяло первоначальное значение фамилии "чей сын (дочь)". Фамилии бурят, образованные от женских имен, напоминают русские фамилии такого же типа, например: Якуш Софьин, Лука Марфин, Данило Катюшин, Иван Татьянин (Суперанская, Суслова, 1981, 103).

Можно констатировать, что наследственное именование на -ов / -ев буряты повсеместно восприняли как удобную категорию антропонимии.

§ 2. ОТЧЕСТВА

Если в именовании русских людей третьим, наиболее поздним по времени возникновения элементом является фамилия, то среди множества категорий имен бурят самой новой категорией является отчество, заимствованное от русских. Собственно, заимствованы суффиксы -ович / -евич, -овна / -евна; соответствующее значение - "чей сын? чья дочь?" в бурятском исконно выражалось другой моделью, с суффиксом родительного падежа -ын. Однако имена, образованные по этой модели, не допускают использования при обращении, так как в ней живое значение принадлежности: к примеру, невозможно обратиться к индивиду, называя его по имени отца Доржын Нима "Доржия Нима". Другое дело - отчество с русскими суффиксами. В нем этимологическое значение принадлежности затушевано максимально, и модель "имя и отчество" сейчас широко используется при обращении (Нима Доржиевич вм. Доржын Нима).

Отчество на -ович у бурят может быть образовано от имени не только отца, но и деда, матери, т.е. вначале оно понималось, видимо, чисто формально, как третий компонент именованья по русскому образцу, а не именование по отцу. Отчества может не быть вообще, что связано с образованием фамилии от имени отца или матери.

Отчество отсутствует чаще в Восточной Бурятии; например, в похозяйственной книге с. Верхний Цасучей Ононского р-на Читинской обл. (всего 38 дворов) запись произведена без отчества в 27 семьях. Отчества имеют, как правило, те, кто родился после 1960 г. и отчасти в 1958-1959 гг., например: Батуров Геннадий Борудеевич - 1958, Найданов Анатолий Тумурович - 1975 и др. Из 70 выборочно записанных бурят пос. Хоринск Хоринского р-на БурАССР имеют отчества 19 человек: Жапова Цымжит Жаповна (1913 г.), Жалсанова Дони Жалсановна (1937), Цыбикжапова Дугарма Цыбикжаповна (1961), Цынгуйев Цыбикжап Цынгуйевич (1909 г.) и др. В с. Тэгда того же района из 243 человек 100 не имеют официально отчества, а у 40 человек совпадают основы отчества и фамилий. В одной и той же семье встречаются разные фамилии и отчества. Село Зуткулей Читинской обл.: отец Буйданов Цыден-Еши Жамсаранович (отчество от имени деда), его дети - Цыденешиевы (Бато-Жаргал - 1955, Бата-Нафан - 1956, Бата-Болод - 1958, Бата-Жаб - 1959, Бата-Ошор - 1960) и Буйданова Баира Цыден-Ешиевна - 1964 г.

Село Судунтуй Читинской обл.: отец Бабуев Цырен-Даша (фамилия по имени отца, отчества нет), его дети: Цырендашиев Болод Бабуевич - 1955 (отчество от имени деда), но затем Бабуев Бато-Цырен Цырендашиевич (1964); все последующие дети также носят фамилию отца и отчество от имени отца.

Село Догой Читинской обл.: отец Балданов Владимир Жалсаранович (фамилия от имени отца, отчество от имени деда), его дочь Балданова Дарима Владимировна (1966 г.).

Отчество от имени деда весьма распространено в Восточной Бурятии, а в Западном Прибайкалье оно встречается довольно редко. Например, с. Хатар-Хадай: Бербидаев Бардам Орхокович, его сын Бар-

дымов Василий Орхокович (1937). Сын образовал свою фамилию от имени отца, так как ему не понравилось звучание отцовской фамилии, а отчество взял по имени деда – Орхокович в.м. Бардымович.

До недавнего времени одинокие матери отчества для детей образовывали от своих имен: Долгоровна (1960 г.), Дулмаевна (1953), Дамбураевич (от Дамбуурай), Хандуевич (1954, от Ханда), Жабаевич (1956 г.) от Жабаадай и др. Некоторые женские имена легли в основу фамилий, например; Дулмаев, Долгоров.

Встречаются матронимы-отчества от женских имен, по форме совпадающих с мужскими: Аюевич – от Аюу (1939, 1947 гг.), Гончикович (1954), Нажмилович (1951 г.). Смешение женских и мужских имен характерно прежде всего для Тункинского р-на Бурятской АССР; последние примеры записаны в этом районе.

О функционировании отчеств нужно сказать следующее. Появлялись они, видимо, как компонент официального именованья в юридических документах и в этом качестве независимы от возраста, социального положения и т.д. Но в речевой практике сложилось другое их понимание. Обращение по имени-отчеству стало прежде всего знаком уважения к индивиду. Так обращаются к людям преклонного возраста, людям, пользующимся авторитетом в обществе, например к революционерам Бурятии (Михей Николаевич Ербанов), к работникам народного просвещения, руководителям колхозов и т.д. Наши информанты сознательно подчеркивали оценочный характер обращения по отчеству. Так, Ариха Михайловна Андреева (1897 г., бывшее с. Шихалаевшина Усть-Удинского р-на Иркутской обл.), рассказывая об одном человеке, заметила: "Тэрэ тэрээевич гүүлхээ һанаад..." – "Захотел именоваться по имени-отчеству" (т.е. незаслуженно, по ее мнению, ожидал знаков уважения к себе).

Итак, тенденции обращения к индивидам в речевой практике у бурят можно представить следующим образом. К старшим по возрасту и социальному статусу, как правило, будут обращаться по имени и отчеству (если они не являются близкими друзьями или родственниками). Видимо, еще сохранится в сельской местности в пределах небольших социумов обращение к старшим по имени детей: Федооройн баабай "Отец Федора" в.м. Баинга. Но уже исчезло обращение к людям преклонного возраста по именам типа Сааньха, Бааньха, так как уменьшительно-пренебрежительное значение суффикса -х (-к) уже усвоено в бурятской языковой среде.

Все приведенные факты свидетельствуют о том, что трехкомпонентную систему именованья у бурят следует считать прочно вошедшей в жизнь. Фамилия действительно становится наследственной категорией, которая идентифицирует кровнородственных людей, выделяя юридически семью как минимальную ячейку социалистического общества. Именованья по названию рода, подрода уступили в языке молодого поколения место фамилиям. Однако именование по отцу по грамматической модели бурятского языка все еще сохраняется в пределах отдельных населенных пунктов; Палтари Обоо в.м. Абогой Халтырович.

Активно изживается совпадение основ фамилий и отчеств, что в конечном счете должно привести к стабилизации фамильного корпуса бурят. Мало вероятно, чтобы в этом корпусе было представлено много фамилий с резко отрицательной семантикой основ (о смене их упоминалось выше).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, нами сделана попытка объективно описать эволюцию бурятской антропонимической системы с XVII в. по настоящее время с учетом экстралингвистических факторов, как-то: родоплеменных группировок бурятского народа в прошлые эпохи, верований, обычаев, культуры, характера общения их с другими народами и т.п.

С точки зрения принципов отбора апеллятивной лексики в качестве антропонимов в эволюции описываемой системы наблюдаются стереотипы двух видов. Первый вид представлен именами исконно монгольского происхождения, многие из которых сохраняют семантику соответствующих апеллятивов; он засвидетельствован еще в монгольских исторических памятниках "Сокровенное сказание монголов" (1240), "Altan tobči" (XVIII в.), сохраняясь уже локально вплоть до 30-х гг. XX в. у бурят Западного Прибайкалья, особенно в Качугском, Ольхонском р-нах Иркутской обл. Распространение буддизма среди носителей восточнобурятских говоров (Читинская обл., БурАССР), а также в некоторых западнобурятских говорах (Тункинский, Закаменский, Баргузинский, Курумканский р-ны БурАССР) обусловило складывание второго стереотипа именника, в основу которого легли тибетско-санскритские несемантизирующиеся элементы. Исконные имена, уступив в этом регионе свои позиции иноязычным, стали носить спорадический характер. В именнике же аларских, боханских, отчасти баяндаевских бурят (Иркутская обл.) тибетско-санскритские элементы представлены в небольшом количестве, следовательно, он в основном сохраняет исконный стереотип.

Первый, исконный стереотип бурятской антропонимии представляет собой уже "музейный материал", но он содержит неопценимую информацию по истории языка, социальной истории, а также этнографии бурятского народа. Так, например, набор антропонимов словообразовательного значения "X есть не человек..." (Нохой "Собака" и т.п.) мотивирован охранительными обрядами, равно как и имена с негативным охранительным наречением типа Үнхээ "Вонючий", Муу "Плохой", Муухан изии "Плохая баба". Примечательно и то, что наборы имен локализованы в пределах родовых групп людей, особенно в отдельных семьях. Последнее поддерживается и обычаем соименования (нэрэтхээлээд нэрлэхэ "соименуя именовать"). Соименование реализуется в виде связанных имен, объединенных начальной аллитерацией или конечной рифмовкой (ср. Бааргай, Багдии, Бардааля; Үабжаан, Үандархай, Үайн

тай, Памти; Айхай, Ануухай, Пандархай, Галуухай) или общностью семантики в пределах той или иной лексико-семантической группы, например названий животных (Хуса "баран-производитель", Буха — "бык" и т.п.). Обычай соименования родителей и их детей имеет место у бурят и в наши дни. Если соименование, результатом которого являются антропонимические серии в пределах семьи (или рода), ранее имело этнографические (охранные), а также социально-дифференцирующие функции, то в наши дни оно удерживается в силу традиции: функцию дифференциации бурятских семей или отдельных индивидов друг от друга ныне выполняют фамилии, а "охранительная" функция антропонимических серий сейчас практически не осознается.

Когда живым являлся обычай табуирования имен, он весьма существенно способствовал обновлению именинника. Исконные семантизированные имена заменялись по принципам метонимического переноса, синонимических замен и т.п.: ср. Тогоон "Котел" — Шэрэм "Чугун" (металл); Тэхэ "Козел" — Майрааша "Блеющий" и др. Фонетической модификации подвергались как собственные, так и заимствованные имена: ср. Сагаан "Белый" — Ягаан; Доржо — Ержо и т.п. Впоследствии табуистические варианты имен осознаются как отдельные имена.

Мощный пласт исконных имен составляют суффиксальные образования. Суффиксы образуют личные имена от определенных апеллятивов (дэрэгэр "торчащий, оттопыренный (об ушах)" — Дэр-ээн), а также от уже готовых антропонимов (Гуан "трехгодовалый" — Гуна-хан). Нами описано свыше 100 первообразных суффиксов. Потребности в обновлении именинника удовлетворяются и наслаениями суффиксов на одни и те же антропосносы, что ведет к образованию сложных антропоформантов, например: Шара — Шара-л — Шара-л-дай — Шара-л-дай-хан.

Исконная часть бурятской антропонимии резко противопоставлена апеллятивной лексике системой своих словообразовательных значений. Так, например, в апеллятивной лексике нет и не может быть значения "X есть не человек" (см. главу третью), поскольку нарицательные слова в основной своей массе построены на отражении, фиксации объективно существующих и соответствующим образом оцененных признаков реалий. Так, например, в нарицательном сочетании энэ хара нохой-нууд "эти черные собаки" реализуется смысл "бесстыдные, как собаки", тогда как в имени Хара Нохой, букв.: "Черная собака", — смысл "это не дитя, к сведению злых духов, а черная собака". О различиях между личными именами и соответствующими им апеллятивами говорилось в главе первой.

Интенсивность развития антропонимических категорий прямо пропорциональна интенсивности социально-культурного развития. Так, тесное общение с русским народом в условиях социалистического образа жизни способствовало оформлению категорий фамилий и отчеств. Преимущества последних перед исконно бурятскими именами по отцу (матери, детям) или роду состоят не только в лаконичности их форм, но и в их полифункциональности: они используются в юридических, гражданских документах, а также в формальном общении и при личном обращении к индивиду. Упомянутые исконные именованья бурят в функ-

ции личного обращения, как правило, не используются. Если возможна форма обращения, например Галина Борсоевна, то форма Борсой (басаган) Галина, букв.: "Борсоя (дочь) Галина" в этой роли невозможна. Она пригодна только при заглазном упоминании индивида.

Стратиграфическое описание единиц бурятского антропонимикона показало следующее. Во-первых, заимствование иноязычных апеллятивов происходило в рамках исконных словообразовательных моделей и их значений. Об этом говорит совпадение семантических полей апеллятивных основ в исконном корпусе имен и заимствованном: и там, и тут встречаются апеллятивные основы от названий животных, металлов, растений, слова с негативной семантикой и т.п. Например, бур. Сэсэг (ж.) "цветок", ср. Соосхо, Соотии от сагайского со "боярышник"; бур. Баапан "экскременты" Боохой — от др. -тюрк. боқ с тем же значением, ср. бур. бог "сор, мусор; грязь, нечистоты". Во-вторых, есть основания предположить, что часть заимствований некогда выполняли роль табуистической замены исконных имен.

Таким образом, обновление корпуса бурятского именника прошло двумя путями. Первый — инновации на базе собственных ресурсов. Здесь первенствующую роль играли суффиксация и фонетические видоизменения, например удлинение гласных (Мэргэн → Мэргээн, от мэргэн "меткий стрелок, мудрый"), замена звуков (Дорожо → Ержо). Вторым путем обогащения антропонимикона являлось заимствование из тюркских, тибетского, русского и других языков. Следует заметить, что тибетизмы, а также христианские имена, в отличие от заимствований из других языков, для бурятского языка не семантизируются, т.е. являются безапеллятивными антропонимами.

Утрата в бурятском языке религиозно окрашенных имен, массовое заимствование иноязычных имен, новые обычаи наречения имени новорожденным исключительно на базе социальных мотивов — все это послужило базой, на которой сформировался новый стереотип бурятского антропонимикона. Он обеспечивает действие закона экономии в языке, поскольку современные имена легко запоминаются и не требуют больших усилий и времени для своего произнесения. У них небольшая морфологическая глубина и фонетическая протяженность: ср. бур. Буганайшка и рус. Вера, тиб. Ханда. Они не обременены этнографическими функциями и информацией, как исконные антропонимы. Но если иметь в виду, что и личные имена несут дополнительную информацию, правда только социального плана (например, о характере взаимоотношений индивидов в определенных социумах, что реализуется различными типами моделей именовании, в частности уменьшительно-ласкательными формами и др.), то следует заметить, что антропонимы представляют собой совершенно особый класс лексической системы любого языка. Да иначе и быть не может, так как антропонимы призваны обозначать, идентифицировать самого человека, следовательно, отражать самые сложные взаимоотношения между людьми и обществами и их историю не в меньшей мере, чем историю языка.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ АДАПТАЦИИ РУССКИХ ИМЕН В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

<u>Русские имена</u>	<u>Бурятские формы</u>
Абрам	- Абраам, Абраан, Абраахан, Абраашха
Абросим	- Оброосим
Августа	- Аавгуста, Августиина
Аврора (ж)	- Авроора
Авдотья (ж), народная форма имени Евдокия	- Агдоотя, Агдоотья, Агдоохи, Агдоохия, Огди, Огдо, Огдообой, Огдобой, Огдоол, Огдоон, Огдоотя, Огдоохи
Агаап	- Агааб
Агапия (ж), прост. Агапея	- Агаапи
Агафья, Агафия (ж) произв. Аганя, Ага,	- Аага, Аагла, Агааня, Агааша, Агаафи,
Агаша, Ганя	Агаафии, Агаафья
Аграфена (ж); народн. форма Агрипина; уменьш. формы: Граня, Груня, Груша, Грушка	- Аграпеена, Аграфеена, Агрипиина, Агрипишка, Агруун, Агрууни, Агрууна, Гараани, Грүүни, Грүүня, Гүрпиина, Гүрпеена, Гүрүүни, Грүүша, Угаани
Ада (ж)	- Аада
Аза (ж), разг.	- Ааза, Аазай, Азариина
Акилина (ж), народн. форма Акулина	- Аклиина, Үхлиина, Үхлиинэ
Аксентий, произв. Аксенка	- Аксееьнка
Аксинья (ж), народн. формы: Ксения, Ксенья	- Аксииня, Аксиини, Овшиино, Ончоон (м), Охсиина, Охшиина, Охшиино, Охшина
Александр, уменьш. формы: Сааша, Сашка, Сашко	- Аалиг, Алексаа, Алексаан, Алехсаан, Александр, Алээнсэ, Алексааха, Алеэса, Альсаандр, Илехсаан, Лехсаан, Саанька, Сааньха, Сааха, Саахуун, Сааня, Сааша, Саашка, Саашкоон, Саашуунай, Шаашка, Шаашха, Шуукаан, Шуунаай, Шуур, Шуура, Шуурка, Шүүркэ, Шушуу
Александра (ж), прост. Лександра, произв. Саяя, Алексаха, Саша, Шура, Лекса	- Ааси, Алехсаан, Александра, Сааха, Сааша, Шуур, Шуура, Шуураан, Шүүрэ, Шушуу
Алексей, уменьш. Алёха, Алёша, Алешка	- Алексее, Алеоха, Алеохо, Алеохоои, Алёшоон, Алешка, Алеоша, Алёшо, Алеошоон, Алёшка, Алёшко, Алёшхо, Олешка, Олешхо, Ареепа, Илхсээ, Лёшко, Лэксее, Олёпо, Олёлхо, Олёохо, Олёшо, Олёшхо, Олоосхо, Өлөхсөө, Өлөхсээ, Үлэхсээ, Элэхсее, Элегцээ

Алёна (ж)	- Аёонёо, Алёона, Алёоно, Алёонка, Алёонха, Олёоно, Олёоной
Алла (ж)	- Аала, Аали, Аалка, Ааля
Альбина (ж)	- Альбиина
Ананий	- Анаани
Анастасия (ж), разг. Настасия и Настасья; произв. Настя; уменьш. Ася	- Аася, Настаан, Настааси, Настаася, Настааша, Наастёона, Наастя
Анатолий, прост. Натолй; произв. Толя, Тоша	- Анатооли, Анатооля, Антооли, Антооля, Онтооли, Мотооля, Наттооли, Тооли, Тоолька, Тоохоон, Тооша
Ангелина (ж)	- Ангелиина, Анегезла
Андрей, произв. Андрейка, Андрияха, Андрияшка	- Андрейка, Андрее, Андри, Андрияун, Андрияуна, Андрияуха, Андрияуша, Андрияха, Мандри, Ондрёо, Ондри, Ондрей, Ондрияушка, Ондрээ
Андрьян	- Андрияан, Андрияшакка, Ундрияан
Андрон	- Андроон
Анжелика (ж)	- Анжелиика, Анжейка, Анжээла, Анжээлка
Анисия (ж), разг. Аниса, уменьш. Аниска	- Анииса, Анииси, Аниисха, Аниисья, Ониисхо, Нисха
Анна (ж), произв. Ануся, Нюра, Нюрка	- Аана, Аанай, Аанка, Аанашха, Анёохо, Аануудай, Аануусай, Аануха, Аануухай, Аанха, Аниида, Антюо, Ануушка, Анюура, Анюута, Анюуха, Анюушка, Нюура, Нюура, Нюура, Нюута, Нюушка
Антип, произв. Антипка	- Антии (ж), Антиипха (м., ж)
Антон, произв. Антоха, Тоша	- Антоон, Антоосхо, Антоохи, Антоохо, Антоохон, Антоохоон, Антооша, Антоошка, Антоошо, Антоошохо, Антоон, Антоошкко, Антоохоон, Энтё, Отдошон, Монтоон, Монтоохой, Тооша
Антонида (ж), уменьш. Антоша	- Антонида, Антониика, Антооша, Тоонеон, Тоони, Тооня
Антроп, произв. Антропка	- Антрооб, Антрообха, Антроопха, Антроопхо, Онтрооб, Янтрааб (ж)
Анфиса (ж), произв. Фиса	- Ампиис, Ампииса, Пииса
Аполлон	- Аплоон, Оплоон, Ополоон
Апрелия (ж), уменьш. Апрелька	- Апруээл, Апруээлка, Апруээлхэ
Аркадий, произв. Аркаша, уменьш. Аркашка	- Аркаади, Аркаадии, Аркааша, Архан, Архаашка
Арнольд	- Арноольд(о)
Арсений, разг. Арсен, Арсентий, Арсюша	- Арсееэн, Арсееэни, Арсееэнтии, Арсюуха, Арсюуша
Артамон, произв. Артюха	- Артамаан, Артамоон, Артюуха
Артем	- Артёом
Артур	- Артуур
Архип, произв. Архипка	- Артиип, Артиибха, Архииб
Афанасий, произв. Афонька, Офоня	- Апоони, Афанааси, Афанаасии, Афанаася, Афкаат, Афоони, Афооня, Афоонька, Оопоо, Опоо, Опооньхи, Офёод, Пооньхи, Уханааси, Уханааша, Ухнааша, Хунааша
Африкан	- Африкаан
Белла (ж)	- Бээла
Борис, произв. Бориска, Борька, Боря	- Боррис, Борриска, Боррисоо, Боорек, Боори, Борисхоон, Боорхо, Бооря, Вориико, Ворлой

Вадим, произв. Вадька	- Вадиим, Ваадим, Ваадя
Валентин, произв. Валя	- Ваали, Ваалиг, Валентиин, Валёокоон
Валентина (ж), произв. Валоха, Валя	- Баали, Баальтя, Балюуха, Балюухай, Ваали, Вааля, Ваалян
Валерий, произв. Валера	- Валеэра, Балеэри, Валеэрии, Валеэрэ
Валерия (ж)	- Валериина, Валерьяана
Варвара, Варя (ж)	- Бааря, Барбаара
Василий, Вася, Васюха, Василька, Васька, Васюта, Васютка, Ваша, Вашка	- Бааска, Баанюушха, Баасса, Баасха, Баасхэ, Баатяан, Баачха, Баашаан, Баашан, Баашха, Баашхан, Баашуу, Баршила, Базила, Базилиа, Басилхан, Басюутха, Басюутха, Башалхан, Башии (ж), Башиила, Башиилэ, Башилхаан, Башилхан, Башиняа, Башуут, Башхуун, Башлай, Вашли, Башуун, Башуутха (м., ж.), Башхан, Башэн, Башхуул, Башян, Босии, Васиили, Василий, Василия, Васюушка, Вааська, Ваася, Пашуутха
Василиса (ж)	- Василииса, Ваасса
Вахрамей, Вахрушка	- Бахруун, Бахруушка, Вахрамэ
Великтон	- Великтоон, Виили, Виилка, Эликтоон
Вениамин	- Везня
Вера (ж)	- Беэра, Беэрка, Беэрьха, Беэрэ, Веэра, Веэрка, Вээрэ
Вероника (ж)	- Верониика
Виктор, произв. Витя, уменьш. Витя	- Бииктор, Биити, Биитха, Вииктор, Виитьха, Виитя, Тиитя
Виктория (ж), произв. Вика	- Биикэ, Виктоори, Виика, Викуунай
Виталий, произв. Виталя, уменьш. Виталька, Витаха	- Битаали, Витаали, Витаалька, Витааха
Владимир, произв. Володя, уменьш. Вова, Вовка	- Бальдии, Бальдимар, Балдисай, Балдисха, Бальдиha, Болдой, Болооди, Болоодя, Боллооди, Владимир, Вобоохон, Волооди, Волоодя, Волоодька, Воова, Воовка, Малдимар
Владислав, произв. Слава, уменьш. Владик	- Балаадиг, Владиг, Влаади, Владислав
Влас	- Влаасоон
Всеволод, произв. Сева, диал. Сивлод	- Всеволоод, Себолоод, Сиблоод, Сэва
Вячеслав, произв. Слава, уменьш. Славка	- Слаава, Слаавка
Гаврил, произв. Ганя, уменьш. Ганька, Ганьша	- Гаани, Гаанька, Гааньхи, Гааньша, Гааньши, Гааня, Габриила, Габриишка, Гавриила
Галина (ж), произв. Гала, Галя, уменьш. Галка, Галька	- Гаала, Гаали, Гаалха, Гааля, Гаалян, Галиина
Геннадий, произв. Гена, уменьш. Геха, Генка	- Гекүүн, Генаади, Генаади, Геэна, Геэнка
Георгий, произв. Гоша, Жора	- Георгий, Георгии, Гооро, Гооша, Гоошо, Гоошка
Герасим, произв. Герася	- Гараасай, Гераасим, Яраасаб
Герман, произв. Гера, уменьш. Герка	- Геэра, Геэрка, Геэрман, Гермаан
Глеб, уменьш. Глебка	- Глеэб

- Григорий, произв.
Григоря (Григора),
Гриша, Гриня, уменьш.
Гринька, Гриша
- Данил, Данила, произв.
Данилка, уменьш. Доня
- Дарья (ж), произв.
Даруня, Даша
- Декабрина (ж)
Джультетта (ж)
- Денис
Дина (ж)
- Дмитрий, произв. Дима,
Митя, Митря (Митра),
уменьш. Мита, Митка,
Митряй
- Домна (ж)
- Донара (ж), нов. произв.
Донарка, Дора
- Дорофей, произв. Дора
(Доря)
- Евгений, Евгения (ж),
произв. Женя
- Евграф
Евдоким
Евдокия (ж), народн.
Авдотья, Дуня, Дуняха,
Дуныша, Дуся
- Евсей
Егор, произв. Егорка,
Егорша
- Екатерина (ж), произв.
Катя, уменьш. Катря,
Катька, Катюха
- Елена (ж), произв. Лена,
уменьш. Елеха, Еленка,
Ленка
- Елизавета (ж), произв.
Лиза
- Елизар, произв. Елизарка
- Еремей
Ермак
Ермол, Ермолай, произв.
Ермоошка
- Ерон
Ефим, произв. Ефимка
Ефрем
Ефросиния (ж),
уменьш. Фрося
- Жанна (ж), заимств.
произв. Жанка
- Захар
- Гиргоори, Григоори, Григоории, Григооря, Гер-
гөөри, Гөргөөрө, Гринхэ, Гриния, Грииша,
Гриишка, Гриишэ, Гүргөөри, Гөргөөрэ, Гэриника,
Гэриишка, Гэргэн
- Даниил, Данила, Даниилха, Даниилхаа, Дани-
иша, Дооня, Доонька, Дооньха, Дооньхи
- Даарья, Дааша, Дарууня
- Декабрина
- Джулъетта, Жулъетэ
- Дениис
- Диина
- Диима, Диимка, Диимэ, Миикэ, Митааха, Миити,
Миитеэ, Миитра, Миитри, Миитрэ, Миитэр,
Миитря, Миитхэ, Миитэн, Миитя
- Доомна
- Донаара, Наара, Даана
- Доорой, Дорофее, Дорфее
- Ебъеэнэ, Евгезни, Жээни, Жээнка (м., ж),
Жээнька, Жээнэ (ж), Жээня, Элгээнэ
- Яграаб
- Евдоотиим, Евдоохиим
- Авдооти, Дуныааха, Дуныаша, Дүүдхэ, Дүүни,
Дүүнэ, Дүүншээ, Дүүнээ, Дүүнька, Дүүньхэ,
Дүүсээ, Дүүся, Ебдохи, Евдокии, Евдокиия,
Огдооти, Огдоохи
- Ебсээ, Епшээ, Епшоон
- Егоор, Егоорка, Егоорха, Егөөр, Егөөрша
- Екатериина, Екатерининэ, Етхоон, Каатка, Каатя,
Катериина, Катериинэ, Катриина, Катриинэ, Кат-
риан, Хаатъха, Хаатя, Хатериина, Хатии, Хати-
ишка, Хатриина, Хатюуха
- Елезна, Елезнэ, Илезна, Илезнкэ, Илезнхэ,
Илезнэ, Леэна, Леэнка, Леэнхэ, Леэнэ, Леоля,
Лёона, Ляая, Элеэн, Элеэнсээ, Элеэнэ, Элеэшэ,
Элеэнэ
- Елизаветта, Елизабееэтэ, Илиизэ, Лииза, Лиза-
везта
- Илзаарка
- Ермээ, Ирмии
- Ермааг
- Ермолай, Ермоол (ж), Ермоошко, Ярмапай
- Ероон
- Ефим, Ефимка, Яхиимха, Яхим
- Ефрээм
- Фрося
- Жаана, Жаанка
- Захаар

- Земфира (ж), заимств. - Земпира, Земфира
Зинаида (ж), Зина, произв. - Зиина, Зианаан, Зиинкэ, Зиинэ, Зинаида, Зына,
Зинка Зээнэ (м)
Зитта (ж) - Зиита
Зоя (ж), произв. Зойка, - Зойка, Зоохон, Зоо
Зоха
Иван, произв. Иванка, - Баанси, Баанся, Баанти, Баантя, Баанха, Баан-
Иваша, уменьш. Вашка, хи, Баанша, Бааншаг, Бааншиг, Баанька, Баань-
Ванча, Ванька, Иванька, ха, Байнхи, Ванька, Вааньха, Вааньхи, Вааня-
Иваха, Ивашка ан, Ибаан, Ибааша, Ибаашка, Ибайн, Ибайнха,
Иваан, Иваанка, Ивалиина (ж)
Игнатий, произв. Игнаха, - Игнаа, Игнаан, Игнаат, Игнаати, Игнаати,
уменьш. Игнатка, Игна- Игнаатха, Игнааха, Игнаашка
ха, Игнаша, Игнашка
Игорь, произв. Игорь, - Иигорь, Игоор, Игореог
уменьш. Игорёк
Изольда (ж) - Изоолда
Изот, прост. Зотей - Затез
Илларион - Иллариоон, Олероон
Илья, произв. Илоха, - Альяа, Бульдяа, Ильдяа, Ильяя, Ильяа, Ильяа-
уменьш. Илька, Ильюш- шха (ж), Илюүхэ, Илюушка, Илюүшкэ, Илюуш-
ка ха, Ульдяа, Ульляа
Инга (ж) - Иингэ
Инесса (ж) - Инезска
Инна (ж) - Иинэ, Инхуурга
Инокентий, произв. - Инокеэнти, Инокеэнти, Кээскэ, Кээша, Кээшка,
Кеша, уменьш. Кешка Кеөшэ, Кешуунай, Насайнта, Насаянта, Натеент-
та, Нахээнта, Нитеэнтэ, Нехеэнтэ, Нэсээнтэ,
Нэхэнсэг, Нэхээнтэ, Теэня, Теэшкэ, Теэшхэ,
Төөшэ, Энэхээнти
Иосиф, народн. Осип, - Иоосип, Оосиб, Ооська, Осьхооной, Оошка,
уменьш. Оська, Ошка Оошхо, Оошии, Оошиб, Оошоб, Оошол, Оошхо
Ирина, народ. Арина, - Ариина, Аришка, Иира, Иирочка, Иирэ, Ириика,
прост. Орина, уменьш. Ириина, Ириисэ, Ириишка, Иркаан, Ориина, Ории-
Ариша, Аришка, Ира, но, Оришоон
Ириша, Иришка, Ирка
Иринея, стар. редк. - Эрнюухэ (1890)
прост. Риней
Исак - Исаа, Исая, Исааг, Исааха
Капитолина (ж), - Каабай, Каапа
произв. Капа
Капитон - Капитоон, Хабитоон, Капиит, Хабьтоон
Капрап - Капраал (ж)
Карл - Каарл, Каарла, Хаарла
Карл, произв. Карпуха - Каарпа, Хаарпа, Харлуу, Харпууха
Ким - Киим, Кым
Кирилл - Кириил, Кириила, Хириил, Хириила, Хириилэ,
Кыриила, Кырылэ, Кэрылэ
Клавдия (ж), произв. - Галааня, Клаабди, Клаава, Клаавди, Клааня,
Клава, уменьш. Кланя Лабди
Клара (ж) - Клаара, Клаария, Халааба
Клим, Климентий - Клиим, Климеенти, Климеентя, Клиимка,
Климентии
Кондратий, произв. - Каандр, Хандраашка, Кондраат, Кондраати,
Кондраша, уменьш. Кондраатя, Хундрааши
Кондрашка

- Константин, произв. — Константин, Коости, Костинси, Костинхэ,
Костя, уменьш. Котя Коостя, Коотя, Костии, Костинхан, Хостии,
Хоостя
- Кристина (ж.) — Кристинэ, Христиина
- Ксения (ж.), — Аксаани, Аксээни, Аксиина, Ксээни, Ксээния,
произв. Ксения Ксээня, Оксиина, Хсээни
- Кузьма — Кузьмаа, Хожьмаа, Хужьмаа, Хужьма, Хузмаа
- Лавр — Лаабра, Лаавра
- Лаврентий, произв. — Лабруу, Лавреэнти, Лавреэнтти, Лавреэнтя
Лаврууна
- Лазарь — Алаазарь, Лаазарь, Лаазер, Лазерь
- Ларион — Олероон
- Лариса (ж.), произв. — Алариса, Лаара, Лариса, Лоора, Лоорка
Лора, уменьш. Лара,
Лорка
- Лев, произв. Лёва, — Лезба, Лезь, Лезва, Леова, Лезпка, Лезпкэ,
уменьш. Лёвка Олёбо, Олёпо
- Леонид, произв. Лёня, — Лёноя, Леонид, Лёнька, Лёньхо
уменьш. Лёвка
- Леонтий, произв. — Альбоо, Альбоон, Альбаанта, Альбоонта, Альбо-
Леня, уменьш. Ленька онти, Леоонти, Леооньти, Леооньтии, Леоонтя,
Ольбоонта
- Лидия (ж.), произв. — Лида, Лиидия, Лиидэ, Литхөөн
Лида
- Лиля (ж.), произв. Лиля — Лилияя, Лиля
- Лука — Лукаа, Лухаа
- Любовь (ж.), произв. — Люуба, Любаан, Любоовь, Люубэ, Люубка, Улюубэ
Люба, уменьш. Любка
- Людмила (ж.), произв. — Дмиля, Люуба, Люуда, Люудаан, Люудка, Люд-
Люда, Мила миля, Людмиля, Люусии, Люуся, Люудаан,
Миля
- Макар, произв. — Макар, Махаар, Махаарха
Макарка
- Максим — Максиим, Максимка, Магшам, Махшам
- Маланья (ж.), — Малаани, Малашка
уменьш. Малашка
- Марат — Мараад
- Маргарита (ж.), — Маргариид, Маргариита, Маргоо, Ридаан, Риита,
произв. Рита, Марго, Ритка, Ритээка
уменьш. Ритка, Риток
- Марианна (ж.) — Марьяана, Мариана, Мариинка, Мариита
- Марина (ж.), произв. — Мариина, Мариинка, Мариинээ, Марииня,
Маринка, Мариня Мариихан
- Мария, Марья (ж.), произв. — Маани, Маанька, Мааньха, Мааньхан, Мааня,
Марья, Маруся, Марууха, Мааняа, Маарша, Маарья, Мааша, Мааши,
Маня, Маша; уменьш. Маньшихан, Марейка, Марез, Марезха, Марии,
Марита, Мариня, Марииха, Мариихай, Мари-
иша, Маришша, Марууня, Маруус, Марууси, Ма-
рууся, Маруусян, Марууха (м.), Маруухан, Маши-
хай, Мүүся, Наараша
- Марк — Маарк, Маарка, Маарха
- Марта (ж.) — Маарта
- Марфа (ж.) — Маара, Маарпа, Маарша
- Матвей, произв. Мотя, — Матбээ, Матвээ, Матбии, Матюу, Матюуха, Ма-
уменьш. Мотька тюухай, Моотка, Моотко (м., ж.), Моотя, Мотё-
ол, Мотии, Мутаба

- Матрёна, Матрона (ж.), произв. Мотрёха, Мотя
- Мая (ж.)
- Мери (ж.)
- Микита
- Микола
- Милен
- Мина (ж.)
- Мира (ж.)
- Мирон
- Митрофан, произв. Митрошка, Митроха
- Михаил, произв. Миха, Миша, Мишуля, Михаля, уменьш. Миия
- Михей
- Моисей
- Моника (ж.)
- Мурат
- Надежда (ж.), произв. Надя; уменьш. Надька, Надюха
- Назар
- Наталья, Наталья (ж.), произв. Наталя, Наташа, уменьш. Наталка, Натаха, Наташка
- Нелли (ж.) произв. Неля, уменьш. Нелька
- Никита, Микита (м.)
- Никифор
- Николай, Миколай, народн. Никола, Коля; уменьш. Колька, Николашка, Никула
- Нина (ж.), произв. Нинка
- Ноябрина (ж.), нов.
- Оксана (ж.)
- Октябрин, нов. произв. Октя
- Октябрина (ж.), произв. Октя
- Октябрь
- Олег, произв. Олешка; уменьш. Ола, Олка
- ольга (ж.), произв. Оля
- Орефий
- Павел, произв. Павлик, Паана, Паша; уменьш. Пашка
- Матрёна, Матреона, Матрёха, Митроона, Мотроон, Моотя
- Маая
- Мээра
- Михиита, Мутиита, Нихиитэ
- Миколай, Мисюулай, Михлай, Михуула, Михуулай (м., ж.), Михуулха, Мяхулай
- Мылээн, Мэлээн
- Миинэ
- Миира
- Мироон
- Митрофаан, Митроошко, Митроохо
- Миинька, Миния, Мииха, Мииша, Миишаан, Миишка, Миишкэ, Миишэ, Михаала, Михаахан, Михаайла, Миханил, Михала, Михлууша, Михлүүшэ, Мишиинти, Мишуулан, Мишууныя, Нихаала
- Михеэ, Масээ
- Майсаа, Моисеэ, Мосой
- Мооня, Мооника, Моника
- Мураатха
- Наади, Наадя, Наатъха, Надеэжда, Надёожа, Надюухай, Натъхоон
- Назаар
- Наата, Натаа, Натаал (м.), Натаали, Натаалка, Натаалька, Натаалья, Натааля, Натаан, Натааха, Натааша, Натаашка
- Неэлькэ, Неэлэ, Нээла, Нээли, Нээлэ, Нээля
- Михиита, Михиитэ, Ниикоон, Никиитэ, Нэхээтэ
- Никиипэр, Никиифор
- Коокоо, Кооли, Коолёон, Коолька, Кооля, Михалай, Михлай, Михуулай, Нихлай, Николаашка, Николай, Нихаала, Ниханай, Нихлай, Нихолай, Нихуу, Нихуулай, Няхла, Няклай, Няхлай, Няхуулай, Хооля
- Ниина, Ниинкоо, Ниинэ
- Ноябриина
- Аксаана, Оксаана, Охсаана
- Октябриин, Охтёхоон
- Ооктя, Октябриина, Оохтя
- Октябрь
- Олеэ, Олеэг, Олеэшка, Оолти, Оольти, Оолтя
- Олеэ, Олеэся, Ооли, Оольга, Ооля
- Орёобой, Оёобхо, Орёошоон, Ориипо, Оршоон
- Паабил, Пааблоо, Паавел, Паавлик, Паана, Панаха, Паахла, Пааша, Паашка, Паашка, Паашхи, Паашьхим, Пайбал, Пайбалхан, Пайбии

- Палагея, Пелагея (ж.),
произв. Паланка, Паланя
- Панфил, разг. к Пампил,
уменьш. Панфилка
- Парамон
- Петр, произв. Петруха,
Петря, Петуха; уменьш.
Петраша, Петрай, Пет-
рей, Петрик, Петрунка,
Петруха, Петрушка,
Петуния, Петушок,
Петька, Петя
- Платон, произв.
Платоша
- Полина (ж.), произв. Пана,
Поля, уменьш. Панка
- Порфирий
- Прасковья (ж.), произв.
Пана; уменьш. Палань-
ка, Панка
- Прокопий, разг. Прокоп,
произв. Проня, Проша
- Протас
- Раиса (ж.), произв. Рая,
уменьш. Райка
- Рената (ж.), произв. Рена
- Римма (ж.)
- Роберт, произв. Роба,
Ровка
- Родион, произв. Родя,
уменьш. Родька, Родя
- Роза (ж.),
произв. Розка
- Розалия (ж.)
произв. Роза
- Роман, произв. Рома,
уменьш. Ромка
- Руслан, произв. Русланка
- Савва, уменьш. Савка
- Савелий
- Самсон
- Самуил
- Сара (ж.)
- Светлана (ж.), произв.
Света, уменьш. Светка
- Семен, Симеон, произв.
Сёма, Сеня; уменьш.
Семенка, Сёмка, Сенька
- Сентябрина (ж.)*
- Палааня, Палаанки, Пелагее, Пальдеэ, Пальеэ,
Плааня
- Пампиил, Пампиилка, Панпиил
- Парамоон, Пармоон
- Патьха, Патраанха, Петраа, Петраашка, Петрай,
Петреэ, Петроо, Петруун, Питруун, Пятруун,
Петруунха, Петухуунхи, Петрууха, Петруушка,
Петрүүнхэ, Петрүүхээ, Петрүүшхэ, Петууха,
Петүүшен, Петрээ, Петюун, Пээтка, Пээтриг,
Пээтьха, Пээтхэ, Пээтчиг, Пээтчин, Пёотчин,
Пээтхээн, Пээтуун, Пээтькэ, Пээтя, Пёотор,
Пёотр, Пёочин, Пёошоо, Питармаан (или Петэр-
маан)
- Палтоон, Полтоон, Полтооша, Полтоошхо
- Паана, Паанка, Полиина, Полько, Пооля
- Порфееэ
- Ворскооб, Паана, Паанка, Парскооб (м., ж),
Праскоови (м., ж.), Праскоовья, Праскоовя,
Пракооф (м.), Проскооб, Проскоопи
- Борхооби, Борхоодой, Бурхууба, Пархооби, Пер-
хооб, Перхообо, Поркольжин, Порхооба, Порхо-
оби, Порхоод (ж.), Пороонха, Пороонхи, Проко-
опи, Прокоопии, Прокоопя, Проонька, Прооня,
Прооша
- Бартаас, Партаас, Портаас, Протаас
- Араая, Раайха, Райха, Раииса, Раая, Раяя
- Рэзна, Ренаата
- Риима, Римман
- Рёоберт, Рооба, Рооберт, Рооберта, Рообка
- Раади, Раадик, Раадя, Ордибоон, Ороодой,
Ороодьхо, Ороодьхон, Ороостьхо, Родивоон, Ро-
диоон, Родии, Родька, Родя
- Арооза, Орооза, Ороозо, Рооза, Розеэм
- Розаали
- Армаан, Ромаан, Роома, Роомка, Роомха, Ура-
махаан, Урмаан, Урмааха (м., ж.)
- Руслаада, Руслаан, Руслаанка, Услаан
- Сааба, Саабка, Саавва, Савван
- Сабееэли, Савееэл, Савееэли
- Самсоон, Самсоошка
- Самуиил
- Саара
- Сбееэта, Свееэта, Свееэтка, Свееэтэ, Свееэтаана,
Сэбтлаана, Эсбееэтка, Эсвееэте
- Семёон, Сёома, Сёоомо, Семьёон, Сеэнька,
Сеэньхи, Сеэня, Сэмээн, Сэмээтхэ, Сумояан,
Шимоон, Шоомо, Шоомхо, Шэмээ
- Сентябриина

- Сергей, произв. Серёжа; уменьш. Серёга - Сэргээ, Серээ, Серёог, Серёожо, Серёошхо, Сероожо, Сэргиб, Шэргээ
- Сидор - Сиддор, Шиддэр
- Сима (ж.), от Серафима - Серафима, Сиима, Сиимка, Шиимка, Шиимхэ
- Снежана (ж.) - Снежаана
- Сократ - Сокраад, Сокраад
- София, Софья (ж.), произв. Соня - Соони, Сооня, Соопи, Соопи, Соофи, Соофья
- Софрон - Софроон (м., ж.)
- Спартак - Спартаг
- Спас - Спаас
- Спиридон - Спирдоон, Спиридоон, Пиридоон, Пирдоон
- Станислав, произв. Слава, уменьш. Славка, Стасик, Стася - Слаба, Слава, Славка, Стаасик, Стаася, Станислаав
- Степан, уменьш. Степанка, Стёшка - Истибаан, Истипаан, Остёопка, Остёопко, Стбаан, Стёопа, Стёопка, Стёопко, Стёопоон, Стёопхо, Степаан, Степаанха, Шаапаан, Шапаан, Шиипаа, Шиипаан, Эстелаан, Эстэбаан
- Степанида (ж.), произв. Стёпа - Степанида, Стёопа, Паниида
- Сусанна (ж.) - Сусаана
- Таисия (ж.), произв. Тася - Таася, Таииса, Таиися, Талииса
- Тамара (ж.), произв. Тома - Тамаара, Тоома
- Тарас, произв. Тараска - Тараас, Тарааска
- Татьяна (ж.), произв. Таня, уменьш. Танька - Таани, Таниидо, Таанькоон, Тааньха, Тааня, Тасяана, Татьяна, Татяа, Тахьяана, Тахьяана
- Терентий, произв. Тереха, Тея, Терёшка - Терёохо, Терэнтйи, Терэнтйя, Теэня, Тэрэнтйи, Тэрэнтэ, Тэрээшхэ
- Тимофей, произв. Тимоха, уменьш. Тимошка - Тимооха, Типоошхо, Тимофей, Тимпээ, Томпийи
- Тихон - Иихэн, Тиихан, Тихаахан
- Томила (ж.) - Томиила
- Трифон - Тэриипон
- Трофим, произв. Троша, уменьш. Трошка - Тороошка, Торпийи, Трооска, Трофийи, Трооша, Троошка, Троошо
- Уланко (см.: Тупиков, 1903) - Улаанха
- Ульяна (ж.), произв. Ульянка, Уля - Сульяана, Ульдьяана, Ульяана, Ульяанка, Ульяанха, Үүля, Үдхээ
- Фадей - Падии, Хадээ, Падии
- Файна (ж.), произв. Фая - Фаая
- Февралига - Февралиина
- Фёдор, произв. Федя - Пеэди, Пёдон, Пёодисон, Пёодор, Фёодор, Фёэдя
- Федосия (ж.), уменьш. Феня - Пеэни, Пеэня, Пидоос, Сидооро, Федоосьяа, Феэня, Федооша
- Федот, произв. Федотка - Педоотха, Педоотхо
- Федора (ж.), произв. Дора - Доора, Доороон, Педоора, Педоори, Федоора

Ферапонт	- Перлоонта
Филат	- Пилаат
Филимон	- Филимоон
Франс	- Барансууд, Парансуу, Фраанса, Фраанц
Харитон	- Хорьтоон
Эдуард, уменьш. Эдик	- Эдуаард, Ээдик
Элеонора (ж.), произв. Эля	- Элеоноора, Ээля
Эльвира (ж.), произв. Эля	- Альбиира, Элиипхэ, Эльбиира, Ээля
Эльза (ж.)	- Ээльза
Эмма (ж.), произв. Эмка	- Ээма, Ээмка
Юлия (ж.), произв. Юля, уменьш. Люся	- Лююся, Юули, Юуля
Юрий, произв. Юра; уменьш. Юрка	- Юухаан, Юура, Юури, Юурка, Юуркэ, Юурхэ, Юурэ
Яким	- Яхим
Яков, произв. Яша; уменьш. Яшка	- Яякав, Яяков, Яяхаб, Яяхабшан, Яяхша

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИНФОРМАНТОВ

- Абрамитов Б., 1094, с. Новая Заря Ононского р-на Читинской обл.
Алагуев А.А., 1906, с. Мухар-Шугуй Ольхонского р-на Иркутской обл.
Алексеева Е.И., 1911, с. Тангуты Нукутского р-на Иркутской обл.
Ангаткин Б.А., 1921, с. Холбот Эхирит-Булагатского р-на Иркутской обл.
Атутов Е.Г., 1892, с. Куйта Нукутского р-на Иркутской обл.
Аханянов В.П., 1911, с. Ей Нукутского р-на Иркутской обл.
Аюшеев Е.У., 1897, с. Хужир Тункинського р-на БурАССР.
Аюшеев Х., 1918, с. Верхний Пасучей Ононского р-на Читинской обл.
Бабкин В.Б., 1920, с. Ей Нукутского р-на Иркутской обл.
Бабуева Ц.Б., 1939, с. Узон Дульдургинского р-на Читинской обл.
Багадаев П.В., 1893, с. Доодо Наймагууд Боханского р-на Иркутской обл.
Багланов С.П., 1923, с. Речка (Жэншээ) Усть-Удинского р-на Иркутской обл.
Бадмаев В.К., 1914, с. Оймур Кабанского р-на БурССР.
Бадмаев Д., 1900, с. Ага-Хангил Могойтуйского р-на Читинской обл.
Бадмаева Я.Б., 1917, с. Красная Ималка Ононского р-на Читинской обл.
Бажунова Е.А., 1928, с. Корсаково Кабанского р-на БурАССР.
Базаров Б.-Б.С., 1910, с. Хужир Тункинського р-на БурАССР.
Баиров В.Б., 1913, с. Куйта Аларского р-на Иркутской обл.
Балдаев А.В., 1902, с. Ирхидей Боханского р-на Иркутской обл.
Балдаев М.Г., 1902, с. Горхон Осинского р-на Иркутской обл.
Балданов Л.Б., 1930, с. Хужир Тункинського р-на БурАССР.
Балданов Х., 1899, с. Урдо-Ага Агинского р-на Читинской обл.
Балдуев П.А., 1920, с. Дулан Кабанского р-на БурАССР.
Баргеев Б.Б., 1898, с. Бугульдейка Ольхонского р-на Иркутской обл.
Ватогоев С.И., 1915, с. Онгурен Ольхонского р-на Читинской обл.
Батоева М.Б., 1932, с. Корсаково Кабанского р-на БурАССР.
Баторов С.Г., 1918, с. Ярикто Баргузинского р-на БурАССР.
Башинов М.В., 1896, с. Ирхидей Боханского р-на Иркутской обл.
Баянтуров Б.Б., 1906, с. Ныгда Аларского р-на Иркутской обл.

Бодонов М.Ц., 1899, с. Киркей Аларского р-на Иркутской обл.
Болотов О., 1912, с. Цаган-Оль Могойтуйского р-на Читинской обл.
Бонсоева Б.В., 1932, с. Онгурен Ольхонского р-на Иркутской обл.
Борисов М.Б., 1906, с. Хандака Кабанского р-на БурАССР.
Борисов П.С., 1903, с. Ей Нукутского р-на Иркутской обл.
Бороев С.С., 1904, с. Халха-Узур Ольхонского р-на Иркутской обл.
Булгатов Г.Ш., 1892, с. Зоны Аларского р-на Иркутской обл.
Бутаева А.Ш., 1923, с. Тонта Ольхонского р-на Иркутской обл.
Васильев Б.К., 1892, с. Шабшалта Аларского р-на Иркутской обл.
Гармажапов Д., 1902, с. Цаган-Оль Могойтуйского р-на Читинской обл.
Гуродармаев Б., 1915, с. Корсаково Кабанского р-на БурАССР.
Дамбаева Д., 1911, с. Красная Ималка Ононского р-на Читинской обл.
Дабанов Д., 1890, с. Цаган-Оль Могойтуйского р-на Читинской обл.
Данилов Г.С., 1903, с. Куйта Нукутского р-на Иркутской обл.
Дармахеева Д.С., 1910, с. Хужир Тункинского р-на БурАССР.
Дондохонова Б.Д., 1912, с. Хужир Тункинского р-на БурАССР.
Доржиева Д.Ш., 1900, с. Хужир Тункинского р-на БурАССР.
Доржиева Н.Д., 1913, с. Новый Дурулгуй Ононского р-на Читинской обл.
Евдокимов Б.М., 1920, с. Улан-Харгана Ольхонского р-на Иркутской обл.
Елхонжапов С., 1912, с. Красная Ималка Ононского р-на Читинской обл.
Жалсанова М., 1909, с. Новая Заря Ононского р-на Читинской обл.
Жербаков К.И., 1910, с. Тангуты Нукутского р-на Иркутской обл.
Жугдуров Г., 1907, с. Цокто-Хангил Агинского р-на Читинской обл.
Ильин П.Н., 1903, с. Ново-Ленино Нукутского р-на Иркутской обл.
Иринсеев И.И., 1928, с. Речка Усть-Удинского р-на Иркутской обл.
Корсаков В.М., 1893, с. Хандака Кабанского р-на БурАССР.
Мадасова А.М., 1894, с. Тангуты Нукутского р-на Иркутской обл.
Малакшинов Б.К., 1901, с. Шабшалта Аларского р-на Иркутской обл.
Маланова А.В., 1903, с. Куйта Нукутского р-на Иркутской обл.
Мардаева Б.Б., 1890, с. Тонта Ольхонского р-на Иркутской обл.
Михайлов С.М., 1902, с. Хандака Кабанского р-на БурАССР.
Моксонова Е.П., 1918, с. Корсаково Кабанского р-на Иркутской обл.
Найдаев Р.П., 1912, с. Тохой Селенгинского р-на БурАССР.
Николаева Н., 1902, с. Узон Дульдургинского р-на Читинской обл.
Осипов А.Г., 1905, с. Мохор Баяндаевского р-на Иркутской обл.
Ошоров Д., 1891, с. Цаган-Оль Могойтуйского р-на Читинской обл.
Ошоров С.Х., 1900, с. Хужир Тункинского р-на БурАССР.
Педонов М.П., 1900, с. Заходы Нукутского р-на Иркутской обл.
Преловский С.Я., 1905, с. Аляты Аларского р-на Иркутской обл.
Петров П.Н., 1915, с. Ей Нукутского р-на Иркутской обл.
Петрова Д.М., 1903, с. Онгурены Ольхонского р-на Иркутской обл.
Раднаев Д.-Н.Э., 1932, с. Баянгол Баргузинского р-на БурАССР.
Ринчинова Н.Б., 1918, с. Ярикто Баргузинского р-на БурАССР.
Садаева Н., 1924, с. Верхний Цасучей Ононского р-на Читинской обл.
Соборкин М.С., 1914, с. Онгурен Ольхонского р-на Иркутской обл.
Солдонов С.М., 1917, с. Тангуты Нукутского р-на Иркутской обл.
Спасов А.А., 1901, с. Ирхидей Боханского р-на Иркутской обл.
Степанов А.Х., 1917, с. Бурлай Качугского р-на Иркутской обл.
Типаева Н.М., 1895, с. Корсаково Кабанского р-на БурАССР.
Туранхаева Н.Г., 1905, с. Корсаково Кабанского р-на БурАССР.
Упанов Ж.Д., 1900, с. Ярикто Баргузинского р-на БурАССР.
Филиппов Г.А., 1918, с. 1908, с. Ирхидей Боханского р-на Иркутской обл.
Хабусова М.М., 1911, с. Дулан Кабанского р-на БурАССР.
Халматов В.Б., 1922, с. Обуса Осинского р-на Иркутской обл.

- Халматов О.С., 1890, с. Кижя Усть-Удинского р-на Иркутской обл.
Халтубаев П.А., 1899, с. Ново-Ленино Нукутского р-на Иркутской обл.
Халхаева Д.С., 1908, с. Хужир Тункинского р-на БурАССР.
Хамагаева М.Н., 1905, с. Нуга (Шанай) Усть-Удинского р-на Иркутской обл.
Хамгушкеев М.Х., 1922, с. Горхон Осинского р-на Иркутской обл.
Хамхаев И.Б., 1905, с. Зулман Качугского р-на Иркутской обл.
Хамханов М.Х., 1910, с. Горхон Осинского р-на Иркутской обл.
Харжеев И.Н., 1903, с. Корсаково Кабанского р-на Иркутской обл.
Харнуев А.С., 1910, с. Обуса Осинского р-на Иркутской обл.
Харханов А.Е., 1910, с. Обуса Осинского р-на Иркутской обл.
Хилаев М.Х., 1906, с. Холбот Эхирит-Булагагского р-на Иркутской обл.
Хогоев М.П., 1920, с. Хореты Нукутского р-на Иркутской обл.
Хонтоев Д., 1888, с. Ярикто Баргузинского р-на БурАССР.
Хусаев Б.Ш., 1916, с. Хужир Тункинского р-на БурАССР.
Цеденова Д.-Х., 1895, с. Новая Заря Ононского р-на Читинской обл.
Цыренов П.П., 1920, пос. Иволгинск БурАССР.
Цыренова З.А., 1925, пос. Иволгинск БурАССР.
Чимитов Ц.-Д.Б., 1924, с. Загустай, Кижингинского р-на БурАССР.
Шанарова М., 1900, с. Нуга Усть-Удинского р-на Иркутской обл.
Шаракшинов С.С., 1915, с. Ей Нукутского р-на Иркутской обл.
Шуткин А.Д., 1895, с. Опхой Качугского р-на Иркутской обл.
Эмсыров И.С., 1903, с. Бугульдейка Ольхонского р-на Иркутской обл.

ЛИТЕРАТУРА

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Маркс К. Дебаты шестого Рейнского ландтага. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 30-84.
- Маркс К. Нищета философии. Ответ на "Философию нищеты" г-на Прудона. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 65-185.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 23-178.
- Ленин В.И. Философские тетради. - Полн. собр. соч., т. 29. - 782 с.

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Абрамян Л.А. О философском смысле проблемы значения. - В кн.: Методологические проблемы анализа языка. Ереван, 1976, с. 90-98.
- Аванесов Р.И. О произношении отчеств с именами. - Рус. речь, 1977, № 3, с. 82-90.
- Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. - Л.: Наука, 1975. - 276 с.
- Агаева Ф. Грамматические функции личных имен. - В кн.: Языки и топонимия, вып. 5. Томск, 1977, с. 127-131.
- Азарх Ю.С. Апеллятивный и ономастический словообразовательные типы. - В кн.: Лексика и фразеология северо-русских говоров. Вологда, 1980, с. 137-144.
- Азарх Ю.С. О грамматических и лингвистических различиях имен нарицательных и собственных с омонимичными суффиксами. - В кн.: Ономастика и грамматика. М.: Наука, 1981, с. 5-29.
- Айрапетов В.Г. К вопросу о сигналах антропонимов в речи. - Тр. Самарк. ун-та, 1976, вып. 326, с. 66-75.
- Аксенов А.И. Генеалогия. - Вопр. истории, 1972, № 10.
- Алдарова Н.Б. Об описательных именах в бурятском языке. - В кн.: Вопросы бурятской филологии, вып. 2. Улан-Удэ, 1973, с. 63-78.
- Алдарова Н.Б. О зоофорных антропонимах в монгольских языках. - В кн.: Ономастика Поволжья. Саранск, 1976а, с. 103-107.
- Алдарова Н.Б. Из охранных имен бурят. - В кн.: Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976б, с. 69-84.
- Алдарова Н.Б. Бурятские личные имена тибетского происхождения. - В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976в, с. 129-132.
- Алдарова Н.Б. Дифференциация исконных личных имен бурят. - В кн.: Исследования по бурятской филологии. Улан-Удэ, 1978, с. 32-46.
- Алдарова Н.Б. Бурятская антропонимическая лексика. Исконные личные имена. Автореф. канд. дис. - М., 1979. - 19 с.

- Альтман М.С. Пережитки родового строя в собственных именах у Гомера. – Л., 1936. – 164 с.
- Анисимов А.Ф. Этапы развития первобытной религии. – М.–Л.: Наука, 1967. – 162 с.
- Анохин Г.Н. Почему у исландцев нет фамилий. – Сов. этнография, 1969, № 4, с. 133–138.
- Апридонидзе Ш.Т. Ономастические изыскания профессора А.С. Чикобавы. – В кн.: Ономастика Кавказа, Орджоникидзе, 1980, с. 176–182.
- Апханова Э.М. Фамилии ольхонских бурят. – В кн.: Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981, с. 60–66.
- Ардентов Б.П. Мысль и язык. – Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1965. – 87 с.
- Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. – Живая старина, 1896, вып. 3–4, с. 277–456.
- Асалханов И.А. О бурятских родах в XIX веке. – В кн.: Этнографический сборник, вып. 1. Улан-Удэ, 1960, с. 68–82.
- Ахманова О.С., Краснова И.Е. О методологии языкознания. – Вопр. языкознания, 1974, № 6, с. 32–47.
- Бадмаев А.Р. Современная языковая ситуация в Бурятии. – В кн.: Взаимодействие языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978, с. 28–48.
- Баирова Л.В. Клички животных в бурятском языке. – В кн.: Вопросы ономастики. Свердловск, 1975, с. 142–146.
- Бакли У. Австралийский Робинзон: (Жизнь и приключения Уильяма Бакли, рассказанные Джоном Морганом). – М.: Наука, 1966. – 104 с.
- Балдаев С.П. Избранное. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. – 255 с.
- Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. 1. Булагаты и эхириты. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 363 с.
- Балданжапов П.Б. Заметки о топонимике Забайкалья. – В кн.: Этнографический сборник, вып. 1. Улан-Удэ, 1960, с. 89–95.
- Балданжапов П.Б. Altan tobči. Монгольская летопись XVIII в. – Улан-Удэ, 1970. – 415 с.
- Банзаров Д. Собр. соч. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 375 с.
- Банчиков Г.Г. Брак и семья у монголов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. – 59 с.
- Баранников И.В. К вопросу об освоении бурятами русских звуков. – В кн.: Развитие литературных языков Сибири в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1965, с. 173–187.
- Баранникова Е.В. Символика белого цвета в бурятских волшебных сказках. – В кн.: Филологические записки. Улан-Удэ, 1973, с. 103–118.
- Бардаев Э.Ч. Номадная лексика монгольских народов: (Названия домашних животных по полу, возрасту и масти). Автореф. канд. дис. – М., 1976. – 25 с.
- Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М.: Наука, 1968. – 754 с.
- Басаева К.Д. Преобразования в семейно-брачных отношениях бурят. – Улан-Удэ, 1974а. – 114 с.
- Басаева К.Д. Традиционные обычаи и обряды западных бурят, связанные с рождением и первыми годами жизни ребенка. – В кн.: Этнографический сборник. Вып. 6. Улан-Удэ, 1974б, с. 28–43.
- Басаева К.Д. Современные тенденции в употреблении личных имен у бурят. – В кн.: Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976, с. 85–92.
- Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Выш. шк., 1969. – 383 с.
- Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. – М.: Наука, 1979. – 279 с.

- Баскаков Н.А. Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация. - В кн.: Ономастика Востока. М.: Наука, 1980, с. 199-207.
- Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. - М.: Наука, 1981. - 135 с.
- Баторов П.П. Материалы к вопросу о происхождении бурятских племен. - Бурятведение, № 2, Верхнеудинск, 1926, с. 3-6.
- Башкирские шежере / Сост., пер., введ. и коммент. Р.Г. Кузеева. - Уфа: Башкиркиноиздат, 1960. - 304 с.
- Башкуев Б.В. Своеобразие личных имен предбайкальских бурят. - В кн.: Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981, с. 23-40.
- Безруков В.П. Рассуждения о славе и его связи с понятием. - В кн.: Лингвистические исследования. Тюмень, 1976, с. 15-25.
- Беккер Э.Г. Личные имена у селькупов. - В кн.: Языки и топонимия, вып. 2. Томск, 1976, с. 91-94.
- Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). - Киев, 1972. - 209 с.
- Бельк Н.А. Практические вопросы антропонимии. - В кн.: Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969, с. 6-12.
- Бельк Н.А. Антропонимия и новое законодательство о браке. - Сов. этнография, 1970а, № 6, с. 99-104.
- Бельк Н.А. Некоторые правовые и социолингвистические вопросы антропонимии. - В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970б, с. 9-23.
- Бернштам А.Н. Заметки по этногенезу народов Северной Азии. - Сов. этнография, 1947, № 2.
- Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1951. - 256 с.
- Бертагаев Т.А. К исследованию лексики монгольских языков. Опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятского языка. - Улан-Удэ, 1961. - 160 с.
- Бертагаев Т.А. Суффикс -тан и его производные в монгольских языках. - Зап. Калмыц. науч.-исслед. ин-т истории, литературы, языка. Сер. филол., Элиста, 1964, вып. 3.
- Бертагаев Т.А. Об этнонимах бурят и курикан. - В кн.: Этнонимы. М., 1970, с. 130-132.
- Бертагаев Т.А. Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках. - В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с. 90-109.
- Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков (на материале монгольского и бурятского языков). - М.: Наука, 1974. - 383 с.
- Бертагаев Т.А. Этнолингвистические этюды о племенах Центральной Азии. - В кн.: Исследования по истории и филологии Центральной Азии, вып. 6. Улан-Удэ, 1976, с. 24-39.
- Бестужев-Лада И.В. Исторические тенденции развития антропонимов. - В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970, с. 24-33.
- Бикбулатов Н.В. Антропонимы и термины родства. - В кн.: Ономастика Поволжья. Уфа, 1973, с. 100-107.
- Биткеева Г.С. Постфиксальные образования личных имен. - В кн.: Исследования по лексике калмыцкого языка. Элиста, 1981, с. 73-88.
- Биткеева Г.С. Социальные аспекты некоторых имен у калмыков. - В кн.: Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983, с. 85-95.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 1. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - 382 с.
- Бланар В. Дистрибуция антропонимических моделей. - В кн.: Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980, с. 13-21.

- Блинова О.Н. Введение в современную региональную лексикологию. Материалы для спецкурса. – Томск, 1973. – 257 с.
- Богуславский В.М. Слово и понятие. – В кн.: Мышление и язык. М., 1957, с. 213–275.
- Болотов В.И. К вопросу о значении имен собственных. – В кн.: Восточнославянская ономастика. М., 1972, с. 333–345.
- Болотов В.И. Значение слова, термина и энциклопедическое значение имени собственного. – В кн.: Вопросы разработки научно-технической терминологии. Рига, 1973, с. 103–114.
- Бондалетов В.Д. Ономастика и социолингвистика. – В кн.: Антропонимика. М.: Наука, 1970, с. 17–23.
- Бондалетов В.Д. Русский именник прежде и теперь. (К сопоставительно-диакроническому изучению состава и употребительности личных имен). – В кн.: Русская ономастика. Рязань, 1977, с. 17–30.
- Бондалетов В.Д. Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983. – 222 с.
- Боргояков М.И. О происхождении и распространении хакасских фамилий. – Учен. зап. Казак. НИИЯЛИ, 1972, вып. 17, с. 235–241.
- Борджанова Т.Г. Антропонимия калмыцких народных сказок. – В кн.: Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983, с. 96–100.
- Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь, т. V (9). – Спб., 1891, с. 59–64.
- Будаев Ц.Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. – Новосибирск: Наука, 1978. – 302 с.
- Бураев И.Д. Звуковой состав бурятского языка. – Улан-Удэ; Бурят. кн. изд-во, 1959. – 196 с.
- Бураев И.Д. Сартулы. – В кн.: Этнографический сборник, вып. 1. Улан-Удэ, 1960, с. 84–88.
- Бураев И.Д. О бурятских личных именах. – В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становление новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири, вып. 2. Улан-Удэ, 1969, с. 47–53.
- Бураев И.Д., Шагдаров Л.Д. О бурятских личных именах. – В кн.: К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969, с. 106–116.
- Бураев И.Д., Бажеева Т.П., Павлова Е.С. Atlas звуков бурятского языка. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. – 69 с.
- Василевич Г.М. Тунгусское личное имя у народов Восточной Сибири, отражившее связи с тунгусами в XVII в. – В кн.: Краткое содержание докл. годичной научной сессии ин-та этнографии АН СССР. 1969. Л., 1970а, с. 46–49.
- Василевич Г.М. Собственные имена эвенков. – В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970б, с. 225–230.
- Василевич Г.М. Антропонимы и этнонимы у народов уральской и алтайской семей, расселенных в Сибири. (Опыт картографирования). – В кн.: Проблемы картографии в языкознании и этнографии. Л., 1974, с. 102–104.
- Вернер И.Г. О личных именах современных кетов. – В кн.: Языки и топонимия, вып. 2. Томск, 1976, с. 65–68.
- Веселовский С.Б. Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М.: Наука, 1974. – 382 с.
- Викторова Л.Л. Ранние формы религии киданей. – В кн.: Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4. Бронзовый и железный век. Новосибирск: Наука, 1974.
- Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова. – В кн.: Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, с. 162–189.
- Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию. – В кн.: Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 419–442.

- Владимирцов Б.Я. Турецкие элементы в монгольском языке. - Зап. Вост. отд-ния Русск. археол. об-ва, 1911, т. 20, вып. 2-3.
- Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. - Л.: изд-во Ленингр. вост. ин-та, 1929. - 436 с.
- Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. - Л.: Изд-во АН СССР, 1934. - 273 с.
- Владимирцов Б.Я. Арабские слова в монгольском. - Зап. Коллегии востоковедов, 1930, 5 (отд. отт.), с. 73-82.
- Воробьева И.А. К вопросу о лексическом значении имен собственных. - В кн.: Актуальные проблемы лексикологии, ч. 1. Томск, 1971, с. 1-9.
- Вяткина К.В. Пережитки материнского рода у бурят-монголов. - Сов. этнография, 1946, № 1, с. 137-144.
- Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций. - В кн.: Языковая номинация. (Общие вопросы). М., 1977, с. 230-293.
- Галданова Г.Р. Культ огня у монголов. - В кн.: Исследования по истории и филологии Центральной Азии, вып. VI. Улан-Удэ, 1976, с. 149-154.
- Галкина-Федорук Е.М. Слово и понятие. - М.: Учпедгиз, 1956. - 54 с.
- Гарипов Т.М., Кузеев Р.Г. Башкирские родоплеменные названия и их алтайские параллели. - В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с. 214-220.
- Гафуров А.Г. Рассказы об именах. - Душанбе: ИРФОН, 1968. - 140 с.
- Гафуров А.Г. Лев и Кипарис. О восточных именах. - М.: Наука, 1971. - 240 с.
- Герасимова К.М. Культ обо как дополнительный материал для изучения этнических процессов в Бурятии. - В кн.: Этнографический сборник, вып. 5. Улан-Удэ, 1969, с. 105-144.
- Геродот. История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. - Л.: Наука, 1972. - 599 с.
- Гордлевский В.А. К личной ономастике османцев. - Избр. соч., т. 4. - М., 1968, с. 131-136.
- Гриценко К.Ф. Личные имена и прозвища у якутов. - В кн.: Антропонимика. М., 1970, с. 155-166.
- Гуриев Т.А. Топонимы монгольского происхождения в Северной Осетии. - В кн.: Исследования по восточной филологии. К семидесятилетию проф. Г.Д. Санжеева. М., 1974, с. 40-50.
- Дамдинов Д.Г. О родовом названии тугчин. - В кн.: Исследования по истории и филологии Монголии. Улан-Удэ, 1977, с. 76-80.
- Дамдинов Д.Г. О названии рыб в монгольских языках. - В кн.: Исследования по лексике калмыцкого языка, Элиста, 1981, с. 102-106.
- Данилина Е.Ф. Личные официальные и неофициальные имена в современном русском языке (специфика и словообразование). Автореф. канд. дис. - Пенза, 1970. - 20 с.
- Данилина Е.Ф. К вопросу о лексическом значении личных имен. - В кн.: Лексика и словообразование русского языка, Пенза, 1972, с. 6-15.
- Дарбакова В.П. Этнографический аспект изучения антропонимии калмыков. - В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970, с. 236-241.
- Дарбеева А.А. К вопросу о социальной сущности личных имен в монгольских языках. - В кн.: Ономастика. М., 1969, с. 46-53.
- Дарбеева А.А. Параллельные формы личных имен у бурят. - В кн.: Антропонимика. М., 1970, с. 205-211.
- Динганорбоева Ц.Т., Митрошкина А.Г. Варианты-эвфемизмы в бурятской антропонимии. - В кн.: Вопросы ономастики. Свердловск, 1982, с. 127-130.

- Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. - 276 с.
- Дмитриева Л.В. Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. - В кн.: Исследования в области этимологии алтайских языков, М., 1979, с. 135-191.
- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. - 621 с.
- Долгих Б.О. Родоплеменной состав народов Сибири в XVIII веке. - Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов. М., 1956.
- Дондуков У.-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. - 246 с.
- Дондуков У.-Ж.Ш. Влияние русского языка на развитие и обогащение лексического состава бурятского языка. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. - 99 с.
- Дульзон А.П. Кетские имена и прозвища. - В кн.: Ономастика Востока, М., 1980, с. 5-8.
- Дьрхеева Г.А., Бухаева О.Д. Статистико-комбинаторная характеристика парадигм сочетающихся согласных в бурятском языке. - В кн.: Исследования по бурятской филологии. Улан-Удэ, 1978, с. 86-103.
- Елбоев Е. Родословная одной бурятской семьи. - В кн.: Бурятоведческий сборник, вып. 2. Иркутск, 1926, с. 63-67.
- Ермаченко М.Н. К общей теории имени собственного. - Учен. зап. Моск. пед. ин-та иностр. яз., 1970, т. 55, с. 24-37.
- Жалсараев А.Д. Некоторые предварительные итоги исследования национального самосознания подростков в национально-смешанных семьях. - В кн.: Этнографический сборник, вып. 6, Улан-Удэ, 1974, с. 130-136.
- Жамбалсурен Н. Тибетские слова в монгольском языке. Автореф. канд. дис. - М., 1961.
- Жанузаков Т. Лично-собственные имена в казахском языке. Автореф. канд. дис. - Алма-Ата, 1960. - 19 с.
- Жанузаков Т. Обычай и традиции в казахской антропонимии. - В кн.: Этнография имен, М., 1971, с. 100-103.
- Жанузаков Т.Ж. Социально-бытовые мотивы в казахской антропонимии. - В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем, будущем, М., 1970, с. 194-200.
- Жанузаков Т.Ж. Тайны имен. - Алма-Ата: Казахстан, 1974. - 132 с.
- Жапаров Ш. Имена близнецов. - В кн.: Ономастика Средней Азии, вып. 2. Фрунзе, 1980, с. 105-112, с табл.
- Жуковская Н.Л. Заметки о монгольской антропонимии. - В кн.: Ономастика Востока, М., 1980, с. 9-16.
- Забелин А. О распространении христианства между бурятами. - ЖМНП, 1870, январь.
- Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII- первой половине XIX в. - М.: Наука, 1970. - 399 с.
- Зеленин Д.К. Истолкование пережиточных религиозных обрядов. - Сов. этнография, 1934, № 5.
- Зимин Ж.А. Имена и фамилии аларских бурят. - В кн.: Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981, с. 18-22.
- Зимин Ж.А. К вопросу о выходе хонгодоровских родов из Монголии и их расселение в Аларь. - В кн.: Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983, с. 102-113.
- Зинин С.И. Суффиксы русских фамилий XVII-XVIII вв. - В кн.: Антропонимика, М., 1970, с. 94-95, с табл.

- Зинин С.И. Введение в русскую антропониимию. (Пособие для студентов-заочников). - Ташкент: Ташк. гос. ун-т, 1972. - 277 с.
- Зинин С.И., Суперанская А.В. О сборе антропонимического материала. - В кн.: Вопросы узбекской и русской филологии. Ташкент, 1971, с. 83-102.
- Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. - М.: Наука, 1964. - 328 с.
- Золотарева И.М. Этническая антропология бурят. - В кн.: Этнографический сборник, вып. 1. Улан-Удэ, 1960, с. 11-44.
- Золхоев В.И. Фонология и морфология агглютинативных языков. (Особенности функционирования системы фонем). - Новосибирск: Наука, 1980. - 143 с.
- Илимбетов Ф.Ф. Личные имена как источник при изучении древних верований башкир. - В кн.: Ономастика Поволжья. Уфа, 1973, с. 89-95.
- Имена народов мира. Материалы к справочнику. - М.: Наука, 1970. - 50 с.
- Иркутская область. Административно-территориальное деление. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966, с. 122-213.
- История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. - Л.: Наука, 1969. - 538 с.
- Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. - М.: Изд-во вост. лит., 1961. - 472 с.
- Ишбердин Э.Ф. Некоторые названия животных и птиц в башкирском и монгольском языках. - В кн.: Проблема общности алтайских языков. М., 1971, с. 204-207.
- Калакуцкая Л.П. О склонении некоторых групп фамилий и личных имен (русских и иноязычных). - В кн.: Антропониимика. М., 1970, с. 26-38.
- Каменцева Е.И. Хронология. - М.: Высш. школа, 1967. - 187 с.
- Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). - М.: Наука, 1976. - 324 с.
- Карпенко Ю.А. Специфика имени собственного в языке и речи. - В кн.: XIII Международный конгресс по ономастике. *Gracow, August 21st-25th.* 1978, с. 115.
- Книга Марко Поло / Пер. старофранц. текста И.П. Минаева. - М.: Географгиз, 1956. - 376 с.
- Кобтин В.Б. Генеалогия и антропониимика (по рус. материалам XV-XVI вв.). - В кн.: История и генеалогия, С.Б. Веселовский и проблемы ист.-генеал. исследований. М., 1977, с. 80-115, с табл.
- Ковтун Л.С. О значении слова. - *Вопр. языкознания*, 1955, № 5, с. 65-77.
- Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. - 619 с.
- Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. - М.: Наука, 1975. - 231 с.
- Колшанский Г.В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации. - В кн.: Языковая номинация. (Общие вопросы). М., 1977, с. 99-146.
- Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. - 190 с.
- Косвен М.О. Очерки истории первобытной культуры. - М.: Изд-во АН СССР, 1967. - 216 с.
- Котвич В. Исследования по алтайским языкам. - М.: Изд-во иностр. лит., 1962. - 371 с.
- Крюков М.В. К типологии антропонимов. - В кн.: XIII Международный конгресс по ономастике. *Gracow, August 21st-25th.* 1978, с. 139.
- Кубрякова Е.С. Части речи в ономастиологическом освещении. - М.: Наука, 1978. - 115 с.

- Кубрякова Е.С. Типы языковых значений (семантика производного слова). - М.: Наука, 1981. - 200 с.
- Кудайбергенов С. Числительные в составе киргизских топонимов. - В кн.: Ономастика Средней Азии, ч. 2. Фрунзе, 1980, с. 164-170.
- Кудияров А.В. Художественно-стилевые закономерности эпоса монголоязычных народов. - В кн.: Фольклор. Образ и поэтическое слово в контексте. М., 1984, с. 10-55.
- Кузев Р.Г. Роль исторической стратиграфии родоплеменных названий в изучении этногенеза тюркских народов Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии. - Доклады советской делегации на IX международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1973.
- Кульчицкий А.А., Свинин В.В., Фирсов Л.В. Лешифровка этнонима "курыкан". - Изв. Вост.-Сиб. отдела Географ. об-ва СССР, Иркутск, 1976, т. 64.
- Курилович Е. Положение имени собственного в языке. - В кн.: Курилович Е. Очерки по лингвистике, М., 1962, с. 251-266.
- Кусимова Т.Х. Из истории личных имен башкир. - В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970, с. 241-248.
- Кусимова Т.Х. Некоторые обычаи наречия имен у башкир. - В кн.: Ономастика Поволжья, Горький, 1971, с. 52-54.
- Кусимова Т.Х. Древнебашкирские антропонимы. Автореф. канд. дис. - Уфа, 1975.
- Левинсон Г.И. К вопросу о функциях словесных компонентов обряда. - В кн.: Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974, с. 162-170.
- Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме / Пер. П.С. Юшкевича. - М.-Л., 1936. - 484 с.
- Любченко В.Ф. Диахронное и синхронное изучение антропонимов. - В кн.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1974, с. 100-108.
- Лигети Л. Рец. на кн.: Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. - Вопр. языкознания, 1955, № 5.
- Ломтев Т.П. О соответствии грамматических средств языка потребностям взаимопонимания. - Вопр. философии, 1953, № 5.
- Ломтев Т.П. Метод бинарности семантического анализа в логике и лингвистике. - В кн.: Проблема значения в лингвистике и логике. М., 1963, с. 35-39.
- Лосева Э.Г. К вопросу о двуязычии бурят. - В кн.: Этнографический сборник, вып. 6. Улан-Удэ, 1974, с. 122-129.
- Лувсандорж Д. Русская фамилия тибетского происхождения. - Сов. этнография, 1973, № 3, с. 135-136.
- Магазаник Э.Б. Антропоним и роль обычая в его употреблении. Заметки по русскому именословию. - Материалы 24-й научной конференции профессорско-преподавательского состава Самаркандского университета. Самарканд, 1968, с. 183-188.
- Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. - 114 с.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. - 111 с.
- Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. - М.: Наука, 1978. - 125 с.
- Манжигеев И.М. Янгутский бурятский род. (Опыт историко-этнографического исследования). - Улан-Удэ; Бурят. кн. изд-во, 1960. - 230 с.
- Манушкина Г.П. (Манушкина-Люшак). О сущности имени собственного. - В кн.: Актуальные проблемы лексикологии, вып. 3-4. Новосибирск, 1971, с. 192-195.

- Маркарян Э.Б. Язык как способ существования сознания. - В кн.: Методологические проблемы анализа языка. Ереван, 1976, с. 3-17.
- Маслов Ю.С. Введение в языкознание. - М.: Высш. школа, 1974. - 327 с.
- Матвеев А.К. Ареальные исследования и этимологизация субстратных топонимов. - В кн.: Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974, с. 289-295.
- Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Предисл., пер. и примеч. В.С. Таскина. - М.: Наука, 1968, - 177 с.
- Матхеев Б.В. Очерки эхирит-булагатского говора. - В кн.: Исследования бурятских говоров, вып. 2. Улан-Удэ, 1968, с. 3-46.
- Мельников Г.П. Системная лингвистика и ее отношение к структурной. - Доклады и сообщения ученых на X Международном конгрессе лингвистов. М., 1967, с. 98-102.
- Мельниченко Г.Г. Вопросы организации и методики ономастических исследований. - В кн.: Ономастика. Киев, 1966, с. 153-157.
- Мельхеев М.Н. Карты расселения и перемещения бурятских родоплеменных групп по данным топо- и этнонимии. - В кн.: Этнографический сборник, вып. 6. Улан-Удэ, 1974, с. 3-27.
- Мельхеев М.Н. Топо-, этно- и антропонимические связи в ономастике. - В кн.: Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976, с. 23-45.
- Мигирин В.Н. Марксистско-ленинская методология и лингвистика. Эвристические и конструктивные возможности марксистско-ленинской методологии в языкознании. - Кишинев: Штиинца, 1974. - 152 с.
- Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. - 296 с.
- Мионов П.С. Моя родословная. - В кн.: Бурятоведческий сборник, вып. 5. Иркутск, 1929.
- Митрошкина А.Г. Говор качугских (верхоленских) бурят. Автореф. канд. дис. - Улан-Удэ, 1961. - 22 с.
- Митрошкина А.Г. Говор качугских (верхоленских) бурят. - В кн.: Исследования бурятских говоров, вып. 2. Улан-Удэ, 1968, с. 47-73.
- Митрошкина А.Г. О значении суффикса -гшан (-гшон, -гшэн), -гша (-гшо, -гшэ). - Тр. Иркут. ун-та, 1969, т. 65. Сер. Языкознание, вып. 4, с. 171-177.
- Митрошкина А.Г. Бурятские антропонимические модели. - In: XI Congress International des sciences Onomastiques. Sofia, 28 juin - 4 juillet 1972. Sofia, 1972, S. 266.
- Митрошкина А.Г. Из опыта изучения бурятской топонимии. - Материалы Топонимической комиссии Моск. филиала Географ. об-ва СССР. М., 1974, с. 29-32.
- Митрошкина А.Г. Морфологическая структура исконно бурятских личных имен и семантика их анеллятивов. - В кн.: Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976а, с. 46-68.
- Митрошкина А.Г. Явления фонетической адаптации бурятской (монгольской) топонимии в русском языке. - В кн.: Питання сучасної ономастики. Київ, 1976б, с. 54-59.
- Митрошкина А.Г. Методика собирания ономастического материала в Западном и Восточном Прибайкалье. - Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1977. - 36 с.
- Митрошкина А.Г. О некоторых задачах изучения бурятской антропонимии. - В кн.: Вопросы исследования лексики и фразеологии сибирских говоров. Красноярск, 1978, с. 45-51.
- Митрошкина А.Г. Значения исконных антропонимов бурят-шаманистов. - В кн.: XIII Международный конгресс по ономастике. Cracow, August 21st-25th. 1978, с. 168.

- Митрошкина А.Г. Бурятские антропонимы как источник в историко-лингвистических исследованиях. — В кн.: Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии. Иркутск, 1980а, с. 90-92.
- Митрошкина А.Г. Типология эвфемизации табуированных личных имен в бурятском языке. — В кн.: Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии. Иркутск, 1980б, с. 92-93.
- Митрошкина А.Г. Русские имена в бурятской языковой среде. — В кн.: Перспективы развития славянской ономастики. М.: Наука, 1980в, с. 312-321.
- Митрошкина А.Г. Личные имена западных бурят и их заменители. — В кн.: Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981, с. 9-17.
- Митрошкина А.Г. Типология образования бурятских фамилий. — В кн.: Проблемы грамматики и словообразования сибирских говоров. Красноярск, 1982а, с. 36-42.
- Митрошкина А.Г. "Охранные" имена бурят и их этнографические корни. — In: Proc. of 13th Congress Onom. sciences, t. 2. Cracow, 1982, p. 143-148.
- Митрошкина А.Г. Сбор и обработка бурятского антропонимического материала. — В кн.: XV Междунар. конгр.: Resümees der Vorträge und mitteilungen, 13-17 August. Leipzig, 1984а, S. 124.
- Митрошкина А.Г. Из истории развития системы бурятских личных имен. — В кн.: Этническая ономастика. М., 1984б, с. 93-96.
- Мифология древнего мира. Пер. с англ. — М.: Наука, 1977. — 455 с.
- Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). — Новосибирск: Наука, 1980а. — 320 с.
- Михайлов Т.М. Этническая характеристика шаманского пантеона бурят (XIX-начало XXв.). — В кн.: Быт бурят в настоящем и прошлом. Улан-Удэ, 1980б, с. 73-99.
- Михайлов Т.М. Религии в этнической истории бурят (XVII — начало XX века). — В кн.: Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ, 1984, с. 30-54.
- Монраев М.У. Некоторые вопросы калмыцкой антропонимии. — В кн.: Ономастика Поволжья. Горький, 1971, с. 63-69.
- Монраев М.У. Динамика личных имен г. Элисты. — В кн.: Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983, с. 117-122.
- Морозова М.Н. Взаимодействие антропонимической и нарицательной лексики. — В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970, с. 62-69.
- Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. — М.: Мысль, 1974. — 379 с.
- Мухамедова З.В. Личная ономастика у туркмен (по данным ист. источников). — В кн.: Питание ономастики. Київ, 1965, с. 151-157.
- Нерознак В.П. Заметки об этимологии имени собственного. — В кн.: Имя нарицательное и собственное. М., 1978, с. 84-92.
- Никонов В.А. Русская адаптация иноязычных личных имен. — В кн.: Ономастика. М., 1969, с. 54-78.
- Никонов В.А. До фамилий. — В кн.: Антропонимика. М., 1970а, с. 83-93.
- Никонов В.А. Задачи и методы антропонимики. — В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970б, с. 38-56.
- Никонов В.А. Личное имя — социальный знак. — Сов. этнография, 1967, № 5, с. 154-168.
- Никонов В.А. Этнография и ономастика (на материале Украины). — Сов. этнография, 1971, № 5, с. 25-36.
- Никонов В.А. Опыт словаря русских фамилий. — В кн.: Этимология (1970, 1971, 1973). М., 1972-1975.

- Никонов В.А. Размежевание личных имен по полу у тюркоязычных народов. - Сов. тюркология, 1972, № 2, с. 63-67.
- Никонов В.А., Стратанович Г.Г. Этнография и изучение собственных имен. - В кн.: Этнография имен. М., 1971, с. 3-5.
- Никонов В.А. Обычай связанных имен у тюркоязычных народов. - Сов. этнография, 1973, № 6, с. 82-89.
- Никонов В.А. Что значили русские фамилии. - Рус. речь, 1974а, № 2, с. 103-107.
- Никонов В.А. Имя и общество. - М.: Наука, 1974б. - 278 с.
- Никонов В.А. Современные антропонимические процессы народов СССР. - В кн.: Современные этнические процессы в СССР, М., 1977, с. 291-293.
- Никонов В.А. Из рязанских фамилий. - Рус. речь, 1985, № 5, с. 152-154.
- Нимаев Д.Д. Микротопонимия села Ташир Селенгинского района Бурятской АССР. - В кн.: Исследования по топонимике. Материалы топонимической комиссии 1972-1973 гг. М., 1974, с. 33-35.
- Нимаев Д.Д. Микротопонимия Селенгинского района. - В кн.: Быт бурят в настоящем и прошлом. Улан-Удэ, 1980, с. 132-138.
- Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят Автореф. канд. дис. - М., 1981. - 18 с.
- Нимаев Д.Д. Об этнической принадлежности древнего населения Прибайкалья. - В кн.: Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ, 1984, с. 3-19.
- Новикова К.А. К этимологии названий собаки в тунгусо-маньчжурских языках. - В кн.: Проблема общности алтайских языков, Л., 1971, с. 176-190.
- Новикова К.А. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру. - В кн.: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, с. 104-150.
- Новикова К.А. Названия домашних животных в тунгусо-маньчжурских языках. - В кн.: Исследования в области этимологии алтайских языков, Л., 1979, с. 53-134.
- Номинханов Ц.Д. Монгольские элементы в этнонимике и топонимике Узбекской ССР. - Зап. Калмыцк. НИИ яз., лит. и истории, 1962, вып. 2, с. 257-275.
- Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII-XVIII вв.). - Л.: Соцэкгиз, 1937. - 427 с.
- Окладников А.П. Древнее население Сибири и его культура. - В кн.: Народы Сибири. М.-Л., 1956, с. 21-107.
- Окладников А.П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье. - В кн.: Филология и история монгольских народов, Памяти акад. Б.Я. Владимирцова. М., 1958, с. 200-213.
- Окладников А.П. История и культура Бурятии. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. - 458 с.
- Олохтонова А.Т. Русские личные имена, заимствованные бурятами. - В кн.: Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981, с. 67-71.
- Пауль Г. Принципы истории языка. - М.: Изд-во иностр. лит., 1960. - 500 с.
- Петри Б.Э. Элементы родовой связи у северных бурят. - Сибирская живая старина. Иркутск, 1924, вып. 11.
- Петри Б.Э. Программа для записи родословных. - Бурятведение, Верхнеудинск, 1926, № 1.
- Петрова Т.И., Бугаева Т.Г. Общие основы и лексические модели в словах, обозначающих признак "красный" в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках. - В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с. 191-201.

- Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. — М.: Сов. энциклопедия, 1966. — 384 с.
- Подольская Н.В. Антропонимика. — В кн.: Русский язык. Энциклопедия. М., 1979, с. 21-22.
- Подольская Н.В. Научная ономастическая терминология. — В кн.: Ономастика: Проблемы и методы. М., 1976, с. 30-41.
- Подольская Н.В., Суперанская А.В. Терминология ономастики. — Вopr. языкознания, 1969, № 4, с. 140-146.
- Позднеев А. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. — Зап. Рус. Географ. об-ва по этнографии, Спб., 1887, т. XVII — 493 с.
- Покшишевский В.В. Заселение Сибири. — Иркутск: Облиздат, 1951. — 208 с.
- Попов А.И. Названия народов СССР. Введение в этноимику. — М.: Наука, 1973. — 170 с.
- Поппе Н.Н. Дагурское наречие. — Л.: Изд-во АН СССР, 1930. — 174 с.
- Поротников П.Т. Из уральской зоонимии. — В кн.: Восточнославянская ономастика, М., 1972, с. 210-250.
- Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. — В кн.: Материалы по этнографии, вып. IV. Спб., 1883.
- Прокофьев Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Ч. 1. Селькупская грамматика. — Л., 1935.
- Пюрбеев Г.Ц. Дифференциальные признаки женских и мужских личных имен калмыков. — В кн.: Ономастика Поволжья. Горький, 1971, с. 58-63.
- Пюрбеев Г. О характере оппозиции имя собственное — имя нарицательное в монгольских языках. — В кн.: XIII Международный конгресс по ономастике. Cracow, August 21st-25th. 1978, p. 194.
- Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание. — М.: Изд-во иностр. лит., 1957. — 254 с.
- Рассадин В.И. О тюркизмах в бурятском языке. — В кн.: К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969, с. 129-134.
- Рассадин В.И. Тюркизмы в халха-монгольском языке. — В кн.: Материалы по истории и филологии Центральной Азии, вып. 5. Улан-Удэ, 1970, с. 52-58.
- Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. — 249 с.
- Рассадин В.И. Антропонимы у тофаларов. — В кн.: Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976, с. 11-140.
- Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. — М.: Наука, 1978. — 287 с.
- Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. — М.: Наука, 1982. — 199 с.
- Рассадин В.И. Тюркские лексические элементы в калмыцком языке. — В кн.: Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983, с. 78-89.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. В 3-х тт. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946-1960.
- Резник Д.Г. Место ономастики в лексике языка (на материале таджикских личных имен). — Учен. зап. Душанб. пед. ин-та, 1963, т. 40. Сер. филол., вып. 16, с. 32-44.
- Реформатский А.А. Введение в языкознание. 4-е изд., испр. и дсп. — М.: Просвещение, 1967. — 542 с.
- Решетов А.М. Антропонимические трансформации в инонациональной среде. — В кн.: Этнография имен, М., 1971, с. 59-65.

- Ройзензон Л.И., Исаев А.И. Об антропонимических сериях. - В кн.: Вопросы ономастики. Самарканд, 1971, с. 37-40.
- Ройзензон Л.И., Бобоходжаев А. Антропонимические серии у узбеков Нура-ты. - В кн.: Ономастика Средней Азии. М., 1978, с. 144-153.
- Роспонд С. Структура и классификация древневосточно-славянских антропонимов (имена). - Вopr. языкознания, 1965, № 3, с. 3-21.
- Руднев А.Д. Материалы по говорам Восточной Монголии. - Спб., 1911. - 256 с.
- Рудных А. Вторые имена у якутов. - В кн.: Антропонимика. М., 1970, с. 219-228.
- Румянцев Г.Н. Родоплеменной состав верхоленских бурят. - Зап. Бурят.-Монг. науч.-исслед. ин-та культуры, 1951, т. XII, с. 78-108.
- Румянцев Г.Н. Баргузинские летописи. - Улан-Удэ: Бурят.-Монг. кн. изд-во, 1956, - 100 с.
- Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. - 266 с.
- Румянцев Г.Н. Идинские буряты (родоплеменной состав). - В кн.: Этнографический сборник, вып. 5. Улан-Удэ, 1969, с. 76-104.
- Русская грамматика. Т. 1. - М.: Наука, 1980, - 783 с.
- Савелов Л.М. Лекции по русской генеалогии. - М., 1908.
- Санжеев Г.Д. Песнопения аларских бурят. - Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР, 1928, т. 3, вып. 2.
- Санжеев Г.Д. Маньчжуро-монгольские языковые параллели. - Изв. АН СССР. Сер. гуманитар. наук, 1930, № 9.
- Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. 1. - М.: Изд-во АН СССР, 1953. - 240 с.
- Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. - М.: Наука, 1964. - 91 с.
- Санжеев Г.Д. Заметки по этнической истории бурят. - В кн.: Современность и традиционная культура народов Бурятии. Улан-Удэ, 1983а, с. 81-108.
- Санжеев Г.Д. Некоторые вопросы этнонимии и древней истории монгольских народов. - В кн.: Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983б, с. 47-69.
- Сарыбаев Ш.Ш. Монгольско-казахские лексические параллели. - В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с. 256-262.
- Саттаров Г.Ф. Лексико-семантические и тематические группы и разряды татарских лично-индивидуальных и семейно-родовых прозвищ. - Сов. тюркология, 1977, № 3, с. 26-35.
- Свинин В.В. Основные этапы древней истории населения побережья озера Байкал. - В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири, вып. 2. Иркутск, 1974, с. 7-24.
- Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. - Учен. зап. МГУ. Тр. кафедры рус. яз., 1948, вып. 128, с. 127-152.
- Сельвина Р.Л. Отражение древней числовой символики в калмыцкой антропонимии. - В кн.: Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983, с. 73-84.
- Сельвина Р.Л. Калмыцкие личные имена. - В кн.: Этническая ономастика. М., 1984, с. 87-93.
- Семашко И.М. Личные имена у малых народов Западной Индии. - В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970, с. 217-221.
- Серебрянников Б.А. К проблеме сущности языка. - В кн.: Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970, с. 11-95.
- Серебрянников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. - М.: Наука, 1974. - 352 с.
- Серебрянников Б.А. Номинация и проблема выбора. - В кн.: Языковая номинация. (Общие вопросы). М., 1977, с. 147-187.

- Серебренников И.И. Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия (статистический очерк). – Иркутск. 1913. – Отд. отт.: Изв. ВСОФГО, 1913, т. 43, с. 121–168.
- Серебренникова М.Б. Некоторые наблюдения над образованием фамилий на -ов/-ев/ в русском языке. – Тр. Иркут. ун-та, 1970. Сер. языковедение, вып. 5, с. 11–20.
- Скорик П.Я. Антропонимические процессы у малых народностей Севера. – В кн.: Антропонимика, М., 1970, с. 39–52.
- Сопиева Г.К. Лексические источники личных имен у туркмен. – В кн.: Ономастика Средней Азии, М., 1978, с. 177–182.
- Старостин Б.А. Некоторые методологические проблемы теории собственных имен. – В кн.: Имя нарицательное и собственное, М., 1978, с. 34–42.
- Суперанская А.В. Имена собственные в чужой языковой среде. – В кн.: Топонимика и транскрипция, М., 1964а, с. 35–64.
- Суперанская А.В. Как Вас зовут? Где Вы живете? – М.: Наука, 1964б. – 95 с.
- Суперанская А.В. Лингвистическая аргументация специфики и внутренних законов развития собственных имен. – В кн.: Основные проблемы эволюции языка, Самарканд, 1966, с. 479–481.
- Суперанская А.В. Языковой знак и имя собственное. – В кн.: Доклады и сообщения сов. ученых на X Междунар. конгр. лингвистов, М., 1967а, с. 152–156.
- Суперанская А.В. К вопросу о построении общей теории имени собственного. – В кн.: Язык как знаковая система особого рода, М., 1967б, с. 77–80.
- Суперанская А.В. Структура имени собственного. (Фонология и морфология). – М.: Наука, 1969. – 207 с.
- Суперанская А.В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен. – В кн.: Антропонимика, М., 1970а, с. 7–17.
- Суперанская А.В. Личные имена в официальном и неофициальном употреблении. – В кн.: Антропонимика, М., 1970б, с. 180–188.
- Суперанская А.В. Собственные имена в языке и речи. – В кн.: Ономастика Поволжья, Горький, 1971, с. 355–358.
- Суперанская А.В. Общие вопросы ономастики в условиях двуязычия и многоязычия. – В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия, М., 1972а, с. 309–311.
- Суперанская А.В. Ономастические универсалии. – В кн.: Восточнославянская ономастика, М., 1972б, с. 346–356.
- Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
- Суперанская А.В. Теоретические проблемы ономастики. Автореф. докт. дис. – Л., 1974. – 48 с.
- Суперанская А.В. Имя и эпоха. (К постановке проблемы). – В кн.: Историческая ономастика, М., 1977, с. 7–26.
- Суперанская А.В. Апеллятив-онома. – В кн.: Имя нарицательное и собственное, М., 1978а, с. 5–33, с табл.
- Суперанская А.В. Групповые обозначения людей в лексической системе языка. – В кн.: Имя нарицательное и собственное, М., 1978б, с. 59–83.
- Суперанская А.В., Суслова А.В. Современные русские фамилии. – М.: Наука, 1981. – 176 с.
- Суперанская А.В. Что такое топонимика? – М.: Наука, 1985. – 176 с.
- Суслова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. – Л.: Лениздат, 1985. – 221 с.
- Суюнчев Х.И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во, 1977. – 174 с.

- Сыромятников Н.А. Методика сравнительно-исторического изучения общих морфем в алтайских языках. – В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с. 51–64.
- Таскин В.С. Материалы по истории ухуаней и сяньби. – В кн.: Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980, с. 54–102.
- Тафраджийска Ц.З. Мотивы выбора личных имен древних монголов: (На материале "Сокровенного сказания" – XIII в.). – Годичник на Софийския университет факултет по западни филологии. София, 1976, с. 87–96.
- Тащицкий В. Место ономастики среди других гуманитарных наук. – Вопр. языкознания, 1961, № 2, с. 3–11.
- Тодаева Б.Х. Монгорский язык. Исследование, тексты, словарь. – М.: Наука, 1973. – 391 с.
- Тодаева Б.Х. Язык монголов Внутренней Монголии. Материалы и словарь. – М.: Наука, 1981. – 275 с.
- Толстой Н.И. Еще раз о "семантике" имени собственного. – В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Минск, 1970, с. 200–201.
- Толстой Н.И. Обзор ответов на анкету об ономастических ареалах. – В кн.: Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980, с. 169–179.
- Топоров В.Н. К проблеме классификации в топонимии. – В кн.: Исследования по структурной типологии. М., 1963, с. 226–231.
- Топоров В.Н. Некоторые соображения в связи с построением теоретической топонмастики. – В кн.: Принципы топонимики. М., 1964, с. 3–22.
- Тропин Г.В. О некоторых особенностях собственных имен в русском языке. – Учен. зап. Иркут. пед. ин-та, 1940, т. 5, с. 198–211.
- Тропин Г.В. Русские имена, отчества и фамилии. – Иркутск, 1961. – 40 с.
- Туголоков В.А. Главнейшие этнонимы тунгусов (эвенков и эвенов). – В кн.: Этнонимы. М., 1970, с. 204–217.
- Тугутов И.Е. Материальная культура бурят. Этнографическое исследование. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 215 с.
- Тугутов И.Е. Становление новых семейных обрядов. – В кн.: Этнографический сборник. Вып. 4. Культура и быт народов Бурятии. Улан-Удэ, 1965, с. 163–166.
- Тулохонов М.И. Стадиальные особенности легенд и преданий бурят как отражение этнической истории. (Рукопись, 11 с.). – Тезисы доклада Научного совещания "Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века (VI–XVII вв.)". Улан-Удэ, 4–5 июня 1985 г.
- Ураксин З.Г. Основные критерии выбора имен у башкир. – В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970, с. 182–185.
- Успенский Л. Слово о словах. Ты и твое имя. – Л.: Лениздат, 1962. – 634 с.
- Федоров А.И. Выражение понятия и представления в языке и речи. – В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1974, с. 3–12.
- Хазуев Н.А. Лексико-семантическая характеристика тибетских заимствований в бурятском языке. – В кн.: Исследования по бурятской филологии. Улан-Удэ, 1978а, с. 56–67.
- Хазуев Н.А. Тибетизмы и их фонетическая адаптация в бурятском языке. – В кн.: Взаимодействие языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978б, с. 96–107.
- Хамаева А.А. К семантике антропонимов бурятских личных имен. – В кн.: Бурятские антропонимы и топонимы, Улан-Удэ, 1981, с. 45–48.
- Хангалов М.Н. Собр. соч. в 3-х тт. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958, 1958–1960.

- Хаптаев П.Т. Предания о бурятских родах эхиритского племени. — В кн.: Бурятоведческий сборник, вып. 6, Иркутск, 1930.
- Хараев А.А. Брак у уйрских бурят (Шаралдаевские этюды). — В кн.: Бурятоведческий сборник, вып. 5. Иркутск, 1929.
- Хараев А.А. Очерки обычного права уйрских бурят. — В кн.: Бурятоведческий сборник, вып. 6, Иркутск, 1930.
- Харташкина Р.Х. Взаимодействие русского и бурятского языков (на материале говоров русских старожилов и бурят Иркутской обл.). Учеб. пособие. — Иркутск, 1977. — 122 с.
- Цыбиков В.Д. Обычное право селенгинских бурят. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. — 283 с.
- Цыбиков Г.Ц. Шаманизм у бурят-монголов. — В кн.: Цыбиков Г.Ц. Избранные труды, т. 2. Новосибирск: Наука, 1981, с. 169-177.
- Цыбикова В.М. Имена персонажей сатирических рассказов бурятских писателей. — В кн.: Бурятские антропонимы и топонимы, Улан-Удэ, 1981, с. 49-53.
- Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. — 662 с.
- Цыдендамбаев Ц.Б. Изучение ономастики Бурятии и исторически связанных с ней регионов — одна из актуальных задач современного бурятоведения. — В кн.: Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976, с. 3-22.
- Цыдендамбаев Ц.Б. Об эвенкийских элементах в этническом составе и языке бурят. — В кн.: Взаимодействие языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978, с. 79-95.
- Цыдендамбаев Ц.Б. Родословные таблицы бурят на письменном монгольском языке как источник изучения антропонимов. — В кн.: Бурятские антропонимы и топонимы, Улан-Удэ, 1981, с. 4-8.
- Цырендоржиева Ц.Ш. Современная антропонимия бурят города Улан-Удэ. — В кн.: Бурятские антропонимы и топонимы, Улан-Удэ, 1981, с. 41-44.
- Чагдуров С.Ш. Происхождение Гэсэриады. Опыт сравнительно-исторического исследования древнего словарного фонда. — Новосибирск: Наука, 1980. — 271 с.
- Черемисов К.М. Заметки по бурят-монгольскому языку. II. О некоторых суффиксах бурят-монгольского языка. — Зап. Бур.-Монг. науч.-исслед. ин-та яз., лит. и истории, Улан-Удэ, 1941, вып. 3-4, с. 35-120.
- Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. — 243 с.
- Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. — М.: Учпедгиз, 1959. — 128 с.
- Шагдаров Л.Д. Изобразительные слова в современном бурятском языке. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962, — 149 с.
- Шагдаров Л.Д. О развитии переносных значений в словах, общих некоторым тюркским и монгольским языкам. — Тезисы докладов 1-й Алтаистической конференции. Л., 1969.
- Шагдаров Л.Д. К принципам унификации слов и названий из восточных языков при передаче их на русском языке. — В кн.: Ономастика Бурятии, Улан-Удэ, 1976, с. 93-110.
- Шагдаров Л.Д. О возрастании роли русского языка и развитии национально-русского двуязычия в Бурятии. — В кн.: Исследования по бурятской филологии, Улан-Удэ, 1978а, с. 3-10.
- Шагдаров Л.Д. Сближение бурятского языка с другими языками народов СССР. — В кн.: Взаимодействие языков в Бурятии. — Улан-Удэ, 1978б, с. 12-27.

- Шакуров Р.З. Рифмование имен у башкир. – В кн.: Ономастика Востока. М., 1980, с. 43–49, с табл.
- Шанский Н.М. Типология и происхождение фамилий на -ов/-ев/, -ин/-ын/. – Рус. язык в школе, 1971, № 4, с. 88–95.
- Шаракинова Н.О. Бурятский фольклор. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1959. – 227 с.
- Шаракинова Н.О. Мифы бурят. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1980. – 166 с.
- “Шара Туджи” – монгольская летопись XVII века / Сводный текст, пер., введение и примеч. Н.П. Шастиной. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 199 с.
- Шагинова Н.И. Рифмование личных имен у алтайцев. – В кн.: Ономастика Востока. М., 1980, с. 39–42.
- Шафф А. Введение в семантику. – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – 376 с.
- Шерешевская Е.Б. Имя собственное как знак (значение имени собственного). – В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1976, вып. 5, с. 91–98.
- Шерешевская Е.Б. О значении имени собственного. – В кн.: Вопросы лексической и фразеологической семантики. Ростов-н/Д, 1979, с. 14–20.
- Штернберг Л.Я. Античный культ близнецов при свете этнографии. – Сб. МАЭ, 1916, т. 3, с. 133–177.
- Шулунова Л.В. Классификация бурятских прозвищ и их лексическая вариативность. – В кн.: Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии. Иркутск, 1980, с. 94–95.
- Шулунова Л.В. Прозвища Бурят улуса Куйта Аларского района Иркутской области. – В кн.: Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981а, с. 54–59.
- Шулунова Л.В. Прозвища в разговорном бурятском языке. Автореф. канд. дис. – Улан-Удэ, 1981б. – 19 с.
- Шапов А.П. Собрание сочинений. Дополнительный том к изданию 1905–1906 гг. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1937. – 378 с.
- Шетинин Л.М. Слова, имена, вещи. Очерки об именах. – Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1966. – 220 с.
- Эйхлер Э. Проблемы исследования ономастического ареала. – В кн.: Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980, с. 76–78.
- Юркенас Ю.К. Попытка построения изосемантических рядов на базе древней антропонимии. – В кн.: Вопросы балтийской и славянской антропонимии. – Шяуляй, 1970, с. 12–18.
- Юркенас Ю.К. Антропонимы и апеллативы. – В кн.: XIII Международный конгресс по ономастике. Cracow, August 21st–25th. 1978, p. 106.

НА МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

- Ринчен. Монгол ард улсын хаминган аялгуу. – Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1968. – 116 н.
- Содном Ч. Монгол хүний нэрийн тухай. – В кн.: Монголын судлалын зарим асуудал (Studia Mongolica, t. IV, f. 15). Улаанбаатар, 1964а, н. 27–134.
- Содном Ч. Малын тухайт үгс. – В кн.: Монголын зарим асуудал (Studia Mongolica, t. IV, f. 14). Улаанбаатар, 1964б.
- Сүхбаатар Г. Сяньби нарын угсаа гарал, соёл, аж ахуй, нийгмийн байгуулал (Нэн эртнээс м.э. IV зуун). – Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1971. – 217 н.

- Сүхбаатар Г. Монголчуудын эртний евг. Хунну нарын аж ахуй, нийгмийн байгуулал, соёл, угсаа гарвал (Мэө IV-мэ II зуун). – Улаанбаатар, 1980. – 288 н.
- Сэржээ Ж. Монгол хүний нэрийн бүтцийн зарим асуудалд. – В кн.: Хэл зохиол судлал, Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1980.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

- Афанасьев П.С., Воронин М.С., Алексеев М.П. Диалектологический словарь якутского языка. – М.: Наука, 1976. – 392 с.
- Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. – М.: Рус. яз., 1976. – 943 с.
- Баранова З.И., Гладиков В.Е., Жаворонков В.А., Мудров В.Г. Китайско-русский словарь / Под ред. В.Г. Мудрова. – М.: Рус. яз., 1980. – 527 с.
- Баскаков Н.А. Каракалпакско-русский словарь. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 892 с.
- Баскаков Н.А., Насилов В.М. Уйгурско-русский словарь. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1939. – 384 с.
- Большаков И.В., Субаева Р.Х. Справочник татарских личных имен. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. – 99 с.
- Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 5 (9). – Спб., 1891, с. 59-64.
- Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. – Спб. Т. 1, 1869; Т. 2, 1876.
- Бурятско-русский словарь/Сост. К.М. Черемисов. – М.: Сов. энциклопедия, 1973. – 803 с.
- Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 802 с.
- Гальди Л. Русско-венгерский словарь. 5-е изд. – Будапешт, 1983. – 1116 с.
- Дамдинсүрэн Ц., Лувсандэндэв А. Орос-монгол толь. – Улаанбаатар. Т. 1, 1967. – 735 н.; Т. 2, 1969. – 843 н.
- Дамдинсүрэн Ц., Лувсандэндэв А. Орос-монгол толь. Нэмж, зассан хоёрдугаар хэвлэл. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1982. – 840 н.
- Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. – М.: Наука, 1976. – 392 с.
- Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б.Д. Муниева. – М.: Рус. яз., 1977. – 765 с.
- Казахско-русский словарь / Под ред. Н.Т. Сауранбаева. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1954. – 935 с.
- Киргизско-русский словарь / Сост. К.К. Юлдахин. – М.: Сов. энциклопедия, 1965. – 973 с.
- Кондаков Н.И. Логический словарь. – М.: Наука, 1971. – 656 с.
- Монгольско-русско-французский словарь. Т. 3 / Сост. О. Ковалевский. – Казань, 1844.
- Монгольско-русский словарь / Сост. К.Ф. Голстунский. Т. 1-3. – Спб., 1893-1895. Дополнения к монгольско-русскому словарю К.Ф. Голстунского. Спб., 1896.
- Монгольско-русский словарь / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. – 716 с.
- Монгольско-немецко-российский словарь с присовокуплением немецкого и русского алфавитных списков / Сост. Я. Шмидт. – Спб., 1835. – 613 с.
- Монгол хэлний говч тайлбар толь / Зохиосон Я. Цэвэл. Ред. Х. Лувсанбалдан. – Улаанбаатар, 1966. – 911 с.
- Наджип Э.Н. Уйгурско-русский словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1968. – 288 с.

- Наджип Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века (на материале "Хосрау и Ширин" Кутба). Кн. 1. - М.: Наука, 1979. - 479 с.
- Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. В 3-х тт. - М., 1958.
- Персидско-русский словарь / Сост. Б.В. Миллер. 2-е изд., испр. и доп. - М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. - 668 с.
- Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. - М.: Сов. энциклопедия, 1966. - 384 с.
- Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. - М.: Наука, 1978. - 198 с.
- Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I - IV - Спб., 1893-1911.
- Романова А.В., Мыреева А.Н. Диалектологический словарь эвенкийского языка. Материалы говоров эвенков Якутии / Под ред. Г.М. Василевич. - Л.: Наука, 1968. - 215 с.
- Русско-монгольский словарь / Сост. А.Р. Дамба-Ринчинз, Г.С. Мупкин; Под ред. Г.Д. Санжеева. - М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960. - 784 с.
- Русско-ненецкий словарь: Прил. к "Первой книге по русскому языку для школ народов Крайнего Севера" Д.Б. Эльконина. - Л.: Учпедгиз, 1946. - 44 с.
- Русско-тувинский словарь / Под ред. А.А. Пальмбаха. - М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. - 708 с.
- Рыбакин А.И. Словарь английских личных имен. - М.: Сов. энциклопедия, 1973. - 408 с.
- Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). - М.: Наука, 1974. - 767 с.
- Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на букву "Б"). - М.: Наука, 1978. - 349 с.
- Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на буквы "В", "Г" и "Д"). - М.: Наука, 1980. - 395 с.
- Терешенко Н.М. Ненецко-русский словарь. - М.: Сов. энциклопедия, 1965. - 942 с.
- Титов Е.И. Тунгусо-русский словарь. - Иркутск: Власть труда, 1926.
- Тувинско-русский словарь / Под ред. З.Р. Тенишева. - М.: Сов. энциклопедия, 1968. - 646 с.
- Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. - Зап. Рус. археол. об-ва. Отд-ние рус. и слав. археологии, Спб, 1903, т. 6, с. 59-915.
- Туркменско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова и др. - М.: Сов. энциклопедия, 1968. - 832 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. - М.: Прогресс, 1964.
- Хадрович Л., Гальди Л. Венгерско-русский словарь. 6-е изд. - Budapest: Akadémiai Kiadó. 1983. - 706 с.
- Хакасско-русский словарь / Сост. Н.А. Баскаков, А.И. Инкижекова. - М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. - 488 с.
- Эвенкийско-русский словарь / Сост. Г.М. Василевич. - М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. - 803 с.
- Этнолингвистический атлас МНР. Т. 1, 2. - Улан-Батор, 1979. - 244 с.
- Якутско-русский словарь / Под ред. П.А. Слепцова. - М.: Сов. энциклопедия, 1972. - 606 с.

- Bertagaev T.A. On some common semantic indices of root elements in the altaic languages. - In: Researches in altaic languages. Budapest, p. 29-31.
- Bese L. Some turcic personal names in the Secret History of the Mongols. - Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. 1978, t. XXXII (3), p. 353-369.
- Krueger J.R. Mongolian Personal names. - Names. Journal of the American Name Society, vol. 10, N 2, June 1962, p. 81-86.
- Petri В. (проф. Петри). Брачные нормы северных бурят. - Иркутск, 1924 (отд. оттиск).
- Poucha P. Die Geheime Geschichte der Mongolen als Geschichtsquelle und Literaturdenkmal. Ein Beitrag zu ihrer Erklärung. - Prag : Verlag der Tschechoslowakischen Academie der Wissenschaften, 1956, S. 49-109.
- Schubert J. Über mongolische Personennamen. - Mitteilungen des Instituts für Orientforschung, 1960, Bd 7, H. 3, B., S. 395-401.
- Serruys H. Genealogical Tables of the Descendants of Dayan-Qan. - Mouton & co/S - Gravenhage, 1958. - 186 p.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

НАУЧНО-СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- АУ – Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся во втором томе образцов народной литературы тюркских племен, собранных В.В. Радловым / Сост. Н.Н. Катанов, – Спб., 1888. – 34 с.
- БРС – Бурятско-русский словарь / Сост. К.М. Черемисов. – М.: Сов. энциклопедия, 1973. – 803 с.
- ГБЯ – Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – 336 с.
- ДТС – Древнетюркский словарь / Ред. В.М. Наделяев и др. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
- ИБМА-1 – История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. – Улан-Удэ: Бурят.-Монг. кн. изд-во, 1954. – 496 с.
- Справочник – Справочник личных имен народов РСФСР. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1979. – 572 с.
- ТМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. 1-2 / Отв. ред. В.И. Цинциус. – Л.: Наука, 1975-1977.

ИСТОЧНИКИ

- АИ – Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII-XIV вв. / Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. А.Г. Галстяна. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – 155 с.
- ИГИА – Иркутский областной государственный исторический архив.
- Итоги переписи – итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей и национальных округов. – М.: Статистика, 1973. – 648 с.
- Летописи – Летописи хоринских бурят, вып. 1. Хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова / Пер. Н.Н. Поппе. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 108 с.
- МНТ – Монголын нууц товчоо. Хоёрдох удаагийн хэвлэл. – Улаанбаатар, 1957.
- Путешествия – Карпини Дж. дель Плано. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. – М.: География, 1957. – 266 с.
- СДБ – Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Вып. 1 / Сост. Г.Н. Румянцев, С.Б. Окунь. – Улан-Удэ, 1960. – 482 с.
- СП – Сибирское переселение: итоги переселенческого движения в Челябинске. Сборник шифровых материалов для изучения крестьянских переселений. – Челябинск, 1903.
- РФК – Рукописный фонд Хакасского НИИЯЛИ.
- ЦГАБ – Центральный государственный архив Бурятской АССР.

НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ

а. — арабский
аз. — азербайджанский
б. — башкирский
бур. — бурятский
др.-тюрк. — древнетюркский
др.-яп. — древнеяпонский
каз. — казахский
калм. — калмыцкий
кирг. — киргизский
кит. — китайский
каракалпак. — каракалпакский
классич. — классический монголь-
ский
маньч. — маньчжурский
монг. — монгольский
нан. — нанайский
нег. — негидальский
нен. — ненецкий
ойрат. — ойратский
ороч. — ороцкий
перс. — персидский
рус. — русский
сельк. — селькупский
скр. — санскрит
согл. — согдийский
сол. — солонский
тадж. — таджикский
тат. — татарский
тиб. — тибетский

тув. — тувинский
тунг.-маньч. — тунгусо-маньчжурские
языки
турк. — туркменский
тоф. — тофаларский
тюрк. — тюркские языки и наречия
уйг. — уйгурский
узб. — узбекский
ульч. — ульчский
хак. — хакасский
эвен. — эвенский
эвенк. — эвенкийский
якут. — якутский

НАЗВАНИЯ ГОВОРОВ

БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

аг. — агинский
ал. — аларо-унгийский
бал. — балаганский (Иркутская обл.)
барг. — баргузинский
бох. — боханский
джид. — джидинских сартулов
каб. — кабанский
кач. — качугский
ольх. — ольхонский подговор
селенг. — североселенгинский
тунк. — тункинский
хор. — хоринский
эх.-бул. — эхирит-булагатский

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. <u>Источники материала, понятийная и методологическая база исследования</u>	10
§ 1. О понятии имени собственного и путях их образования	-
§ 2. Антропонимические диалекты бурятского языка	15
§ 3. Исторические родословные таблицы как один из источников материала	21
§ 4. Методика сбора и первичной обработки материала. Антропонимические родословные таблицы	29
§ 5. Принципы описания материала и структура работы	38
Глава вторая. <u>Мотивы выбора и типы бурятских имен</u>	43
§ 1. Основные категории бурятского антропонимикона и сфер их употребления	44
§ 2. Охранные имена	52
§ 3. Табуированные имена и типы их замен	57
§ 4. Соименование (связанные имена)	61
Глава третья. <u>Образование исконно бурятских антропонимов</u>	73
§ 1. Предварительные замечания	-
§ 2. Дефиниционный (бессуффиксальный) способ образования антропонимов	76
§ 3. Корреляционный (суффиксальный) способ образования антропонимов	101
Глава четвертая. <u>Иноязычные элементы в бурятском антропонимиконе</u>	136
§ 1. Тюркизмы	137
§ 2. Тунгусо-маньчжуризмы и некоторые другие заимствования	145
§ 3. Тибетские имена	148
§ 4. Имена из русского антропонимикона	156
Глава пятая. <u>Отыменные образования. Фамилии и отчества</u>	174
§ 1. Фамилии	-
§ 2. Отчества	183
Заключение	185
Приложения	
Краткий словарь адаптации русских имен в бурятском языке	188
Список основных информантов	197
Литература	200
Принятые сокращения	220

Анастасия Григорьевна Митрошкина

БУРЯТСКАЯ АНТРОПОНИМИЯ

Утверждено к печати
Бурятским институтом общественных наук
Бурятского филиала СО АН СССР

Редакторы издательства Е.К. Скрибник, В.И. Смирнова

Художник С.Н. Машков

Технический редактор Н.М. Остроумова

Корректоры Н.М. Горбачева, Е.Н. Зимина

ИБ № 30304

Сдано в набор 15.08.86. Подписано в печать 19.12.86. МН-01914.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 14. Усл. кр.-отт. 14. Уч.-изд. л. 19.
Тираж 800 экз. Заказ № 317. Цена 3 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука",
Сибирское отделение. 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.

4-я типография издательства "Наука".
630077, Новосибирск, 77, ул. Станиславского, 25.

ВНИМАНИЮ ЗАКАЗЧИКОВ!

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин "Книга - почтой" Центральной конторы "Академкнига"; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин "Книга - почтой" Северо-Западной конторы "Академкнига" или в ближайший магазин "Академкнига", имеющий отдел "Книга - почтой".

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 ("Книга - почтой").
- 370005 Баку, ул. Коммунистическая, 51 ("Книга - почтой").
- 232600 Вильнюс, ул. Университето, 4.
- 690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга - почтой").
- 320093 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 ("Книга - почтой").
- 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95 ("Книга - почтой").
- 375002 Ереван, ул. Туманяна, 31.
- 420043 Казань, ул. Достоевского, 53 ("Книга - почтой").
- 252030 Киев, ул. Ленина, 42.
- 252142 Киев, проспект Вернадского, 79;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 2.
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 4 ("Книга - почтой").
- 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148 ("Книга - почтой").
- 343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 ("Книга - почтой").
- 660049 Красноярск, проспект Мира, 84.
- 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2 ("Книга - почтой").
- 191104 Ленинград, Литейный проспект, 57.
- 199164 Ленинград, Таможенный пер., 2.
- 196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16.
- 220012 Минск, Ленинский проспект, 72 ("Книга - почтой").
- 103009 Москва, ул. Горького, 19а.
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7.
- 630076 Новосибирск, Красный проспект, 51.
- 630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга - почтой").
- 142284 Протвино Московской обл., ул. Победы, 8.
- 142292 Пушкино, Московской обл., МР, "В", 1.
- 620161 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга - почтой").
- 700000 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1.
- 700029 Ташкент, ул. Ленина, 73.
- 700070 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43.
- 700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 ("Книга - почтой").
- 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18.
- 634050 Томск, Академический проспект, 5.
- 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга - почтой").
- 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49.
- 720000 Фрунзе, Бульвар Дзержинского, 42 ("Книга - почтой").
- 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 ("Книга - почтой").

